

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 2(1)

Киров
2013

ББК 74.58я5
В38

Главный редактор
В. Т. Юнгблуд,
доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Ю. А. Балыбердин,
доктор исторических наук, доцент (зам. главного редактора);
М. С. Судовиков,
кандидат исторических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. Я. Ашихмина,
доктор технических наук, профессор;
Е. М. Вечтомов,
доктор физико-математических наук, профессор;
В. С. Данюшенков,
доктор педагогических наук, профессор, чл.-кор. РАО;
П. И. Кононов,
доктор юридических наук, профессор;
А. А. Мосунова,
доктор психологических наук, доцент;
М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор;
С. М. Окулов,
доктор педагогических наук, профессор;
В. А. Поздеев,
доктор филологических наук, доцент;
Г. И. Симонова,
доктор педагогических наук, доцент;
С. В. Чернова,
доктор филологических наук, профессор

Ответственные за выпуск:
К. С. Лицарева,
кандидат филологических наук, доцент;
В. Н. Оношко,
кандидат филологических наук, профессор;
Н. И. Поспелова,
кандидат искусствоведения, доцент;
А. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор О. Коробкова
Компьютерная верстка: Ю. Холмова

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

© Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ), 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Лобанов С. Д. О современных решениях проблемы сознания	6
Останина О. А. К вопросу о национальной идентичности России	9
Стерледев Р. К., Стерледева Т. Д. Мечта: «точка сборки» и «точка контроля»	14
Шакин С. А. Красота: этический и эстетический идеал в философии Ф. М. Достоевского	18

ИСТОРИЯ

Отечественная история

Коршунков В. А. «Родство» и «порода»: о восприятии греческой терминологии древнерусскими книжниками	22
Пьянков С. А., Баранов Е. Ю., Михалев Н. А. Столыпинская аграрная реформа: оценки, подходы и дискуссии в современной российской историографии	25
Смирнов М. А. Физическая культура в Российской империи конца XIX – начала XX в. в отечественной историографии	31
Кустова Е. В. Особенности послушаний монашествующих в XVIII в. (по материалам Вятской и Великопермской епархии)	38

Всеобщая история

Рычкова О. В. Битва за Москву: взгляд из Америки	45
Волков Т. А. Процесс мирного урегулирования в Северной Ирландии и Консервативная партия Великобритании (1988–1996)	51
Крутенько С. А. Политика Великобритании в отношении СССР (30-е гг. XX в.): главные факторы	55

ПРАВО

Розуван А. М. О приоритетном направлении в криминологических исследованиях	60
Ордина О. Н. К вопросу о нормативности источников административного права	63
Бадамзина О. Н. Процессуальное положение лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, на стадии рассмотрения дела	66
Ивонина Е. В. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в Кировской области	69
Двойнишникова Ю. М. К вопросу о понятии и особенностях регистрационной процедуры	75
Егошина Ю. А. Взаимодействие территориального органа Минюста России с иными участниками административных правоотношений	79
Сучков А. В. Проблемы законности и обоснованности принятия процессуальных решений и проведения проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России	81

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Поздеев В. А.</i> Этнопсихологические особенности поволжских народов в путеводителе «Кама и Вятка» Д. К. Зеленина	89
<i>Сметанина З. В.</i> Диалектная лексика из трудов Д. К. Зеленина в «Областном словаре вятских говоров»	94
<i>Крашенинникова Ю. А.</i> Работа Д. К. Зеленина «Свадебные приговоры Вятской губернии» (1903–1904 гг.) в контексте современных исследований II пол. XX – нач. XXI в.	100
<i>Шахматская П. А.</i> Некоторые замечания о стратегиях современных исполнителей (на материале записей сказок начала XXI в. из Прилузского района Республики Коми)	108
<i>Низовцева С. Г., Крашенинникова Ю. А.</i> Локально-групповые прозвища жителей Коми края (на материалах 1930-х гг. из фольклорного собрания Национального музея Республики Коми)	113

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Гашева Н. Н.</i> Новое качество отечественного постмодернизма – преодоление синкретизма	120
<i>Баранцева Д. А.</i> Роль Русской православной церкви в судьбе вятских эмигрантов 1917–1939 гг.	128
<i>Москвин А. С.</i> Автономные социокультурные зоны в истории развития российской культуры	131

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Калинин С. И., Соколова А. Н.</i> Использование компьютерного эксперимента в фундаментальных профильных курсах для студентов математических направлений подготовки	135
<i>Винокурова Н. В.</i> Конкурсная деятельность как фактор развития студенческого самоуправления	141
<i>Втюрина Т. А.</i> Ментальная репрезентация мотивации: теоретические и эмпирические аспекты изучения	145
<i>Канин Е. С.</i> Математические способности учащихся и их развитие	152
<i>Матанцева Т. Н.</i> Оптимизация становления личностной саморегуляции подростков с задержкой психического развития в образовательном процессе	158
<i>Князева Т. Н., Сидорина Е. В.</i> Особенности становления морально-нравственных понятий у младших школьников с нормальным и задержанным психическим развитием	163

ПЕРСОНАЛИИ

Василию Владимировичу Чермных – 50 лет	166
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Бояринцева С. А.</i> Язык, личность, деятельность: взгляд молодых исследователей	168
<i>Сведения об авторах</i>	170
<i>Information about authors</i>	173

CONTENTS

- Lobanov S. D.* On the modern solutions to the problem of consciousness
- Ostanina O. A.* To the question of the national identity of Russia
- Sterledev R. K., Sterledeva T. D.* Dream: «assemblage point» and «point of control»
- Shakin S. A.* Beauty: ethical and aesthetic ideal of philosophy F. M. Dostoevsky
- Korsbunkov V. A.* “Affinity” and “breed”: the perception of Greek terminology ancient scribes
- P’jankov S. A., Baranov E. Yu., Mikhalev N. A.* The Stolypin agrarian reform: assessments, approaches and discussions in contemporary russian historiography
- Smirnov M. A.* Physical culture in the Russian Empire in the late XIX – early XX century in the national historiography
- Kustova E. V.* Features of monk’s obediences in the XVIII century (based on the Vyatka and Great Perm’ Diocese)
- Rychkova O. V.* Battle for Moscow: The View from America
- Volkov T. A.* The peace process in Northern Ireland and the Conservative Party of Great Britain (1988–1996)
- Krutko S. A.* British policy towards USSR (1930s): main factors
- Rozuwan A. M.* Priority in criminological research
- Ordina O. N.* Sources of administrative law as the forms of the expression of the rules of administrative law
- Baramzina O. N.* Procedural position of the person concerning which the proceeding of an administrative offense, at a stage of consideration of the case is conducted
- Ivonina E. V.* State support of small and medium business in the Kirov region
- Dvoinishnikova Yu. M.* To the question about the concept and the features of the registration procedure
- Egoshina Yu. A.* Interaction of Regional Departments of the Ministry of Justice of the Russian Federation with another participants of administrative-law relation
- Suchkov A. V.* Problems of legality and validity of acceptance of remedial decisions and carrying out of verifying actions at a stage of excitation of criminal case in criminal trial of Russia
- Pozdeev V. A.* Ethnopsychological features Volga peoples in the guidebook “Kama and Vyatka”
- D. K. Zelenin
- Smetanina Z. V.* Dialect vocabulary from the works of D.K. Zelenin in “The regional dictionary of Vyatka dialects”
- Krashennnikova Yu. A.* The work of D. K. Zelenin “Wedding speeches of Vjatka province” (1903/1904) in context of modern researches of second half XX – beg. XXI century.
- Shachmatskaya P. A.* The some notes about performing strategy of modern storytellers (on material of fairy tales noted in the beg. XXI century from Priluzsky district of Komi Republic)
- Nizovtceva S. G., Krashennnikova Y. A.* Local-Group Nicknames of inhabitants of the Komi area (on the folklore materials of 1930s from the National Museum of the Komi Republic)
- Gasheva N. N.* New characteristic of Russian postmodernism – overcoming of syncretism
- Barantseva D. A.* The role of the Russian orthodox church in the fate of Vyatskie emigrants 1917–1939 years
- Moskvin A. S.* Autonomous sociocultural zone in history of context of Russian culture.
- Kalinin S. I., Sokolova A. N.* Using computer experiment in basic profile of courses for students of mathematical training areas
- Vinokourova N. V.* Competitive activity as a factor in student government
- Vtyurina T. A.* Mental representation of motivation: theoretical and empirical aspects of the study
- Kanin E. S.* Matematical abilities of students and their development
- Matantseva T. N.* Optimization of formation of the personality of self-regulation of adolescents with mental retardation in educational process
- Knyazeva T. N., Sidorina E. V.* Features of becoming morally moral concepts

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 130.3

С. Д. Лобанов

О СОВРЕМЕННЫХ РЕШЕНИЯХ ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ

В данной статье представлен анализ-обзор современного состояния проблемы сознания. Сравнение решений проблемы ума показывает, что сознание есть фундаментальный факт человеческого существования и характер существования зависит от понимания сознания.

This article presents analysis-review of modern status of mind problem. The comparing of concepts-solutions of mind problem shows that mind is fundamental fact of human existence and the character of existence depends of its understanding.

Ключевые слова: сознание, нейронаука, квалиа, интенциональность, эволюционная парадигма, когнитивная революция.

Keywords: consciousness, neuroscience, qualia, intentionality, the evolutionary paradigm, the cognitive revolution.

Современная наука представляет два основных направления в исследовании сознания, имеющие несомненную перспективу, в отличие от спекулятивных философских концепций. Это исследования в сфере искусственного интеллекта (AI) и исследования, связанные с разработкой центральной догмы генетики (ДНК → РНК → белок). В последнем случае это проекты «Геном человека» (Human Genome Project), или секвенирования «полного» набора генов ДНК («полного» в условном значении, скорее в значении «типичного», где остается необозримое поле индивидуальных различий, области персональной медицины), «Белок человека» (Human Proteome Project), идентификации «всех» белков человека, связанный с морфологией человека и «Коннектом человека» (Human Connectome Project), связанный с изучением «полной» структуры связей в нервной системе человека (прежде всего, мозга).

Современная философия на примере концепции Дэвида Чалмерса заостряет вопрос о сознании через обозначение необходимости поисков нового фундаментального описания и объяснения сознательного опыта.

В целом, следует отметить, что исследования сознания ведутся на феноменологическом, полуфеноменологическом и фундаментальных уровнях, пересекающихся между собой.

Здесь важнейшее значение имело развитие нейронауки, которая, начиная со второй половины XX в., оказала прямое влияние на философию сознания (например, в виде «нейрофилософии») и теологию («нейротеологию»).

Нейронаука служит одним из важнейших инструментов объективного подхода к исследованию сознания. Одним из перспективных направлений такого подхода является *информационная концепция сознания*, берущая начало с открытия в 1924 г. Г. Бергером «мозговых волн». Экспериментальный метод *электроэнцефалограммы* позволил представить мозг в качестве органа, перерабатывающего информацию, носителями которой служат электрические сигналы. Другой вид сигналов – химические, передаваемые молекулами-медиаторами. Примером современного экспериментального метода является *диффузная спектральная томография*. Компьютерный подход к моделированию работы мозга привел к сравнению мозга с вычислительной машиной, более того, просто с машиной (*компьютерная концепция сознания*) [1].

К объективному подходу относятся концепции редукционизма, элиминативизма, необихевиоризма (прежде всего, «логический бихевиоризм»), физикализма, коннекционизма, эпифеноменализма и тождества.

Другое направление исследования сознания заключается в субъективном подходе, в котором сущность сознания обозначается понятием *интенциональности*. Понятие интенциональности в развернутом виде дает в своих работах Джон Сёрль (здесь нет необходимости сопоставлять понимание интенциональности схоластами, Ф. Брентано или же Э. Гуссерлем), например: ««Интенциональность», в том смысле, в каком его используют философы, имеет отношение к тому аспекту психических состояний, благодаря которому они направлены на положение дел в мире, находящемся вне их. «Интенциональность» не связана напрямую с «намерением» в общепотребительном языке, где, например, может прозвучать такая фраза: «Я намерен сегодня вечером пойти в кино. Намерение – это лишь один видов интенциональности. Убеждения, страхи,

надежды, желания и стремления – все это суть интенциональные состояния, равно как и любовь и ненависть, опасения и радость, гордость и стыд. Любое состояние, направленное на что-либо, лежащее за его пределами, есть интенциональное состояние. Так, например, визуальный опыт считается интенциональным, но не направленными ни на что состояниями беспокойства к интенциональности отнести нельзя» [2].

Концепция Дж. Сёрля относится к каузальному эмерджентизму, или, по его определению, «сознание есть каузально эмерджентное свойство систем» [3].

Против сведения (редукции) ментальных состояний к функциям человеческого организма, подобного «черному ящику» с «входящими данными» (input) и «выходящими данными» (output), ситуацию, которую позднее Джон Сёрль сравнил с образом «китайской комнаты», основанной на различии между синтаксисом и семантикой языка (а также мозга и поведения в целом), создается концепция *qualia*, чувственных качеств. *Qualia* – это субъективный опыт от «первого лица», радикально отличный от «взгляда ниоткуда», или «третьего лица», характерного для «научного», объективного подхода, прежде всего бихевиоризма. Опыт от «первого лица» хорошо (для сферы сознания) выражается в известной формуле: «esse est percipi». Здесь, например, подтверждается известный аргумент Локка, а именно, «перевернутого спектра цветов». Одной из последних и распространенных гипотез концепции *qualia* является гипотеза *динамического узла*, согласно которой структуры мозга связаны с восприятием собственного состояния (proprioception), что позволяет создавать гиперпространства, связывающие многообразные *qualia* в единое целое. Необходимо заметить, что одним из важнейших видов *qualia*, помимо цветовых, в этой концепции рассматривается физическая боль (см. подробнее о концепции *qualia* [4]).

Несколько схожую позицию развивает Томас Нагель в известной статье «Каково быть летучей мышью?» [5]. Проблему сознания Нагель связывает с опытом сознания и особой точкой зрения, с которой организм (субъект) воспринимает собственный опыт, или, по словам Нагеля, «*быть* этим существом на что-то похоже». Использование глагола «быть» (или «есть») означает идентификацию с тем или иным событием – ментальным или физическим. Здесь важно прояснить отношение («пропасть») между объективным и субъективным. Нагель замечает: «Трудно понять, что может иметься в виду под объективным характером опыта, отдельно от той особой точки зрения, с которой субъект воспринимает собственный опыт». Проблема отношения субъективного и

объективного, «тело/разум» имеет решения посредством редукции, или сведения к объективному, или телу («физикализм»). Однако эта проблема становится неразрешимой, если, по Нагелю, обратиться к *самосознанию*, или к собственно состояниям сознания. Нагель предлагает в качестве гипотезы – решения проблемы психофизической идентификации (и сознания) «попытаться более объективно понять сам разум», или метод объективной феноменологии, в которых будут найдены на вопрос, может ли вообще личный опыт иметь объективный характер? Другими словами, как возможно понимание самосознания в терминах объективных наблюдений?

Концепция Нагеля нацелена против основных характеристик объективного подхода (редукционизм и т. д.), а также дуализма, разделяющего разум и тело, объективное и субъективное.

Третье направление в исследованиях сознания представлено своеобразным синтезом «объективного» и «субъективного» подходов. Здесь наиболее интересной (по остроте постановки проблемы и охвату) является концепция сознания *Дэниела Деннета* [6]. Коротко можно сказать, что стержень этой концепции – эволюционный подход, согласно которому сознание есть результат эволюции роботов разного уровня сложности – от макромолекул до вычислительных машин. Более того, он предполагает, что «робот, обладающий сознанием, в принципе возможен» [7]. Эволюционный подход распространяется и на понятие интенциональности: «Мы произошли от роботов и состоим из роботов, и вся интенциональность, которой мы владеем, является производной от более фундаментальной интенциональности этих миллиардов грубых интенциональных систем» [8].

Деннет расширяет понятие интенциональности до универсального, характеризующего все виды *целенаправленных систем* («от молекулы до континента»): «Я называю все эти объекты, от простейших до самых сложных, *интенциональными системами*, а позицию, позволяющую увидеть их (псевдо- либо подлинную) деятельность природу, – *интенциональной установкой*» [9].

Деннет связывает сознание с вычислительными процессами, условием чего служит использование символов, или письменного языка мысли, отсюда его формула: «мозг записывает, а сознание считывает».

На это утверждение Дж. Сёрль ответил известным утверждением в главе «Критика когнитивного разума» книги «Открывая сознание заново»: «Вычисление не является внутренне присущим свойством мира» [10].

Если Т. Нагель предлагает для решения проблемы сознания метод объективной феноменологии, то Деннет – гетерофеноменологию, где по-

знание сознания возможно только с точки зрения третьего лица. Отсюда широкое использование Деннетом метафор, сравнений и аналогий. Например, сравнение сознания с театром, которое он заимствует у Юма [11].

Гетерофеноменология Деннета направлена против формулы «мы – это наше сознание (или самосознание)», поскольку в этом случае возникает *солитизм*. В связи с этим он критикует позицию «от первого лица» в анализе сознания, представленную прежде всего у Декарта в его известной формуле *cogito ergo sum*. Критика *самости*, или *Я-субстанции*, занимает одно из основных мест в концепции Деннета. Деннет сравнивает самость с центром гравитации. И то и другое – воображаемые, или чисто абстрактные, объекты. Однако основное свойство центров гравитации заключается в пространственно-временном положении. Этого нельзя сказать о самости. Более того, попытки локализации самости в мозге или организме в целом ведут, по мнению Деннета, к категориальной ошибке. Деннет проводит аналогию между самостью и воображаемыми персонажами наших историй (новелл) о собственной жизни, без какого-либо внимания к вопросу об их истинности: «Мы пытаемся превратить все наши материальные сцепления в единую хорошую историю. И эта история – наша автобиография».

Главный воображаемый персонаж в центре этой автобиографии – чья-то самость. Если вам все еще хочется знать, чем же реально является эта самость, вы совершаете категориальную ошибку» [12].

Здесь сказывается прямое влияние главы «О тождестве личности» из «Трактата о человеческой природе» Д. Юма [13].

Представленный краткий обзор современного состояния проблемы сознания, безусловно, требует развития и существенного дополнения. Это прежде всего проблемы отношения *сознания и языка* (например, Дж. Сёрль признает, что его обращение к проблеме сознания связано с необходимостью разработки понятия интенциональности в качестве основания теории речевых актов, где язык рассматривается в виде производной интенциональности), *коммуникации* (здесь уместно напомнить концепцию «коммуникативного разума» Ю. Хабермаса), теории *принятия решений* (проблемы оснований рационального действия и его последствий), *отношения сознания и общества* (того, что Сёрль назвал *коллективной интенциональностью*, признавая при этом, что «до сих пор не знаю ни как доказывать эти утверждения, ни как анализировать социальный элемент в индивидуальном сознании» [14]), проблемы *искусственного интеллекта* (возрастающее значение проблем управления всех

сторон жизни машинами и обработки информации в целом, а также появление понятия «электронный человек», *eНото*), отношения *сознания и бессознательного*, проблемы *нормативного сознания* и т. д.

Современные решения проблемы разбросаны между двумя крайностями: от признания сознания вечной тайной до отрицания своеобразия сознательных явлений.

Где-то здесь, в узелке проблемы сознания подтверждается правота слов Ф. М. Достоевского: «сознание – это болезнь». Сравнение человека с машиной – вполне работающая современная аналогия (вспомним использование Д. Деннетом метафор «дарвиновских», «скиннеровских», «попперианских», «грегорианских» созданий-машин). Однако простой вопрос, *способен ли компьютер (машина) отвечать за свои (и своей программы) действия*, показывает ограниченность распространения моделей механистического (бездумного, запрограммированного) поведения.

Эволюционная парадигма, весьма продуктивная в современных междисциплинарных исследованиях, если только она сводит сознание к вопросу о приспособлении и выживании, обречена на его достаточно узкое понимание.

Когнитивная революция XX в. открыла новые горизонты конкретных исследований сознания (памяти, различий в восприятиях, измеряемых экспериментальными методами). Однако вне этих исследований осталось само сознание, сознание как таковое.

Понятие *«метанойя»*, раскрывающее непрерывность пути ума (сознания) и его предельный характер, возрождается в эпохи испытаний, прежде всего испытаний самого сознания: может ли оно вынести и преодолеть то, что происходит; преобразовать себя и жизнь.

Анализ современного состояния проблемы сознания показывает, что сознание продолжает оставаться фундаментальным фактом [15] существования человека, от объяснения и «работы» которого зависит характер этого существования.

Примечания

1. См. подробнее: Меркулов И. П. Сознание с точки зрения эволюционно-информационной эпистемологии // Бескова И. А. Феномен сознания / И. А. Бескова, И. А. Герасимова, И. П. Меркулов. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 59–66.

2. Сёрль Дж. Рациональность в действии / пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 52.

3. Сёрл Дж. Открывая сознание заново / пер. с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 115.

4. Юлен М. Чувственные качества (qualia) – вызов материалистическим теориям сознания // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 81–91.

5. *Нагель Т.* Каково быть летучей мышью? // Хофштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума / пер. с англ. М. А. Эскиной. Самара: Изд. дом «Бахрах-М», 2003. С. 349–360.

6. Среди работ, посвященных анализу концепции Деннета, можно выделить две: *Васильев В. В.* Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 272 с.; *Секацкая М. А.* Что мы знаем о сознании? Комментарий к полемике Д. Чалмерса и Д. Деннета // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 147–157; *Юлина Н. С.* Головоломки проблемы сознания: концепция Дэниела Деннета. М.: Канон+, 2004.

7. *Деннет Д. К.* Виды психики: На пути к пониманию сознания / пер. с англ. А. Веретенникова; под общ. ред. А. Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2004. С. 23.

8. Там же. С. 62.

9. Там же. С. 33.

10. *Сёрл Дж.* Открывая сознание заново. С. 196.

11. «Дух – нечто вроде театра, в котором выступают друг за другом различные восприятия; они проходят, возвращаются, исчезают и смешиваются друг с другом в бесконечно разнообразных положениях и сочетаниях». *Юм Д.* Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч.: в 2 т. Т. 1 / пер. с англ. С. И. Церетели. 2-е изд., доп. и испр. М.: Мысль, 1996. С. 296.

12. *Деннет Д. С.* Почему каждый из нас является новеллистом / пер. с англ. Н. С. Юлиной // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 121–130.

13. Ср.: «Я никак не могу уловить свое я как нечто существующее помимо восприятий и никак не могу подметить ничего, кроме какого-либо восприятия... Тождество, приписываемое нами человеческому уму, фиктивно и односторонне с тем, которое мы приписываем растениям и животным; стало быть, и по происхождению оно не может быть иным, но должно порождаться сходным актом воображения, производимым по отношению к сходным же объектам». *Юм Д.* Трактат о человеческой природе... С. 298, 304.

14. *Сёрл Дж.* Открывая сознание заново. С. 128.

15. Здесь необходимо учесть этимологию слова-термина «факт»: от *factum* – «сделанное».

УДК 1(06)/304.2

О. А. Останина

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ

Статья посвящена одной из наиболее актуальных в условиях глобализации проблем – проблеме национальной идентичности, прежде всего, российской. Существуют различные подходы к пониманию национальной идентичности, которые важно рассматривать во взаимодополнении.

The article is devoted to one of the most actual under conditions of globalization problems – the problem of national identity, Russian first of all. There are different approaches to the understanding of national identity, it is important to consider in mutual addition.

Ключевые слова: идентичность, национальная идентичность, глобализация, культурно-национальный код, русская культура.

Keywords: identity, national identity, globalization, cultural-national code, Russian culture.

В общем смысле слова идентичность можно определить как символическое средство объединения с одними [людьми, общностями] и дистанцирование от других. Существует много типологий и классификаций идентичности: их подразделяют на «индивидуальные» и «групповые», «позитивные и негативные», «локальные» и «надлокальные», «фундаментальные» и «релятивные». Наиболее значимыми принято считать расовые, этнические, национальные и цивилизационные идентичности, связанные с антропологическими, языковыми, культурными и религиозными различиями людей.

Национальная идентичность в современных условиях – это самоотождествление индивидов с комплексом представлений, ассоциирующихся с национально-государственной общностью, с обязательствами и правами по отношению к другим членам этой общности и государству. Различаются ориентации на страну (общая территория), на государство (общие институты, символы, язык), нацию (общее происхождение, исторический опыт и судьба). Под национальным государством понимается социально-экономическая, политическая и культурная общность людей, сложившаяся в процессе взаимодействия в границах одной территории разных национальных групп и ставшая основой государственности.

Тема поиска и формирования национальной идентичности в России отличается особой актуальностью.

Во-первых, глобализация активизирует ассимиляционные процессы в мире, усиливает стандартизацию деятельности и поведения, ставит под сомнение будущее национальных культур и национальных государств. Проблематичным и дискуссионным становится само понятие «национальное государство» в условиях возрастания роли и всестороннего влияния транснациональных корпораций, которые контролируют не только экономические процессы, но и политическую деятельность, образование, идеологию. Более того, сама культура становится своеобразным рыночным продуктом; это относится, прежде всего, к культуре стран и народов, которые оказываются неконкурентоспособными, поскольку, как известно, глобализация усиливает неравенство в мире. Разговор о национальной идентичности переводится в русло разговора о цивилизационной идентичности и даже транснациональной идентичности. В последние десятилетия своей истории, что хронологически совпало с гло-

бализацией, Россия утратила свой былой статус не только сверхдержавы, но и мировой державы, с которым соотносилась ее идентичность.

Во-вторых, в российском обществе произошла переоценка ценностей, налицо глубокий и все-сторонний кризис культуры и национального самосознания. В России фиксируется повышение порога разного рода рисков и угроз на фоне отсутствия консолидации, «чувства общности» с нацией-народом и доверия людей как друг к другу, так и к социальным институтам. Социальные группы являются непрозрачными друг для друга, у них, по сути, отсутствует единство ценностного поля. Объединяет людей очень часто, к сожалению, «поле катастроф», в рамках которого есть некоторое понимание и взаимопонимание. Не потому ли СМИ буквально взахлеб, упорно и долго рассказывают о разного рода трагических событиях, что они [события] едва ли не единственное, что хотя бы как-то консолидирует общество. Растет индивидуализм и даже агрессивность людей по отношению друг к другу.

В результате распада СССР произошел надлом национального сознания, последствия которого не преодолены. Русская нация впервые в своей истории оказалась расколотой нацией, находящейся в состоянии диаспоры, причем вынужденно, не по собственному решению и желанию. Одновременно разрушилась и старая идентичность – человек, родившийся и живший в любой точке СССР, всю страну, от Балтики до Средней Азии, считал своей родиной, идентифицировал себя с ней. Сейчас – другое государство, территория и границы другие, и идентичность должна быть другой. Весь вопрос – какой?

В-третьих, национальная культура была и остается мощным фактором развития общества, ресурсом инновационного развития. Известно, что в азиатских странах (Япония, Китай и другие) были активно задействованы механизмы традиционной культуры при реформировании и модернизации общества, прежде всего, его экономической сферы. Однако в российском обществе на сегодняшний день недостаточно (точнее, нет) институтов, обеспечивающих инновационное развитие, и культурные предпосылки не «срабатывают» или не задействованы, не учтены.

Действительно, важно понять и исследовать, что в национальной культуре адекватно задачам, стоящим перед обществом, что в ней живо и активно. Кроме того, на наш взгляд, необходимо и критическое, рефлексивное отношение к традиции (а не просто постулирование своей инаковости), поиск совмещения традиционных ценностей (если таковые сохранились и есть) с современными реалиями и тенденциями становления цивилизации нового типа и ее контурами.

В-четвертых, реформирование общества в России и других странах осуществляется по типу вестернизации, что не может не вызывать неприятия и критики. Именно вестернизация игнорирует национально-культурные, цивилизационные особенности, несет угрозу размывания сложившихся в ходе истории России некоторых глубинных оснований общественной жизни, что актуализирует проблематику национальной идентичности и активизирует рост национального самосознания. Процесс этот противоречивый – негативная реакция на вестернизацию проявляется и в резко негативном отношении «ко всему западному», хотя бы в нем и было положительное содержание, и, наоборот, в некритическом, «сусальном» отношении к собственной культуре и традиции, хотя бы они и препятствовали решению стоящих перед обществом задач.

В-пятых, мы говорим о национальной (цивилизационной) идентичности, о единстве народа в многонациональной и многоконфессиональной стране. Здесь возникает множество теоретических и практических проблем. Например, дискуссионная проблема понимания сущности нации (мы придерживались бы все-таки стадийно-исторического подхода), национального самоопределения. Открыт вопрос о том, какая идея или дело может реально объединить в России разные национально-этнические и социальные группы. Ведь о том же патриотизме нельзя рассуждать совершенно абстрактно.

Существуют различные подходы и к пониманию и к формированию национальной идентичности.

Так, один из широко распространенных подходов (назовем его евразийский) настаивает на том, что в нашей национальной культуре есть константы, базовые ценности, которые, в сущности, никогда не менялись. К ним, как правило, относят:

– постоянный поиск Россией себя, особенно в сравнении с Западом, ее неопределенность; хотелось бы здесь заметить, что в культуре и истории, например, стран Западной Европы тоже все далеко не однозначно, и их «вечной» проблемой был и остается Восток. Это войны с арабским Востоком и Византией в Средние века, наличие восточного элемента внутри Европы на Пиренейском полуострове и реконкиста, приток мигрантов из бывших колоний и зависимых стран в наши дни и т. д. Дело, таким образом, в специфике данной неопределенности, которая, несомненно, отражает и особенности становления российской государственности, и формирование народа из множества этносов, и историю отношений с западноевропейскими, восточноевропейскими и восточными народами и государствами. Кроме того, идентичность может быть определе-

на через отношение с чем-то иным (другой культурой);

– бинарный (антиномичный) характер русской культуры [1]. Но бинарный характер присущ, так или иначе, любой культуре. Вопрос, следовательно, заключается в степени и своеобразии бинарности. Русские философы – Н. Бердяев, Н. Лосский, Н. Трубецкой, С. Франк – объясняли противоречивость русской культуры влиянием, прежде всего, географического фактора. Россия расположена между Западом и Востоком и получает импульсы для развития с обеих сторон. Н. Трубецкой обращал внимание на данную бинарность, анализируя русский язык, в котором есть слова и восточного и западного происхождения; причем слова западного происхождения связаны с материальной жизнью, а слова восточного происхождения – с жизнью духовной. Получается, что разнонаправленные устремления русской души (к высшему и низшему) связаны с «политико-географической» ориентацией и, наоборот, – ориентация на Запад стимулирует материальные интересы и ценности, а на Восток – духовные.

Другая особенность бинарного характера русской культуры – отсутствие середины, «зоны примирения противоположностей», максимализм, крайности. Н. Трубецкой полагал, что это проявления туранского (тюркского) элемента в русской культуре, который не терпит противоречия и, в силу чего, склонен к односторонности [2];

– двоемирие в русской культуре. Высшие слои общества жили в соответствии с одними, зачастую прозападного образца, ценностями – политическими, правовыми, эстетическими. Собственно народ жил в соответствии с другими, своими ценностями, которые, между прочим, далеко не исследованы;

– своеобразное отношение к иерархии, власти и закону, выражающееся в отрицании иерархии и двойственном отношении к власти – с одной стороны, власть рассматривается как внешняя и негативная сила, с другой стороны, русской культуре присуще положительное отношение к сильному государству. Разное отношение к власти и государству хорошо демонстрирует русская философия. Славянофилы и анархисты подчеркивали негативность государства, а К. Леонтьев, например, говоря о византизме России, подчеркивал значение сильной государственности. В связи с этим можно вспомнить и более ранний спор – между И. Пересветовым, с одной стороны, и А. Курбским – с другой.

Двойственное отношение к власти и государству обусловлено двоемирием русской культуры. С ним, в определенной степени, связано и своеобразное отношение к праву, в частности широкое распространение разного рода неправ-

вых практик в прошлом и настоящем и спокойное отношение социума к ним;

– ярко выраженное коллективистское начало, соборность, потребность в единстве, единство в многообразии. В наши дни данная константа выглядит несколько сомнительно, поскольку чаще имеет место равнодушие, безразличие к чужому страданию, если вообще не злорадование;

– идея Земли-Родины, перед которой все равны; специфическое понимание социальной справедливости – успешность человека должна быть связана с трудом, а не с результатами предпринимательской активности;

– мессианская идея и универсалистский характер русского мессианства (можно назвать идеи митрополита Иллариона, доктрину Филофея «Москва – третий Рим», русскую идею славянофилов, почвенников, религиозных философов и даже русских марксистов);

– высокая степень адаптивности русской культурной традиции. Она объясняется не только многообразием этнического состава нашей нации. М. Бакунин, Н. Бердяев, А. Карсавин, Н. Лосский справедливо подчеркивали неопределенность, неопределенность русского характера, отсутствие личностного начала. А. Карсавин объяснял данной особенностью готовность к преклонению перед чужой культурой. В этом и «загадочность» русской души – в силу своей неопределенности она легко воспринимает иные культуры, ко всему готова, но и ждать от нее можно что угодно, она не обязательна и нередко ленива;

– противоречивое отношение к труду, которое отражено в знаменитых русских пословицах. Но не нужно, конечно, забывать, до какой степени был и вообще-то остается тяжелым труд в наших природных условиях. Природные же условия объясняют появление нашей способности максимально мобилизоваться в кратчайшие сроки;

– низкая притязательность к жизненным благам, отсутствие среднего уровня культуры и культурности, по словам Н. Бердяева и Н. Лосского;

– низкий протестный потенциал.

Сами по себе перечисленные константы не хороши и не плохи. Их качество зависит от обстоятельств, в которых они проявляются и играют исторически разную роль. Очевидно, что такие особенности, как низкий протестный потенциал, невысокие жизненные притязания, долготерпение, доверие государству, приемлемость неправых практик, двойственное отношение к западной культуре сыграли негативную роль в ситуации в России в 80–90-е гг. XX в., так как активного массового сопротивления становлению олигархического, криминализованного типа общества не было.

Другой подход (представленный в трудах Н. Данилевского, А. Тойнби, С. Хантингтона) ис-

ходит из того, что более адекватным является понятие «цивилизационная идентичность», поскольку процессы глобализации, как указывалось выше, ведут к нивелированию национального начала, в том числе национально-государственного. Роль национальной идентичности в современных условиях падает, возникает опасность формирования псевдоидентичности, тем более что при ослаблении роли государства и идеологии «пробуждаются» архаичные слои ментальности, соответствующие жизненным практикам еще допетровских времен. И именно они почему-то представляются в средствах массовой информации как подлинно национальные.

В рамках развития понятия цивилизационной идентичности возможно объединение разных видов идентичности (гендерной, профессиональной, конфессиональной, групповой, субкультурной) и снятие противоречий между ними с целью выявления наиболее общих тенденций развития нашего общества. Более целесообразно, утверждает данный подход, вести речь о формировании особого типа культуры как основы цивилизации, который не был бы подражанием Западу.

Таким образом, все равно встает вопрос о национально-культурной идентичности, только в другом ракурсе, в связи с определением культурного кода цивилизации, ее культурных констант и доминант. И вот тут-то, при попытке выявить культурно-национальный код, и возникают серьезные проблемы и трудности методологического порядка. Можно выяснить, исследовать содержательно-смысловой инвариант той или иной ценности, который, впрочем, в чистом виде никогда не обнаруживается, а всегда в конкретной социально-исторической ситуации, конкретных социальных отношениях и взаимосвязях, что показано самыми различными философскими направлениями и школами (марксизм, герменевтика, феноменология и др.).

При определении же национально-культурных констант некоторая доля произвола и субъективизма не исключена, поскольку возможности доказательства, верификации и, тем более, фальсификации ограничены. Сказанное, в первую очередь, относится к России. Что брать за основу определения культурного кода?

Весьма распространена точка зрения, что этот код религиозный, православный. Данное суждение не бесспорно, поскольку помимо православия есть и другие религии, принимавшие участие в формировании специфики национальной культуры и идентичности. Само православие исторически существенно менялось; неясно, какой период его развития брать за основу цивилизационной идентичности. Другое дело, что прямо или косвенно религия оказала влияние на культуру в целом, разные стороны жизни общества, имею-

щие вполне светский характер. Но и здесь может быть возражение в духе О. Шпенглера – в религии ли суть, не явилась ли сама религия выражением души культуры, укорененной в глубинах жизни, природы?

Если взять за основу фактор почвы, географический фактор, то нужно признать, что территория России на протяжении ее истории менялась, менялись связанные с природной средой виды и способы деятельности, а следовательно, и культуры.

Далее, какой период истории России считать базовым для формирования доминант национальной культуры, определяющим идентичность? Московского царства, Российской империи, СССР? Ни того, ни другого, ни третьего уже нет. Получается, что речь идет о качественно новой национальной идентичности, вбирающей, вместе с тем, в себя национальную культуру и опирающейся на нее.

Но русская нация и, соответственно, национальная культура стали активно формироваться в XIX в., и этот процесс продолжался на протяжении XX в. Известно, что до указанного времени сохранялись существенные культурные различия между различными регионами России (не случайно, на пике сепаратистских настроений возникают предложения об обособлении и автономизации старообрядческой Сибири, казачьих областей, Урала и др.); социально-экономическое и политическое развитие России «стягивало» различные территории, цементировало их взаимосвязь и культурное единство. Именно в XIX в. складывается национальный, то есть литературный, русский язык, национальные школы в музыке, живописи, науке. Стало быть, именно XIX век является исключительно важным в плане кристаллизации собственно национально-культурных ценностей. Об этом, кстати, говорили и Бердяев, и Лосский, и другие, подчеркивая, что судят о ценностях русской культуры, об особенностях национального характера, прежде всего, по произведениям великой русской литературы XIX–XX вв.

Наконец, нельзя не сказать о процессе изменения ценностей в новой исторической ситуации. Возьмем Японию. Так ли живучи там знаменитые традиционные ценности, сыгравшие, как уже упоминалось, свою роль в модернизации страны? Оказывается, нет, и Японии коснулась либерализация, и там возник конфликт поколений, и там есть консюмеризм. В Китае осуществляется «прививка» ценностей иных культур, в том числе и нашей, поскольку традиционная китайская культура такова, что не способствует формированию инициативности, новых идей, необходимых для инновационного развития; известно, что молодых людей из Китая отправляют учиться за

границу для приобретения не только знаний, но и ценностей, иных культурных стереотипов. В современной России степень моральной деградации общества такова, что рассуждения о ценностях воспринимаются иногда как абстрактно-виртуальные.

Таким образом, вопрос о национальной идентичности в России является исключительно сложным и серьезным, он, по сути, открыт и требует своего глубокого конкретного исследования ради вполне практических целей, для решения неотложных задач развития нашего общества.

Третий подход, постмодернистский, исходит из того, что со второй половины XX в. происходит диффузия ценностей, они заменяются «симулякрами». Идентичность существует в пределах «тусовок», которые постоянно меняются. Развитие сетевой коммуникации тоже обостряет проблему идентификации, потому что сети, «работа командами» по выполнению конкретного задания, после которого команда распадается и, как в калейдоскопе, реорганизуется, не способствуют укреплению идентификационных связей. Кроме того, Интернет создает возможности для формирования виртуальной идентичности, для образования особых виртуальных сообществ, вне-, над- и транснациональных. Следовательно, рассуждения о национальной идентичности не могут не учитывать новых явлений общественной жизни.

На наш взгляд, важно рассматривать различные подходы к пониманию национальной идентичности во взаимодополнении. Речь идет о преемственности, о сохранении базовых национально-культурных ценностей, содержание которых меняется в соответствии с реальностью, то есть идентичность не остается той, какой она была, например, два-три десятилетия назад. Сейчас называются такие ценности: российская (не русская, не советская) идентичность как условие укрепления российской государственности; идеалы гражданского общества – справедливость, свобода, межнациональный мир, семейные традиции; повышение гражданской ответственности, взаимопонимания и доверия друг к другу различных социальных групп; национальное согласие в оценке этапов становления и развития российского общества и государства; конкурентоспособность личности, общества, государства; ценности личностной и государственной безопасности.

Идентичность не означает единообразия, так как включает в себя разные уровни – локальный, региональный, общенациональный – и группы интересов. Формирование национальной иден-

тичности в современных условиях оказывается довольно-таки сложным процессом, поскольку непосредственно зависит от динамики социального неравенства, межличностного и институционального доверия, от становления нового социального партнерства. Иначе говоря, речь идет об осознании людьми общности интересов, «общего дела», судьбы, жизненных установок, хотя их социальные характеристики во многом не совпадают. Это означает выстраивание новой модели отношений в обществе.

Национальная идентичность может быть позитивной и негативной. Позитивная идентичность – это осознанная общность с позитивно значимыми другими, с «мы», без жесткого противопоставления «мы – они». Негативная идентичность – это консолидация общности «мы» на основе оппозиции негативно значимым другим – «они». Если негативный образ «они» разрушается, размывается и такая идентичность. Так, очевидно, и произошло в России, потому что ее общественный строй, а вместе с ним и социальная структура, претерпел кардинальные изменения; положение России в мире и ее отношение к различным группам стран также изменились.

Ясно, что во многом национальную идентичность нужно формировать едва ли не заново, имея в виду особенности и внутреннего и внешнего положения России. При этом важна идентичность позитивная, то есть осознание принадлежности к национально-государственной общности рассматривается как важнейшая характеристика жизненного опыта и значимая для индивида ценность. Она предполагает нацеленность на социальное действие и на взаимодействие с другими членами общества. Положительная национальная идентичность означает также, что человек связывает свое будущее именно с данной национально-государственной общностью, заинтересован в ее (а не только в своем личном) успешном развитии и понимает, что от его усилий оно тоже зависит.

В заключение заметим, что формирование национальной идентичности может быть результатом совместных усилий государства, общественности, в том числе семьи и, конечно, институтов образования.

Примечания

1. См.: Лосский Н. О. Характер русского народа // Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 238–360; Шевченко В. Н. Модернизация или национальный путь развития России? // Философские науки. 2011. № 1. С. 46–59.

2. См.: Шевченко В. Н. Указ. соч.

Р. К. Стерледев, Т. Д. Стерледева

МЕЧТА: «ТОЧКА СБОРКИ» И «ТОЧКА КОНТРОЛЯ»

В статье рассматривается актуальная проблема структуры внутреннего мира человека на примере мечты. Исследование мечты проводится на основе предлагаемых авторами новых понятий: «жесткий» мир и «мягкий» мир, являющихся характеристиками бытийной пластичности мира. Также вводятся новые характеристики мечты – «точка сборки» и «точка контроля»; анализируются различные варианты их соотношения в «мягком» мире мечты.

In the article actual problem of the structure of man's inner world is regarded at the example of dream. The investigation of dream is carried out on the basis of new concepts offered by the authors: "hard" world and "soft" world, which are the characteristics of world's plasticity. Also new characteristics of dream are introduced – "assemblage point" and "point of control"; different variants of their correlation in the "soft" world of dream are analyzed.

Ключевые слова: мечта, «мягкий» мир, «жесткий» мир, «точка сборки», «точка контроля».

Keywords: dream, "soft" world, "hard" world, "assemblage point", "point of control".

Мечта как явление мира человеческого сознания всегда играла в жизни человека большую роль. Но только в начале XXI века в связи с появлением ЭВР началось исследование этого интересного феномена.

Для анализа феномена мечты мы предлагаем методологию, в основе которой лежат понятия «жесткий» мир и «мягкий» мир. «Жесткий» мир – это мир, который сопротивляется желанию человека его изменить. Если человеку что-то и удастся изменить в «жестком» мире, то для этого, как правило, требуется приложение сил, времени, а в ряде случаев специальные знания о том, как осуществлять преобразования. К «жесткому» миру относятся природа, общество, тело человека и часть его сознания. К «мягкому» миру относится мир человеческой мечты как часть внутреннего мира сознания человека. В этом «мягком» мире мечты человек является демиургом, т. е. может делать все, что он захочет, а также исполнителем, зрителем и критиком. Мир мечты скрыт от людей, и человек не стесняется там быть самим собой.

Для человека всегда существовала проблема реализации мечты. Разные модели реализации мы рассматриваем с позиций «жесткости» и «мягкости» как характеристик бытийной пластичности мира. С этой точки зрения механизм реализации мечты включает в себя следующие элемен-

ты: «жесткий» мир, «мягкий» мир, «Я» как элемент сознания, действующий в «жестком» и «мягком» мире и онтологически-экзистенциальную интенциональность, которая существует в двух вариантах, которые могут быть направлены на две «точки» человеческого сознания. Первая «точка» – «точка контроля», вторая «точка» – «точка сборки». «Точка контроля» – это область сознания субъекта, с которой осуществляется контроль субъектом места «привязки» или нахождения своего Я. «Точка контроля» может находиться в «жестком» мире человеческого сознания или в «мягком» мире человеческого сознания. Вторая «точка» – это «точка сборки», то есть место, где осуществляется реализация мечты.

«Точка контроля» включает в себя «контрольный комплекс Я», включающий ответы на вопросы: «где находится Я?», «где находятся базовые стандарты сознания личности?», «где находятся средства для воздействия на объект?», «какие результаты хочет получить человек и где именно: в «жестком» или в «мягком» мире?». Под «базовыми стандартами» мы понимаем систему запретов и предписаний, фактов, концепций, отражающих или закономерности реалий «жесткого» мира, или систему знаний, находящуюся в «мягком» мире сознания данного человека. «Базовые стандарты» по-другому можно назвать экзистенциальной социально-личностной парадигмой человеческого сознания.

Как мы указывали, «точка контроля» может находиться как в области человеческого сознания, отражающей «жесткий» мир и его закономерности, так и в области человеческого сознания, отражающей «мягкий» мир мечты. Здесь возможны несколько вариантов нахождения «точки контроля». Вариант 1: «точка контроля» может находиться в области сознания человека, отражающей «жесткий» мир, например, я – преподаватель кафедры философии, живу в г. Перми и т. д. Даже мечтая, я не меняю свое имя, пол, свою историю, я остаюсь самой собой. В данном случае Я – элемент, принадлежащий области сознания, отражающей «жесткий» мир, и этот мир «держит» меня. Я не хочу терять «жесткий» мир даже в мечте, поскольку он, несмотря на все его недостатки и проблемы, является для меня более реальным, чем «мягкий» мир моей мечты.

Вариант 2: «точка контроля» находится в «мягком» мире сознания моей мечты, где мое «Я» становится в силу этого «мягким». Так, я могу представить себя абсолютно другим человеком. Например, в мечте я могу поменять имя, возраст, пол, историю своей жизни. Я могу представить себя любым историческим или литературным персонажем. Предположим, Петром Первым, потому что так сложилась в данный момент ассоциация в моем сознании. В другом случае

ассоциация может сложиться так, что при просмотре кинофильма «Звездные войны» я могу представить себя гуманоидом иного вида, чем homo sapiens, и даже совсем не гуманоидом. Но при всем этом я остаюсь тем, кто я есть – Стерледевой Тамарой Дмитриевной, жительницей г. Перми, доцентом кафедры философии и т. д. Таким образом, мы видим, что в моем «Я» остается «жесткое» ядро, связанное с моей идентичностью, а все остальное – различного рода роли, которые я играю в «мягком» мире мечты, все время помня, кто я есть на самом деле в «жестком» мире. Осознание личностью этой идентичности и отличает норму в поведении человека от психической патологии. Моя «точка контроля» находится в такой области моего сознания, которая отражает «жесткий» мир, о чем бы мне не мечталось. В состоянии сна «точка контроля» смещается в пространство сна, в котором я могу не помнить о реалиях «жесткого» мира. Во сне единственная существующая для меня реальность – это реальность сна. Здесь я могу быть кем угодно и делать что угодно. В какой-то степени это ассоциация «без берегов», но в пределах чувств, воображения, фантазии вида Homo sapiens. Во сне для меня существует только мир сна и я там существую в том варианте, какой создают для меня мои ассоциации.

В 60-х и 70-х гг. XX в. в Европе, Америке и России стало распространяться учение К. Кастанеды, одним из элементов которого является техника осознанного сновидения, когда человек, находясь в состоянии сновидения, тем не менее сохраняет «точку контроля» в «жестком» мире своего сознания, то есть, находясь в мире сновидения, он понимает, что это сон, сохраняя свою идентичность, связанную со своим существованием в «жестком» мире. Техника создания осознанных сновидений, на первый взгляд, проста. Перед сном человек должен дать себе команду увидеть во сне свои руки. Засыпая, концентрироваться на этом. Увидев же во сне свои руки, вспомнить, что он спит, и осознать этот момент. Почему руки? У большинства людей руки всегда наличествуют. Они всегда находятся явно или неявно в зоне контроля наших глаз. Поэтому во сне чаще всего бросаются нам в глаза именно наши руки. Но это может относиться к любым предметам «жесткого» мира, например кольцу, часам, мобильнику, другому человеку и т. д. В начале XXI в. это увлечение охватило довольно большие группы любителей. Появились даже специальные кружки по интересам, называемые «Хакеры сновидения» [1].

И, наконец, положение «точки контроля» у наркоманов и психобольных. Эта точка находится в «мягком» мире сознания, который принимается этими людьми за единственно возможный

мир, а «жесткий» мир редуцируется или выступает как продолжение «мягкого» мира мечты психобольного. Н. В. Гоголь в своей повести «Записки сумасшедшего» так описывает развитие психической патологии в дневниковых записях психобольного:

«Декабря 3.

Отчего я титулярный советник и с какой стати я титулярный советник? Может быть, я какой-нибудь граф или генерал, а только так кажусь титулярным советником? Может быть, я и сам не знаю, кто я таков. Ведь сколько примеров по истории: какой-нибудь простой, не то уже чтобы дворянин, а просто какой-нибудь мещанин или даже крестьянин, – и вдруг открывается, что он какой-нибудь вельможа, а иногда даже и государь...

Декабря 5.

Я сегодня все утро читал газеты. Странные дела делаются в Испании... Пишут, что престол упразднен... Мне кажется это чрезвычайно странным. Как же может быть престол упразднен?.. Да, говорят, нет короля... Государство не может быть без короля. Король есть, да только он где-нибудь находится в неизвестности...

Декабря 8.

Я было уже совсем хотел уйти в департамент. Но разные причины и размышления меня удержали. У меня все не могли выйти из головы испанские дела... Большею частью лежал на кровати и рассуждал о делах Испании...

Год 2000 апреля 43 числа.

Сегодняшний день – есть день величайшего торжества! В Испании есть король. Он отыскался. Этот король я. Именно только сегодня об этом узнал я. Признаюсь, меня как будто молнией осветило. Я не понимаю, как я мог думать и воображать себе, что я титулярный советник. Как могла взойти мне в голову эта сумасбродная мысль? Хорошо, что еще не догадался никто посадить меня тогда в сумасшедший дом. Теперь передо мною все открыто. Теперь я вижу все как на ладони. А прежде, я не понимаю, прежде все было передо мною в каком-то тумане» [2].

«Точка контроля» выполняет две функции. Функция 1 – это функция сохранения человеком своей личностной идентичности. «Точка контроля» «привязывает» человека к «жесткому» миру, «заземляет» его, ориентируя на реалии и перспективы «жесткого» мира. Функция 2 определяет «коридор» мечтания, она не позволяет человеку «уходить» очень далеко в мир мечты и оставаться там надолго, «растворяясь» в нем, теряя тем самым свою «жесткую» идентичность. «Точка контроля», выполняя две свои функции, служит своеобразной защитой от психической патологии. Как известно, некоторые актеры на-

столько входят в роль, что иногда испытывают в результате раздвоение личности. Таким образом, «точка контроля» выполняет своего рода роль личностной парадигмы идентичности человеческого существования. Она сохраняет личностную идентичность и определяет те пределы, до которых человек может безопасно мечтать. Психическая норма отличается именно наличием критики, то есть человек понимает, чем бы он ни занимался в мечте, кем бы он там себя не воображал, он – существо «жесткого» мира и жить должен в «жестком» мире.

«Точка сборки» – это пространство, где осуществляется реализация какого-либо желания, задачи, стоящей перед человеком. Это может быть просто обычное желание, а может быть мечта. «Точка сборки» может находиться в «жестком» мире, то есть может иметь отношение к природе, обществу, самому человеку, например, его телу или той части его сознания, которая отражает реальности «жесткого» мира. Но «точка сборки» может находиться и в «мягком» мире человеческой мечты. В этом случае мы получаем «мягкий» мир сознания в миниатюре, «сцена», на которой «разыгрывается спектакль», или виртуальный «верстак», на котором осуществляется какая-то работа мечтателя. В данном случае «точка сборки» включает в себя в виде элементов явное или неявное видение: 1) мира; 2) «Я» человека; 3) влияние мира на человека; 4) влияние человека на мир. Все эти элементы находятся в потенциальном, неявном состоянии и актуализируются, если в них возникает необходимость. Термин «точка сборки» мы позаимствовали у К. Кастанеды, у которого он означает «место внутри светящегося кокона человека, где происходит сборка восприятия» [3]. Но мы вкладываем в этот термин свое содержание. В науке использование уже имеющихся терминов в ином контексте – обычная практика. Например, в биологии используют понятие «клетка». Но наибольшее число таких заимствований имеется в физике. Например, понятие «лошадиная сила», «странность» как один из зарядов элементарной частицы, «очарованный» кварк и т. д.

Таким образом, «точка сборки» – это либо место в «жестком» мире, где происходит реализация мечты средствами «жесткого» мира, либо место в «мягком» мире человеческого сознания, где происходит виртуальное конструирование образов предмета, явления или ситуации. Рассмотрим это подробнее.

«Точка сборки» в «жестком» мире.

Первое. Деятельность в данном случае имеет линейный характер, то есть события строятся линейно от настоящего к будущему. Второе – она обладает необратимостью, то есть большинство действий часто невозможно изменить: «сде-

ланного не воротишь». Третье – «сборка» идет или по нарастающей (усложнение), или по убывающей (упрощение). «Базовые стандарты» сознания берутся из «жесткого» мира, инструмент берется из «жесткого» мира, результат находится в «жестком» мире. Мы говорим: человек вменяем, если он не допускает путаницы «жесткого» мира с «мягким» миром.

«Точка сборки» в «мягком» мире: 1) деятельность в данном случае имеет нелинейный характер, человек мысленно может возвращаться в прошлое, мысленно «забегать» в будущее; 2) обратимость, то есть одно и то же событие может возвращаться в одну и ту же точку и монтироваться уже в другом варианте; 3) может иметь любой характер построения, как усложнение, так и упрощение; 4) «базовые стандарты» могут браться как из «жесткого», так и из «мягкого» мира; 5) результат может быть любой, даже отличный от того, что человек хотел получить в начале «сборки». Таким образом, «точка сборки» в «мягком» мире сознания личности – это место, в которое проецируется личность самого «сборщика», так как «сборщик» «собирает» не только предметы и т. п., но и самого себя, а также весь мир как некая целостность. То есть сознание человека, его память и многое другое всегда каким-то образом присутствует в «точке сборки».

Как известно, интенциональность – это направленность мысли на определенный объект. В нашей концепции пластичности бытия мы выделяем в человеческом сознании два типа онтологически-экзистенциальной интенциональности. Первый тип – интенциональность субъекта, направленная на ту область человеческого сознания, в которую проецируется «точка контроля». «Точка контроля» может находиться в «жестком» или «мягком» мире человеческого сознания. Второй тип – интенциональность – направлена на объект и связана с реализацией мечты. Объект реализации может находиться в «жестком» мире (природа, общество, человек) или в «мягком» мире человеческого сознания. Оба этих типа взаимосвязаны и образуют систему. Возможны четыре варианта таких систем.

Первый вариант: «точка контроля» находится в «жестком» мире человеческого сознания, а объект преобразования находится в «жестком» мире. Человек преобразует «жесткий» мир средствами «жесткого» мира. Второй вариант: «точка контроля» находится в «жестком» мире человеческого сознания, объект – в «мягком» мире сознания, мире мечты. Я мечтаю. Но мечтаю, я ориентируюсь на правила и нормы «жесткого» мира. Третий вариант: «точка контроля» находится в «мягком» мире сознания и в «жестком» мире сознания одновременно, объект находится в «жестком» внешнем мире. Например, преобра-

зование мира в алкогольном опьянении, когда многие ситуации пьяный человек воспринимает неадекватно. Четвертый вариант: «точка контроля» находится в «мягком» мире сознания, объект находится в «мягком» мире сознания. Сюда относятся собственно мечтание, сон, наркотическое состояние, шизофрения. Находясь в этих состояниях, человек преобразует свой внутренний мир. Но за основу он берет такие нормы и правила, которые возникают спонтанно в его «мягком» мире сознания.

Разновидности вариантов реализации мечты. Первый вариант: материализация. Это преобразование «жесткого» мира средствами «жесткого» мира в соответствии с идеальными моделями «жесткого» мира человеческого сознания. «Точка контроля» находится в «жестком» мире человеческого сознания, «точка сборки» – в «жестком» мире природы или общества. Например, решение каких-то стандартных жизненных проблем.

Второй – идеализация. Перенос проблемы «жесткого» мира в «мягкий» мир человеческого сознания и там решение проблемы средствами «жесткого» или средствами «мягкого» мира. «Точка сборки» в «мягком» мире, «точка контроля» в «жестком» и «мягком» мире.

Третий – квазиматериализация. Коррекция сознания, когда одна часть сознания не только контролирует другую часть, но и корректирует образ воспринимаемой «жесткой» реальности. Человек понимает, что находится в «жестком» мире, но под влиянием изменения сознания «жесткий» мир также меняется в сознании человека в направлении, желаемом субъектом. Например, состояние опьянения. Житейская мудрость применительно к данной ситуации утверждает: «нет некрасивых женщин, есть мало водки».

Четвертый – квазиидеализация-1. Это сон. «Точка контроля» находится в «мягком» мире сна. Человек забывает, что его тело существует в «жестком» мире природы и общества. «Точка сборки» также находится в «мягком» мире сна, но человек ведет себя в «мягком» мире сна в основном как существо «жесткого» мира, то есть у него сохраняется какая-то критическая оценка событий сна.

Пятый – квазиидеализация-2. Состояние человека в наркотическом трансе. «Точка контроля» в «мягком» мире, «точка сборки» в «мягком» мире. Человек меньше чувствует себя существом «жесткого» мира. Создаваемая им картина мира и себя сумбурна и хаотична.

Шестой – квазиидеализация-3. Шизофрения. «Точка контроля» находится в «мягком» мире, «точка сборки» находится в «жестком» мире, который воспринимается психобольным как продолжение «мягкого» мира. «Точка контроля»

функционирует в искаженном «мягком» мире сознания больного человека.

«Работа» «точки контроля» оценивается по ряду критериев: первый критерий – завершенность – незавершенность, второй – осуществимость – неосуществимость, третий – полнота – неполнота, четвертый – реально – вероятно – вероятно. Работа «точки сборки», «собирающей» мечту, оценивается по критериям: полнота – интенсивность. Мы вводим такие характеристики мечты, как полнота и интенсивность. «Полнота» одновременно характеризует и структуру мечты. Полнота мечты включает в себя четыре компонента. Первый компонент – человек, т. е. мечта человека о самом себе. Второй – мир, включающий в себя идеальные представления о природе и обществе. Эти два компонента имеют, помимо всего прочего, статическое измерение, в отличие от следующих двух, обладающих динамическим измерением. Третий компонент – это влияние мира на человека, четвертый – влияние человека на мир. Данная структура свойственна мечте как целому, в ее наиболее полном виде. Когда человек мечтает, то в его мечте присутствует хотя бы один из этих четырех компонентов. Если нет ни одного, то нет и мечты. При отсутствии хотя бы одного элемента мечта может считаться неполной. Второй критерий работы «точки сборки» – интенсивность, которая определяется степенью эмоциональной насыщенности мечты, степенью переживаний человека. Интенсивность характеризуется яркостью, четкостью, устойчивостью образов мечты. Мечта может быть как слабой по своей интенсивности, так и очень сильной. Можно выделить следующие варианты оценки «точки сборки». Первый вариант: полнота маленькая, интенсивность маленькая; второй вариант: полнота маленькая, интенсивность большая; третий вариант: полнота большая, интенсивность маленькая; четвертый вариант: полнота большая, интенсивность большая.

Можно в итоге отметить, что предложенная нами концепция функционирования мечты может быть использована в качестве основы как для построения общей теории человеческого сознания, так и для разработки конкретно-научных методик исследования феномена человеческой мечты.

Примечания

1. Реутов А. Хакеры сновидений. Ч. 1. Искатели духа. СПб.: ИГ «Весь», 2006; Реутов А. Хакеры сновидений. Ч. 2. Грани неведомого. СПб.: ИГ «Весь», 2006.
2. Гоголь Н. В. Записки сумасшедшего // Гоголь Н. В. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1962. С. 601.
3. Кастанеда К. Огонь изнутри. Сила безмолвия. М.: ООО Изд-во «София», 2007. С. 115.

С. А. Шакин

**КРАСОТА:
ЭТИЧЕСКИЙ И ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ
В ФИЛОСОФИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

В статье рассматривается проблема красоты как эстетического идеала в философии Федора Михайловича Достоевского. Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что красота всегда была одной из важнейших эстетических категорий, а эстетика как раздел философии в каждом своем моменте развития исходит из наследия прошлых эпох, поскольку многие эстетические, как и этические, ценности со временем не устаревают.

In the article considered problem of beauty as an aesthetics ideal of philosophy Fyodor Mikhailovich Dostoyevsky. Actuality of the problem caused by the fact that beauty has been one of the most important aesthetic categories and aesthetics is based from the legacy of past ages in every moment of its development, because aesthetical and ethical values don't become obsolete eventually.

Ключевые слова: эстетика Достоевского, этика, красота, идеал, действительность.

Keywords: aesthetics Dostoyevsky, ethic, beauty, ideal, reality.

Достоевский – великий русский писатель – оставил не только огромное литературное, но и философское, в частности эстетическое, наследие. Обилие и глубина идей у Достоевского поразительны, а его творчество оказало огромное влияние на философию и художественную литературу абсурдистов и экзистенциалистов. Вопрос красоты для Достоевского был главным вопросом всей его жизни и творчества. Практически в каждом его романе встает вопрос об идеале, так как красота для писателя и есть идеал.

Свою философскую позицию он выражал не только и не столько в своих публицистических работах, но и в художественных произведениях. Стоит отметить, что в уста своих героев он вкладывал не только собственные идеи, но и, зачастую, идеи прямо противоположные, так как не признавал наличие какой-либо конечной истины. Особый интерес представляют мысли Достоевского относительно красоты как эстетического и этического идеала.

Эстетическое учение Фёдора Михайловича Достоевского неразрывно связано со всеми его философскими воззрениями, более того, можно сказать, что эстетика лежит в основе всей его философии, что будет показано ниже. Для начала следует вспомнить, что в XIX в. в российском обществе произошел раскол на два противоположных

лагеря – славянофилов и западников. Никто в мыслящей части общества не мог обойти данный спор стороной. Сам Достоевский относил себя к славянофилам. Однако в некоторых своих воззрениях он расходился с ними, в частности в эстетике. Для Достоевского чрезвычайно важна личность. Одной из важнейших задач искусства он называл – утверждение личности. Согласиться с концепцией славянофилов, принижавших роль личности и растворявших её в социуме, писатель не мог. И на этом расхождении Достоевского со славянофилами не заканчивается. Различие позиции Достоевского и славянофилов проявлялось и в отношении к народу. Писатель с огромным уважением относился к народу, который для него являлся хранителем идеалов. Народ для него – это носитель идей правды, добра и красоты. Это отразилось в идейно-образном мире писателя в виде непреходящей веры в духовную красоту народа. Именно эта мысль и оказала огромное влияние на всю его эстетическую концепцию.

Одной из самых главных трагедий в российской действительности для Достоевского был отрыв высшего общества от народа. Личность, отколовшаяся от народа, потерявшая свою почву, нравственно неустойчива. Народ и высшее общество, по мнению писателя, должны объединиться, а в основе этого единения должна лежать национальная почва. Отсюда и проистекло неприятие Достоевским идей космополитов, для которых понятие национальности было пережитком прошлого.

Высшее благо – гармоническое общество. Удаление человека от единения, от братства ведет к дисгармонии. Единство людей, соборность совпадает у Достоевского с красотой. Счастье человечества заключается в преодолении «противоречия между личным и общественным» [1]. Всеобщее братство, полная гармония личного и общего, такое устройство общества, при котором каждый был бы заинтересован в каждом, – соборность – является общественным идеалом для Достоевского. В своем творчестве Федор Михайлович проповедовал идеи соборности.

Как писатель Достоевский был представителем реализма. Он полагал, что в творчестве на первое место должна выходить действительность. Цель писателя-реалиста – отобразить действительность без всяких приукрашиваний, показать жизнь обычного человека. Реализм как направление в искусстве противостоит романтизму, в котором художник признается единственным источником творчества. Романтики стремятся уйти в мир идеальных представлений, утопических мечтаний о совершенстве высшей, духовной реальности, вечности и абсолютной красоты, недоступной рациональному мышлению. В своих

эстетических воззрениях Достоевский очень близок к Шеллингу, который, хоть и был близок к романтикам, отрицал не саму действительность, а неизменный всемирный порядок вещей.

Действительность, по мнению Достоевского, гораздо больше, интереснее и разнообразнее, чем фантазия. Действительность для Достоевского – единственная основа искусства, основа, которая является неисчерпаемой, основа, превосходящая фантазию даже самого гениального художника. Окружающая нас реальность настолько огромна и разнообразна, что никакая ограниченная человеческая фантазия просто не может вырваться за её пределы. Реализм обладает бесконечными возможностями, когда фантазия ограничена самим человеком. Для Достоевского действительность – это многообразие явлений общественной жизни. По мнению Федора Михайловича, чем реальнее будет изображена действительность в художественном произведении, тем менее правдоподобной она будет казаться читателю. Описание должно тяготеть к общим определениям, а не к индивидуализациям. Действительность развивается бесчеловечно, если бы дело обстояло не так, то исследовать её не было бы никакой нужды.

Талант художника необходим, чтобы воссоздавать события и факты окружающей нас реальности, а также находить и выделять эти факты в зависимости от их значимости. Задача художника в процессе творчества, по мнению Достоевского, заключается в том, чтобы не уйти в одну из двух крайностей: излишняя простота или трагическая безысходная прямолинейность.

Художник, воспроизводящий действительность, создает текст, чей смысл неисчерпаем не только для самого автора, но и для последующих его интерпретаторов. Великое произведение не теряет своей значимости и через много веков, когда фактически открывается и понимается по-новому.

Восприятие художника должно быть таким же, как и восприятие ученого, то есть оно должно быть конкретно в противоположность обыденному абстрактному восприятию. Творческая цель художника – отразить «современную минуту» общественной жизни во всей ее полноте, не утаивая и не укрывая ничего, даже если это болезненно и неприятно. «Правда выше вашей боли» [2], – писал Достоевский.

Однако Достоевский не защищает страдание, что, зачастую, ему приписывается. Напротив, он считает страдание противоестественным, но в то же время страдание как искупление вины за преступление исполняет важную нравственную функцию. Здесь заключено различие Достоевского с Ницше, для которого страдание было тем, что уничтожает волю сверхчеловека. Для Достоевского так называемая «натуральная школа» – не только направление в искусстве,

но и мировоззрение, мировоззрение гуманистическое.

Сколь бы ни были мрачны и трагичны сюжеты произведений Достоевского, они всё же полны веры в возможность существования идеального утопического общества, построенного на идеях братства, единства людей. Фактически можно утверждать, что в этом вопросе он соглашался с Белинским, который называл идеалом возможность какого-либо явления, «угаданную умом и воспроизведенную фантазией» [3].

Обычно в своих произведениях Достоевский пренебрегал описанием пейзажа, тем интереснее те случаи, когда он все же уделял внимание пейзажу. Н. В. Кашина в своей работе «Эстетика Достоевского» объясняла подобное следующим образом: «В мире разъединения человек устремлен внутрь себя, но не видит другого, не видит природы; лишь в обществе, где человек откажется от своего я, ему откроется и красота другого человека, и красота природы» [4]. Отсюда проистекают критерии добра и зла у Достоевского. Зло, по Достоевскому, можно определить как несоответствие того, что есть, с тем, что должно быть. В свою очередь, добро – это существование идеала внутри человеческого сознания.

Достоевский придавал решающее значение идеалам и, в первую очередь, идеалам красоты как двигателю человеческого прогресса. Эстетический идеал – важнейшая часть всей философии Достоевского. «Без идеала... ничего не будет» (т. 12, с. 85). Ему приписывают давно ставшую крылатой фразу «Красота спасет мир». Данное высказывание не следует понимать слишком буквально. Здесь подразумевается не некая внешняя красота, а красота как эстетический и этический идеал. Достоевский в романе «Братья Карамазовы» вкладывает в уста главного персонажа Мити Карамазова слова, следующим образом характеризующие красоту: «...Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» (т. 9, с. 123). Соблюдение грани между добром и злом и является тем, что определяет силу красоты – созидующую или разрушающую. Впрочем, приведённое свидетельство вовсе не говорит о некой двойственности красоты, так как настоящая истинная красота всегда обращена к свету. Красота – это сумма нравственных качеств. Зло никогда не должно оправдываться. Зло есть зло. Когда все люди придут к мысли о том, что зло является отклонением от нормы, что оно неправильно, тогда люди будут жить, руководствуясь добром. Зло исчезнет, а люди будут прекрасны и счастливы, «не потеряв способности жить на земле».

Рассуждения персонажа романа наполнены глубоким смыслом: «Красота – это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопреде-

лимая, а определить нельзя потому, что бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут. Я, брат, очень необразован, но я много об этом думал. Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды. Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинается с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Черт знает что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, – знал ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей. А впрочем, что у кого болит, тот о том и говорит. Слушай, теперь к самому делу....» (т. 9, с. 123).

Более того, по сути в этом «манифесте» от лица главного героя Достоевский предлагает человечеству дихотомический выбор – между добром и злом, – третьего пути не дано. Человек, избравший идеал содомский, «купившись» на внешнюю её сторону, поддавшись искушению, соблазну, обращается к дьяволу, причём делает это совершенно сознательно. Стремящийся же к свету, к добру, к истине, к божественному преображению изначально ориентируется на красоту одухотворённую – наполненную божественным, созидательным смыслом. Может показаться, что в данном фрагменте автор говорит о существовании двух видов красоты – «красоты Мадонны» и «красоты Содома». Так говорить будет не совсем корректно, Достоевского сложно упрекнуть в дуализме, так как для него существует только один вид красоты – «красота Мадонны». Так же как две правды – не есть правда, так и из двух видов красоты лишь одна является настоящей. Для Достоевского нет никакой «красоты Содома». «Красота Содома» – это неистинная красота, она лишь соблазн, лишь внешняя оболочка. В каждом произведении Достоевского происходит борьба между «красотой Мадонны» и «красотой Содома». И в каждом своем романе он верил в конечную победу «Мадонны» над «Содомом».

Одной из главных проблем буржуазного общества с точки зрения Достоевского являлось то, что старые идеалы, возникшие еще в античности, не совпадают с реальным современным миром, а новых нет. К тому же само общество видит себя идеальным.

Красоту «благообразия» он показывает через образы самых обычных, простых людей из народа.

Достоевский занимается поисками образа того самого человека, который воплотил бы его идеал единения «оторвавшегося общества русского и с душой и силой народной» [5]. Иисус Христос – идеал для Достоевского. Ни одно действие Иисуса не может быть названо некрасивым, или злым, или ложным. Он есть абсолютное воплощение красоты. Таковым, например, в творчестве Достоевского был князь Мышкин. Мышкин – идеал прекрасного человека. Мышкин этакий Иисус Христос в современном Достоевском обществе. Мышкин всегда верен себе, и ничто не способно заставить его отказаться от идеалов добра.

Сильный человек, который в своих действиях, в своих решениях исходит из собственных убеждений, пусть даже вопреки законам и морали, для Достоевского стоит гораздо выше того, кто подчиняется закону лишь из страха. И ведь действительно: чего стоит закон, чего стоит мораль, основанная на страхе?

Бесчеловечная действительность пожирает и убивает добрых людей, однако, несмотря на то что Достоевский, верный своему реализму, фактически соглашается с мыслью – «вооруженные пророки всегда побеждали, а безоружные гибли» [6], – высказанной еще Макиавелли, он все же сохраняет и передает читателю надежду на выживание прекрасного и более того, он утверждает конечное торжество прекрасного в мире.

Эстетическое чувство прекрасного есть, по Достоевскому, органическое свойство человеческой природы, органически необходимая принадлежность человека. «Потребность красоты и творчества, воплощающего её, – неразлучна с человеком, и без неё человек, может быть, не захотел бы жить на свете» (т. 11, с. 76). Чувство красоты – подлинно человеческое чувство, отличающее человека от животного. У многих русских литераторов понятие «звериное» фигурирует в качестве чёткого обозначения всего того, что должно быть отринуту человеком: жестокости, уродства, агрессии, в общем, всего того, что не соответствует христианским представлениям о человеке благодетельном, любящем ближнего своего и созидающем на благо мира.

Следует отметить, что идеи Достоевского относительно трактовки красоты пересекаются с идеями И. Канта, который определил прекрасное как символ морального добра [7]. Нельзя, однако же, не упомянуть в этом свете и о расхождении Достоевского с Кантом:

1. Идеал, о котором говорит Достоевский, вполне достижим, как говорилось выше, в то время как Кант отрицает не только возможность достижения этого идеала, но и возможность его

представить, в силу ограниченных возможностей человека.

2. Кант, фактически, довольствуется «доброй волей», а Достоевский говорит об активном действии по реализации этой самой «доброй воли».

Прекрасное у Достоевского зачастую тождественно искусству. Сущность красоты-искусства заключена в гармонии. Достоевский разграничивал понятия красоты в жизни и красоты в искусстве. Красота искусства – это идеал, избавляющий человека от гнетущего чувства безысходности, это идеал, дарующий мысль о достижимости гармонии. Красота необходима человеку тем более, чем менее гармоничен мир, его окружающий.

Художник гармонизирует раздробленные впечатления действительности, вносит порядок в хаос жизни. Это творчество воплощает красоту, без которой «человек, может быть, не захотел бы жить на свете. Человек жаждет её, находит и принимает красоту без всяких усилий, а так, потому только, что она красота, и с благоговением преклоняется перед нею, не спрашивая, к чему она полезна и что можно на неё купить» (т. 11, с. 76).

«Гармония понималась писателем как разрешение противоречий, которые раздирали его мир, общество, человеческие души и составляли главное содержание его художественного творчества. Гармония, как писал Гегель, “состоит в совокупности существенных аспектов и разрешении и голого противоположения их друг другу, благодаря чему их со-принадлежность и внутренняя связь проявляются как их единство”». [8]

Прекрасное – есть абсолютная гармония. Гармония же, в свою очередь, – это идеальное устройство общества. Гармония – это не только идеал, к которому надо стремиться. По мнению Достоевского, гармония уже есть в окружающем нас мире, просто человек научился видеть её, видеть красоту в нём.

Развитие одной лишь материальной культуры со временем приведет человечество в тупик, поэтому необходимо вернуться к красоте как духовности.

«Искусство – есть такая же потребность для человека, как есть и пить» (т. 11, с. 76). В эстетике Шиллера, а в ней Достоевский находил много схожего со своими собственными идеями, искусство оценивается и с точки зрения его воздействия на человеческую личность. В задачу красоты должно входить возрождение нравственности в человеческом обществе. Искусство способно изменить человека и изменяет его. Оно создает эстетическое впечатление, которое способно проникнуть в самое сердце, в самую глубину человеческой души.

Источником общественно-политических изменений является нравственная эволюция челове-

ка, поэтому можно сказать, что для Достоевского искусство является двигателем прогресса. Но все же взгляды Достоевского на искусство были куда более широкими, и красота у него не ограничивалась одним лишь искусством. По мнению Достоевского, красота обладает созидательной силой лишь в том случае, если она служит добру. Следовательно, без идеи добра красота теряет свою животворящую силу, ибо в этом случае она утрачивает связь с божественным началом. Красота – это и есть добро.

Мысль о том, что этическое и эстетическое в конечном счете совпадают, была впоследствии развита Владимиром Сергеевичем Соловьевым. Соловьёв писал: «Всякое зло может быть сведено к нарушению взаимной солидарности и равновесия частей и целого; и к тому же, в сущности, сводится всякая ложь и всякое безобразие. Когда частный или единичный элемент утверждает себя в своей особенности, стремясь исключить или подавить чужое бытие, когда частные и единичные элементы порознь или вместе хотят стать на место целого... – всё это: и исключительное самоутверждение (эгоизм), и анархический партикуляризм, и деспотическое объединение мы должны признать злом... И те же самые существенные признаки, которыми определяется зло в сфере нравственной и ложь в сфере умственной, они же определяют безобразие в сфере эстетической» [9].

В эстетике Достоевского идеал – это некая высшая точка, в которой соединяются вместе эстетическая и этическая части. Именно это единство рождает истинно прекрасное. Красота просвечивает сквозь все противоречия, сквозь весь хаос и дисгармонию, как идеал, как перспектива, возможность и необходимость, как цель. Цель является смыслом всемирного исторического процесса. Искусство есть инструмент в руках художника, с помощью которого следует принести в мир идеалы добра, истины и красоты.

Примечания

1. Кашина Н. В. Эстетика Ф. Достоевского. М.: Высш. шк., 1989. С. 56.
2. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1988–1996. Т. 12. С. 17. Далее ссылки на это издание даны в тексте в круглых скобках с указанием тома и страниц.
3. Белинский В. Г. Собр. соч.: в 13 т. [Т. VIII]. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 89.
4. Кашина Н. В. Указ. соч. С. 144.
5. Литературное наследство. Т. 86. М.: Наука, 1973. С. 83.
6. Макиавелли Н. Государь. М.: «Планета», 1990. С. 11.
7. Кант И. Критика способности суждения. М.: «Искусство», 1994. (Сер. История эстетики в памятниках и документах).
8. Кашина Н. В. Указ. соч. С. 149.
9. Соловьёв В. С. Соч.: в 2 т. [Т. II]. М.: Мысль, 1988. С. 395.

ИСТОРИЯ

Отечественная история

УДК 094.4; 271.2; 94.4; 811.14

В. А. Коршунков

«РОДСТВО» И «ПОРОДА»: О ВОСПРИЯТИИ ГРЕЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ДРЕВНЕРУССКИМИ КНИЖНИКАМИ

В статье рассматриваются владельческие надписи XVII в., сделанные на страницах Библии Ивана Фёдорова (из собрания Кировского областного краеведческого музея). Анализируются древнерусские термины, обозначающие рай и ад.

The owner's inscriptions made in the XVII century in pages of the Bible printed by Ivan Fedorov (from the collection of the Kirov Regional Museum of Local Lore) are discussed in the paper. Old Russian terms denoting Paradise and Gehenna are analyzed.

Ключевые слова: греческий язык, терминология, древнерусская книжность, рай, геенна

Keywords: Greek, vocabulary, Old Russian literature, Paradise, Gehenna.

В Кировском областном краеведческом музее имеется несколько книг жившего в XVI в. знаменитого русского первопечатника Ивана Фёдорова. Среди них три экземпляра так называемой «Острожской Библии». Это первая полная Библия на славяно-русском языке, напечатанная Иваном Фёдоровым и его помощником Петром Мстиславцевым по поручению князя Константина Острожского в 1581 г. в г. Остроге на Украине (во времена Российской империи это был уездный город Волынской губернии, сейчас – в Ровенской области Украины). Всего учёными описано не менее 300 экземпляров Острожской Библии, и во второй половине XX в. 275 из них хранилось в различных книжных собраниях мира.

Судя по чернильному штампу-экслибрису, один экземпляр музейной «Острожской Библии» принадлежал Василию Титовичу Семёновым. Краткий текст экслибриса – имя, отчество, фамилия и ничего более – сделан по старой орфографии, а буквы выполнены в псевдоготической манере, что, очевидно, указывает на вторую половину XIX в. (возможно, что и на самое начало XX в.).

Именно этот экземпляр интересен чернильными владельческими пометами, многие из которых были сделаны в XVII в. Например, на обороте 264-го листа, где оставалось свободное от печатного текста место, сделана скорописью и тут же, чуть ниже, повторена (с некоторыми изменениями) полууставом запись о рождении некоего Даниила. Там указан год его рождения – 1661-й.

В начале и в конце, где имеются чистые, свободные листы, пользовавшиеся Библией люди много всего позаписывали. Это, в основном, служебные пометы, записи для памяти, цитаты. Они сделаны полууставом и по большей части рыжими (да ещё тёмными) чернилами. Что-то вроде указателя, вроде подсказок к самым важным для владельца и пользователя местам из Священного Писания: где именно и о чём именно там говорится. Тем же старинным почерком кое-где на полях книжных страниц начертаны пометы «Зри».

На пустом развороте в начале книги тёмными чернилами, разборчивым полууставом приведена большая запись с заголовком «Стих о покаянии». Это вариант одного из «покаянных» или «духовных стихов». «Покаянными» (или, как иногда говорили, «покаяльными») стихами принято называть старинные анонимные церковно-монастырские по происхождению поэтические произведения на духовно-нравственные, религиозные, эсхатологические темы. Содержание «стихов» заимствовалось из Священного Писания, из житий святых, из церковных поучений и песнопений, а также из апокрифов. Некоторые такие «покаянные стихи» становились основой уже не монастырских, книжно-церковных произведений, а фольклорных песнопений – так называемых «духовных стихов». На Руси «духовные стихи» исполнялись «каликами» или «старчи́ками» – зачастую слепыми певцами-сказителями, которые ходили небольшими группами по сёлам на церковные праздники и на ярмарки. «Духовные стихи» активно собирались во второй половине XIX и в начале XX в. При советской власти, разумеется, этим почти не занимались – как-никак, «религиозные предрассудки!» Сейчас фольклористам тоже удаётся кое-где записывать отрывки и краткие версии «духовных стихов», особенно старообрядческих. Так что наш

рукописный текст, который, по всей видимости, относится к началу или же первой половине XVIII в., является важным ранним письменным вариантом одного из сюжетов «покаянных стихов» [1].

Вот цитата из этого рукописного «Стиха о покаянии»: «оумились ты душе моя грешна // всемь сердцем возопи к богу щедрому // рыдай горько изливай слезы теплыя // дабы возмогъ погасить родство огненное // дабы нася [с.: на ся. – В. К.] привлещи милость отвышняго» (строки 41–45).

В тексте употреблено слово «родство», причём в таком контексте, который явно указывает на иной, непривычный его смысл. Действительно, на Руси «родство», помимо прочего, могло означать «геенну, ад, преисподнюю», притом что существительное «родство» – это то самое старинное славянское слово, однокоренное таким, как «род», «родитель», «родина», «родник», «урод» и прочим общеизвестным. И вот – кажется, поначалу в Болгарии – в старославянский язык проникло выражение «родъ огньенъ», которое стало известно и на Руси, но вскоре в русской книжности заменилось на «родъство» или «съродъство». Как могло получиться, что славянским корнем «род» стали обозначать преисподнюю?..

К юго-востоку от Иерусалима, по пути от горы Сион к долине Кедронской, располагалась долина, которая по-древнееврейски называлась Ге-Хинном («долина [сыновей] Энномовых»), или, иначе, Тофет. По преданию, здесь некогда приносились жертвы свирепому семитскому богу Молоху – в том числе и человеческие. Особенно удобны были Молоху дети. Учёные полагают, что словом «молох», возможно, называли не божество, а сам обряд жертвоприношения. Но, как бы то ни было, принесение в жертву детей в Палестине, Финикии, Карфагене в самом деле случалось. В иудаизме человеческие жертвоприношения, разумеется, были строго запрещены. Так что эта мрачная долина вызывала страх и ненависть иудеев. Царь-реформатор Иудейского царства Иосия (640–609 гг. до н. э.) уничтожил языческие жертвенники в этой долине. Там стали сваливать отбросы, нечистоты, тела казнённых преступников. Оттуда распространялся смрад. Там обычно горели костры, на которых всё это сжигалось.

Название этой долины в текстах Нового Завета использовано для обозначения места загробных мучений (Матф. 5. 22, 29, 30; 10. 28; 18. 9; 23. 15, 33; Мк. 9. 43, 45, 47; Лк. 12. 5; Иак. 3. 6). Обычный эпитет при этом слове – «огненная». Говорится, что там и огонь, и червь. В греческом тексте Нового Завета название долины передано так: «Geenna». По-латыни – «Gehenna».

Славянские книжники почему-то восприняли это греческое существительное как слово, одно-

коренное таким хорошо им известным греческим словам, как «genos» («рождение, происхождение; род»), «genna» («род, потомство; происхождение»), «genesis» («рождение»), «genesis» («рождение, происхождение; бытие»; в греческом названии ветхозаветной «Книги Бытия» использовано именно это слово). Вот они, спутав «Geenna» и «genna», постарались передать это «родственное» значение славянскими средствами: взяли славянский корень «род» и присоединили суффикс с обобщающим значением. Так слово «родство» стало обозначать геенну огненную.

Известный петербургский филолог В. В. Колесов, специалист по древнерусскому языку и русской культуре, так писал об этом: «Уже в старославянских текстах слово *родъ* многозначно, что соответствует многозначности его греческих эквивалентов». (Действительно, многообразии значений того или иного старославянского, древнерусского термина, как правило, определяется теми греческими терминами из византийской богослужебной и светской литературы, для перевода которых используются соответствующие славянские слова.) Колесов пояснял, почему столь странный термин на какое-то время прижился в русской письменной традиции: «Патриархальные родовые отношения с их тяготением к языческому бытию в глазах христианского писателя как нельзя лучше соответствовали этой игре слов (*родъ* – *родъство*), и, быть может, такое употребление поддерживалось искусственно в символических описаниях. <...> Понятия о рае и аде незаметно вплетались в представление о роде, хотя самим славянам такая символика была неизвестна; она осталась чуждой народу, никогда не вышла за пределы книжной культуры: “родство” не могло быть адом, это не укладывалось в сознании, привыкшем к другим представлениям о роде» (курсив автора. – В. К.) [2].

Конечно, суждение о нарочитом внедрении и поддержании, с нравоучительными целями, церковными писателями столь странного для простого человека термина, обозначающего преисподнюю – не более чем умозрительная догадка: у нас нет никаких данных на этот счёт. Даже и так: термин «родство» мог встретиться в старинных текстах не «народу» с его пережитками понятий о «роде», а человеку подготовленному, религиозному, «разумеющему грамоте», которого не нужно было наставлять в правой вере и отвращать от «языческих пережитков» таким вот необычным словоупотреблением. Кроме того, как известно историкам, родовые отношения бывали значимее не для простолудинов, а для аристократов, которые, разумеется, уже изначально оказывались включёнными в принятую на официальном уровне религиозно-идеологическую систему христианства.

Однако нелепица с таким значением общеупотребительного слова в старославянской и древнерусской книжности прямо-таки бросается в глаза – она требует объяснения. Принятое большинством учёных предположение о неразличении переводчиками в греческом тексте Библии слов, происшедших от разных корней, встречало возражения. Вот что, к примеру, сказано об этом в вышедшей в конце XIX в. книге священника, преподавателя русского языка и словесности Г. М. Дьяченко: «Трудно доказать, чтобы термины “род” и “родство” употреблялись нашими переводчиками бессознательно – только вследствие плохого знания греческого языка...» Согласно Дьяченко, дело обстояло так: «По древне-языческим представлениям, жизнь по смерти была жизнью в среде усопших праотцев; “умереть” значило: удалиться в то загробное царство, где собираются все отжившие родичи – и добрые, и злые – “отойти к предкам”, вселиться в род. Когда, с принятием христианства, появилась необходимость резко разграничить области посмертного пребывания праведных и грешных, то переводчики предназначенную для последних геенну стали истолковывать “огненным родом”...» [3]

Мнение Дьяченко, впрочем, куда менее убедительно, чем общепринятое – у него одна малодоказуемая версия громоздится на другую, столь же маловероятную. Кроме того, заметно, что он (как и многие другие российские учёные XIX в.) исходит из подспудного убеждения, будто о загробном мире славян-язычников всё более-менее известно. Современные учёные гораздо осторожнее в этом тёмном вопросе – и полноценных, достоверных повествовательных источников языческой эпохи у нас нет, да и едва ли в дохристианские времена могли существовать какие-либо цельные, внятные представления о посмертном положении и загробной стране, да ещё и общие для различных племён.

Те, кто пишет о странном термине «родство» в значении «геенны огненной», обычно упоминают ещё об одном редком старинном славянском слове. Точнее, как и в случае с «родством», – о традиционном, хорошо понятном слове с необычным значением. А именно: слово «порода» в славянской книжности могло обозначать «рай». Понятно, что существительное «порода» образовано всё от того же славянского корня «род». И причём тут рай? Впрочем, происхождение такого значения вполне очевидно. Вот как в присущей ему манере рассуждения писал об этом учёный-священник Дьяченко: «Когда, с принятием христианства, появилась необходимость резко разграничить области посмертного пребывания праведных и грешных, то переводчики предназначенную для последних геенну

стали истолковывать “огненным родом”, а для обозначения царства блаженных приняли термин “по рода”, на что, может быть, были наведены случайным созвучием этого слова с греческим *paradeisos* (рай). Термин этот однако не удержался и сменился словом рай – вероятно потому, что самое название рай (цветущий сад) более соответствовало понятию библейского эдема, тогда как “порода” намекала на языческое представление о стране дедов» [4]. Разумеется, в этом случае на значение славянского «порода» повлияло созвучие с закрепившимся в греческом языке восточным по происхождению термином «*paradeisos*» («сад», а в Новом Завете «рай»; ср. вошедшее в русский язык слово «парадиз») – тут Дьяченко прав. Хотя у него опять-таки проглядывает смелое и притом недоказуемое допущение, будто бы «породой» славяне-язычники некогда именовали совокупность предков.

Интересно, что в книге филолога-слависта Т. И. Вендиной, в том разделе, где идёт речь о старославянских словах, обозначавших рай и ад, вообще не упомянут исходный, употреблявшийся в греческом языке термин «парадиз» («рай»). Вендина писала, что рай и ад «в языковом сознании средневекового человека были семантически взаимосвязаны». Она указывала, что оба слова – и «порода» (рай) и «род» (геенна) – восходят к одному и тому же корню «-род-». По её суждению, в раю, называвшемся «*породой*», душа *возрождалась* к новой жизни: ср. старославянский глагол «породити» – то есть «родить, породить» [5]. Однако же ясно, что без использовавшегося греками слова «парадиз» и славянское «порода» (в значении «рай») не появилось бы.

Но в целом всё же приходится утверждать, что греческий язык был для славянских книжников малопонятен – по крайней мере, в его этимологических тонкостях.

Примечания

1. Коршунков В. А. Солнечное затмение 1661 г. и покаянный стих: старинные владельческие записи в Острожской Библии Ивана Фёдорова из коллекции Кировского областного краеведческого музея // Музеи – хранители культурного наследия: материалы межрегион. науч.-практич. конф., посвящ. 185-летию П. В. Алабина, основателя музейного дела в Вятском крае / науч. ред. Т. А. Лебедева. Киров, 2009. С. 23–29.

2. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. С. 24.

3. Полный церковно-славянский словарь (со включением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / сост. Г. Дьяченко. М., 2004. (Репринт). С. 552.

4. Там же.

5. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002. С. 238–240.

УДК 930(470)

С. А. Пьянков, Е. Ю. Баранов, Н. А. Михалев

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА: ОЦЕНКИ, ПОДХОДЫ И ДИСКУССИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

В статье исследуются основные подходы к изучению столыпинской аграрной реформы. На основе анализа научной исторической литературы последних двух десятилетий авторы выявляют основные направления изучения различных аспектов столыпинской аграрной реформы российскими историками.

The article examines main approaches to the study of the Stolypin agrarian reform. On the basis of the analysis of scientific historical literature of the last two decades the authors identify the main directions in researching various aspects of the Stolypin agrarian reform by russian scholars.

Ключевые слова: историография, столыпинская аграрная реформа, П. А. Столыпин, российская деревня, крестьянское хозяйство, община.

Keywords: historiography, Stolypin agrarian reform, P. A. Stolypin, Russian village, peasant household, community.

Аграрная история России традиционно является объектом значительного внимания исследователей. При этом интерес ученых адресован не ко всей хронологической канве, а к отдельным периодам аграрного развития. Эти периоды представляются значимыми, потому что они оказывались безусловно определяющими для формирования общего исторического пути развития народов России. Состояние сельскохозяйственного производства и положение занятых им людей в социальной структуре становились в определенные моменты истории существенным фактором реформаторских либо революционных сдвигов.

Определяя актуальность изучения современной историографии аграрного развития России начала XX в., необходимо отметить преобладание среди работ по экономической истории исследований именно по сельскохозяйственной проблематике [1]. В силу этих объективных причин процесс столыпинского аграрного реформирования привлекает внимание не только историков, опубликовавших значительное количество новых работ конкретно-исторического плана, но и внима-

ние политологов, журналистов, общественных деятелей, что вызвало появление аналитических историографических исследований [2].

Для подавляющего большинства отечественных исследователей исходной точкой современного этапа историографии аграрной истории России является начало 1990-х гг. Возникновение хронологического водораздела между современной и советской традицией историописания историографы объясняют состоянием научных исследований, обусловленных политической актуализацией исследования отечественного экономического развития накануне Первой мировой войны и революций 1917 г. Заявив о своих реформаторских намерениях, руководство провозгласившей свой государственный суверенитет Российской Федерации ставило на политическом уровне задачу выявления в досоветском прошлом позитивного опыта экономических преобразований. Такая задача имела не только прямой практический смысл, но и очевидный идеологический контекст, связанный с масштабной критикой советской науки как догматизированного явления и с обоснованием необходимости внедрения капиталистических форм ведения хозяйства в российскую сельскую экономику. Таким образом, наряду с объективной необходимостью переоценки прежних идеологических установок на процесс научного переосмысления накладывались новые политико-идеологические установки [3].

Современные историографические обзоры свидетельствуют, что именно на первую половину 1990-х гг. выпала наибольшая поляризация мнений. Мы остановим внимание на дискуссиях, проходивших в профессиональном сообществе российских ученых в последние десятилетия. Говоря о существенных различиях в историографии по вопросу о реформаторской деятельности П. А. Столыпина, необходимо отметить, что эти противоречия коренятся в разнице общего подхода к оценке уровня социально-экономического и политического развития предреволюционной России. На основе этого подхода можно выделить две полярные точки зрения.

Одна из них, продолжающая советскую историографическую традицию, исходит из того, что в начале XX в. Россия находилась в том состоянии, выход из которого был возможен только путем революции. При таком подходе упор делается на непоследовательность государственной политики, административный нажим, тормозящий фактор самодержавия, что в конечном итоге вело к возникновению революционной ситуации [4]. Вторая точка зрения может считаться интеллектуальной реакцией историков на долгое господство первой. Суть ее состоит в том, что в стране существовала альтернативная революции возможность выхода из

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ в рамках реализации мероприятий ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., соглашение № 8361 от 24.08.2012.

кризиса путем модернизации и дальнейшего углубления реформ [5].

Сильной стороной аргументов, приводимых авторами, принадлежащими первому направлению, было использование наиболее репрезентативных массовых статистических источников и, следовательно, самый широкий состав объективных аргументов. Однако, при всех достоинствах этой позиции, определявших высокий уровень прочности ее концептуальных построений, у нее имелись видимые недостатки. Они, по мнению оппонентов, заключались в методологическом консерватизме теоретической части создававшихся исследований и игнорировании дополнительных – главным образом психологических – подходов, сосредоточении на негативных сторонах социально-экономического развития в изучении аграрного сектора экономики России начала XX в.

В современной историографии наиболее обоснованная и логически выстроенная критика такого подхода представлена в исследованиях В. Г. Тюкавкина и Э. М. Шагина, сосредоточивших свое внимание на позитивных сторонах проводимых аграрных преобразований. Чрезвычайно интересной представляется попытка В. Г. Тюкавкина раскрыть и четко сформулировать идейно-теоретические стереотипы, сформировавшиеся в отечественной историографии при изучении проблематики аграрной политики правительства Столыпина. Первым и главным из таких стереотипов мышления историк считает восходящее еще к В. И. Ленину представление о том, что реформа была связана с первой русской революцией, заставившей самодержавие радикально изменить курс своей внутренней политики. Вторым стереотип мышления связан с устоявшимся представлением о «разгроме» общин всеми средствами как главной цели реформы. И третье положение, вытекающее из второго, – это представление о повсеместном и грубом полицейском нажиме на общину с целью «разгрома». Таким образом, авторы акцентируют свое внимание на таких проблемах, как причины незавершенности аграрных преобразований, кадровые, финансовые и организационные трудности, недостаток исторического времени, а не на результатах реформ.

На наш взгляд, взвешенной, и в этом отношении ценной, представляется точка зрения В. П. Данилова, обратившего внимание на то, что столыпинские преобразования безнадежно запоздали [6]. Рассмотрев процессы реформирования в длительной исторической ретроспективе, он обратил внимание на низкую эффективность процесса реформирования: «Столыпин говорил, что для преобразования России нужны, по крайней мере, двадцать лет “покоя”. Этого срока было бы явно недостаточно: за десять лет реформы из

общины уходило, по самым щедрым расчетам, по 1% крестьянских дворов в год. Общая численность крестьян-подворников выросла с 23% в 1905 г. до 30–33% в 1916 г. При всем возможном ускорении времени на реформу потребовалось бы намного больше. Да и “покой” был невозможен, ибо Россия не могла не участвовать в Первой мировой войне...» [7]

С постановкой вопроса, акцентирующей внимание на том, что формы владения и распоряжения землей в годы реформы жестко навязывались крестьянам без учета их мнения, солидарны А. П. Корелин и К. Ф. Шацко. Историки высказывают убеждение, что эволюционное развитие деревни после 1861 г. все время тормозилось и деформировалось аграрной политикой правительства. В столыпинское время все основные проекты аграрных реформ, которые давно, порой десятилетиями, разрабатывались в ведомствах, безнадежно запаздывали с внедрением, а когда уже невозможно было затягивать, внедрялись бюрократическими методами, лихорадочно с постоянной оглядкой назад, с готовностью повернуть вспять [8].

В. П. Данилов также подчеркивает, что по своей главной сути осуществлявшиеся столыпинским правительством мероприятия по решению аграрного вопроса берут начало в проектах и программах реформаторов прежних лет. Основное направление реформирования деревни в общем и целом было ясно и понятно наиболее прогрессивным людям века XIX задолго до «аграрных беспорядков» начала XX в. Другим аспектом этой проблемы было то, что у правящих кругов было достаточно инструментов влияния, чтобы не давать хода назревшим реформам. «Все эти меры, – пишет В. П. Данилов, – могли бы изменить ситуацию в России, будь они проведены лет на 20–25 раньше (когда они были предложены Бунге), но после 1905 г. было уже поздно. Столыпинская реформа слишком откровенно была направлена на сохранение помещичьего землевладения, на раскол деревни посредством расчистки крестьянских земель от “слабых” для “сильных”, слишком откровенным был при этом административный нажим на крестьян» [9].

Обозначенные выше положения, выдвинутые В. П. Даниловым, подтверждаются и исследованиями микроуровня. Так, авторы «Истории села Старое Сидорово» Т. В. Еферица и Ю. Г. Еферица подчеркивают, что вопреки давлению властей «далеко не все крестьяне стремились укрепить за собой душевой надел и выйти из общины. Подавляющее большинство предпочло остаться в ее составе. Пожалуй, основной причиной отрицательного отношения большинства крестьян к указу 9 ноября 1906 г. являлось то, что, по их мнению, община хотя бы и кое-как, но давала

жить и малоземельным, она как бы страховала крестьян от голода». Архивные документы позволяют авторам сделать категорический вывод, что «основной части крестьян реформы были безразличны» [10].

Автор аналогичного исследования по селу Лох в Нижнем Поволжье В. В. Кондрашин, анализируя документы и свидетельства устной истории, приходит к близким заключениям. В подтверждение своих выводов исследователь приводит содержание разговоров жителей села, зафиксированных в жандармских протоколах: «Закон 9 ноября выделами земли весь народ ведет к полному разорению, а выделенцы для общины являются самыми вредными, потому что... поддерживают сторону правительства. Министры и все высшие власти... есть самые крупные помещики, владеют праздно по несколько тысяч десятин земли, а выделенцы-«дураки» укрепляют только по 4–5 десятин на душу земли, вот правительство какой делает обман над народом» [11].

Точка зрения о том, что с реформой «опоздали», находит свое подтверждение и в исследовании О. Г. Вронского, который полагает, что либерально-консервативный аграрный курс пробился сквозь тяжелый панцирь традиционного общества слишком поздно, что либеральная трансформация аграрной политики самодержавия должна была уступить, но не уступила на рубеже 80–90-х гг. XIX в., когда уже вызрела идеология реформы [12].

Иную точку зрения на проблему столыпинского аграрного реформирования высказывает японский исследователь К. Мацузато. Ссылаясь на причины экономического и технологического порядка, он пишет, что невозможно объяснить тридцатилетнюю паузу после реформы 1861 г. лишь инерцией правительства и господствующего класса: «Только с окончанием мирового аграрного кризиса и в результате подъема уровня грамотности среди крестьян в силу распространения земских школ и проникновения в среду крестьянства понятия «улучшение хозяйства» впервые для передовых крестьян появилась возможность выйти из общины» [13]. Последняя позиция находит поддержку в среде российских ученых [14].

Приближение столетнего юбилея начала аграрной реформы способствовало новому витку исторических исследований, заметно расширив спектр изучаемых проблем. Столыпинское аграрное реформирование стало предметом анализа при изучении ряда смежных тем.

В фокусе исследовательского внимания оказались проблемы финансирования процесса аграрного реформирования, представленные в работах В. С. Дякина, Н. А. Проскураковой [15]. Историки реконструируют процессы государ-

ственного финансового регулирования в аграрном секторе экономики, что, несомненно, расширяет научное понимание механизмов реализации реформы.

Новый всплеск интереса исследователей вызвала тема эволюции дореволюционной кооперации. В монографии А. П. Корелина на основе обширной документальной базы воссоздается обобщенная картина функционирования российской кооперативной системы, проанализирована правительственная политика и показана ее роль в становлении этой системы, исследованы взаимоотношения кооперативов как между собой, так и с органами местного самоуправления, в том числе в период столыпинской аграрной реформы. Кооперация трактуется и как важный фактор модернизации среднего и мелкого производства аграрного сектора экономики [16].

Другое заметное направление в исследовании проблем аграрного реформирования начала XX в. связано с изучением функционирования учреждений государственного и местного управления. Это направление представлено монографическими исследованиями Э. А. Каримова, К. И. Могилевского, Н. Г. Королевой, С. А. Козлова. Авторами рассматриваются деятельность землеустроительных учреждений, опыт взаимодействия правительства П. А. Столыпина с органами местного управления и местными элитами [17].

М. А. Давыдов, исследуя особенности функционирования продовольственного рынка страны конца XIX – начала XX в., вновь подверг сомнению положение о «провале» столыпинской аграрной реформы. Исследователь утверждает, что «аграрная реформа Столыпина была глобальным преобразованием, которое начало радикальные изменения в жизни страны и имело серьезные перспективы. Реформа выводила сельское хозяйство страны из стагнации, достаточно быстро меняла российскую деревню, притом качественно в лучшую сторону...». Оценивая историографию темы, автор высказывает мнение, что «по разным причинам оценка ее традиционной историографией весьма слабо соответствует действительности и нуждается в коренном пересмотре» [18].

Важной тенденцией исследования аграрного реформирования становится изучение процессов модернизации аграрной экономики России в длительной временной перспективе. Так, Г. Е. Корниловым модернизация аграрной сферы и сельского социума представляется как комплексный и сложноструктурированный процесс аграрного перехода, во время которого происходили экономическая, демографическая, политическая, культурная и правовая трансформации. Направления, темпы развития и формы проявления компонентов аграрного перехода были обусловлены

и корректировались конкретной исторической обстановкой. В данном случае процесс столыпинского аграрного реформирования рассматривается в рамках первой фазы аграрного перехода, охватывающей период конца XIX – начала XX в. и характеризующейся преобладанием экстенсивного развития [19].

Расширение проблематики изучения столыпинской аграрной реформы способствовало выявлению дискуссионных моментов. В частности, проблема оценки экономической эффективности столыпинской реформы является значимым компонентом более широкой исследовательской дискуссии по определению уровня благосостояния и связанных с ним размеров производства и потребления пищевых продуктов. Положительная оценка развития имперской России дана Б. Н. Мироновым и М. А. Давыдовым [20]. Данные авторы, основываясь на материалах антропометрических данных и процессах развития продовольственного рынка страны, отмечают успех процессов модернизации. Противоположной точки зрения придерживается С. А. Нефедов, указавший на несоответствие роста численности населения и размера производимых благ [21]. Аналогичные оценки аграрного развития России поздней имперского периода представлены в исследованиях А. В. Островского, поставившего под вопрос обоснованность выводов Б. Н. Миронова [22]. Акцент на региональных особенностях данной проблематики сделан М. И. Родновым, отметившим качественные различия в аграрном строе различных частей России [23].

В историографии последних лет также отчетливо обозначилась тенденция к пересмотру оценки реформ П. А. Столыпина, связанная прежде всего с деятельностью Фонда изучения наследия П. А. Столыпина. Данную трактовку реформирования можно условно обозначить как «неоконсервативную», возрождающую официальный подход царского правительства. Сторонники этого направления отстаивают мнение о том, что реформа имела успех, а ее незавершенность обусловлена лишь обстоятельствами внешнего порядка, настаивая на том, что преобразования в аграрной сфере носили не корпоративный, а институциональный характер и были направлены на рост новых хозяйственных форм в процессе органической рыночной трансформации. По их мнению, премьером двигало понимание причин оскудения обоих классов земледельческих сословий, уверенность, что нужно другое, более динамичное хозяйство, как помещичье, так и крестьянское. Исследователи утверждают, что программа П. А. Столыпина не предусматривала сохранения помещиков как привилегированного класса, а усиленная мобилизация крестьянских наделов и распродажа дворянских имений выступали

как две стороны одного процесса – естественного разрушения общинного, натурального хозяйственного строя [24].

Такой подход, безусловно, отличается идеализацией в интерпретации программы аграрного реформирования, последовательности и результативности ее осуществления. Декларации и действия правительства П. А. Столыпина представляются исследователями как последовательный комплекс мероприятий, причем основное внимание акцентируется на «замыслах» и планах реформ, а не на их ходе и результатах. В изложении авторов процесс реформирования выглядит как абсолютно новаторский и не связывается ни с предшествующим опытом, ни с событиями последующего периода российской истории, а потому выглядит излишне дискретным [25]. В то же время в качестве несомненного достижения этого направления российской историографии следует отметить особое внимание к систематизации и аккумуляции исторического знания по рассматриваемой проблеме, что нашло отражение в публикации исторических документов и подготовке крупных энциклопедических изданий, имеющих фундаментальное значение для исторической науки [26].

Явная идеализация столыпинской реформы предоставляет оппонентам возможность для обоснованной критики таких взглядов. Противники «неоконсервативной» точки зрения, опираясь на достижения отечественной историографии и архивные материалы, опровергают положение о безусловной успешности столыпинского аграрного реформирования [27]. Так, В. Б. Безгин и Н. В. Токарев отмечают, что «российское крестьянство в большинстве своем оказалось не готово отказаться от традиционного уклада в пользу индивидуального землепользования. Преимущества последнего не были столь очевидными, а община же, напротив, демонстрировала свою приспособляемость» [28].

Исследования, рассматривающие процесс аграрного реформирования в рамках длительной хронологической ретроспективы, показали, что решение крестьянского вопроса и содержание преобразований определялись не только социальной реальностью, но и интеллектуальной средой, в которой действовали реформаторы [29]. Аграрные преобразования не являлись исключительным результатом творчества П. А. Столыпина и его сподвижников, реформы были подготовлены всем ходом сорокалетней пореформенной эволюции российской деревни. Преобразования были продиктованы опасностью аграрных беспорядков, в качестве источника которых реформаторы видели общину. Конкретная реализация реформы, имевшая и несомненные положительные результаты, осуществлялась большей

частью не за счет прирезок государственных или помещичьих земель, а за счет разрушения общинного землепользования, переселения крестьян на окраины империи [30].

Особенностью современного этапа развития российской историографии стало бурное развитие региональных исследований по аграрной проблематике. Наряду с работами отдельных исследователей в Ярославле, Калининграде и других городах, историография столыпинской аграрной реформы представлена крупными региональными школами историков-аграрников Центрально-черноземного района и Среднего Поволжья, Сибири, Урала, специализирующимися на изучении аграрного сектора экономики.

Несмотря на региональную специфику, во всей совокупности исследований можно наметить ряд тематических направлений. Первое рассматривает проблему аграрного реформирования в рамках изучения сословных структур и социальной психологии и менталитета крестьянского населения [31]. Второе – направлено на изучение проблем аграрного реформирования в рамках макроэкономического подхода. Исследования аграрных изменений в данном случае ведутся на примере аграрного рынка и организационных систем крестьянского и помещичьих хозяйств [32]. В качестве третьего направления можно обозначить исследования, направленные на изучение региональных агротехнологических особенностей развития, а также специфики и механизмов внедрения инноваций в аграрной сфере [33]. В качестве четвертой, отдельной группы исследований можно выделить работы, связанные с изучением локальных моделей реализации столыпинской аграрной реформы. Внимание этой группы исследователей концентрируется на механизмах, итогах и последствиях столыпинской аграрной реформы [34].

Таким образом, современный этап историографии характеризуется, прежде всего, резким расширением тематики и географии исследований, углубленным изучением местных архивных фондов и региональной статистики, что позволяет более основательно проводить теоретический анализ, реконструировать сложные процессы землеустройства, развития региональных аграрных рынков, технологической и социальной модернизации в российской деревне. Оценки столыпинской аграрной реформы в современной российской историографии неоднозначны. Являясь узловой проблемой в исследовании аграрного сектора экономики России, она привлекает пристальное внимание не только профессионального сообщества ученых, но и журналистов, политических деятелей, что сказывается на особенностях дискуссий, зачастую приобретающих излишне политизированный и эмоциональный характер. В заключение представляется важным

отметить необходимость продолжения исторических исследований модернизационного эффекта аграрных преобразований начала XX в. в общероссийском и региональном аспектах. Это позволит выявить особенности динамики аграрного развития регионов России и дать новые оценки влияния столыпинской аграрной реформы на социально-экономическую ситуацию в стране.

Примечания

1. Ланской Г. Н. Отечественная историография экономической истории России начала XX века. М., 2010.

2. Роголина Н. А. Столыпинская аграрная реформа: современная историографическая ситуация // Российская история. 2012. № 2. С. 157–164; Зоркова Н. А. Столыпинская аграрная реформа: история изучения // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. Т. 14. № 2. С. 64–72; Храмов А. А. Столыпинские реформы в Сибири в оценках современных историков // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 3. С. 87–94; Каршин В. Ю. Реформы П. А. Столыпина: перекрестки мнений современных историков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 2. С. 3–9; и др.

3. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 126; Ушаков Н. М. Власть и крестьяне России на путях модернизации (XIX – начало XX в.): проблемы историографии. Астрахань, 2001. С. 98–99.

4. Анфимов А. М. Тень Столыпина над Россией // История СССР. 1991. № 4. С. 112–121; Он же. Царствование императора Николая II в цифрах и фактах // Отечественная история. 1994. № 3. С. 58–76; Он же. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002; Ковальченко И. Д. Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность) // История СССР. 1991. № 2. С. 52–72; Он же. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004; Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992; Он же. Петр Столыпин: политический портрет. М., 1992; и др.

5. Тюкавкин В. Г. Влияние Столыпинской аграрной реформы на русское крестьянство // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 1. С. 29–34; Он же. Землеустройство – главное направление второго этапа столыпинской аграрной реформы // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование: XXIX сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1995. С. 116–129; Он же. Столыпинское реформирование – попытка решения срочной проблемы укрепления российской государственности // Власть и общество России в прошлом и настоящем: сб. ст. по материалам научных чтений, посвященных 90-летию со дня рождения проф. Д. С. Бабурина. 22–23 сентября 1999 г. М., 2000. С. 161–172; Щагин Э. М. Столыпинская аграрная реформа: ее результаты и судьба // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование: XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1995. С. 130–149; Он же. Столыпинская реформа за Уралом России: переселение, освоение целины и развитие инфраструктуры сельского хозяйства // Динамика и тем-

пы аграрного развития России: инфраструктура и рынок: материалы XXIX сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Орел, 2006. С. 239–251; и др.

6. См.: *Данилов В. П.* Аграрная реформа и аграрная революция // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 310–321.

7. *Он же.* Аграрные реформы и аграрная революция в России // История крестьянства России в XX веке: избр. тр. М., 2011. Ч. 2. С. 276.

8. *Корелин А. П., Шацко К. Ф.* П.А. Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 53.

9. *Данилов В. П.* Насилие против насилия (Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.) // История крестьянства России в XX веке: избр. тр. М., 2011. Ч. 2. С. 219.

10. См.: *Еферица Т. В., Еферица Ю. Г.* История села Старое Сидорово // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ежегодник. 1996. М., 1996. С. 160–205.

11. См.: *Кондрашин В. В.* История села Лох // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ежегодник. 1997. М., 1997. С. 176–216.

12. *Вронский О. Г.* Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). М., 2000. С. 264.

13. *Мацузато К.* Индивидуалистические коллективисты или коллективистские индивидуалисты? Новейшая историография по российским крестьянским общинам // Новый мир истории России. М., 2001. С. 187–201.

14. *Роголина Н. А.* Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010. С. 194.

15. *Дякин В. С.* Деньги для сельского хозяйства, 1892–1914 гг.: Аграрный вопрос в экономической политике царизма. СПб., 1997; *Проскуракова Н. А.* Земельные банки Российской империи. М., 2002.

16. *Корелин А. П.* Кооперация и кооперативное движение в России 1860–1917 гг. М., 2009.

17. *Ковалев Д. В.* Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века (по материалам Московской губернии). М., 2004; *Каримов А. Э.* Докуда топор и соха ходили: очерки истории земельного и лесного кадастра в России XVI – начала XX в. М., 2007; *Могилевский К. И.* Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). М., 2008; *Козлов С. А.* Аграрная рационализация в Центрально-Нечерноземной России в пореформенный период: (по материалам экономической печати). М., 2008; и др.

18. *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX в. и железнодорожная статистика. СПб., 2010. С. 807.

19. *Корнилов Г. Е.* Основные тенденции аграрного развития в XX веке // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок: XXIX сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 2004. С. 166–170; *Он же.* Трансформация аграрной сферы Урала в первой половине XX века // XX век и сельская Россия: российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». Токио, 2005. С. 286–316; *Он же.* Аграрная модернизация России в XX в.: региональный аспект // Уральский исторический вестник. 2008. № 2 (19). С. 4–14; и др.

20. *Миронов Б. Н.* Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в.? //

Уральский исторический вестник. 2008. № 3 (20). С. 83–95; *Он же.* Модернизация имперской России и благосостояние населения // Российская история. 2009. № 2. С. 137–155; *Он же.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010; *Он же.* Страсти по исторической антропометрии // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 122–140; *Давыдов М. А.* К вопросу о потреблении населения в России в конце XIX – начале XX в. // Российская история. 2009. № 2. С. 168–176; *Он же.* Осторожнее со статистикой // Вопросы истории. 2011. № 3. С. 129–138; и др.

21. *Нефедов С. А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России: конец XV – начало XX века. Екатеринбург, 2005; *Он же.* Влияние революции 1917 г. на динамику потребления пищевых продуктов // Уральский исторический вестник. 2008. № 3 (20). С. 96–107; *Он же.* О связи демографических показателей и потребления в России конца XIX – начала XX в. // Российская история. 2009. № 2. С. 155–162; *Он же.* Уровень жизни населения в дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 127–136; и др.

22. *Островский А. В.* О модернизации России в книге Б. Н. Миронова // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 119–140; *Он же.* К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 129–144.

23. *Роднов М. И.* Осторожно, статистика! // Вопросы истории. 2008. № 8. С. 172–175; *Он же.* Третья Россия (о крестьянстве и не только) // Российская история. 2009. № 2. С. 163–168; *Он же.* Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX в.). Уфа, 2012.

24. *Шелохаев В. В.* П. А. Столыпин – синтез интеллекта и воли // Отечественная история. 2005. № 4. С. 77–85; *Пожигайло П. А., Шелохаев В. В.* Петр Аркадьевич Столыпин: Интеллект и воля. М., 2005; *Пожигайло П. А.* Столыпинская программа преобразования России (1906–1911). М., 2007; и др.

25. См., например: *Шелохаев В. В.* Столыпинский тип модернизации России // Российская история. 2012. № 2. С. 18–36; *Могилевский К. И.* Столыпин и модернизация России. Компоненты программы // Родина. 2012. № 4. С. 8–13.

26. П. А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы: в 2 т. / под ред. П. А. Пожигайло. М., 2003. Т. 1, 2; Столыпин П. А. Переписка. М., 2004; П. А. Столыпин. Грани таланта политика / под общ. ред. П. А. Пожигайло. М.: РОССПЭН, 2006; Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2011.

27. *Зиновьев В. П.* Петр Аркадьевич Столыпин в контексте российской истории и политики // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 1 (17). С. 31–30; *Шиловский М. В.* А была ли столыпинская реформа в Сибири? // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 1 (17). С. 25–28; и др.

28. См.: *Безгин В. Б., Токарев Н. В.* Позолоченная тень П. А. Столыпина // История в подробностях. 2011. № 8. С. 68–77.

29. *Иллерицкая Н. В.* Прошлое в современности: к вопросу о технологии конструирования политического события // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 1. С. 150–160.

30. См.: *Слепнев И. Н.* Сколько земли фермеру нужно? (к вопросу о предпосылках столыпинской аг-

рарной реформы) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 11–14.

31. *Безгин В. Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.: Тамбов, 2004; *Сухова О. А.* «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007; *Она же.* Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.): по материалам Среднего Поволжья. М., 2008; и др.

32. *Александров Н. М.* Отхожие промыслы крестьян Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX века. Ярославль, 2007; *Никулин В. Н.* Помещики Северо-Запада России во второй половине XIX – начале XX века. Калининград, 2005; *Никулин П. Ф.* Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX века. Томск, 2009; *Кругов А. И.* Крестьянское хозяйство России в конце XIX – первой четверти XX в. (на материалах Ставрополя, Кубани, Дона). Ставрополь, 2008; *Хоруев Ю. В.* Крестьянство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века (1890–1917 гг.): на примере Терской области. Владикавказ, 2008; *Мафискин О. И.* Государство тягло: Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск, 2004; *Тагирова Н. Ф.* Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 1999; *Ефферина Т. В.* Социальные проблемы крестьянства и модели социальной поддержки населения (вторая половина XIX – конец XX в.). Саранск, 2003; *Роднов М. И.* Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002; *Роднов М. И., Дегтярев А. Н.* Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Уфа, 2008; и др.

33. *Ефременко А. В.* Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины. Ярославль, 2002; *Есиков С. А., Есикова М. М.* Сельскохозяйственное просвещение и аграрная культура России в конце XIX – начале XX веков (1880-е – 1917 гг.). СПб., 2008; и др.

34. *Невская Т. А.* Столыпинская реформа на Северном Кавказе. СПб.: Нестор, 1997; *Дорофеев М. В.* Земельные отношения в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Новокузнецк, 2007; *Балыбердин Ю. А.* Региональные особенности столыпинской аграрной реформы (по материалам Вятско-Камского региона) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2006. № 15. С. 24–27; *Волгирева Г. П.* Общероссийская сельскохозяйственная печать и «Пермский вестник землеустройства» // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2010. Вып. 2 (14). С. 74–81; *Костина Е. Г.* Реализация столыпинской аграрной реформы в Вятской губернии. Киров, 2010; *Разгон В. Н., Храмов А. А., Пожарская К. А.* Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул, 2010; *Белянин Д. Н.* Качество колонизационного фонда в Западной Сибири 1906–1914 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 56–59; *Белянин Д. Н.* Переселение крестьян в Сибирь в годы аграрной реформы // Российская история. 2011. № 1. С. 86–95; и др.

УДК 796:930(470)

М. А. Смирнов

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассматривается историография становления и развития физической культуры в Российской империи. Анализируются и обобщаются исследования ученых по проблеме дореволюционной истории физической культуры. Статья касается работ по истории становления и развития физической культуры в Вятской губернии в конце XIX – начале XX в.

The article discusses the historiography of the formation and development of physical culture in the Russian Empire. It analyzes and summarizes scientists' researches on the issue of pre-revolutionary history of physical culture. The paper deals with the works on the history of physical culture in the Vyatka province in the late XIX – early XX centuries.

Ключевые слова: Вятская губерния, историография, физическая культура, спорт.

Keywords: Vyatka province, historiography, physical culture and sports.

Проблема развития спорта и физической культуры стоит очень остро в данный исторический период развития России. Спортивные достижения оказывают влияние на политическое положение страны в мире, на воспитание подрастающего поколения, поэтому государство все больше уделяет внимания вопросам развития и продвижения разных спортивных видов. В этом направлении работают министерства, спортивные федерации, ведомства, управления, итогом работы которых можно считать получение разрешения на право проведения крупных общемировых праздников спорта, таких как спортивная универсиада в Казани 2013 г., зимняя олимпиада в Сочи 2014 г. и проведение чемпионатов мира по различным видам спорта. Все это свидетельствует о повышении значимости физической культуры в развитии Российской Федерации, а исторический опыт становления и организации физической культуры может быть полезен в более совершенном и качественном осознании этой проблемы. Поэтому важно осмысление истории физической культуры в Российской империи с точки зрения отечественной историографии.

Современники рассматриваемого периода, анализируя проблемы физической культуры, выделяли два направления: физическое воспитание и спорт. Хотя в понятие физического воспитания они включали различные значения, такие как

урок физической культуры или гимнастика и физическое воспитание у детей или подвижные игры. Спорт считался определенным видом деятельности с применением специальных физических упражнений при непосредственной их массовости и зрелищности. Именно данный период характеризуется зарождением, первыми шагами и попытками описания истории физической культуры и спорта.

Взгляды дореволюционных авторов, рассматривавших различные аспекты и проблемы физической культуры, можно разделить по элементам и видам физической культуры, или области человеческих знаний, связанных с физкультурным направлением, к которым они относились.

Доступным средством физической культуры детского возраста в различных населенных пунктах Российской империи были подвижные игры. Значительный вклад в описание и историческое сохранение различных видов игр внес Е. А. Покровский, дореволюционный этнограф и педагог. В своем исследовании «Детские игры, преимущественно русские: (В связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной)» [1] ученый анализировал становление и развитие детских подвижных игр как одного из средств физического воспитания. Он был одним из выдающихся деятелей который рассмотрел физическую культуру, отталкиваясь от исторического развития детской подвижной игры. В данном исследовании ученый описал детские игры с теоретико-методологической, педагогической сторон и выявил влияние внешних факторов на проводимые игры. Детские подвижные игры России сравниваются с играми других стран и народностей. В описание включены детские игры, распространенные и придуманные на территории Вятской губернии. Это было первое исследование, описывающее самобытные игры империи, собранные в единой книге. В работе «Первоначальное физическое воспитание детей» [2] автором проанализировано влияние подвижных игр и сделан вывод о положительном влиянии их на детские организмы, при соблюдении определенных гигиенических норм. Кроме того, ученый говорит о применении физического воспитания с раннего возраста в семье на основе исторического опыта. Е. А. Покровского можно считать одним из первых авторов, рассматривающих историческое развитие физической культуры.

Наряду с Е. А. Покровским развитие физической культуры изучали А. В. Терещенко и Д. А. Ровинский. В своих работах они касались проблем развития силовых видов физической культуры в местностях Российской империи конца XIX в. [3] Они одни из первых описали становление силовых единоборств и их последующее влияние на развитие единоборств в крупных городах империи.

Общеимперские проблемы становления и развития различных видов физической культуры исследовал В. В. Гориневский. Этот физкультурный деятель был тесно связан с медициной и подходил в своих исследованиях к рассмотрению вопросов физической культуры с точки зрения физиологических, медицинских и гигиенических факторов, влияющих на развитие организма и применение физических упражнений.

Он – автор многих публикаций, связанных с применением физических упражнений и влиянием их на организм. В. В. Гориневский выступал за здоровый образ жизни. В своей работе «О закаливании человеческого организма как средстве воспитания» [4] он обращал огромное внимание на применение различных физических упражнений в рамках различных видов физической культуры с наличием обязательных положительных условий внешней среды.

Довольно много дореволюционных авторов уделяли внимание развитию физического воспитания как урока гимнастики в учебных заведениях под руководством специализированного преподавателя. Описание различных средств, методов и элементов физического воспитания, а также историческое развитие и сравнительные характеристики физического воспитания, по сравнению с международным развитием, дали два выдающихся теоретика и практика дореволюционной физической культуры: П. Ф. Лесгафт и А. Д. Бутовский.

Научные изыскания П. Ф. Лесгафта назывались «Руководство по физическому образованию детей школьного возраста» [5] в двух частях. В своих работах ученый затрагивает вопросы физического образования и применение различных видов физической культуры под руководством грамотного специалиста – преподавателя. Деятельность П. Ф. Лесгафта до сих пор актуальна как фундаментальные теоретико-методологические знания в области физической культуры, а созданные им курсы подготовки специалистов физического воспитания в современности представляют целый институт физической культуры в Санкт-Петербурге.

А. Д. Бутовский был профессиональным военным, «он прошел путь от унтер-офицера до генерал-лейтенанта» [6]. Работая над своим исследованием «Записки по истории и методике телесных упражнений» [7], он использовал знания, полученные из путешествий и из общемировой практики физического воспитания. В этой работе автор анализирует лучшие системы организации физического воспитания в мире, описывает недостатки в преподавании в Российской империи в начале XX в. и представляет свое видение правильности преподавания на общеимперском уровне. Кроме того, активно выступает на

конгрессах и докладывает о развитии физического воспитания и о наиболее грамотной организации этого дела на территории Российской империи [8].

Множество дореволюционных авторов уделяли внимание теоретико-методологическим вопросам развития физического воспитания в Российской империи. К таким авторам можно отнести: К. А. Шмидта, Д. Н. Дубенского и др. В их работах отражены вопросы грамотного преподавания физического воспитания: построение урока, применение различных средств физической культуры [9].

Другими дореволюционными изданиями, рассказывающими нам о развитии физического воспитания в Российской империи конца XIX – начала XX в., были различные исторические сведения конкретно по учебным заведениям, в основном по гимназиям, а также история гимназического образования в Российской империи: «История гимназического образования в России», «Пятидесятилетие Санкт-Петербургской первой гимназии 1830–1880», «Настольная книга по народному образованию», «Гимнастика и спорт в средних учебных заведениях казанского учебного округа» [10]. В этих работах отражались основные тенденции по внедрению уроков гимнастики, опыт работы специалистов – преподавателей гимнастики и оснащенность спортивным инвентарем гимнастических залов, даты зарождения и основные документы, на основании которых вводилось преподавание физического воспитания.

Сведения о различной физкультурной деятельности в учебных заведениях Вятской губернии представлены в работах, касающихся истории учебных заведений: «История Вятской гимназии за 100 лет ее существования», «Гимнастика и спорт в средних учебных заведениях Казанского учебного округа» или в отчетах крупных училищ губернии. В этих работах дано краткое описание физического воспитания в учебных заведениях губернии и сравнение по учебному округу в постановке этого вопроса, также представлен преподавательский состав и влияние этого преподавания на учеников [11].

В спортивном отношении дореволюционные авторы, как и в современности, подразделяли и описывали различные спортивные виды по отдельности.

Велосипед как средство передвижения и достижения определенных физических качеств описывал А. П. Боголепов. В своем исследовании «Велосипедная езда и ее влияние на организм» [12] автор описывал грамотное использование велосипеда, занятия и тренировки на нем. Он произвел описание различных видов встречающихся велосипедов на территории Российской империи. В его работе велосипед представляется

как средство к физической рекреации или спортивной езде, а опыты по влиянию велосипедной езды автор ставил на себе.

Гимнастика как вид спорта рассматривался как отдельными авторами, так и в официальных отчетах центральных спортивно-гимнастических обществ. В. Д. Кузьмин-Караваев, Н. В. Манохин рассматривали отдельный особо развитый вид гимнастики – «Сокольскую» – и ее превосходство перед другими гимнастическими системами [13]. Сведения о развитии крупных гимнастических обществ Российской империи содержались в отчетах этих обществ [14].

Большую популярность имели книги о лошадях, ипподромах и выездах в спортивном плане. С. П. Урусов анализировал развитие коннозаводства, различные породы лошадей, новшества в ипподромном развитии и характеризовал разные выездные школы [15]. Дж. Филлис изучил основы выездки, различные взгляды и системы на эту профессиональную деятельность наездников, кроме этого рассмотрел различные школы и подходы к обучению выездке [16]. В. И. Коптев анализировал историю развития русского коннозаводства и дал свои оценки для последующего направления деятельности, повышения участия государства в этом вопросе [17]. Заслуживают внимания многочисленные научные статьи [18] А. Симонова в дореволюционных центральных спортивных журналах. Большую работу и обобщение различного материала о сохранении исконной местной вятской породы средствами физической культуры сделал Н. А. Любимов. В своем исследовании [19] он отразил исторический аспект развития прикладной физической культуры, направленной на развитие коневодства и сохранение исконных пород на примере Вятской губернии.

В дореволюционной России во многих губерниях существовали яхт-клубы, их деятельности было уделено особое внимание в различной литературе. Кроме исторического упоминания дореволюционными авторами, рассматривающими яхт-клубы Российской империи, были еще и официальные уставы, которые в основном копировались с центральных и особо развитых яхтных организаций. В таких работах есть сведения о дате образования, целях, задачах, правилах, итогах деятельности таких клубов и т. п. [20] В вятском яхт-клубе был свой устав, который официально издавался в брошюре, напечатанной в губернской типографии [21].

Ведущим теоретиком и практиком в изучении различных видов единоборств, в основном борьбы, был И. В. Лебедев, или дядя Ваня. Интерес представляют его статьи в спортивных журналах начала XX в. Кроме того, И. В. Лебедев занимался переводом и написанием мате-

риалов, касающихся единоборств и соревнований силачей [22]. Его практическая деятельность заключалась в организации соревнований среди спортсменов и сплочении различных силачей и борцов. Его считали кумиром многие спортсмены-силачи Российской империи первой четверти XX в.

Организацию проведения охоты и направление ее в спортивное русло отмечал Д. А. Коропчевский. В своих работах он придавал огромное значение развитию правильной охоты на территории Российской империи и старался приравнять ее к отдельному спортивному виду со своей зрелищностью и устройством специальных соревнований [23].

В. Е. Игнатъев и Г. А. Дюперрон рассматривали исторические аспекты физической культуры и спорта, их исследования были актуальны и в послереволюционный период.

В. Е. Игнатъев в 1912 г. издает работу «Физическое воспитание», в которой описывает историю становления и развития общемировой физической культуры, причем затрагиваются данные об истории развития физической культуры на территории Российской империи [24].

Работа Г. А. Дюперрона «Библиография спорта и физического развития» [25] была первым дореволюционным изданием, обобщающим теоретические труды, изданные на русском языке с 1700 по 1913 г., связанные со спортом и физической культурой в целом [26]. Он обобщил труды всех теоретиков физической культуры и спорта, актуальных на его взгляд в Российской империи конца XIX – начала XX в. Его работа раскрывает полную картину дореволюционных авторов и изданий, описывающих различные виды физической культуры. Г. А. Дюперрон как теоретик физической культуры был разносторонним человеком, и область его исследования включала развитие многих видов физической культуры. Кроме того, он был первым, кто написал упомянутую выше библиографию спорта, дал ей определенную структуру, в которую вставил содержание из трудов авторов, описавших практически весь спорт. Из видов спорта особенно подробно он осветил футбол и методико-теоретические основы игры [27], причем его правила, описанные в брошюре и процитированные многими средствами массовой информации, касающимися вопросов спорта первой четверти XX в., смогли дойти до всех губерний империи [28]. Довольно значимо и исследование, касающееся легкой атлетики и ее развития [29]. В нем описывались теоретико-методологические обоснования легкой атлетики, описание различных видов. Довольно значимой считается статистика рекордов выдающихся спортсменов в сравнении с мировы-

ми, общеимперскими и губернскими рекордами первой четверти XX в.

Развитие скаутизма в Российской империи и различные статистические данные о лицах, принимавших участие в этой физкультурно-спортивной деятельности, анализируются в работе И. Н. Жукова [30], в которой автор дал краткую характеристику сведений по организации юных разведчиков.

В дореволюционном историографическом периоде исследователи в области спорта затрагивали вопросы методологии и теории физической культуры. Сами ученые были из различных отраслей знаний, в основном педагогических или медицинских. В их работах отражены процессы становления физкультуры, определены даты, первые практические результаты физкультурно-спортивного развития в Российской империи. Кроме этого ряд авторов описывают исторический процесс становления физической культуры в зарубежной практике. Центральные средства массовой информации, касающиеся физической культуры, дали многим авторам возможность опубликовать свои взгляды на насущные проблемы физической культуры и оценить действия власти в данном направлении.

В советской историографии ученые в основном негативно отзывались о развитии физической культуры и ее видов в целом по Российской империи, так и в частности по конкретным взятым губерниям конца XIX – начала XX в. Хотя они признавали, что становление и первые шаги как в теории, так и в практике физической культуры были сделаны. Изменение политического устройства государства повлияло на выработку новой системы физкультурно-спортивного функционирования. Ученые в области физической культуры призваны были создать новую основу для развития и функционирования физкультурной системы в духе социализма, подчиненной административно-командной системе и плановой экономике. Спонсирование любых разработок, изысканий в области физической культуры и развития всей физкультурной деятельности исходило от государства.

В постреволюционный период продолжались попытки издания исследований дореволюционных авторов, но постепенно пришли ученые с новым подходом к вопросу истории физической культуры и спорта.

Среди исследований данного периода особый интерес представляют работы Г. А. Дюперрона. Приняв новое общественно-политическое устройство, он продолжал писать об истории спорта в Российской империи и предлагать свои пути развития физической культуры [31]. Его исторические работы подвергались многочисленной критике различных ученых

новой советской формации, занимающих определенное место в физкультурно-спортивной отрасли знаний. Г. А. Дюперрон давал теоретико-методологическое обоснование различным видам спорта [32].

В предвоенный и военный периоды произошло окончательное закрепление новых взглядов на рассматриваемый вопрос. С учетом этого можно отметить начало фактического использования архивных дореволюционных материалов. А. В. Грачев и М. С. Коган написали работу по истории физической культуры в СССР, включая в нее и все, что было связано с дореволюционной Россией, причем исторические изыскания заканчивались XVIII в. Исследователи находят подтверждение развития отдельных видов физической культуры в сказаниях, былинах, у авторов художественной литературы, ученых различных отраслей знаний. В работе взяты выдержки из оригинальных источников и даны грамотные комментарии к историческим высказываниям и цитатам [33]. Е. Ю. Зеликсон раскрывает историю физической культуры с периода отмены крепостного права и до революции. В работе особое место отдается становлению физической культуры советского государства задолго до революции. Он выделяет причинно-следственную связь изменения отношения к физкультуре и спорту в дореволюционный период. Говорит об особенностях физкультурно-спортивного развития в Российской империи этого периода [34].

С начала 50-х гг. изменяется подход к истории физической культуры, хотя достигнутые результаты советской системы физкультуры постоянно ставились в пример.

Так, диссертация Е. М. Черновой была одной из первых, затрагивающих вопрос физического воспитания в 60-х гг. XIX столетия. В своих изысканиях она опирается на смежные естественнонаучные отрасли физической культуры, такие как физиология, биология, медицина. В итоге исследователь приходит к выводу, что развитие гуманитарных знаний и работы различных дореволюционных ученых способствовали развитию различных видов физической культуры в дореволюционный период в Российской империи и подтолкнули государственный аппарат к начинаниям в этой сфере деятельности [35].

Историческое развитие, значимость и развитие элементов физической культуры подчеркивается в работах А. Куна [36], В. В. Столбова, Б. С. Кузьмак [37], Н. К. Коробейникова [38] и др. В итоге каждый автор дает определение основных понятий физической культуры, которые отражены в работе. Все приведенные определения, так или иначе, связаны с историческим развитием, как и рассматриваемые элементы физической культуры.

В. А. Новоскольников описал проведение первой общероссийской спартакиады под названием «общероссийские олимпийские игры» [39]. Его работа интересна своими точными данными о времени и месте организации игр.

На становление молодежного спорта в рассматриваемый период обращает внимание М. П. Паньков в своем диссертационном исследовании «Деятельность спортивных организаций России и их участие в революционной работе среди масс» [40]. Подчеркивая революционную направленность и плохое развитие физической культуры в дореволюционный период, он отмечает, что физкультурно-спортивное развитие происходило, а государственное влияние на организацию молодежных физкультурно-спортивных обществ было минимальным.

Историческое развитие судоходных видов спорта описывает В. Гловацкий. Особый интерес в его исследовании представляет процесс развития яхт-клубов в имперской России, а также основные даты становления парусных видов спорта [41].

Историю и организацию физической культуры рассматривал в своей обобщающей работе Н. Ф. Кулинка [42]. Автор указывает общеимперские даты событий, связанных с физической культурой. Он описывает развитие физической культуры в различные периоды истории Российского государства.

В работах А. Б. Горянова, О. А. Барсук и А. И. Кудрейко значительное место уделено истории развития футбола как одного из ведущих командно-игровых видов спорта. В работе «Колумбы» московского футбола» [43] затрагиваются вопросы становления и первых шагов развития футбола в московском регионе конца XIX – начала XX в. Даны основные даты организации первых футбольных спортивных обществ. Описаны первые футбольные игры и командные встречи. В работе «Страницы футбольной летописи» [44] отражены вопросы организации футбола на общероссийском уровне в различные периоды развития, также даны даты организации, описаны основные направления развития и первые спортивные встречи различных губернских команд. В этих работах затрагиваются в основном вопросы становления и организации футбола в центральных губерниях.

Попытка описания зарождения спорта в Вятской губернии была предпринята Г. Н. Разумовским и А. Ц. Пуни [45]. Их заслуга состояла в том, что они начали организовывать молодежный спорт и основывать различные спортивные команды и неофициальные общества в первой четверти XX в. на территории г. Вятки. Воспоминания о своей деятельности по организации спорта, описание различных команд г. Вятки были ими при-

ведены в работе «Страницы истории спорта в Вятке». А. Ц. Пуни описал процесс становления и развития футбола в Вятке, первые футбольные команды, материально-техническое оснащение. Г. Н. Разумовский в целом изучил процесс становления и развития первых спортивных молодежных организаций Вятки, идейных вдохновителей, виды спорта, распространенные в губернии, и околоспортивную деятельность. Вятские исследователи в своих работах указывают на то, что становление и первые шаги развития спорта в Вятке были сделаны в дореволюционный период.

В советской историографии ученые, находясь в зависимости от политики партии и советской идеологии, в исследованиях негативно описывали историю физической культуры в позднеимперский период Российской империи. Можно отметить, что в советский период появились ученые – историки, специалисты в области истории физической культуры, которые не отрицали, что становление, организация и развитие некоторых элементов физической культуры были именно в Российской империи в конце XIX – начале XX в.

Современная историография затрагивает авторов, опубликовавших свои исследования в период становления нового государства с новой политической системой. Этот период охватывает временной промежуток с 1991 г. по настоящее время. Можно условно разделить исследователей, которые рассматривали становление и развитие физической культуры на общеимперском уровне и конкретно в Вятской губернии. К первой категории можно отнести Ю. И. Евсева, Д. Г. Ефимова, И. В. Харламова, А. Б. Суника, Е. Гик, В. Г. Волкова, Е. Купало. А к авторам, касавшимся конкретно Вятской губернии, можно отнести Ю. А. Балыбердина, В. Н. Патрушева, В. Ф. Пономарева, В. Д. Сергеева.

В современном исследовании советского спортивного историка А. Б. Суника [46], отражены все выдающиеся деятели физической культуры и спорта начиная с дореволюционного периода. Ученый выделяет различные периоды становления историографии физической культуры и спорта и кратко описывает ученых, специалистов, теоретиков и их работы о развитии истории физической культуры и спорта. Непредвзятость его исследований и ссылки на большое количество дореволюционных ученых и специализированных физкультурно-спортивных изданий делают его исследование фундаментальным, правдивым и актуальным.

Ю. И. Евсеев дает определение физической культуры как части культуры человечества, которая накапливалась и развивалась исторически [47]. И. Ф. Харламов определяет физическое воспитание как многогранный процесс и делает предположение о том, что дореволюционный урок

под названием «гимнастика» и был самым настоящим уроком физического воспитания [48].

В диссертационном исследовании Д. Г. Ефимова анализируется становление и развитие физической культуры и спорта в государственных учреждениях России с 1861 по 1917 г. [49] В работе он затрагивает основные тенденции развития физической культуры на общеимперском уровне, не вдаваясь в подробности этого процесса в губерниях. Описывая развитие спорта, он дает развернутую характеристику центральным спортивным клубам и обществам.

В. Г. Волков в своем диссертационном исследовании «Становление и развитие физической культуры и спорта в Пензенской губернии в конце XIX – первой четверти XX века» делает попытку описания физического воспитания и спорта на примере Пензенской губернии [50].

Историю спорта исследовали Е. Я. Гик и Е. Купало [51]. В их работе проанализировано постепенное историческое становление и развитие различных видов спорта с опорой на важнейшие даты и деятельность спортивных функционеров различных периодов. В исследовании рассмотрены редкие, народные и вымирающие виды спорта.

Ю. А. Балыбердин, рассматривая общественно-политическую жизнь в Вятско-Камском регионе 1900–1914 гг., затронул организацию и развитие различных обществ и объединений и привел примеры организации спортивных обществ как на территории губернии, так и в целом в Российской империи [52].

В. Д. Сергеев, характеризуя местную прессу рассматриваемого периода, затронул некоторые аспекты, касающиеся развития физической культуры в Вятском регионе и на территории империи [53].

В. Н. Патрушев описал жизнедеятельность одного из директоров Вятской первой мужской гимназии и его участие в организации и способствовании развитию физического воспитания в стенах отдельно взятого учебного учреждения рассматриваемого периода [54].

В. Ф. Пономарев обратил внимание на развитие народных игр и забав среди населения губернии, отталкиваясь от труда Е. А. Покровского и своих воспоминаний [55].

Можно констатировать, что в современный историографический период ученые-историки более объективно и непредвзято исследуют становление и развитие физической культуры в дореволюционной России. Современные исследования касаются как истории развития физической культуры в Российской империи, так и отдельно по губерниям.

Итак, в современной отечественной исторической науке накоплен большой исторический и

историографический опыт изучения истории физической культуры и спорта в Российской империи конца XIX – начала XX в. Многие изыскания различных авторов постепенно оспариваются, подкрепляясь новыми сведениями авторитетных источников. Поиск научной истины в истории этого вопроса постоянно актуализируется исходя из развития научных взглядов, опирающихся на достоверные факты.

Примечания

1. *Покровский Е. А.* Детские игры, преимущественно русские: (В связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной). М.: Тип. А. А. Карцева, 1887.

2. *Покровский Е. А.* Первоначальное физическое воспитание детей. М.: Типо-лит. В. Ф. Рихтера, 1895.

3. *Терещенко А. В.* Быт русской жизни. СПб.: Тип. воен.-учеб. заведений, 1847; *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1881.

4. *Гуриневский В. В.* О закаливании человеческого организма как средстве воспитания. Вып. XX. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1900 (сер. Энциклопедия семейного воспитания и обучения).

5. *Лесгафт П. Ф.* Руководство по физическому образованию детей школьного возраста. Ч. I, II. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1888–1901.

6. *Суник А. Б.* Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта. М.: Сов. спорт, 2010.

7. *Бутовский А. Д.* Записки по истории и методике телесных упражнений. СПб.: Изд. главной гимнастическо-фехтовальной шк., 1913.

8. *Бутовский А. Д.* Вопросы физического воспитания и спорта на международном конгрессе в Брюсселе летом 1905 г. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1906.

9. *Шмидт К. А.* Гимнастика в вопросах и ответах: ее история, цель и польза. СПб.: Литотип. Ф. Юргенса, 1877; *Дубенский Д. Н.* Учебник для введения строевых и гимнастических занятий в народных школах и других учебных заведениях. СПб.: Изд. русское чтение, 1911.

10. *Алешинцев И. А.* История гимназического образования в России. СПб.: О. Богданова, 1912; *Соловьев Д. Н.* Пятидесятилетие Петербургской первой гимназии. СПб.: Тип. Второго отд. Собств. е. и. в. канцелярии, 1880; *Погодин П. Д.* Гимнастика и спорт в средних учебных заведениях Казанского учебного округа. Казань: Типолит. ун-та, 1912.

11. *Погодин П. Д.* Гимнастика и спорт в средних учебных заведениях Казанского учебного округа; *Васильев М. Г.* История вятской гимназии за сто лет ее существования. Вятка: Губерн. тип., 1911; Отчет по вятскому Александровскому земскому училищу. Вятка: Тип. Шкляева, 1915.

12. *Боголепов А. П.* Велосипедная езда и ее влияние на организм. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1895.

13. *Кузьмин-Карабаев В. Д.* Сокольство и идея славянского единения. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1912; *Манохин Н. В.* Курс сокольнической гимнастики. Пг.: Изд-во гимнастического клуба «Сокол», 1917.

14. Гимнастическое общество Сокол-1 в Санкт-Петербурге 1912; Богатырь. Общество телесного воспитания. Отчет за 1906 год. СПб., 1907; Богатырь. Общество телесного воспитания. Отчет за 1908–1909 учебный год. СПб., 1910.

15. *Урусов С. П.* Книга о лошади – настольная книга для каждого коннозаводчика, коневода, коневладельца и любителя лошади. Т. II. СПб.: Деятель, 1911.

16. *Филлис Дж.* Основы выездки и езды. СПб.: Издатель Кн. Багратион, 1901.

17. Материалы для истории русского коннозаводства. Статьи В. И. Коптева. 1847–1887. М., 1887.

18. *Симонов Л.* Несколько слов о развитии коннозаводства в России // Спортсмен. 1913. № 19. С. 7–9.

19. *Любимов Н. А.* ... «Вятка» (лошадь Вятской породы). Вятка: Скл. изд. у Н. А. Любимова, 1915.

20. Устав Санкт-Петербургского студенческого яхт-клуба. СПб., 1911; Петр Великий – основатель водного спорта в России. СПб., 1910; Императорский речной яхт-клуб 1860–1910. Т. I. СПб., 1910.

21. Устав Вятского Яхт-клуба. Вятка: Губерн. тип., 1904.

22. *Лебедев И. В.* Французская борьба. Саратов: Новь, 1925.

23. *Коропчевский Д. А.* Древнейший спорт. СПб.: Изд-во М. М. Ледерле и Ко., 1892.

24. *Игнатъев В. Е.* Физическое воспитание: гимнастика, спорт, подвижные игры. М.: Польза, 1912.

25. *Дюперрон Г. А.* Библиография спорта и физического развития. Петроград: Канц. Сов. при Главнонаблюдающем, 1915.

26. *Суник А. Б.* Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта. М.: Сов. спорт, 2010. С. 70.

27. *Дюперрон Г. А.* Теория игры в футбол «Ассоциация». Тифлис: Тип. Канц. наместника е. и. вел., 1910; *Дюперрон Г. А.* Легкая атлетика и игры. Вып. II. Футбол и другие игры того же типа. СПб.: В. Березовский, 1909.

28. *Разумовский Г. Н.* Страницы истории спорта в Вятке: Воспоминания старых спортсменов. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1968.

29. *Дюперрон Г. А.* Легкая атлетика. СПб.: В. Березовский, 1913.

30. *Жуков И. Н.* Русский скаутизм. Краткие сведения о русской организации юных разведчиков. Пг.: В. А. Березовский, 1916.

31. *Дюперрон Г. А.* Краткий курс истории физических упражнений. Л.: Ленингр. шк. физ. образования комсостава К. А. и Ф., 1924.

32. *Дюперрон Г. А.* Футбол, баскетбол, ватерполо. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.

33. *Грачев А. В.* История физической культуры в СССР с древнейших времен до конца XVIII века. М.: ФиС, 1940.

34. *Зеликсон Е. Ю.* Очерки по истории физической культуры в СССР. М.; Л.: ФиС, 1940.

35. *Чернова Е. М.* Проблема физического воспитания в русской педагогической литературе в 60-х гг. XIX столетия: дис. ... канд. пед. наук. М., 1951.

36. *Кун А.* Всеобщая история физической культуры и спорта. М.: Радуга, 1982.

37. *Кузьмак Б. С.* Социально-экономические проблемы физической культуры и спорта. М.: ФиС, 1981.

38. *Коробейников Н. К.* Физическое воспитание. М.: Высш. шк., 1989.

39. *Новосоколычев В. А.* Пылающая эстафета. М.: ФиС, 1979.

40. *Паньков М. П.* Деятельность спортивных организаций России и их участие в революционной работе среди масс: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1981.

41. *Гловацкий В.* Увлекательный мир парусов. (Очерки по истории парусного спорта.) М.: Прогресс, 1981.

42. *Кулино Н. Ф.* История и организация физической культуры. М.: Просвещение, 1982.

43. *Бряннов А. Б.* «Колумбы» московского футбола. М.: Моск. рабочий, 1983.

44. *Барсуков О. А.* Страницы футбольной летописи. Минск: Польша, 1987.

45. *Разумовский Г. Н.* Страницы истории спорта в Вятке: Воспоминания старых спортсменов. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1968.

46. *Суник А. Б.* Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта. М.: Сов. спорт, 2010.

47. *Евсеев Ю. И.* Физическая культура. Ростов н/Д: Феникс, 2005.

48. *Харламов И. Ф.* Педагогика. М.: Гардарики, 2000.

49. *Ефимов Д. Г.* Становление и развитие физической культуры и спорта в государственных учреждениях России (1861–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.

50. *Волков В. Г.* Становление и развитие физической культуры и спорта в Пензенской губернии в конце XIX – первой четверти XX века: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003.

51. *Гик Е. Я.* Популярная история спорта. М.: «Академия», 2007.

52. *Балыбердин Ю. А.* Общественно-политическая жизнь в Вятско-Камском регионе в начале XX века (1900–1914 годы). М.: Прометей, 2005.

53. *Сергеев В. Д.* Из истории вятских газет, 1838–1917: К 300-летию рус. печати. Киров: Киров. фил. Моск. гуманит.-экон. ин-та, 2002.

54. *Патрушев В. Н.* Директор Вятской гимназии Ф. М. Керенский // Из истории Вятского края. Киров: Изд-во ВГПУ, 1997.

55. *Пономарев В. Ф.* Народные игры, забавы, рисования на Вятке. Киров: Вят. лит.-худ. изд-во Киров. отд. СФК, 1991.

УДК 2-788

Е. В. Кустова

ОСОБЕННОСТИ ПОСЛУШАНИЙ МОНАШЕСТВУЮЩИХ В XVIII в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЯТСКОЙ И ВЕЛИКОПЕРМСКОЙ ЕПАРХИИ)*

В статье на примере Вятской и Великопермской епархии анализируется система послушаний в монастырях в XVIII в., дается их типологизация, показана их динамика на протяжении столетия, выясняются причины изменений. Рассматриваются особенности послушаний в мужских и женских монастырях, а также проблема физического труда среди монашествующих.

In article and exemplified by Vyatka and Great Perm' Diocese analyzes the system of obedience in the monasteries in the XVIII century, given their typology, shown their dynamics in the during the century, establishing the cause of changes. Discusses the obedience's features in monasteries and nunneries, and the problem of the physical labor of the monks.

Ключевые слова: монастыри, послушания, Петр I, реформы, Вятская и Великопермская епархия.

Keywords: monasteries, obedience, Peter I, reform, Vyatka and Great Perm' Diocese.

Жизнь человека в монастыре определялась молитвой и трудом. Практически каждый монах в силу своего опыта и сил исполнял какое-то послушание, что было тесно связано с самой сущностью монашества. Принимая постриг, человек давал обет послушания, в котором отвергал свою волю как источник греха. Одной из форм послушаний монаха являлась готовность принять любую работу, которая воспринималась как дело Божие [1]. Труд не только давал пропитание братии, но и духовно воспитывал ее. Так, в своем уставе прп. Василий Великий, используя примеры Св. Писания, указывал на необходимость монахам заниматься рукоделием, поскольку оно утруждает тело, является проявлением служения своему ближнему, учит послушанию и смирению [2].

На протяжении нескольких столетий именование и содержание многих монастырских должностей и занятий оставались практически неизменными. Однако наполненное преобразованиями XVIII столетие внесло определенные коррективы в эту веками сложившуюся традицию.

Главный груз ответственности в монастырях по традиции лежал на плечах *настоятеля*.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Кировской области научного проекта №13-11-43002

В XVII–XVIII вв. эту должность в относительно крупных мужских монастырях Вятской и Великопермской епархии (Трифоновом, Пыскорском, Слободском, Подгородном) исполняли архимандриты, в средних и небольших (Соликамском, Чердынском, Истобенском, Верхочепецком, Орловском), а также в пустынях – игумены и строители. В женских монастырях во главе стояли игуменнии. О необходимости иметь в Трифоновом монастыре настоятелей в сане архимандритов писал Синоду в 1726 г. вятский архиерей: «В городе Хлынове в Успенском Трифоновом монастыре надлежит быть архимандриту того ради, что оной монастырь при кафедре моей первой и в господския праздники и в воскресныя дни и в тезоименитства их величества фамилий и в протчия церковныя церемонии бывает с нашим смирением в соборной церкви того монастыря архимандрит в служении, да и на пред сего издревле во оном монастыре даже и донныне были архимандриты, понеже за тем монастырем имеютца вотчины... да и братии всегда бывает без мала по сту человек монахов» [3].

На настоятелей возлагалось множество обязанностей. Они должны были следить за вотчинами, улаживать возникающие там конфликты, контролировать межевание земель, расширять земельные владения, осваивать уже полученные, строить и освящать храмы как в своих монастырях, так и в его вотчинах. Важнейшим призванием настоятелей являлось также духовное руководство братии. Начиная с 1730-х гг. архимандритами и игуменами являлись, как правило, люди, имевшие среднее или высшее духовное образование, многие из них были талантливыми проповедниками, проявляли интерес к богословию, истории и философии. Поэтому архиереи привлекали их к служению за пределами своих обителей. Так, настоятели крупных монастырей (Трифонова, Хлыновского Подгородного, Верхочепецкого и Чердынского) в XVIII столетии нередко становились заседателями духовного приказа, а затем Вятской духовной консистории, являясь деятельными помощниками владык по управлению епархией. Также они были ректорами духовной семинарии, казначеями и экономами Вятского архиерейского дома [4].

Настоятелей в XVIII в. утверждал архиерей – по своему усмотрению или из кандидатов, предложенных братией. При этом епископы зачастую ориентировались не на духовный, а на образовательный уровень человека, что имело порой негативные последствия. Монастырский устав и дисциплинарные взыскания не могли удерживать порядок в обители и привести монахов к духовному совершенству, если его не удерживал настоятель силой своего духовного авторитета. Однако были примеры, когда настоятели сами

нарушали устав монастыря, проявляя неумную страсть к властолюбию или стяжанию. К сожалению, история приуральских монастырей знает немало подобных примеров, в основном выходящих из среды семинаристов.

Для монастыря была важна не только личность настоятеля, но и его ближайшего окружения. Во время долгого отсутствия архимандритов или игуменов их обычно замещал казначей и келарь. Но если они были молоды, их назначение управляющими монастыря могло создать немало проблем, поскольку старшая братия могла «делать ему в распоряжениях послушания». Поэтому нередко управление обителью передавалось игуменам и архимандритам, жившим в монастыре «на покое». Так, неоднократно управлял вятскими монастырями в 1770-е гг. после смерти настоятелей до назначения новых штатный игумен Феодот (Ившин) [5]. Реже монастырь поручался для наблюдения настоятелю из соседней обители, но это было неудобно и малоэффективно.

Со временем в крупных монастырях появилась особая должность *наместника*. Впервые она встречается в 1734 г. в Хлыновском Успенском Трифоновом монастыре. После неожиданного отъезда, а вернее, побега в столицу архим. Александра (Корчемкина) еп. Лаврентий (Горка) назначил наместником монастыря своего духовника иером. Лаврентия (Полторацкого). В прошлом он был казначеем в Московском Симоновом монастыре и судьей Смоленского архиерейского дома [6]. В начале 1750-х гг. наместником был иером. Иоанн (Черепанов), которому пришлось решать сложные проблемы, связанные с волнением крестьян в монастырских вотчинах [7]. В 1759 г. еп. Варфоломей назначил на время служения архим. Давида в столице наместником переведенного из Белгородской епархии иеромонаха Софонию, являвшегося одновременно талантливым проповедником [8]. В 1762 г. для лучшего смотрения над монашествующими наместником был определен иеромонах Трифонова монастыря, учитель синтаксисы и грамматики, прокуратор семинарии Мисаил (Сеземов) [9].

Монахи в XVIII в. делились на соборных – кто служил и выполнял послушания, и больничных, которые по болезненному состоянию и слабости от них были освобождены. Настоятель распределял послушания с учетом духовного опыта, профессии в «миру», способностей, состояния здоровья человека и пр. Их можно условно разделить на церковные, хозяйственно-экономические и связанные с внутренним порядком в монастыре.

В центре жизни монаха лежал дневной круг богослужений. Службы в монастыре совершались ежедневно. Однако резкое сокращение числа

монашествующих вследствие реформ Петра I и его последователей привело к тому, что иеромонахов и иеродиакон для совершения служения стало не хватать [10]. Так, в 1739 г. в 16 монастырях Вятской и Великопермской епархии в храмах было 35 престолов, но только у 12 совершались службы, поскольку на все монастыри приходилось 20 иеромонахов и 8 иеродиакон [11]. При этом в Верхочепецком и Котельничском монастырях было только по одному иеромонаху и ни одного иеродиакон [12]. В Успенском Трифоном монастыре дело обстояло лучше других обителей: в 1739 г. здесь находилось 5 иеромонахов и 3 иеродиакон, поэтому была возможность служить по очереди. Тем не менее по сравнению с предыдущим периодом в монастыре в это время отмечалась «скудость» и «немалая нужда» священнослужителей [13]. В 1740 г. архимандрит относительно благополучного Слободского монастыря Герасим писал архиерею, что «при оном де Богоявленском монастыре которые имеются иеромонахи и монахи весьма дряхлы, а в священно и церковнослужениях также и в отправлении всяких монастырских служб имеется немалая нужда». Поэтому настоятель просил определить к монастырю для служения священника и диакона [14]. Во многих пустынях вообще не было иеромонахов, поэтому служили там священники из близлежащих приходских церквей.

В таких условиях даже сосланных за какие-то проступки в другие монастыри иеромонахов и иеродиакон порой приходилось возвращать раньше срока, иначе их наказание ложилось тяжелым бременем на всю братию. Так, иером. Гавриил (Старцов) в 1758 г. за пьянство был наказан плетью и сослан на два месяца в Богословский Подгородный монастырь [15]. Однако, не дождав указанного срока, братия попросила его вернуть, так как «...в реченном Успенском Трифоном монастыре в отправлении Божественных литургий, повсядневно бываемым в трех церквах Божиих, за малоимением служащих иеромонахов, ис коих крайне имеются престарелыя, священнослужение бывает отправлением весьма с немалою трудностию» [16]. В качестве причетников, помогавших священникам во время службы, приглашали бельцов.

За правильность совершения служб в соответствии с церковным уставом отвечал *уставщик*. Ему помогали *канонарх* (*головщик*), который руководил церковным пением, *крылосные* (*крылошане*, певчие), *псаломщик* и *парамонарь* (пономарь) [17]. Пономарь следил за порядком в храме, возжигал и гасил свечи, лампады, паникадила, звонил в колокола или било, созывая братию на службу, если не было особого звонаря, открывал и запирали церковные двери.

В XVIII в. в монастырях сохраняется и традиционное послушание *духовника*, который исповедовал братию и давал духовные наставления.

Однако служение не было единственным послушанием. Ряд монахов отвечал за общий порядок в монастыре. Правда, как особые должности они фигурируют только в крупных монастырях епархии. Открывал и закрывал монастырские ворота, а также наблюдал за входившими в обитель монастырский *сторож* (*воротник* – на монастырских воротах). Также в некоторых обителях был *будильник* и *звонарь*.

Совершенно новую должность, порожденную Петровскими преобразованиями, представлял собой *инквизитор* – подчинявшийся Синоду духовный фискал, который был призван контролировать жизнь монастыря, следить за исполнением церковных обрядов, ведением дел и пр. [18] Правда, данная должность просуществовала недолго. На Вятке она упоминается только в 1723–1725 гг. в Верхочепецком, Пыскорском, Чердынском, Кайгородском мужских монастырях и Плесинской пустыне [19].

Помимо богослужения в храме и слежения за порядком в монастыре были послушания хозяйственно-бытового характера. В крупных монастырях главным помощником настоятеля по ведению монастырского хозяйства, как и в XVII в., являлся *келарь*. Он заведовал хранением и распределением продуктов. Также он следил за земельными владениями, занимался приобретением новых имений, обменом и продажей старых, контролировал своевременное поступление оброка и исполнение крестьянских повинностей. В его власти был суд над монастырскими крестьянами, который он осуществлял либо сам, либо через своих представителей.

Для монастыря с обширным хозяйством особая роль отводилась *казначей*, который хранил у себя монастырскую казну и вел приход и расход средств. В отличие от других послушаний, эта должность была практически во всех монастырях, за исключением нескольких пустынь и некоторых женских обителей. Казна, которая хранилась у казначея за печатью настоятеля, периодически проверялась всей братией, а при смене казначея сдавалась и принималась «при всебратственном собрании» по приходным и расходным книгам [20].

В исключительных случаях, когда монастырь имел обширное хозяйство, в монастыре было несколько казначеев. Так, в Пыскорском монастыре в 1724 г. упоминаются сразу три казначея – «денежной казны», «платной казны» и «железной казны», причем все они были простыми монахами 72–75 лет, происходившими из крестьянства. Два казначея – денежной и платной казны – упоминаются в Соликамском Вознесенском

монастыре – также простые монахи из крестьян 64 и 67 лет [21]. Однако после введения штатов в 1764 г. подобная практика была прекращена.

Простые монахи или послушники исполняли должности *просвирника, чашика, хлебодача, конюшенных «у присмотру лошадей»*, выполняли различные работы в *хлебопекарне, были у продажи свечей* [22].

Ближайшим помощником келаря был *эконом* [23], или *ключник*. В ведении эконома находились погреба, амбары, кухня, конюшни, скотный двор и т. д. Ему в свою очередь подчинялись монахи, отвечавшие за разные отрасли монастырского хозяйства: *хлебник, ризничий*. На монастырской трапезе трудились *трапезник, подкеларники и чашики*. В то же время монахи в XVIII в. почти не трудились в пекарнях, поварнях и мукосеинах, послушание в которых считалось самым тяжелым. Особенно благоговейно в монастырях относились к выпеканию хлеба. Среди монахов обычно выделялся *«просфиряк»* (просвирник) для печения просфор. Однако в XVIII в. просфоры и хлеб монастыри нередко покупали.

Поскольку многие монастыри до секуляризации имели земельные владения, существовали различные послушания для решения хозяйственных вопросов. За многочисленными вотчинами еще начиная с XVII в. следили *посельские (посельные) старцы*, которые имели помощников – прикащиков, старост и сборщиков. Если монахи сами не работали в каких-то службах, то осуществляли общий надзор за ними: житные старцы (*житенные*) наряду с вкладчиками следили за сбором и сохранностью зерна в деревнях, посельские – управляли вотчинами и следили за сельскохозяйственными работами. Но зачастую эти должности объединялись. Также монахи и вкладчики посылались в различные вотчины для приема помольных денег (с мельниц) и найма работников [24].

При этом нет сведений о том, чтобы сами монахи работали на земле или ухаживали за скотом – для этого были служебники, слуги, наемные работники. Согласно древнему Студийскому уставу, в монастырях различались два круга работ: «домовые», внутренние, которые производились руками монахов, и внешние, которые иноки исполнять не могли (например, на скотном дворе) [25]. По-видимому, часть из этих работников являлась послушниками, поскольку данная категория нигде в документах XVII–XVIII вв. особо не выделяется. Можно предположить, что, пройдя определенный «искус» при выполнении тяжелых хозяйственных работ, они постригались в монашество. Исключение составляли священники и диаконы, для которых главным послушанием до и после пострига было служение в храме. В 1730-е гг. в большинстве вотчин посель-

ских старцев заменили отставные военные, жившие в монастырях на пропитании. Иногда посельские старцы жили вместе с военными [26]. В последний раз указанная должность встречается в 1756 г. В Вобловицкой вотчине Трифонова монастыря вместе с приказчиком жил посельный монах Варсонофий [27]. В Пыскорском и Соликамском монастырях, где основные доходы приносила добыча соли, старцы занимались ее оптовой и розничной продажей [28].

Некоторые послушания монахи несли за пределами родной обители и ее вотчин. Так, монахи Хлыновского Трифонова монастыря из-за нехватки братии в архиерейском доме нередко исполняли там должности ризничего, житенного, казначея, находились «у промена восковых свеч» [29]. Иеромонахи и архимандрит той же обители постригали в монашество послушниц Вятского Преображенского девичьего монастыря [30]. Подобная традиция существовала и в других городах и селах, где существовали одновременно мужские и женские монастыри (Слободском, Котельниче, Соликамске и пр.). В середине XVIII в. монашествующие из вятских монастырей, окончившие вятскую духовную школу, а также из Вятского архиерейского дома выполняли некоторые должности в семинарии. Архимандриты Успенского Трифонова монастыря с 1764 по 1860 г. являлись *ректорами* Вятской духовной семинарии [31]. Ряд настоятелей, подобно соборным протоиереям, в XVIII в. исполняли должность *закащика*, который следили за церковным благочинием и управлял церковной единицей – заказом. В частности, в 1730-е гг. эту должность в Слободском заказе нес архимандрит Богоявленского монастыря Никанор, а в 1740-е гг. – Герасим. По указанию духовной консистории они расследовали дела, подлежащие церковному суду, следили за отправлением богослужений в монастырских и приходских храмах, отвечали за сбор детей духовенства на смотр для обучения в школе и пр. [32] Порой послушание оказывалось за монастырскими стенами и для простых монахов. В частности, многие монастыри имели свои крестные ходы с почитаемыми иконами. В некоторых случаях, как, например, в Трифоновом монастыре, они продолжались несколько месяцев, являясь тяжелым испытанием для монашествующих, особенно слабых здоровьем [33].

Назначение на послушание зачастую зависело от уровня образования. Владели грамотностью в монастыре обычно только иеромонахи и иеродиаконы, которые служили в храме. При этом неграмотность простых монахов не мешала им заниматься хозяйственными делами. Известно, что многие посельские старцы в начале XVIII в., отвечавшие за прием хлеба у крестьян, были неграмотны. Более того, в Трифоновом монастыре

был даже один неграмотный иеромонах – бывший келейник архиеп. Ионы иером. Стефан [34]. Непродолжительное время исполнял должность казначея неграмотный монах Антоний. В 1703 г. в Верховятском Екатерининском монастыре вместо казначея Феодосия расписался Кондрат Блинов [35]. В 1735 г. упоминается неграмотный казначей Верхочепецкого монастыря – монах Варсоновий (Плетенев) [36]. Но подобные примеры были все-таки исключением, а не правилом. С появлением славяно-латинской школы в Хлынове подобных случаев уже не встречалось.

В мужских монастырях жили за счет вкладов, платы за молебны, подаваний, сборов с пашенных земель и угодий, и лишь в исключительных случаях прибегали к рукоделию. Ремеслами, промыслами и сельским хозяйством монахи мужских монастырей занимались, судя по документам, нечасто, хотя о необходимости подобных работ для братии говорили древние иноческие уставы [37]. Еще в XVII в. в монастырях тяжелые физические работы исполняли в основном вкладчики и служебники, которых Петр I попытался вместе с другими бельцами изгнать из обителей. Указы первой четверти XVIII в. говорили о необходимости заводить в монастырях мастерские и питаться братии трудом своих рук. Правда, возродить рукоделие в монастырях они так и не смогли. Во многом это было связано с тем, что принимали постриг люди преклонных лет, малоспособные к несению тяжелых физических трудов.

Но редкие примеры все же встречались в вятских и пермских монастырях. Так, в 1702 г. братия Екатерининского Верховятского монастыря, который имел небольшой хлебный доход, писала, что «денежных доходов с монастырских крестьян и оброчных статей у нас нет. А сверх того питаемся мы казначей з братиею волоковою работою в наймах телегами, когда бывает проезд летним временем купецким людям с мелкими товары, а на церковную утварь на свечи на ладан и на церковное вино собираем от подаяния православных христиан» [38].

Подробно были расписаны послушания и рукоделия в Соликамском Вознесенском монастыре в 1724 г. Жившие в монастыре иеромонахи и иеродиакон имели главным послушанием служение. Простые же монахи несли послушания пономаря, головщика, подкеларщика, житенного, будильщика, келейника игумена, читали Синодик, были на раздаче кваса и хлеба, служили в поварне, давали разнарядку трудникам. Некоторые из братии также занимались разными «рукоделиями» – изготавливали ведра и ковши, чернили сукно, шили обувь, вязали лествицы [39]. Также в упраздненной Сылвенской вотчине Соликамского монастыря жили 7 поселных мона-

хов [40]. В Оханной пустыни в том же году монах Савватий шил на братию обувь (коты), а 92-летний (!) монах Филипп в качестве рукоделия имел «всякую плотническую работу» [41].

Начиная с 1730-х гг., в связи с резким сокращением общего числа монашествующих, многие из традиционно монашеских послушаний стали исполнять бельцы. Например, в январе 1739 г. в Слободском монастыре, где было 7 монашествующих (наместник, казначей, 2 иеромонаха, 3 монаха) и диакон-белец, жили 42 монастырских служителя, которые исполняли не только хозяйственные функции (поваренной, конюшенной, житенной, плотник, кузнец, 5 конюхов, портной, 2 истопников, 2 хлебников, повар, 3 рыбаков, церковный сторож, 5 вотчинных надзирателей, 5 смотрителей мельниц, 5 скотников при монастыре и поселениях, 3 россыльщиков, подъячий), но и традиционные для монашествующих послушания конархиста, звонаря, подкеларщика [42]. Подобная картина была характерна и для других вятских и пермских монастырей. При этом число служителей значительно превышало число монашествующих. Их соотношение в разных монастырях различалось. Так, в 1739 г. в Хлыновском Подгородном монастыре на 18 монахов приходился 31 служитель, в Трифоновом они соотносились как 16 к 48, в Слободском – 7 к 42, в Верхочепецком – 8 к 18, в Истобенском – 12 к 16, в Котельничском – 2 к 11, в Пыскорском – 27 (не считая 10 расстриженных) к 76 [43].

Послушания в женских монастырях принципиально отличались от мужских. Основная функция мужских монастырей – служение в храмах – ложилась на плечи белого духовенства, бывшего при женских монастырях. При этом по указу 14 июля 1729 г. вдовы попы и диаконы при девичьих монастырях от служения отрешались, а тех, кто желал продолжить служение, указывалось постригать в монашество [44]. Отсутствие вотчин у женских обителей привело к тому, что здесь не существовало традиционных для мужских монастырей разнообразных хозяйственных послушаний.

Существование женских монастырей, не имевших собственных земельных владений и доходов от служения молебнов и треб, зависело от помощи соседних мужских монастырей и милостыни. Лишь Хлыновский Преображенский монастырь питался в XVIII в. жалованием от великого государя, которое, правда, обеспечивало не всех стариц [45]. Положение усугублялось тем, что в женских монастырях практически не было служебников. Все это подталкивало женские обители более активно заниматься рукоделием. Так, в Хлыновском Преображенском девичьем монастыре в 1724 г. игуменья Феодосия и монахиня Акилина занимались шитьем женских платьев,

монахиня Улита пекла просфоры, Ирина (Агафонова), Ирина (Бердинцова) и Ефросиния – пряли пряжу, Параскева – поправляла в храме свечи. Большинство же стариц были преклонных лет, поражены разными болезнями и никаких послушаний уже не несли [46]. В том же году монахиня Кунгурского Тихвинского, а позднее Чердынского девичья монастыря Фотиния занималась выращиванием овощей на огороде, а монахиня Мелания из тех же монастырей занималась плетением кружев [47].

Судя по документам второй половины XVIII в., женские монастыри нередко занимались сканьем свеч и печением просфор для городских церквей и мужских монастырей. Так, послушницы и монахини Уфимского (Слободского) Христорождественского монастыря пекли просфоры для Верхочепецкого (Слободского) Крестовоздвиженского монастыря [48].

Монастырские штаты 1764 г. четко определили полагающиеся для разных монастырей послушания. В Вятской и Великопермской епархии были монастыри 2-го и 3-го классов. По штатам полагалось в монастырях 2-го класса иметь архимандрита, казначея, 6 иеромонахов, в том числе ризничего, 4 иеродиаконов, 2 пономарей, просфиряка, ключника (он же хлебодар), чашника, 17 служителей, в том числе подьячего; в монастырях 3-го класса – игумена, казначея, 4 иеромонахов, в том числе ризничего, 2 иеродиаконов, пономаря, просфиряка, ключника (он же хлебодар), чашника, 9 служителей, в том числе подьячего. В женских монастырях 3-го класса полагалось быть игуменье, казначее, 15 монахиням, 2 священникам, 2 диаконам, 3 служителям [49].

В целом, на протяжении столетия наблюдается тенденция к сокращению традиционных монастырских послушаний и их «специализации» в мужских монастырях. В частности, в последней трети XVIII в. исчезают должности келаря и сельских старцев, что стало следствием секуляризации монастырских земель. В то же время, несмотря на ограниченный перечень послушаний, определенных штатами 1764 г., в крупных монастырях по-прежнему сохранялись должности житенного, уставщика, эконома, не зафиксированные в штатах. Тенденции, заложенные в XVIII в., получили развитие в XIX в., когда произошла дальнейшая унификация и сокращение официальных монастырских послушаний. Основными должностями впоследствии стали казначей и ризничий, лишь в редких случаях в документах встречались наместники и экономы. Введенные же по штатам должности чашника, ключника и хлебодара не прижились и вышли из употребления уже в первой трети XIX в. [50] Что же касается женских обителей, в XIX в. более разнообразными стали рукоделия монахинь, которые помимо тра-

диционного печения просфор и сканья свеч освоили изготовление церковных облачений, вышивку, чеканку, писание икон, столярное дело, резьбу и золочение иконостасов и даже изготовление фотографий [51]. Появились различные мастерские и во многих мужских монастырях.

Таким образом, изменение политики государства и условий существования монастырей, которое привело к резкому сокращению численности монашествующих и ликвидации монастырского землевладения, оказало заметное воздействие на деятельность обителей и, как следствие этого, отразилось на послушаниях монашествующих.

Примечания

1. Петр (Екатериновский), еписк. О монашестве. М., 1998. С. 58, 62, 70–72.
2. Древние иноческие уставы. М., 1892. С. 361–375.
3. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. 237. Оп. 74. Д. 27. Л. 117–117об.
4. Кустова Е. В. Вятское учение монашество в XVIII веке // Обретение святых. III Региональная церковно-науч. конф.: сб. науч. работ. Киров, 2012. С. 64–80.
5. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 30. Л. 424 об. и др.
6. Верещагин А. С. Эпизоды из жизни основателя Вятской семинарии. Вятка, 1898. С. 185; Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 1. Д. 274, 350, 425, 650, 691, 693; Оп. 6. Д. 109; Оп. 15. Д. 100; Оп. 20. Д. 315; Оп. 21. Д. 415.
7. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 13. Л. 633–633 об.
8. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 4. Л. 623.
9. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 20а. Л. 434 об.
10. Подробнее о причинах см.: Кустова Е. В. Вятский Успенский Трифонов монастырь в призме реформ Петра I // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4(5). С. 6–12.
11. Титлинов А. Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной церкви. Вильна, 1905. С. 300.
12. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 152. Л. 8об.–9об.
13. Там же. Д. 335. Л. 1–2; Д. 338. Л. 1 и др.
14. ГАКО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 10. Л. 56.
15. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 4. Л. 155об.–156об.
16. Там же. Л. 210об.–211.
17. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 6. Л. 37–43; Ведомость о Вятском архиерейском доме и о монастырях, составленная в первой четверти XVIII в. (сост. по указу Св. Синода от 22 июня 1725 г.). Сообщ. В. Шабалин // Тр. Вятской ученой архивной комиссии. 1912. Вып. 1–2. С. 123; Вятка. Материалы ... С. 253, 257–258.
18. Ведомость о Вятском архиерейском доме ... С. 123; Русское православие: веки истории / науч. ред. А. И. Клибанов. М., 1989. С. 245.
19. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 45об., 78, 96, 100об., 109об., 112об.
20. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 5. Л. 68об.–69.
21. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 79–79об., 101об.
22. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 237. Оп. 1. Д. 558. Л. 31; Ведомость о Вятском архиерейском доме ... С. 123; Вятка. Материалы ... С. 257–258.
23. 20 мая 1759 г. Вятская духовная консистория указала настоятелю Трифонова монастыря, чтобы

- более в обители не было должности эконома (ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 353. Л. 66). Но, несмотря на этот запрет, данная должность вновь появилась в 1770-е гг.
24. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 558. Л. 30об.-31, 35-35об.; ГАКО. Ф. 247. Оп. 1. Д. 4. Л. 54, 72об.; Оп. 2. Д. 10. Л. 661 и др.
25. К внутренним службам относилось приготовление и хранение еды, прачечная, воскобойная, кузница, библиотека, часть огородов. Впоследствии это правило о разделении работ признал и Стоглавый собор 1550 г. (Романенко Е. В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002. С. 79-80).
26. Вятка. Материалы для истории города XVII и XVIII столетия. М., 1887. С. 253-254.
27. ГАКО. Ф. 247. Оп. 1. Д. 4. Л. 14об., 72об., 98.
28. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 7. Л. 531-532.
29. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 10. Л. 661; Вятка. Материалы ... С. 257-258.
30. Там же. Д. 20а. Л. 697.
31. Кустова Е. В. Вятская духовная школа в XVIII в.: основные проблемы и пути их решения // Вестник ВятГГУ. 2011. № 2 (5). С. 18-24; ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 31. Л. 280-281 об.
32. ГАКО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 2. Л. 38об., 54, 62-63; Д. 10. Л. 3.
33. Кустова Е. В. История Вятского Успенского Трифонова монастыря. Т. 1. История монастыря от основания до наших дней. Киров, 2012. С. 435-437, 441.
34. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 558. Л. 25, 26, 29-36.
35. Там же. Д. 55. Л. 668-669 об.; Д. 665. Л. 5.
36. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 41. Л. 87.
37. Древние иноческие уставы. М., 1892. С. 365.
38. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 665. Л. 5об.
39. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 102-104об.
40. Там же. Л. 107об.
41. Там же. Л. 119об.
42. ГАКО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 9. Л. 1-1об.
43. ГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 56. Л. 7-59; Оп. 81. Д. 152. Л. 1-12.
44. ГАКО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 5. Л. 22об.
45. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 665. Л. 15об.-16.
46. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 6. Л. 35об.-36а.
47. ГАКО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 39. Л. 2, 45, 65.
48. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 63-65, 70. Крестовоздвиженский и Уфимский монастыри долгое время сохраняли свои старые названия после слияния обителей и перемещения их в г. Слободской.
49. ПСЗ-1. Т. 44. Книга штатов. Ч. 2. С. 29-30.
50. Кустова Е. В. История Вятского Успенского Трифонова монастыря. Т. 2. Справочные материалы. Киров, 2012. С. 109-162.
51. Слободской Христорождественский женский монастырь: сб. очерков. Киров, 2011. С. 109-115.

Всеобщая история

УДК 94(470-73)«1941/1942»

О. В. Рычкова

БИТВА ЗА МОСКВУ: ВЗГЛЯД ИЗ АМЕРИКИ*

В статье представлена реакция американских средств массовой информации на Московскую битву. Исследуются прогнозы, эмоциональные состояния прессы США, анализируются материалы американских журналистов относительно результатов сражения и причин победы советских войск.

This paper presents the reaction of the American media in the Battle of Moscow. Forecasts, emotional conditions of the press of the USA are investigated, materials of the American journalists concerning results of battle and the reasons of a victory of the Soviet armies are analyzed.

Ключевые слова: битва за Москву, американская пресса, международные отношения, общественное сознание.

Keywords: fight for Moscow, American Press, International Relations, Public Consciousness.

Начало советско-германской войны само по себе не стало поворотным моментом в американском общественном мнении в отношении СССР – разногласия довоенных лет влияли на восприятие американцами России. Для радикальной трансформации образа СССР от идейного противника до собрата по оружию требовалось что-то более осязаемое, эмоциональное, наконец, практически и/или стратегически выгодное. Общественностью США война Советского Союза против Германии и её союзников стала восприниматься как освободительная, национальная лишь начиная с Московской битвы, проявившей союзнический потенциал советского народа и оказавшей огромное воздействие на ход Второй мировой войны.

Даже многие высокопоставленные руководители США летом 1941 г. предполагали, что восточная кампания Гитлера будет победоносной и скоротечной. Военный министр Г. Стимсон, например, сразу после 22 июня 1941 г. написал президенту Рузвельту: «Германия полностью оккупирует разгромленную Россию минимум за один месяц и, возможно, максимум за три» [1].

* Материал подготовлен в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Друг-враг: образ Советского Союза в американской прессе в годы Второй мировой войны». РГНФ (10-01-00051а)

Прогноз не сбылся. По истечении максимального срока, отпущенного Стимсоном Красной армии на отступление и капитуляцию, войска вермахта приблизились к Москве, но взять её не смогли. С конца сентября и до начала декабря 1941 г. весь наступательный потенциал Германии был брошен на штурм советской столицы. Начавшееся 5 декабря наступление советских войск положило конец надеждам Гитлера на блицкриг. Немецкий план войны не состоялся. Остаться безучастным к такому событию пресса США не могла.

Отечественные историки продолжают исследовать Московскую битву чрезвычайно активно. По данным Российской государственной библиотеки, «о Московской битве к 2002 г. имелось 8784 отечественных публикаций, в том числе 875 книг. В это число не вошла литература, где сражения битвы рассматриваются в отдельных главах. Не учтены книги иностранных авторов и публикации в республиках и городах СССР. Не включены и газетные публикации с июля 1942 г. по настоящее время» [2]. Несмотря на такую масштабную историографию, совсем немного отечественных исследователей в своих трудах касались реакции общественности Соединённых Штатов на события, происходившие в сердце советской России зимой 1941/1942 гг. Но и эти немногочисленные авторы (Л. И. Леонтьева, Б. Я. Михайлов, В. А. Секистов) [3] изучали преимущественно влияние общественных сил и объединений США на развитие двусторонних контактов. Периодика заокеанского союзника осталась в стороне.

Историографические пробелы частично восполнили работы В. В. Познякова, В. О. Рукавишниковой, Р. Ф. Иванова и Н. К. Петровой [4]. Но и эти авторы акцентируют внимание на проблемных зонах американо-советских отношений: первичной реакции американцев на начало советско-германской войны, вопросах ленд-лиза и второго фронта, на изменении настроения профсоюзных и этнических организаций США и т. д. Фактически вне поля зрения остались «живые», ситуативные оценки сражений на восточном фронте.

В американской историографии советско-германской войны ситуация аналогичная. С одной стороны, при обилии работ о Московской битве [5] акцент делается на стратегию и тактику армий, уточняются потери, изучаются вопросы планирования и снабжения, но роль американской прессы в эволюции общественного мнения и её влияние на правительственный курс США долж-

ным образом не освещены. Авторы немалой части американских работ по-прежнему настаивают на том, что не успехи Красной армии и советского тыла остановили немцев, а природно-климатические условия – распутица в октябре и сильные морозы в ноябре-декабре 1941 г. [6] Историки либерального толка считают, что русская победа под Москвой была обусловлена не погодой, а действиями «способных советских военачальников» и «непреклонных, как сама смерть», советских солдат [7].

С другой стороны, Р. Леверинг, Т. Лифка, Дж. Мьюнисяно [8], изучавшие советско-германскую войну в ракурсе общественного мнения, так же как и их российские коллеги, акцент делают на иных сюжетах – характеристике советского общества и политического режима СССР в условиях войны.

Публикации в американских периодических изданиях о Московской битве демонстрировали разнообразие подходов, прогнозов, оценок. Но в одном отношении авторы оказались единодушными – в ответах на вопрос, зачем Гитлеру нужна Москва. Отмечалось, что дело здесь было не только в том, что Москва – это центральный узел одиннадцати крупнейших железных дорог России, сосредоточение ресурсов и материальных ценностей страны [9]. Безусловно, наряду с военно-стратегическими расчетами важное значение имели также морально-психологические обстоятельства. Тот факт, что Москва была «целью номер один немецкой стратегии» [10], связывали со свойственной Гитлеру «манией захвата столиц» [11]. «Соображения престижа», как считал один из авторов «New Republic», являлись определяющим мотивом планирования немецкого верховного командования – падение столицы нанесло бы непоправимый ущерб авторитету армии и с неизбежностью вело бы к краху национальной идеи [12]. По мнению «Foreign Affairs», в этом смысле глава третьего рейха ничем не отличался от иных агрессоров: вне зависимости от времени и исторических условий у всех, кто нарушал суверенитет российской границы, всегда «первой целью являлось наступление на Москву» [13].

Отчетливо читая генеральную цель Гитлера, американские журналисты предвидели и обратную сторону этой битвы – неистовое сопротивление русских. Поэтому материалы периодических изданий США, увидевшие свет в октябре 1941 г., заранее окрестили Московскую битву «одним из самых серьезных сражений в истории» и даже «суперсражением», требующим от обеих сторон использования всех ресурсов [14].

Основанием для таких прогнозов, при всем скептицизме в оценках Красной армии в период советско-финляндской войны и летом 1941 г.,

было признание особого умения русских находить скрытые, внутренние резервы в критические для себя моменты истории. Редакция «Life» следующим образом отметила это качество: «Они [немцы. – О. Р.] – умные, жестокие, опытные воины. Но в России они встретились с противником, столь же жестоким и умным» [15].

В начале немецкого наступления возможность падения российской столицы все же допускалась. Поэтому рассматривались варианты ответа на вопрос: что произойдет, если немцы захватят Москву? Известный аналитик, специалист по России М. Вернер «отработал» разные сценарии развития событий: «Если Москва падёт, тактика Советов на долгое время примет оборонительный характер; в таком случае главными преимуществами России станут ее трудовые ресурсы и обширные расстояния. Если, однако, Москву удастся отстоять, Красная армия сможет перейти к стратегии контрнаступления. Немецкий провал у ворот Москвы будет означать, что у вермахта недостаточно сил для победы на востоке» [16]. Вне зависимости от непосредственного результата сражения не ставилось по сомнению, что война продолжится и примет затяжной характер [17].

К началу осени 1941 г. внимание американских средств массовой информации оказалось прикованным к Москве. Калининский фронт был признан «одним из наиболее важных», а освещение хода германского наступления и оборонительных боев Красной армии заняло постоянное место в военных сводках [18]. На несколько месяцев внимание большинства редакций сконцентрировалось на советской столице, а сам мировой конфликт стал освещаться как «история нападения на Москву и ее защиты» [19]. Именно с началом Московской битвы многие издания взяли за правило в обязательном порядке освещать войну в России как в рамках новостных блоков, посвященных важнейшим мировым событиям, так и в виде самостоятельных статей.

Практически ни одно важное событие на центральном направлении немецкого наступления не было обойдено вниманием американской прессы [20]. Сквозь сухое изложение событий впервые с начала войны в опубликованных материалах стали появляться интонации уважения, признания и восхищения стойкостью советских солдат, отмечалось, что «Россия, как раненый гигант, мученически борется на московском фронте» [21]. Даже закоренелые противники советского режима, наблюдая Московское сражение из-за океана, вынуждены были фиксировать: русские солдаты сражаются хорошо, как и всегда [22]. Американских обозревателей не смутило даже затяжное отступление Красной армии на первом этапе войны: «Их [русских. – О. Р.] способность

отступать далеко вглубь своей родной земли без серьезных нравственных или военных потерь имеет право рассматриваться как чудо человеческого сопротивления» [23].

Положение дел в самой Москве интересовало американских корреспондентов не меньше, чем события на фронте. Летом – осенью 1941 г. военный журналист Маргарет Бурк-Уайт находилась в столице СССР и была свидетельницей того, как Москва постепенно превращалась в прифронтный город. Помимо впечатляющей серии снимков, она опубликовала заметки, основанные на личных наблюдениях и получившие серьезный общественный резонанс. Больше всего её поразили масштабы тщательно продуманных и хорошо организованных оборонных мероприятий. Журналистка отмечала, что в течение первых недель войны каждый житель города прошел специальное обучение, усвоил приемы борьбы с огнем в условиях бомбежки, приобрел навыки оказания первой медицинской помощи. Важную роль в деле защиты Москвы играли дети. Они должны были следить за тем, чтобы для тушения огня всегда имелись вода и песок, которыми заполнялись специальные ёмкости [24]. Каждая дверь, каждый переулок, каждая крыша имели своих наблюдателей, которые работали по четыре часа в сутки, а затем сменялись другими. Поскольку значительная часть мужского населения отправилась на фронт в составе регулярных частей и добровольческих формирований, ряды этих наблюдателей заполнялись женщинами и детьми школьного возраста [25]. Пожарные команды также «состояли не из мужчин, а из девушек, одетых в пожарные каски и асбестовые костюмы и рукавицы» [26].

Многочисленные детали повседневной жизни защитников столицы, выполнявших свой долг в условиях смертельной опасности, запечатленные Бурк-Уайт, формировали образ уверенного в своей правоте народа, согласного принять только один исход войны – полную победу над врагом. Журналистка писала о созданной руками гражданского населения «невероятной системе баррикад и иных оборонных сооружений», возведенных на случай уличных боев. Оценивая результаты этих приготовлений, она отмечала их высокую эффективность [27], полагая, что во многом благодаря самоотверженности и высокой патриотической морали москвичей столицу не только удалось отстоять, но и сберечь от значительных разрушений [28].

Защитные рубежи охватывали Москву в радиусе 350 километров [29]. Линии прифронтных укреплений являлись объектом пристального внимания американских журналистов. Зная о нацистских победах в Европе, когда многочисленные города без боя переходили в руки захватчи-

ков, а столицы объявлялись «свободными городами», американцы обращали внимание на размах строительства оборонительных сооружений, усматривая в этом доказательство решимости вести борьбу без мыслей о капитуляции и компромиссах. Американским читателям сообщалось: «Вся территория усеяна минами и колючей проволокой. Десятки сел на самом деле представляют собой систему фортов и бастионов; дома, окна и двери превращены в бойницы. Подвалы превращены в убежища и блиндажи. И все эти форты и бастионы связаны между собой невидимыми линиями перекрестного огня» [30].

Описания батальных пейзажей, характерных для прифронтной полосы, воспроизводили колоссальные масштабы разрушений в Подмоскovie. «Никогда раньше мне не доводилось сталкиваться ни с чем подобным, – писал корреспондент “News Week”, – ...Я видел по крайней мере тысячу военных транспортных средств, разбитых, сожженных или уничтоженных ... танки, лежащие на боку, перевернутые грузовые автомобили, разбитые стекла и развороченные двигатели...» [31] Пользуясь разнообразными выразительными средствами, некоторые авторы порой восходили к патетическим тонам: «Здесь были остатки взорванных деревьев: большие расщепленные стволы, которые выглядели так, как если бы гигантская рука вырвала деревья и внезапно швырнула их назад к земле... кругом простирались пустоши настолько далеко, насколько хватало глаз; вместо окультуренных полей мы видели брошенные посевы, прорезанные траншеями, воплощающими концентрированную ярость войны» [32]. Подобные эпические пассажи сопровождали начало процесса перехода американской общественности на новый уровень восприятия союзника, основанный на солидарности, сопричастности, сопереживании.

Не дожидаясь окончательного завершения сражений под Москвой, американские средства массовой информации пытались определить значение этих событий для общего хода мировой войны. Чаще других отмечались следующие итоги.

Во-первых: небывалые потери немецкой армии. Советские войска уничтожили или подорвали боевую мощь группировки, которой предназначалось победоносно завершить блицкриг, сформированной из «специализированных, технических оснащенных ударных подразделений», укомплектованных «молодыми воинами, самыми опытными и подготовленными, политическими фанатиками» [33]. В ряду материальных потерь отдельно упоминались «значительные нефтяные затраты» [34].

Во-вторых: демонстрация несостоятельности военной теории, на которой основывалась гитлеровская стратегия войны, а также «ущербнос-

ти тактических методов немцев» [35]. В более широком плане речь шла о «кризисе германского верховного командования» [36].

В-третьих: психологический перелом в восприятии агрессора: «Моральный эффект от русского контрнаступления был огромным. Оно показало миру, что немецкая непобедимость не более чем миф» [37], а «личное руководство Гитлера во время сражения отнюдь не подняло его престиж» [38].

Суммируя эти наблюдения корреспондент «Nation» уже в январе 1942 г., за три месяца до завершения советского контрнаступления и стабилизации линии фронта, заметил, что «российская кампания немцами теперь проиграна» [39].

Результаты Московской битвы рассматривались и с позиций их воздействия на военные перспективы Советского Союза. Не забывая напоминать о советских потерях, американцы выделили несколько главных позитивных моментов. Прежде всего, отмечался рост боеспособности Красной армии. «В начале войны в России, – подчеркивалось в «Nation», – у немецкой армии было преимущество в боевом опыте. С тех пор, однако, Красная Армия в боях закалилась, ее тактическое мастерство, опыт и уверенность в себе укрепились настолько, что... к декабрю её превосходство над немцами стало очевидным» [40].

Американским читателям также сообщалось о том, что исход битвы под Москвой самым фундаментальным образом изменил общую стратегическую ситуацию. Срыв наступления немецкой группы армий «Центр» и последующее контрнаступление советских войск не были локальными событиями: «Центральный фронт является наиболее важным сектором русского театра, где сконцентрирована основная часть немецких сил» [41]. По этой причине победа под Москвой имела колоссальное значение для суммарного результата советско-немецкой войны. Она укрепила уверенность русских в победе [42].

Важной чертой многих публикаций о битве под Москвой было стремление связать её с процессом формирования антигитлеровской коалиции. «Российская оборона на первом году войны решила задачу защиты всей демократической коалиции. Великобритания была спасена от угрозы вторжения и от разрушительных воздушных налетов немецкой авиации; Соединенные Штаты выиграли время для развития своего военного производства и создания необходимых военных контингентов» [43]. Таким образом, оставив и отбросив фашистов Советский Союз не только доказал свою союзоспособность, но и внес колоссальный вклад в войну с общим врагом. Данное обстоятельство для американцев стало особенно актуальным после 7 декабря, когда их страна также оказалась в состоянии войны.

Обращаясь к осмыслению причин победы советских войск под Москвой, американские обозреватели отдавали должное их стойкости, выучке, умелому командованию, специальной оснащённости («эти невероятные лыжные армии, новые самолеты и механизированные силы, обладающие тактикой ночного боя» [44]). Высокой оценки заслужили разнообразные тактические приемы. М. Вернер, например, сравнивая противников на восточном фронте, отмечал, что «для немецких методов характерны более высокая точность исполнения замыслов и завидные темпы при исполнении конкретных операций. Русские же методы основаны на более тщательной подготовке, выносливости, разнообразии приёмов и учете особенностей климата и местности» [45]. Большую роль, по мнению американских СМИ, сыграла и тактика «выжженной земли», использованная советскими войсками при отступлении. Редакция «Fortune» отмечала, что немцы наступали через опустошенные земли, где все имеющиеся средства связи и транспорт были разрушены, добавляя, что после того, как стало ясно, что на подступах к Москве русским удалось возвести эшелонированные оборонительные рубежи, а в тылу развернуть мощное военное производство, шансы Гитлера на победу стали ничтожными [46].

Московская битва стала одним из первых поводов для того, чтобы нарушить типичное для американских публикаций периода Второй мировой войны обыкновение описывать успехи Красной армии и действия Советского правительства в разной тональности. Так, например, по мнению постоянного популярного журнала «Current History», «самым важным из всех факторов, стала политика правительства, направленная на объединение всего народа». Этот курс принес положительные результаты, «как на не завоеванной захватчиками территории России, так и на оккупированных землях, как, например, на Украине», где традиционно сильными были сепаратистские настроения. Важным показателем эффективности избранного курса на национальную консолидацию стала патриотическая позиция православной Церкви, безоговорочно поддержавшей советское правительство. Единение народа и власти на основе патриотического подъема и возрождения национальной идеи автор назвал «самой поразительной особенностью русских военных достижений» [47].

Комплексный анализ причин победы русских под Москвой представил К. Брандт, военный эксперт аналитического журнала «Foreign Affairs». «Впервые в этой войне [Второй мировой. – О. Р.] немецкая армия встретила качественно подготовленного и на удивление хорошо оснащенного противника, равного или даже

превосходящего по численности, с отменным командным составом и высоким боевым духом. Методы молниеносной войны не сработали изначально, они не могли предотвратить перехода к позиционной войне, которая требует привлечения гораздо более значительных ресурсов в живой силе и в технике» [48].

И тем не менее поражение немцев американскими авторами далеко не всегда расценивалось как результат правильной государственной политики советского правительства или самоотверженных и умелых действий Красной армии, превзошедшей своим мужеством и боевым искусством врага. Практически всеми изданиями, вне зависимости от их идейно-политической оснастки, отмечался природно-климатический фактор. Как считали американцы, «нынешняя зима в северо-восточной Европе была самой холодной за последние 150 лет. Она и установилась на две недели раньше, чем обычно» [49]. К этому добавлялись разноплановые природные барьеры, огромные размеры России, плохие, заснеженные дороги, отсутствие каких-либо ориентиров на местности [50]. Указанные обстоятельства назывались в качестве важнейшей (а у некоторых авторов – главной) причины русской победы под Москвой.

Признавая огромное значение итогов Московской битвы, американцы отмечали, что до завершения войны очень далеко. Победа в этом сражении еще не предопределяла победу во всей войне. Так, в частности, считала редакция популярного «*Fortune*», отмечая, что конечный результат «будет зависеть от суммарного комплекса факторов – очевидных и скрытых, невесомых и ощутимых, включая состояние боевого духа разбитых и обмороженных немецких войск; масштабы потерь Германии в живой силе и технике; объемы помощи союзников России; способность советских людей восстановить потерянные из-за оккупации и мобилизовать оставшиеся промышленные ресурсы» [51].

Признательность и уважение к советскому народу и Красной армии вследствие московской победы отнюдь не означало полного отказа американцев от своих довоенных характеристик Советского Союза. Сохранение довоенного негатива все еще весьма ощутимо прослеживалось в материалах прессы. В качестве примера уместно привести цитату У. Чемберлена: «Обе тоталитарные системы – нацистская и коммунистическая – доказали свою боеспособность и политическую силу в этом мрачном испытании» [52]. Причиной такого стойкого антикоммунизма, вероятно, была не только личная позиция отдельных авторов, но и тот факт, что «превращение СССР в защитника четырех свобод было слишком быстрым, чтобы с этим фактом сразу же могло примириться большинство американцев» [53].

Московская битва стала важнейшей вехой не только для советского народа; союзническая общественность проявила к этому событию небывалый интерес. Для американской стороны события в СССР на рубеже 1941/1942 гг. имели прежде всего военно-стратегическое, функциональное значение. Однако сам ход битвы заставил американцев задуматься над вопросом: так ли плох советский режим, если за него сражаются с такой отчаянностью, мужеством, самоотдачей? Размышления на эту тему были частью процесса морально-психологической перестройки американского общественного сознания в направлении восприятия СССР в качестве достойного военного союзника, равноправного члена антигитлеровской коалиции.

Примечания

1. *Ketchum R.* The Borrowed Years 1938–1941. America on the Way to War. N. Y., 1989. P. 595.
2. *Невзоров Б. И.* Битве за Москву – 70 лет: как её освещали в эти годы // Вестник МГИМО. 2012. № 1. С. 9.
3. *Леонтьева Л. Е.* Движение солидарности прогрессивных сил США с советским народом в годы Великой Отечественной войны. Киев, 1986; *Михайлов Б. Я.* Конгресс производственных профсоюзов США. 1935–1955. М., 1959; *Секистов В. А., Коротков Г. И.* Устами американцев. М., 1978.
4. *Позняков В. В.* Американское общественное мнение и советско-американские отношения в годы Второй мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. М., 1991; *Рукавишников В. О.* Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР, России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005; *Иванов Р. Ф., Петрова Н. К.* Общественно-политические силы СССР и США в годы войны. 1941–1945. Воронеж, 1995.
5. *Murphy D. E.* What Stalin knew: the enigma of Barbarossa. New Haven, 2005; *Werner H.* Assault on Moscow, 1941: The offensive, the battle, the set-back. Atglen, 1996; *Plocher H.* Luftwaffe versus Russia, 1941. N. Y., 1968; *Jukes G.* The Second World War: The Eastern Front 1941–1945. Oxford, 2002; *Hardesty V.* Red Phoenix. Washington, 1991; *Glantz D. M., House J. M.* When Titans clashed: how the Red Army stopped Hitler. Lawrence, 1995; *Luttichau Ch. V.* The Road to Moscow: The Campaign in Russia 1941. Wash., 1985; *Ziemke E. F., Bauer M. E.* Moscow to Stalingrad: Decision in the East. Wash., 1987.
6. *Turney A.* Disaster at Moscow: von Bock's Campaigns 1941–1942. Albuquerque, 1970.
7. *Salisbury H.* The Unknown War. Toronto, 1978. P. 91.
8. *Levering R. B.* American Opinion and the Russian Alliance, 1939–1945. Chapel Hill, 1976; *Lifka Tb. E.* The Concept «Totalitarianism» and American Foreign Policy, 1933–1949. Vols. 1, 2. N. Y.; L., 1988; *Munesianu J. M.* War of Ideas: American Intellectuals and the World Crisis. Cambridge, 1982.
9. Round Two in Russia // *Fortune*. 1942. Vol. 25. № 2. May. P. 136.
10. *Werner M.* Fighting for Moscow // *New Republic*. 1941. Vol. 105. № 16. 20 Oct. P. 497.

11. *Benson O.* Europe Plans for Winter // Current History. 1941. Vol. 1. № 3. November. P. 224.
12. *Werner M.* Moscow and Pearl Harbor // New Republic. 1941. Vol. 105. № 26. 29 December. P. 883.
13. *X.* Russia and Germany. Political and Military Reflections // Foreign Affairs. 1942. Vol. 20. № 2. January. P. 318.
14. *Werner M.* Fighting for Moscow // New Republic. 1941. Vol. 105. № 16. 20 Oct. P. 497.
15. The War Moves on in Russia // Life. 1941. Vol. 11. № 16. 20 Oct. P. 44.
16. *Werner M.* Fighting For Moscow // New Republic. 1941. Vol. 105. № 16. 20 Oct. P. 498.
17. *Werner M.* Prospects For the Red Army // New Republic. 1941. Vol. 105. № 20. 17 November. P. 647.
18. *Colonel T.* How The Red Army Is Doing // New Masses. 1942. Vol. 42. № 13. 31 March. P. 8.
19. *White W. W.* On the Battle Fronts // Current History. 1941. Vol. 1. № 4. December. P. 317.
20. Подробные описания хода военных действий под Москвой см.: *White W. W.* On the Battle Fronts // Current History. 1941. Vol. 1. № 3. November; Closer by a GASPONG // Time. 1941. V. 38. № 19. 10 November; Red Army Forward // Time. 1941. Vol. 38. № 25. 22 December; German's Waterloo: Has it It Come Already? // U. S. News. 1941. Vol. 11. № 6. 08 August; *Werner M.* Fighting for Moscow // New Republic. 1941. Vol. 105. № 16. 20 October; *Werner M.* Moscow and Pearl Harbor // New Republic. 1941. Vol. 105. № 26. 29 December; *Colonel T.* How The Red Army Is Doing // New Masses. 1942. Vol. 42. № 13. 31 March; *Colonel T.* The Red Army's New Weapons. // New Masses. 1942. Vol. 42. № 1. 06 January; *Hindus M.* Report on Russia // Reader's Digest. 1942. Vol. 41. November. № 247; *White W. W.* Germany Loses Ground // Current History. 1942. Vol. 2. № 8. April.
21. Wounded Giant: Battle of Russia // Time. 1942. Vol. 40. № 10. 07 September. P. 9.
22. *X.* Russia and Germany. Political and Military Reflections // Foreign Affairs. Vol. 20. № 2. January; Before Moscow // Time. 1941. Vol. 38. № 22. 01 December.
23. *Mitchell D. W.* Strategies For Spring // Nation. 1942. Vol. 154. № 13. 28 March. P. 360.
24. *Bourke-White M.* A Photographer in Moscow // Harper's Magazine. 1942. Vol. 184. № 1102. March. P. 415.
25. Ibid.
26. Ibid. P. 416.
27. Winter Brings Happy Birthday to the Reds and Their Ruler // News Week. 1941. Vol. 18. № 26. 29 December. P. 19.
28. *Black C. E.* The Line-Up in Eastern Europe // Current History. 1942. Vol. 1. № 6. February. P. 532–533.
29. *X.* Policy and Strategy In the War In Russia. The Winter Interlude // Foreign Affairs. 1942. Vol. 20. № 4. July. P. 322.
30. *Colonel T.* How The Red Army Is Doing // New Masses. 1942. Vol. 42. № 13. 31 March. P. 9.
31. Winter Brings Happy Birthday to the Reds and Their Ruler // News Week. 1941. Vol. 18. № 26. 29 December. P. 19.
32. *Bourke-White M.* A Photographer In Moscow // Harper's Magazine. 1942. Vol. 184. № 1102. March. P. 420.
33. *Werner M.* First Year of the German-Soviet War // Nation. 1942. Vol. 105. № 25. 22 June. P. 853.
34. *X.* Policy and Strategy In the War In Russia. The Winter Interlude // Foreign Affairs. 1942. Vol. 20. № 4. July. P. 322.
35. *Werner M.* First Year of the German-Soviet War // Nation. 1942. Vol. 105. № 25. 22 June. P. 853.
36. *Werner M.* Moscow and Pearl Harbor // New Republic. 1941. Vol. 105. № 26. 29 December. P. 883.
37. *Fay S. B.* Hitler's Failure in Russia // Current History. 1942. Vol. 1. № 6. P. 528.
38. *Mitchell D. W.* Strategies for Spring // Nation. 1942. Vol. 154. № 13. 28 March. P. 361–362.
39. *Pol H.* Hitler's Restless Reich // Nation. 1942. Vol. 154. № 2. 10 January. P. 30.
40. *Werner M.* Global Strategy // Nation. 1942. Vol. 106. № 2. 12 January. P. 40.
41. *Werner M.* Moscow and Pearl Harbor // New Republic. 1941. Vol. 105. № 26. 29 December. P. 883.
42. *Mitchell D. W.* Strategies for Spring // Nation. 1942. Vol. 154. № 13. 28 March. P. 361–362.
43. *Werner M.* First Year of the German-Soviet War // Nation. 1942. Vol. 105. № 25. 22 June. P. 854.
44. Moscow Battlefront // New Masses. 1942. Vol. 42. № 3. 20 January. P. 20.
45. *Werner M.* Germany's Winter War // New Republic. 1942. Vol. 106. № 6. 09 February. P. 195.
46. Round Two in Russia // Fortune. 1942. Vol. 25. № 2. May. P. 138.
47. *Black C. E.* The Line-Up in Eastern Europe // Current History. 1942. Vol. 1. № 6. February. P. 532–533.
48. *Brandt K.* Is Germany Exhausting Her Man Power? // Foreign Affairs. 1942. Vol. 21. № 1. October. P. 26.
49. *X.* Policy and Strategy In the War In Russia. The Winter Interlude // Foreign Affairs. 1942. Vol. 20. № 4. July. P. 608
50. Winter Brings Happy Birthday to the Reds and their Ruler // News week. 1941. Vol. 18. № 26. 29 December. P. 19.
51. Round Two in Russia // Fortune. 1942. Vol. 25. № 2. May. P. 82.
52. *Chamberlin W. H.* The Soviet-German War: Results and Prospects // Russian Review. 1942. Vol. 1. № 2. April. P. 4–5.
53. *Юнгблуд В. Т.* Официальный Вашингтон, пресса и общественное мнение США о «Великом сопротивлении» 1941 г. // Вестник ВятГГУ. 2010. № 4(1). С. 49.

УДК 94(416+410)"1988/1996"

Т. А. Волков

ПРОЦЕСС МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ В СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ И КОНСЕРВАТИВНАЯ ПАРТИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1988–1996)

В статье исследуется политика Консервативной партии Великобритании по ольстерской проблеме в 1988–1996 гг. Раскрываются характерные признаки курса консерваторов, их вклад в процесс мирного урегулирования.

This article examines the Conservative Party policy regarding Ulster problem in 1988–1996. The author reveals the characteristic features of the course of conservatives, their contribution to the peace process.

Ключевые слова: Великобритания, Ольстерская проблема, Консервативная партия, Джон Мейджор, мирное урегулирование.

Keywords: United Kingdom, Ulster problem, the Conservative Party, John Major, Peace process.

Во второй половине XX в. весомую роль в международных отношениях начали играть региональные конфликты, основой которых чаще всего являются этнически-религиозные противоречия. Ольстерская проблема – пример такого конфликта, который и сейчас имеет важное международное значение и потому является актуальным для научных исследований.

Остров Ирландия разделен на два государственных образования: Республика Ирландия, которая является независимой, и Северная Ирландия (ее еще называют Ольстером), которая остается составной частью Великобритании. Большинство населения Северной Ирландии исповедуют протестантизм и выступают за неизменность государственного статуса своей страны. В Республике Ирландия, как и в Ольстере, много сторонников объединения острова в единое целое, которые в основном являются католиками. В непримиримом антагонизме этих двух сообществ, в радикальной полноте, бескомпромиссности их стремлений суть ольстерской проблемы, представляющей собой целый комплекс противоречий как внутривластного, так и межгосударственного характера.

Наиболее радикальные представители враждующих общин объединены в военизированные группировки. Среди католической общины это Ирландская Республиканская армия (ИРА), которая широко применяет средства террористического характера. Протестанты Ольстера также имеют свои террористические военизированные организации («Ассоциация обороны Ольсте-

ра», «Союз волонтеров Ольстера»). Политические партии, которые представляют интересы протестантов, объединяют под названием «юнионисты», а католиков – «республиканцы». Их жесткое противостояние и дискриминационная политика правительства Северной Ирландии по отношению к католикам привели к эскалации насилия в 1968 г., когда произошли массовые столкновения протестантов и католиков. В 1969 г. для предотвращения дальнейших столкновений были введены части британской армии. Из этих событий берет свое начало новейшая фаза ольстерской проблемы.

Перелом в развитии ситуации в Северной Ирландии произошёл в 1988–1996 гг., когда у власти находилась Консервативная партия Великобритании. Именно в этот период произошли события, которые стали стержневыми в процессе мирного урегулирования, именуемом в британской историографии «Peace process». Именно благодаря действиям консерваторов противостоящие стороны начали трудный путь к компромиссу, который, в конце концов, закончился так называемым «Договором Страстной Пятницы» (1998).

В украинской историографии можно выделить три периода в исследовании ирландской истории. К первому периоду следует отнести работы первой трети XX в., появление которых обусловлено сопоставлением национально-освободительной борьбы украинского народа со стремлением населения Ирландии обрести независимость. Это труды историков Д. Дорошенко, Н. Григоровича, Ф. Крушинского [1]. В течение второго периода – времён господства марксистской методологии – в украинской науке внимания истории Северной Ирландии почти не уделялось, хотя данный вопрос становился всё более актуальным. Можно отметить лишь кандидатскую диссертацию С. Толстого [2]. Третий период – современный. В последние два десятилетия интерес к истории Ирландии неуклонно растет. Об этом свидетельствуют работы Е. М. Кученко, О. М. Теленка, К. А. Гули, А. Е. Сахновского [3].

Конец 80-х – начало 90-х гг. XX в. были отмечены новыми инициативами по урегулированию ольстерской проблемы. В 1988 г. Ольстерская Юнионистическая партия (ОЮП), Демократическая Юнионистическая партия (ДЮП), Партия Альянса и Социал-Демократическая Лейбористская партия (СДЛП) провели в Германии серию переговоров, но не выработали общей позиции. Тем не менее эта встреча отметила готовность юнионистских партий искать компромисс вместе с представителями республиканского лагеря. Также в первой половине 1988 г. состоялось несколько встреч между представителями СДЛП и Шинн Фейн [4] (обе партии представ-

ляют католиков Северной Ирландии), на которой происходило согласование общей линии поведения.

Министр по делам Северной Ирландии Питер Брук публично заявил, что ИРА не может быть побеждена военным методом и что он не исключает вероятность переговоров между Шинн Фейн и британским парламентом по «прекращению огня». Эти события привели к началу серии переговоров с участием ОЮП, ДЮП, Партии Альянса и СДЛП, которые впоследствии назвали «переговоры Брук – Мейхью». Эти встречи состоялись в период между мартом 1991 г. и ноябрем 1992 г. во время перерыва в деятельности Англо-Ирландской межгосударственной конференции, чтобы привлечь юнионистские партии к переговорам. План переговоров имел следующие пункты: 1) отношения внутри Северной Ирландии между двумя противостоящими сторонами, 2) отношения между Северной Ирландией и Республикой Ирландия, 3) отношения между Республикой Ирландия и Великобританией. Несмотря на то что никакого прогресса по первому пункту не было, стороны решили перейти к обсуждению второго пункта плана (отношения между Республикой Ирландия и Северной Ирландией). Но и здесь не было достигнуто какого-либо компромисса и переговоры были свернуты. Несмотря на неудачу, «переговоры Брук – Мейхью» стали еще одной ступенькой к установлению мира на североирландских землях, ведь встречи между противостоящими сторонами приобретали постоянный характер, а не спорадический, как было раньше.

В 1993 г. после серии встреч премьер-министр Республики Ирландия Альберт Рейнолдс и британский премьер-министр Джон Мейджор обнародовали «Объединенную декларацию» [5]. Она стимулировала новые демократические инициативы со стороны Великобритании. Были созданы «Совет отношений между общинами» и организация «Образование для взаимопонимания», учителя школьных заведений получали рекомендации делать больший акцент на том, что объединяет конфликтующие стороны, чем на разъединяющих факторах. Также в этот период берет свое начало еще одна инициатива британского парламента – «Решим социальные нужды» («Targeting the Social Needs»), согласно которой создавался фонд (из государственного бюджета), средства которого должны были идти на срочное решение финансовых и бытовых проблем наиболее кризисных районов Северной Ирландии.

Дальнейшие шаги для стабилизации ситуации сделала Республика Ирландия. Правительство отменило запрет любой рекламной деятельности, связанной с Шинн Фейн. Надежда на взаимопонимание возросла, когда лидеру Шинн Фейн

Джерри Адамсу была выдана виза в США, для того чтобы он мог принять участие в конференции в Белом Доме, посвященной проблемам Северной Ирландии. Кроме того, британские власти дали официальный ответ (в виде декларации) на замечания Шинн Фейн по «Объединенной декларации» 1993 г. [6]

В августе 1994 г. состоялась секретная встреча между министром по делам Северной Ирландии Патриком Мейхью и делегацией Шинн Фейн. Результатом этой встречи стало провозглашение «прекращения огня» со стороны ИРА с 30 августа 1994 г. [7]

В то время как отношения между представителями республиканского лагеря Северной Ирландии и правительством Республики Ирландия становились все более тесными, отчуждение между радикальной частью юнионистов (в основном представителями партии ДЮП) и британским правительством становилось все заметнее. Этот факт стал очевидным, когда 6 сентября 1994 г. Джон Мейджор разорвал переговоры с лидером партии ДЮП Йаном Пейсли, а через 10 дней (16 сентября) отменил запрет любой рекламной деятельности для Шинн Фейн на территории Великобритании. 13 октября 1994 г. «Объединенное Лоялистское Командование» провозгласило «прекращение огня» [8]. В конце года представители британского правительства начали серию переговоров с теми партиями, которые имели свои военные формирования: Шинн Фейн, Прогрессивная Юнионистская партия, Демократическая партия Ольстера. В течение года после подписания «Объединенной декларации» о «прекращении огня» объявили главные террористические организации Северной Ирландии. В дополнение к этому успеху британские власти начали переговоры с представителями парамилитарных организаций, которые впервые представляли две противостоящие общины. В начале 1995 г. произошел качественный прогресс в мирном урегулировании ольстерской проблемы. Впервые за стол переговоров сели представители двух противостоящих сторон, направлять их деятельность на достижение компромисса совместными усилиями пытались как ирландские, так и британские политические деятели.

Желая расширить и углубить процесс мирного урегулирования, правительства Великобритании и Республики Ирландия вместе разработали «Новую основу для соглашения» («A New Framework For Agreement») [9], где были определены новые межгосударственные институты, которые должны были соединить Северную Ирландию с Республикой Ирландия и Республикой Ирландия с Великобританией. Оба правительства признали, что урегулирование невозможно без поиска компромисса со стороны всех участни-

ков конфликта, и подтвердили основные принципы «Объединенной декларации» – принципы самоопределения и компромисса, мирные и демократические методы как единственная стратегия для достижения мира и спокойствия в регионе. Также британское правительство консерваторов предложило собственные идеи для возможного решения конфликта в Северной Ирландии в документе «Основа для подотчетного правительства в Северной Ирландии» («A Framework for Accountable Government In Northern Ireland») [10].

Чтобы развить успехи в поиске компромисса, 24 ноября 1995 г. в Республике Ирландия был проведен референдум по вопросу об исключении из конституции республики пунктов о требовании объединения Северной Ирландии с Республикой Ирландия. Хотя результат оказался отрицательным, сам факт, что большая часть населения Республики Ирландия была склонна к компромиссу, влиял положительно на процесс мирного урегулирования.

В том же году правительство Джона Мейджора соглашается на использование помощи извне для урегулирования конфликта. 28 ноября 1995 г. для управления процессом разоружения сторон создается международная комиссия во главе с бывшим американским сенатором Джорджем Митчеллом. 22 января 1996 г. комиссия обнародовала отчет, известный как «Отчет Митчелла» [11]. В нем было предложено установить 6 принципов («Принципы Митчелла»), на основе которых политические партии могли принять участие в межпартийных переговорах. Главным достижением работы комиссии явилось предложение не ставить вопрос о разоружении главным препятствием начала переговоров, а решить этот вопрос в ходе переговорного процесса. Это предложение поддержали все участники переговоров, кроме ДЮП во главе с Йаном Пейсли.

Однако внешнее влияние на урегулирование Ольстерской проблемы далеко не всегда было продуктивным, даже если речь шла о союзниках. После «суэцкого кризиса» 1956 г. наиболее длительный период разногласий между Британией и США (1984–1985 гг.) наблюдался именно по Ольстерскому урегулированию [12]. С точки зрения консервативного кабинета Джона Мейджора (1990–1997 гг.), администрация Билла Клинтона пошла на прямое вмешательство во внутренние дела Лондона, причем действуя не в интересах последнего. Демократическая администрация Клинтона, несмотря на протесты Лондона, активно поддержала республиканские силы в Ольстере, предоставила въездную визу Джерри Адамсу, сняла ограничения на сбор в США средств на нужды Шинн Фейн.

Следует отметить, что с середины 1990-х гг. и до финансового кризиса 2008–2009 гг. Северная

Ирландия показывала уникальный пример экономического развития, который не имеет аналогов в истории Объединенного Королевства: большой рост занятости, темпы промышленного производства в 1,5 раза выше общebritанских показателей, 70,8% промышленной продукции, произведенной за последние десять лет, являются продукцией машиностроения, компьютеров и технологии High-Tech.

Экономическое измерение американского интереса к североирландскому урегулированию было особенно заметным. Ирландская экономика имела молодую, талантливую, высокообразованную (к тому же дружески настроенную по отношению к Соединённым Штатам) молодежь. К середине 90-х гг. более чем 430 американских компаний имели свои отделения в Республике Ирландия, примерно 60 000 рабочих получили рабочие места благодаря американским инвестициям (в Северной Ирландии – 14 000). Начиная с 1980-х гг. около 40% инвестиций в Европе в высокотехнологическую отрасль промышленности (в Республике Ирландия и Северной Ирландии это электроника) были вложены именно в этот регион [13]. За три месяца после «прекращения огня» Билл Клинтон назначил Джорджа Митчелла специальным советником по инициативам в Северной Ирландии. В декабре 1994 г. делегация американских бизнесменов, возглавляемая Ронном Брауном, прибыла в Белфаст, чтобы принять участие в международной конференции по инвестициям в Северной Ирландии. Подхватывая эту инициативу, Вашингтон организовал подобную конференцию (в Белом Доме) в мае 1995 г., а потом еще одну – в Питтсбурге в октябре того же года.

29 января 1996 г. межпартийные переговоры начались консультациями между СДЛП, Прогрессивной Юнионистской партией и ОЮП. Но 9 февраля 1996 г. возобновилась террористическая деятельность ИРА – был произведен взрыв в Лондоне на станции метро «Докленс». В результате теракта 2 человека погибли, 100 человек были ранены, Великобритании был нанесен ущерб на сумму 150 млн фунтов стерлингов. Руководители ИРА объяснили этот акт тупиком процесса мирного урегулирования, который, по их мнению, был искусственно создан благодаря радикальной позиции юнионистов. Джон Мейджор, не имея большинства в парламенте и опасаясь потерять поддержку юнионистов и части своей партии, прекратил любые контакты с Шинн Фейн.

Несмотря на приостановление переговоров с Шинн Фейн, 28 февраля 1996 г. после встречи в Лондоне ирландский и британский премьер-министры объявили дату начала межпартийных переговоров – 10 июня 1996 г. 4 марта британское правительство сделало заявление, что будущие

межпартийные переговоры будут проходить в Белфасте, и для того чтобы принять в них участие, партия должна быть выбрана в «Североирландский Форум» (на базе которого будут проходить переговоры) и придерживаться «6 принципов Митчелла». 18 апреля 1996 г. правительство Великобритании приняло «Закон о Северной Ирландии (Вступление к переговорам)» («The Northern Ireland (Entry To Negotiations) Act») [14], который определил процедуру выборов в Форум. 30 мая 1996 г. в выборах приняли участие 30 партий. В результате при 65%-й явке населения Северной Ирландии ОЮП завоевала 30 мест (из 110), ДЮП – 24, СДЛП – 21, Шинн Фейн – 17, Партия Альянса – 7, оставшиеся места разделили между собой 5 мелких партий [15]. В понедельник 10 июня состоялось торжественное открытие работы Форума. В заседании должны были принять участие все избранные партии, кроме ДЮП, которая отказалась от участия, и Шинн Фейн, которую (несмотря на неоднократные заявления Джерри Адамса о поддержке «Принципов Митчелла») не допустили к межпартийным переговорам. Так, в угоду сохранению парламентского большинства решение ольстерской проблемы снова оказалось под угрозой. Продолжить решение оной суждено было «новым лейбористам» во главе с Тони Блэром, которые и выиграли парламентские выборы 1997 г.

В период 1988–1996 гг. Консервативная партия Великобритании сделала основную подготовительную работу по мирному урегулированию в Северной Ирландии, создав необходимую базу для заключения (уже лейбористским правительством) многостороннего соглашения с протестантами и католиками. Длительность сложного процесса урегулирования, осуществленного правительством Джона Мэйджора, во многом была обусловлена склонностью Консервативной партии к силовым методам ведения переговоров и негативным отношением к международному посредничеству. Новое лейбористское руководство страны во главе с Тони Блэром проявило большую инициативность, готовность к компромиссу и терпение, но все эти качественные характеристики, отличавшие курс лейбористов, тем не менее, явились логическим продолжением политики консерваторов. Именно Консервативная партия заложила фундамент, на котором лейбористы воздвигли прочное здание мира с помощью «Договора Страстной Пятницы» (1998) и «Договора Сент-Эндрюс» (2006).

Примечания

1. Дорошенко Д. Оповідання про Ірландію. Київ: Просвіта, 1907; Григорович М. Як Ірландія здобула собі волю. Катеринослав: Укр. вид-во в Катеринославі, 1924; Крушинський Ф. Національна революція в Ірландії. Париж: Видання «Укр. Визв. Бібліотеки», 1931.

2. Толстой С. Английское общество и ирландское восстание 1916 года: дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1983.

3. Кучменко Е. М. Ірландія і Ольстерська криза: Пошуки шляхів її подолання у другій половині ХХ століття (Історичний огляд) Київ, 2000; Теленко О. М. Ольстерська проблема в політиці Великої Британії: дис. ... канд. політ. наук. Львів, 2005; Сахновський О. Є. Ірландський автономізм у роки Першої світової війни: позиція Партії гомруля та політика британських урядів: дис. ... канд. іст. наук. Чернівці, 2006; Гула К. О. Шляхи врегулювання конфлікту у Північній Ірландії (1968–2007 рр.): дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2009. 210 с.

4. Шинн Фейн (ирл. *Sinn Féin* – «мы сами») – название ряда ирландских политических организаций, ведущих свое происхождение от одноименной левой националистической партии, созданной в 1905 г. Артуром Гриффитом. В настоящее время крупнейшей организацией такого рода является «Временная Шинн Фейн», которую с 1983 г. возглавляет Джерри Адамс. Она представлена в Ассамблее Северной Ирландии, парламентах Великобритании (в работе которого представители Шинн Фейн традиционно отказываются принимать участие) и Республики Ирландия, Европейском парламенте (в подгруппе объединённых левых лево-зелёной группы). Критикуется правительствами Ирландии и Великобритании за предполагаемую связь с ИРА, которую сама партия отрицает. Партия придерживается социалистической ориентации и выступает за единую Ирландию.

5. Joint Declaration on Peace: The Downing Street Declaration, Wednesday 15 December 1993. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/peace/docs/dsd151293.htm>

6. British Response to Sinn Fein Request for Clarification. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/issues/politics/docs/nio/nio190594.htm>

7. Irish Republican Army (IRA) Ceasefire Statement, 31 August 1994. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/peace/docs/ira31894.htm>

8. Combined Loyalist Military Command (CLMC) Ceasefire Statement, 13 October 1994. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/peace/docs/clmc131094.htm>

9. The Framework Documents. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/peace/docs/fd22295.htm>

10. A Framework For Accountable Government In Northern Ireland. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/peace/docs/fd22295b.htm>

11. Report of the International Body on Arms Decommissioning, 22 January 1996. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/peace/docs/gm24196.htm>

12. MacGinty R. American influences on the Northern Ireland Peace Process // The Journal of Conflict Studies. 1997. Vol. XVII. № 2 // The Journal of Conflict Studies. The GREGG CENTRE for the Study of War and Society. URL: <http://www.lib.unb.ca/Texts/JCS/bin/get.cgi?directory=FALL97/articles/&filename=MACGINTY.html>

13. The Portland Trust. Economics In Peacemaking: Lessons from Northern Ireland. URL: <http://www.portlandtrust.org/> (официальный сайт организации «The Portland Trust»).

14. Northern Ireland (Entry to Negotiations, etc) Act, 1996. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/peace/docs/act290496.htm>

15. Forum Election (NI). Thursday, 30 May 1996. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/issues/politics/election/rf1996.htm>

УДК 94(410+470):327

С. А. Крутько

ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ОТНОШЕНИИ СССР (30-е гг. XX в.): ГЛАВНЫЕ ФАКТОРЫ

В статье предпринята попытка определить главные факторы, повлиявшие на развитие отношений Великобритании с СССР в 1930-е гг. Исследуются подходы политического истеблишмента Англии к сотрудничеству с Москвой, взаимосвязь экономических и политических отношений Великобритании и СССР, идеологическое недоверие британской элиты к большевизму.

In article launched an attempt to identify the main factors that have influenced the development of the British-Soviet relations in the 1930s. Examines approaches to cooperation with Moscow by England's policy makers, the relationship of economic and political relations of Great Britain and the Soviet Union, and the ideological distrust of British elite to Bolshevism.

Ключевые слова: Великобритания, СССР, международные отношения, внешняя политика.

Keywords: Great Britain, USSR, international relations, foreign policy.

1930-е годы в мировой истории были противоречивым периодом, наполненным судьбоносными событиями. Дискуссии об оптимальных путях развития человечества, в том числе и международных отношениях, оказали значительное влияние на формирование внешней политики Великобритании в это непростое время. Сложность и многогранность процесса выработки британским правительством внешнеполитического курса были обусловлены тем, что значительное влияние на него оказывали различные подходы и взгляды политической элиты и общественное мнение. Значительный интерес политического истеблишмента и общественности к проблемам международной жизни был одним из последствий Первой мировой войны.

Британская внешняя политика в период между мировыми войнами широко изучена английскими учеными [1], отдельные разделы работ которых посвящены анализу сотрудничества Лондона и Москвы. Между тем исследования, посвященные анализу факторов, определивших курс Лондона в отношении Москвы, немногочисленны. Это работы К. Нейлсона, А. Шоу, Э. Уильямса. В своём труде, посвященном британо-советским отношениям в 1919–1939 гг., К. Нейлсон [2] проследил их динамику от момента установления до начала Второй мировой войны. На основе изучения значительного комплекса источ-

ников А. Шоу [3] изучила отношения английских политиков к идее сотрудничества с СССР, а также субъективных мотивов, которые влияли на этот процесс. В фокусе исследования историка Э. Уильямса были дипломатические контакты между Советским Союзом и Англией во время пребывания у власти лейбористского правительства [4]. Российские исследователи поставленную проблематику изучали эпизодически, в основном в ее связи с историей международных отношений [5].

Комплексное изучение британского курса в отношении СССР обеспечивается использованием различных источников. Это архивные документы, содержащиеся в фондах Национального архива Великобритании [6], в частности служебные записки, меморандумы, дипломатическая переписка. Важными материалами, проливающими свет на события тех дней, являются записи политических дебатов [7], мемуары политиков – участников тех событий [8], а также сообщения периодической печати [9]. Такой спектр источников позволяет выявить и охарактеризовать основные факторы, оказавшие влияние на выработку внешней политики Англии, определить степень их воздействия на формирование линии в отношении СССР.

Позиция английской дипломатии в период между мировыми войнами довольно часто определялась не только правительственным курсом, но и общественными настроениями, которые формировались прессой, деятельностью различных учреждений и отдельных представителей научного сообщества. Современные исследователи подчёркивают тот факт, что проблемами международных отношений в 20–30-е гг. XX в. начали заниматься не только профессиональные чиновники. Широкие академические круги [10] также присоединились к обсуждению актуальных вопросов. Выросло и их влияние на принятие конкретных решений. Доминирующим направлением в указанный период стал либеральный идеализм, главными теоретиками которого в Англии были А. Зиммерн – декан кафедры международных отношений в университетах Оксфорда и Аберсвита, Г. Брэйлсфорд – член Советательного комитета по вопросам внешней политики при Лейбористской партии и редактор влиятельной газеты «New Leader», Дж. Мюррей – член комитетов по разоружению от Англии. Эти деятели были едины во мнении, что мир и стабильность в Европе должна обеспечить система коллективной безопасности [11]. Однако, что особенно ярко прослеживается на примере отношений с СССР, английское правительство избрало проведение более характерной для своей дипломатии политики «баланса сил». В результате решения, которые касались безопасности, были

половинчатыми и не позволили развивать диалог с Москвой.

Подтверждений тому немало. Так, в середине 30-х гг. Англия предприняла определенные шаги для налаживания политических контактов с Советским Союзом. В марте 1935 г. в СССР с рабочим визитом прибыл лорд – хранитель печати Энтони Иден. Это был беспрецедентный случай – впервые за годы существования большевистского режима страну посетил чиновник из ведущей западной державы. Э. Иден позже написал в своих мемуарах, что главной целью поездки было обсуждение вопросов налаживания эффективной организации коллективной безопасности в Европе. Советская сторона выразила свою готовность поддержать любые действия, отметив, что никаких противоречий между странами в этой сфере возникнуть не должно [12]. Правда, дальнейших шагов сделано не было. Подписанные позже англо-германский и аналогичный англо-советский морские договоры были двусторонними договоренностями и наносили удар не только по идее коллективной безопасности, но и по Версальской системе миропорядка в целом.

Еще больше обострились отношения Лондона и Москвы в ходе деятельности Комитета по невмешательству в дела Испании, в работе которого с середины 1937 г. наметился кризис. Форин офис стоял на принципах недопущения эскалации конфликта и постепенно склонялся к поддержке требований Германии и Италии [13]. Уступки, которые содержались в британском плане по контролю ситуации в Испании, не нашли поддержки у советской делегации [14]. Разочаровавшись в перспективах сотрудничества с Лондоном, Москва проявляла все меньший интерес к попыткам создания системы коллективной безопасности.

В то же время для Великобритании главной задачей внешней политики оставалась защита её собственных интересов. В одном из докладов Форин офиса говорилось, что Англия после Первой мировой войны получила все, чего желала, и «единственной задачей оставалось удержать все то, что есть, и жить в мире» [15]. Британцы очень хорошо помнили, ценой каких жертв они получили этот мир. Пацифизм прочно укоренился в общественном сознании, недопущение войны для многих тогдашних английских деятелей стало первоочередной задачей. Это проявлялось не только во времена премьерства Н. Чемберлена, но, по сути, имело место во время правления и Р. Макдональда, и Дж. Саймона, и стало одной из причин политики умиротворения.

Какое же место отводилось СССР во внешнеполитической стратегии Англии? Несмотря на то что установление полноценных дипломатических и торговых отношений с Москвой произошло

тогда, когда лейбористы находились у власти, большого практического значения этому главные конкуренты консерваторов в 1930-х гг. не придавали [16]. Великая депрессия требовала совместных действий главных политических сил, поэтому правые лейбористы пошли на сотрудничество с тори в национальном правительстве Р. Макдональда.

События разворачивались таким образом, что большинство представителей политической элиты Англии постепенно сблизилось во взглядах на внешнюю политику. И, хотя основные достижения в британо-советских отношениях были достигнуты в годы правления правительств Р. Макдональда, во второй половине 30-х гг. лишь незначительная часть деятелей обеих партий выступала против умиротворения и, соответственно, за сотрудничество с Москвой в вопросах, касающихся безопасности.

Это изменение в отношении лейбористов к идее сотрудничества с Советским Союзом во многом зависело и от поведения Кремля на международной арене. Британо-советские контакты, которые и без того были сложными, а иногда даже враждебными, ещё более усложнялись из-за антианглийской пропаганды, проводимой СССР. В Национальном архиве Великобритании находятся документы, которые проливают свет на этот вопрос. В Англии внимательно следили за попытками Москвы расширить влияние в регионе Центральной Азии и в Китае [17], что стало одной из причин разрыва отношений двух стран в 1927 г. Название «Советский Союз» наиболее часто встречается в документах Форин офиса в записях, касающихся деятельности революционных организаций и распространения антикапиталистической пропаганды [18]. Возможно, здесь есть определенные преувеличения, однако факт остается фактом. На привлекательность сотрудничества с большевиками по международным проблемам он влиял отрицательно.

В начале 30-х гг. в специальном меморандуме о международном положении английское правительство определило СССР как «враждебное государство, с которым, несмотря на это, нам необходимо иметь дружественные отношения» [19]. Британские аналитики отмечали, что если в Советском Союзе сохранится тенденция к милитаризации, которая прослеживалась с середины 1920-х гг., то эта страна превратится во влиятельную силу в международной политике [20]. Этим можно объяснить и исторический визит Э. Идена в Москву, где обсуждались вопросы «коллективной безопасности».

Однако политические отношения Лондона и Москвы не были главным аспектом сотрудничества между двумя странами в первой половине 30-х гг. Они довольно часто следовали за эконо-

мическими отношениями, становясь своеобразным базисом для развития торговли. Так, заявленный лейбористами в предвыборной программе 1929 г. курс на восстановление полноценных контактов с СССР [21] диктовался, в первую очередь, экономическими мотивами. Англия хотела вернуть себе огромный рынок сбыта своих товаров. Если в 1925 г. СССР заказал в Великобритании товаров на сумму 20,5 млн ф. ст., то вследствие расторжения отношений в 1927 г. – лишь на 5,8 млн ф. ст., то есть заказы сократились почти в четыре раза [22].

Реализация провозглашенного в лейбористском манифесте курса началась в первый год правления кабинета Р. Макдональда. Сразу после восстановления политических отношений на повестку дня был поставлен вопрос подписания нового торгового договора, что и было сделано 16 апреля 1930 г. Стороны отказывались от протекционистских мер в торговле друг с другом, декларируя режим максимального содействия. Достигнутое соглашение могло бы иметь положительное влияние на отношения между Англией и СССР, если бы не экономический кризис, разгоревшийся в Европе. После Оттавской конференции 1932 г. [23], когда для защиты своей экономики правительство Великобритании обратилось к усилению преференций в рамках Содружества и введению протекционистской политики, договор 1930 г. с Советской Россией был денонсирован.

Новые переговоры проходили сложно. На них негативно влиял кризис, который разразился из-за нарушения концессионных прав компании «Lena-Goldfields», а также судебное следствие по делу «Metro-Vickers». Но, несмотря на сложности, стороны вынуждены были искать компромисс, ведь в такой ситуации многие английские (в частности, судостроительные и фрахтовые) и советские (связанные с машиностроением и тяжелой промышленностью) компании несли убытки, не имея возможности вести торговлю [24]. Новый договор был подписан 16 февраля 1934 г. Он стал основой для взаимовыгодного сотрудничества двух государствам. Таким образом, когда экономическое взаимодействие было необходимым и значимым как для Лондона, так и для Москвы, отношения выстраивались гораздо быстрее.

Возвращаясь к оценкам СССР как политического союзника, следует отметить, что на момент прихода к власти Н. Чемберлена, ситуация изменилась. Исследователи подчёркивают, что именно с мая 1937 г. в британо-советских отношениях произошел драматический поворот [25]. Сталинские чистки в военном аппарате убедили английских аналитиков в том, что оценка военной мощи СССР значительно преувеличена. Британский посол в Москве А. Экерс Дуглас, виконт Чилстон (как показывают его письма в Форин

офис) был хорошо проинформирован о показательных судебных процессах над «старыми» большевиками, руководством республик, церковными деятелями; усилении влияния Сталина на политику Кремля в результате уничтожения других лидеров ВКП(б) [26].

Завершали негативный образ Советского Союза доклады, подготовленные военным атташе в Риге Р. Ч. Фаербрейсом, который занимался сбором информации о состоянии Советской армии и военной промышленности. Как и английский посол, с которым он довольно часто обменивался мнениями, Фаербрейс считал силу Красной армии значительно переоцененной. По его мнению, РККА была существенно ослаблена чистками, в результате которых, по данным британской миссии, было уничтожено более 65% военных кадров высшего ранга [27].

Более того, на Западе были сильны сложившиеся традиции дипломатического диалога с СССР. Британские политики относились к союзнчеству с Кремлем с предубеждением. В некоторой мере это была обоснованная реакция, ведь о каком доверии в межгосударственных отношениях может идти речь, если объектом сталинских чисток становились те, кто еще вчера определял ключевые направления советской политики, а сейчас объявлялся «английским шпионом» и «империалистическим агентом»?

Не стоит забывать и о субъективном факторе развития британо-советских отношений. Большинство политиков того времени, включая и самого премьер-министра, выступали за налаживание отношений, в первую очередь, с Германией и Италией, предвзято относясь к СССР. Причиной тому были традиционализм и преемственность, характерные для английской дипломатии. С первых лет существования большевистского государства его отношения с западными странами были прохладными. Имидж СССР как партнера (во многом это было заслугой самого Кремля, который объявил своим врагом весь капиталистический мир) в сознании большинства тогдашних политиков был отрицательным именно из-за антагонизма политических систем. И поддерживался он чаще всего именно с подачи Москвы.

Творцы внешней политики Англии отличались консерватизмом и реагировали на изменения крайне неохотно. Дипломатия оставалась делом аристократов – выпускников Итонского колледжа Оксфорда или Кембриджского университета. Форин офис всегда был консервативным министерством, за что нередко подвергался критике.

Политики, находившиеся в оппозиции официальному курсу Н. Чемберлена, не были едины в их отношении к Советскому Союзу. Лишь незначительное количество парламентариев, объединившихся вокруг Э. Идена (после его ухода в

отставку с поста министра иностранных дел) и У. Черчилля, последовательно критиковали умиротворение и потакание Германии, выступая за сотрудничество с СССР.

«Гламурные мальчики» Э. Идена, среди которых важную роль кроме бывшего министра иностранных дел играли виконт Р. Кренборн, Дж. Томас и Г. Макмиллан, получили свое уничижительное название от манеры следить за собой и модно одеваться. Они считали, что Н. Чемберлен недооценивает серьезность ситуации в Европе, а после Мюнхенского договора открыто стали на сторону сторонников сотрудничества с СССР [28].

Более авторитетной группой, которая стояла на схожих позициях, выступая против умиротворения, была так называемая «Старая гвардия» У. Черчилля. В неё входили Л. Эмери, Р. Бауэр, Р. Картленд, Р. Бутби. Г. Макмиллан вспоминал, что, несмотря на то что входил в группу Э. Идена, он поддерживал постоянные связи с У. Черчиллем, регулярно встречаясь с ним и обсуждая внешнюю политику [29].

Общим для оппозиционных политиков было то, что рано или поздно они пришли к пониманию необходимости налаживания отношений с Москвой в противовес растущей агрессии со стороны нацистской Германии. Существовали подобные настроения и в среде Лейбористской партии, особенно левого ее крыла, хотя оно не имело большого политического влияния.

Подводя итог, можно выделить следующие моменты. Британо-советские отношения никогда не были стабильными и однозначными. Достижения сменялись просчетами, в сложной и изменяющейся международной ситуации четкий, единый курс не был выработан. Английская дипломатия сделала ставку на сохранение дружественных отношений с Берлином, но, в то же время, не желала полного разрыва и с Москвой. Именно поэтому большинство решений относительно сотрудничества с СССР носили незавершенный характер.

В то же время экономические отношения зачастую опережали политические, иногда становясь основой для дальнейшего дипломатического диалога. Этот опыт позволяет сделать вывод, что в ситуации, когда речь заходила о взаимовыгодных каналах взаимодействия, компромисс находился сравнительно легко и быстро.

Оценки СССР как силы в европейской политике, сделанные британской дипломатией, менялись во времени. В начале 30-х гг. Москва рассматривалась Форин офисом как возможный партнер на международной арене, в то время как во второй половине десятилетия в новых условиях отношение было пересмотрено не в пользу Кремля.

Названный комплекс факторов позволяет более объективно оценить события конца 1930-х гг.,

понять поведение ведущих держав и определить их место и роль в жизни Европы, а также охарактеризовать причины, которые привели к началу войны, сквозь призму неудачных попыток оформления политического союза Великобритании и СССР.

Примечания

1. *Doerr P.* British Foreign Policy, 1919–1939. Manchester: Manchester UP, 1998. URL: <http://books.google.com.ua>; *Taylor A.* English History. 1914–1945: The Oxford History of England. Oxford: Oxford UP, 2001. URL: <http://books.google.com.ua/books>; *Shadow and Substance in British Foreign Policy 1895–1939* / ed. by J. B. C. McKercher and D. J. Moss. Edmonton: University of Alberta Press, 1984. URL: <http://books.google.com.ua/books>

2. *Neilson K.* Britain, Soviet Russia and the Collapse of the Versailles Order, 1919–1939. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

3. *Show L.* British Political Elite and the Soviet Union (1937–1939). L.; Portland: Frank Cass Publishers, 2003.

4. *Williams A.* Labour and Russia. The Attitude of the Labour Party to the USSR 1924–1934. Manchester: Manchester UP, 1989. URL: <http://books.google.com.ua/books>

5. Теория международных отношений: традиции и современность / сост. П. А. Цыганков. М.: Гардарики, 2002; *Антонов Е., Дудка А. И.* К вопросу о политической борьбе в Великобритании в 30-е гг. XX в. по проблемам внешней политики // Научные ведомости БелГУ. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 14. С. 77–82. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-politicheskoj-borbe-v-velikobritanii-v-30-e-gg-hh-v-po-problemam-vneshney-politiki>

6. The Cabinet Papers 1915–1982 // The National Archives. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/>

7. Parliamentary Debates. House of Commons. Series 5. Vol. 107. URL: <http://hansard.millbanksystems.com>

8. *Eden A.* The Reckoning: the Eden Memoirs. L.: Cassell, 1965; *Черчилль У.* Вторая мировая война: в 6 т. / пер. с англ., под ред. А. Орлова. М.: «Тerra», 1997. Т. 1: Надвигающаяся буря.

9. British Russian Gazette and Trade Outlook. 1932. № 4; Дело британских инженеров // The Times. May, 22, 1933. URL: <http://www.urokiistorii.ru/history/soc/3110> (Пер. с англ. сайта «Уроки истории»).

10. The Foreign Office and British Diplomacy in the Twentieth Century / ed. by G. Johnson. N. Y.: Routledge: Taylor and Francis Group, 2005. URL: <http://books.google.com.ua>. P. 1.

11. *Zimmern A.* The Problem of Collective Security // Neutrality and Collective Security. Chicago: University of Chicago Press, 1936. P. 20; *Brailsford H.* Tory Policy of Peace // The Political Quarterly. 1938. Vol. 9. P. 325–333. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com>. P. 325.

12. *Шейнис З.* Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М.: Изд-во полит. лит., 1989. С. 288.

13. Parliamentary Debates. House of Commons. Series 5. Vol. 107. Col. 698.

14. *Майский И.* Испанские тетради. М.: Воениздат, 1962. С. 152.

15. *Антонов Е., Дудка А. И.* Указ. соч. С. 77.

16. Callaghan J. The Labour Party and Foreign Policy: A History. N. Y.: Routledge: Taylor and Francis Group, 2007. URL: <http://books.google.com.ua>. P. 103.

17. CAB/24/178/96. The Extension of Soviet Influence in Asia // Memorandum by the Secretary of State for War. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk>. P. 7–8.

18. CAB/24/160/39. Report on Revolutionary Organizations in Great Britain // Home Office. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk>; CAB 24/107/9. A Monthly Review of Revolutionary Movements in British Dominions Overseas and Foreign Countries // Home Office. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk>.

19. CAB 24/221/25. An Aspect of International Relations in 1931 // Robert Vansittart. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk>. P. 19.

20. Ibid. P. 20.

21. 1929 Labour Party General Election Manifesto / An UNOFFICIAL site on the Labour Party. URL: <http://www.labour-party.org.uk/>

22. Попов В. И. Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929–1939 гг.). М.: Междунар. отношения, 1965. С. 12.

23. Звавич И. Оттавская конференция // Мировое хозяйство и мировая политика. 1932. № 7–8. С. 102.

24. British Russian Gazette and Trade Outlook. 1932. № 4. P. 19–22.

25. Ibid. P. 50.

26. Ibid. P. 51.

27. Ibid. p. 55.

28. Thorpe D. Glamour boys (act. 1938–1940) // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford: Oxford UP, 2012. URL: <http://www.oxforddnb.com/view/theme/95077>

29. Macmillan H. Winds of change, 1914–1939. N. Y.: Harper & Row, 1966. P. 549.

УДК 343.9

А. М. Розуван

**О ПРИОРИТЕТНОМ НАПРАВЛЕНИИ
В КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

В статье показана роль психологических знаний в борьбе с преступностью и обосновывается необходимость шире использовать данные знания в криминологических исследованиях.

The article shows the role of psychological knowledge in the fight against crime and the necessity to use this knowledge more widely in criminological research.

Ключевые слова: криминологические исследования, психологические знания, необходимость психологизации криминологии.

Keywords: criminological research, psychological knowledge, the need for psychologizing of Criminology.

В реальной жизни трудно провести четкую границу между явлениями, порождающими преступность, и иными негативными социальными явлениями, казалось бы, не содержащими в себе криминальной составляющей.

Е. Д. Петряевым в одном из его исторических исследований отражен такой момент: «...Чиновники, сидя десятилетиями на своих местах, обрастали хозяйством, роднились между собою, создавая семейные “кланы”...» [1]. На первый взгляд такая традиция вятского чиновничества позапрошлого века не имеет ничего криминального и даже является положительной, поскольку такая чиновничья спаянность позволяет дружно и оперативно решать местные управленческие проблемы. Однако эта добрая на первый взгляд традиция явилась одной из причин, способствующей совершению деяний, квалифицируемых как «злоупотребление служебным положением». Е. Д. Петряев в данном труде пишет: «...распоряжения редко выполнялись в срок. Считалось нормальным, если по делу получено три напоминания. Косная система “прохождения дел” позволяла чиновникам, иногда с целью самозащиты, создавать искусственные препятствия для решения вопроса. Жалобщик признавался опасным ябедником и терпел неудачи в самых, каза-

лось бы бесспорных случаях. ...Народ стонал от произвола, от хищной изворотливости чиновников и от продажности судей» [2].

Иначе говоря, криминологическую составляющую, как вирус в теле здорового пока организма, весьма непросто выявить, что и породило возникновение специальной науки – криминологии, подобно тому как из судебной психологии отпочковалась специальная наука – судебная психиатрия.

Кроме того, представления о преступном и не преступном поведении изменяются с изменением статуса государства. Так, если в СССР предпринимательство являлось преступлением (ст. 153 УК РСФСР 1960 года), то в современной России оно является неотъемлемым правом личности, поддерживаемым и стимулируемым государством (ст. 8, 34 Конституции РФ).

Наконец, на эти представления откладывает определенный отпечаток и политика государства, обусловленная потребностями мирового сообщества, поскольку правовая система России является составной частью международной правовой системы (ст. 15 п. 4 Конституции РФ)

Изложенное диктует криминологу необходимость не ограничиваться только областью преступного по действующему закону, но одновременно изучать закономерности взаимодействия преступности и иных форм негативных социальных отклонений, перерастания последних в наиболее общественно опасные [3].

Анализ моего практического опыта милицеской службы подтверждает вывод о том, что при изучении криминологических закономерностей необходимо уделять большее внимание психологическому направлению, поскольку любое преступное деяние исходит только от человека и является отражением особенностей его индивидуальной психики.

Эта точка зрения подтверждается и выводами ряда ученых, выдвигающих гипотезу о том, что «...люди, теперь жестокие, должны рассматриваться как сохранившиеся ступени прежних культур: горный хребет человечества обнаруживает здесь более скрытые наслоения, которые в других случаях остаются скрытыми. У отсталых людей мозг благодаря всевозможным случайностям в ходе наследования не получил достаточно тонкого и многостороннего развития. Они показывают нам, чем мы все были, и пугают нас;

но сами они столь же мало ответственны, как кусок гранита за то, что он – гранит» [4].

Психологическое направление видится в том, что целесообразно криминологическое исследование обратить в первую очередь к изучению состояния общественной психологии, свойственной данной исторической эпохе, поскольку «...общество готовит преступление, преступник его совершает» [5], «преступность находится на пике отрицательных социальных отклонений...», в силу чего она «...не просто социальное, а социально-психологическое явление...» [6].

Законы психологии, как общественной, так и индивидуальной, аналогичны законам природы и экономики, которые безжалостно объективны, и законодатель вынужден, не входя в противоречие с механизмом их действия, использовать этот механизм для правового регулирования. Например, поскольку конкуренция является двигателем развития экономики, то законодатель вынужден гарантировать свободу конкуренции (ст. 34 Конституции РФ), хотя порой она входит в противоречие с государственными интересами; поскольку материнский инстинкт толкнет мать на дачу ложных показаний в отношении ее преступника-сына, то конституционно предоставить ей в таком случае свидетельский иммунитет (ст. 51 Конституции РФ), хотя и он существенно затрудняет деятельность оперативных и следственных служб в раскрытии преступления; поскольку действует закон конформизма (неизбежного воздействия людей на судьбу даже и в условиях простого присутствия при разработке судьей текста приговора), то нарушение тайны совещательной комнаты является обязательным основанием отмены данного приговора (ст. 389.17 п. 8 УПК РФ) и т. д.

В ограниченных рамках научной статьи невозможно изложить все рекомендации по «психологизации криминологии», а поэтому в ней изложены наиболее важные предложения о приоритетности психологического направления в криминологических исследованиях. Они видятся следующими:

1. Представляется необходимым привлечение в криминологические исследования результатов, полученных не только данными наук «криминология» и «судебная психология», но и науками психологического цикла: общей психологии, психологии личности, коррекционной и социальной психологии [7], что позволит наполнить криминологические исследования разработками эффективных рекомендаций по борьбе с преступностью.

Например, согласно теории бессознательной психики сознание человека составляет только небольшой верхний пласт психики и содержание сознания во многом определяется работой цензора – предсознательной психики (прослойки

между бессознательной и сознательной частью психики), которая вытесняет, удаляет в бессознательное все, что так или иначе угрожает сознанию. С одной стороны, нормальная психика обладает защитой от деморализующего воздействия допущенных ошибок, вытесняя, забывая то, что угрожает сознанию. Так, например, замечено, что если нас обидели незаслуженно, то мы это долго помним, при случае опровергаем, а порой готовы отомстить. Если же критика была справедливой, то она быстро забывается. С другой стороны, подсознательные влечения, заложенные генной программой, проникают в сознание сквозь цензора, трансформируясь в осознанные желания и мотивы, движущие поступками и решениями человека. В частности, известен печальный пример, когда следователь прокуратуры передала обвиняемому, находящемуся под стражей, огнестрельное оружие для побега, поскольку в этом следователе внутренняя роль женщины, полюбившей обвиняемого, возобладала в межролевом конфликте над ролью стороны государственного обвинения [8].

Криминологические исследования, проводимые с учетом знания данных свойств человеческой психики преступников, позволят получить понимание о внутренних пружинах преступного поведения и возможность выработки механизмов нейтрализации данных причин при помощи права, которое «...не может, разумеется, уничтожить экономические, социально-культурные причины и условия преступности, но оно может воздействовать на их негативные проявления: локализовать, блокировать, организовать надлежащее противодействие отрицательным явлениям и процессам. Предупредительная роль права состоит в таком регулировании сфер общественной жизни, при котором существующие криминогенные факторы либо устраняются, либо их действию ставится надежный заслон» [9].

2. При исследовании причин тех или иных видов преступности и способствующих ей условий в первую очередь целесообразно выявлять то, что послужило формированию стереотипа негативного поведения людей.

На первостепенную важность данного явления указывают и результаты криминологических исследований, показывающих, что психобольные даже в болезненном состоянии действуют в рамках стереотипа поведения, который у них сложился в повседневной жизни [10].

Еще академиком Сеченовым была выявлена закономерность, согласно которой характер человека в значительной мере формируется внешней средой, и эта закономерность учитывается, например, у еврейского народа, где национальность человека традиционно определяют в первую очередь по национальности его матери, по-

сколькo ребенок, как правило, становится таковым, какой была его мать. Немецкий писатель Иоганн Рихтер, например, писал в свое время: «Дайте нам лучших матерей и мы будем лучшими людьми» [11].

Криминологическими исследованиями выявлен и сформулирован общий для всех сфер преступности механизм формирования преступного стереотипа и его основных стадий.

Первая стадия представляет собой негативные изменения в психике будущего преступника, которыми создаются предпосылки его будущего падения. Она выражается в зарождении в его душе греховного семени, именуемого эгоизм, перерастающего в эгоцентризм (я – в центре Вселенной, могу делать все, что захочу, и никто мне не указ). В результате из сознания улетучивается полученное в детстве нравоучение: «что такое хорошо и что такое плохо». Хорошим становится – все, что хотел бы делать такой человек, а плохим все, что его не удовлетворяет. Зарождается лояльность к любым низменным желаниям и поступкам и гордость за то, что сумел переступить через моральные запреты. Уже на этой стадии падения опытный профессионал может заметить начавшееся моральное разложение подопечного и воспитательной акцией предотвратить падение этого человека.

Вторая стадия выражается в зарождении преступной ориентации «матери» будущих преступных установок, в которых выделяются две основных группы: корыстная (стремление обогатиться за счет чужого имущества) и насильственная (возвыситься над кем-нибудь, унизив его).

Эта ориентация зарождается, как правило, после реализации преступных намерений (совершенная кража, хулиганская выходка и т. д.), но может совершиться и виртуально. Например, судебная практика знает случай, как два инженера-холостяка, проживавших в одной комнате общежития и ходивших на работу через склад, охранявшийся одорукиим сторожем-инвалидом, шуточно строили планы ограбления этого склада. Эти шуточные мысли настольно овладели сознанием этих инженеров, что они, будучи в состоянии сильного алкогольного опьянения, реализовали данную «шутку», попав на скамью подсудимых.

Третья стадия представляет собой такой уровень преступной ориентации, который захватил сознание человека до такой степени, что сделал уже его новой личностью с новым механизмом мышления. Так, один бывший вор-карманник, решивший встать на путь исправления, рассказывал, что первое время после своего решения подолгу не мог заснуть, пока не делал перед сном одну и ту же операцию: вешал на спинку стула свой пиджак, представляя его прохожим, выни-

мал из кармана этого пиджака кошелек, перекладывал в карман своих брюк и только после этого к нему приходил сон.

3. При исследовании причин и условий формирования преступного стереотипа целесообразно в первую очередь выявлять потребности личности, порождающие к тем или иным видам поведения. Эти потребности по иерархии их значимости для формирования криминального поведения целесообразно классифицировать на три направления.

Первое направление потребностей человека обусловлено состоянием его организма. Например, если психика человека поражена алкоголем, то возникает ситуация, при которой он употребляет алкоголь не для удовольствия, а для того, чтобы избавиться от неудовольствия (дискомфорта, порождаемого отсутствием алкоголя). В конечном итоге это ведет к пьянству – одному из распространенных причин и условий совершения преступлений.

Второе направление человеческих потребностей обусловлено материальными условиями его жизни. Человека, лишенного необходимых материальных благ, легче склонить к противоправным действиям. С одной стороны, он обозлен завистью к своим благополучным соседям, а с другой – его легко подкупить для совершения преступлений, чем и пользуется организованная преступность.

Третье направление человеческих потребностей обусловлено духовной стороной жизни человека. Природа (в том числе и духовная) не терпит пустоты, и духовное опустошение преступного элемента быстро заполняют криминальные «духовники»: террористические; фашиствующие; демократизаторы, которые под вывеской расширения демократии организуют массовые беспорядки типа «цветной революции», которую пережили некоторые страны СНГ, и другие нарушения.

И хотя духовная сторона человеческой жизни стоит на третьем месте потребностей человека, она является той «дверью», через которую можно проникнуть в душу падшего человека, оживить ее и направить в антикриминальное русло. А поскольку основной наукой о человеческой душе и закономерностях ее функционирования является психология, то данное обстоятельство является еще одним доказательством потребностей в углублении психологизации криминологических исследований.

4. Наконец, потребность в данном углублении диктует информационная глобализация, порожденная появлением Интернета, «...правовой статус которого, как, впрочем, и циркулирующей в нем информации, до сих пор четко не определен, отлаженных механизмов государственного регулирования этого нового для юриспру-

денции феномена пока не выработано. В связи с этим происходит быстрая криминализация глобальной сети. Наркоторговцы и их клиенты все чаще заключают сделки в “закрытых” комнатах чат-каналов, защищенных от посторонних программно-аппаратными средствами; наркодилеры используют для отмывания доходов интернет-банки; увеличивается число сайтов, принадлежащих организованным преступным группировкам, через которые они интенсивно обмениваются информацией; организованными преступными группами совершаются хакерские “атаки” на чужие информационные банки и базы данных, в том числе правительственных организаций и стратегических объектов в целях завладения информацией для дальнейшей ее продажи или вымогательства и т. д.» [12].

Содержание статьи не дает возможности детально обосновать потребность в расширенной психологизации российской криминологии. Изложенные в ней тезисы по использованию психологических методов в криминологических исследованиях по изучению причин и условий формирования преступного стереотипа в поведении людей на предмет выработки эффективных рекомендаций нейтрализации данного стереотипа нуждаются в дальнейшем исследовании.

Примечания

1. Петряев Е. Д. М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1975. С. 70.
2. Там же. С. 70, 29.
3. Криминология: учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. С. 21–22.
4. Например: Фрейд З. Я и Оно. Психология бессознательного. М., 1989; Он же. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1991; Иншаков С. М. Зарубежная криминология. М.: Норма, 1997. С. 130–140; Ли Д. А. Преступность в структуре общества. М., 2000. С. 59–61.
5. Бокль Генри Томас – английский историк и философ; Кетле Л. – бельгийский социолог. Цит. по: Борохов Э. Энциклопедия афоризмов: Мысль в слове. М.: ООО Изд-во «Аст», 2001. С. 427.
6. Криминология. С. 79, 89.
7. Приказ Минобрнауки РФ от 25.02.2009 № 59 (ред. от 10.01.2012) «Об утверждении Номенклатуры специальностей научных работников»: 19.00.00 Психологические науки.
8. Жегалов Е. А. Психологические основы предупреждения судебных ошибок // Юридическая психология. 2006. № 3.
9. Криминология: учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В. Л. Малкова. М.: Юстицинформ, 2006.
10. Криминология: учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. С. 338.
11. Борохов Э. Энциклопедия афоризмов: Мысль в слове. М.: ООО Изд-во «Аст», 2001. С. 263, 697.
12. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: учеб. 2-е изд., испр., доп. и перераб. / под ред. Е. П. Ищенко. М.: «КОНТРАКТ, ИНФРА-М», 2010.

УДК 342.9 (470+571)(035.3)

О. Н. Ордина

К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНОСТИ ИСТОЧНИКОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

В статье рассматривается возможность признания того или иного источника права источником административного права, которая обусловлена возможностью выступать в качестве формы выражения административно-правовых норм, т. е. административно-правовые нормы являются содержанием источников административного права.

In the article the possibility of the acknowledgement of one or other source of law or another as the source of administrative law, which is caused by the possibility to come out of it as the form of the expression of administrative-legal standards. Administrative-legal standards are the content of the sources of administrative law.

Ключевые слова: источники права, административное право, норма права, нормативный правовой акт.

Keywords: sources of law, administrative law, rule of law, the normative lawful report.

Источник административного права обладает свойством нормативности и предназначен для регулирования общественных отношений, возникающих в сфере публичного управления, путем установления, изменения или отмены норм административного права. Определение нормативного содержания источника административного права представляет проблему. Делались попытки определения только лишь нормативного правового акта. В постановлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 11 ноября 1996 г. № 781-II ГД «Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации» [1] даны определения нормативного правового акта и правовой нормы: «Нормативный правовой акт – это письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм. В свою очередь, под правовой нормой принято понимать общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение». Это определение нормативного правового акта приводится в судебных актах как законодательное обоснование правовой позиции суда.

Конституционный Суд Российской Федерации придерживается следующей позиции при установлении нормативности правового акта. В определении Конституционного Суда Российской Феде-

рации от 2 марта 2006 г. № 58-О «По жалобе гражданина С. Д. Смердова на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 251 ГК Российской Федерации» [2] Суд высказал такую позицию (п. 3). На основании Конституции России, других актов, определяющих порядок опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов, акт федерального органа исполнительной власти, затрагивающий права и свободы человека и гражданина, не зарегистрированный и не опубликованный в установленном порядке, не должен влечь правовые последствия как не вступивший в силу и не подлежит применению. Суды при рассмотрении подобных дел не вправе ограничиваться формальным установлением того, прошел ли обжалуемый акт государственную регистрацию и опубликован ли он в установленном порядке, – они также обязаны выяснять, содержит ли этот акт нормативные положения, затрагивающие права и законные интересы граждан. Выявив, что нормативный правовой акт федерального органа исполнительной власти, содержащий такие положения, не зарегистрирован и не опубликован в установленном порядке, суды должны признавать его недействующим, т. е. в каждом конкретном случае реально обеспечивать эффективное восстановление нарушенных прав. Иное означало бы необоснованный отказ в судебной защите, что противоречит ст. 46 Конституции Российской Федерации.

Но практика рассмотрения подобных дел в Конституционном Суде России стала развиваться в ином направлении. Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 2 ноября 2006 г. № 537-О «По жалобе ООО «Новгородский филиал «Содружество» на нарушение конституционных прав и свобод ст. 16.3 КоАП РФ» [3] не была признана нормативным правовым актом Номенклатура основной подкарантинной продукции (подкарантинных материалов, подкарантинных грузов) (товаров), ввоз которой на территорию Российской Федерации и вывоз с территории Российской Федерации допускается по разрешению органов Государственной службы ветеринарного и фитосанитарного надзора Российской Федерации. Номенклатура основной подкарантинной продукции является приложением к письму соответствующего федерального органа исполнительной власти. Поскольку Номенклатура не является нормативным правовым актом, постольку данное дело не является подлежащим рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации.

Позиция Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации была высказана в информационном письме от 13 августа 2004 г. № 80 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении арбитраж-

ными судами дел об оспаривании нормативных правовых актов» [4]. В письме была предпринята попытка расставить некоторые ориентиры для арбитражных судов при рассмотрении заявлений об оспаривании нормативных правовых актов. Однако информационное письмо не лишено недостатков. Существенным недостатком следует признать отсутствие в нем понятия нормативного правового акта, а также критериев, позволяющих арбитражным судам отграничивать нормативные правовые акты от иных видов правовых актов. Отсутствие таких, столь необходимых для арбитражных судов положений в указанном информационном письме затрудняет разграничение нормативных и ненормативных правовых актов.

Примером может также являться постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16 января 2007 г. № 12547/06 относительно писем Министерства финансов Российской Федерации от 5 августа 2004 г. № 01-02-01/03-1625 и от 3 марта 2006 г. № 03-06-01-02/09 [5]. Суд применил определение из указанного постановления Государственной Думы, «Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» от 13 августа 1997 г. № 1009 [6]. Ссылаясь на эти Правила, Суд указал, что издание нормативных правовых актов в виде писем и телеграмм не допускается. В связи с этим Суд признал, что «названные письма не отвечают перечисленным критериям нормативного правового акта, а потому не могут иметь юридического значения и порождать правовые последствия для неопределенного круга лиц». Но в этом постановлении Суда содержится положительный тезис о том, что налоговые органы не вправе требовать от налогоплательщиков соблюдения оспариваемых писем.

В данной ситуации тот факт, что документ издан в форме письма, неправильно истолкован судом. Следует различать форму и содержание. Письмо может быть по содержанию нормативным, а орган его намеренно издал в такой форме, которая не позволит его обжаловать в судебном порядке. От того, что документ по форме (письмо) не входит в перечень шести официально закрепленных нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, не следует ни его нормативность, ни ее отсутствие. Следовательно, необходимо было выяснить факт наличия или отсутствия в документе норм права [7].

В решении Высшего Арбитражного Суда России от 26 января 2009 г. № 16758/08 «Об отказе в удовлетворении заявления от признания недействующим письма Министерства финансов России от 30 июля 2008 г. № 03-11-02/85» [8] была высказана противоположная точка зрения: если оспариваемое письмо Минфин России направил

нижестоящим налоговым органам для руководства указанным официальным разъяснением и доведения его до сведения налогоплательщиков, то это не исключает возможности многократного применения содержащихся в нем предписаний, порождает правовые последствия для неопределенного круга лиц и должно быть использовано в работе налоговых органов при проведении мероприятий налогового контроля. Основанием для издания соответствующего Письма послужили поступающие в Минфин запросы налогоплательщиков и налоговых органов. При таких обстоятельствах суд пришел к выводу о том, что оспариваемое Письмо финансистов установило обязательные правила поведения и поэтому отвечает признакам нормативного правового акта, изданного федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным осуществлять функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере налогов и сборов.

Верховный Суд Российской Федерации относительно данного вопроса придерживается такой позиции. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» [9] суд разделяет нормативный правовой акт на два вида: 1) нормативность которого презюмируется (закон) и 2) нормативность которого исследуется с целью выяснения наличия (отсутствия) правовых норм, «определяющих правила поведения субъектов регулируемых отношений». Во втором случае суд должен независимо от наименования документа произвести поиск в нем норм права не только в тексте основного документа, но и в его приложениях. Согласно позиции суда (п. 10), «в отдельных случаях о нормативном характере оспариваемого акта могут свидетельствовать различного рода приложения, утвержденные актом, в частности типовые, примерные положения». Указанная позиция Верховного Суда Российской Федерации дает возможность в системе судов общей юрисдикции использовать права на защиту от документов, которых не должно быть, или неопубликованных нормативных правовых актов.

Но постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2007 г. № 48 не оказало никакого влияния на практику судов. Пункт 10 Постановления предписывает суду возвращать заявление, если при принятии заявления он придет к выводу о том, что оспариваемый правовой акт не является нормативным. Как следует из практики Верховного Суда Российской Федерации, нормативными считаются неопубликованные (незарегистрированные) правовые акты [10].

Поэтому с декабря 2007 г. Верховный Суд России исходит именно из п. 10 Постановления, не принимая к производству заявления об оспаривании неопубликованных (незарегистрированных) нормативных правовых актов.

Таким образом, в судебной практике не выработано четкой позиции на порядок оспаривания нормативных правовых актов. Поэтому большая часть заявлений гражданам (организациям) судами, оказавшимся в такой ситуации, возвращается. Исключением, например, является решение Высшего Арбитражного Суда России от 6 марта 2007 г. № 15182/06 [11], которым были признаны недействительными отдельные положения Письма Минфина России от 16 января 2006 г. № 03-04-15/01. 9 октября 2007 г. в результате пересмотра в порядке надзора данное решение было оставлено без изменения.

Расхождение в позициях судов судебной системы, неодинаковое разрешение тождественных дел препятствует созданию единообразной судебной практики на территории России.

Поскольку в действующем федеральном законодательстве отсутствует общее легальное понятие нормативного правового акта, законодательное закрепление его признаков, постольку в судебной практике возникает ряд вопросов, связанных с оценкой тех или иных официальных документов с точки зрения отнесения их к категории нормативных правовых актов. Отсутствие закона «Об источниках права Российской Федерации» порождает множество конфликтов, связанных с толкованием понятия «нормативный правовой акт». Такие законы есть в Казахстане, Киргизии, Беларуси и других постсоветских республиках.

На наш взгляд, нормативность – это свойство источника административного права, означающее, что посредством источника административного права устанавливаются, изменяются, отменяются нормы административного права, меняется сфера их действия во времени, в пространстве и по кругу лиц. В широком смысле нормативность источника административного права означает его способность выступать в качестве регулятора общественных отношений.

Примечания

1. Собрание законодательства РФ. 1996. № 49. Ст. 5506.
2. Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 4.
3. Собрание законодательства РФ. 2007. № 9. Ст. 1145.
4. Вестник ВАС РФ. 2004. № 10.
5. Вестник Высшего арбитражного суда РФ. 2007. № 3.
6. Собрание законодательства РФ. 1997. № 33. Ст. 3895.
7. В качестве примеров также можно привести определения ВАС РФ от 1 ноября 2008 г. № 12013/08; от 29 марта 2009 г. № ВАС-1658/09; от 18 мая 2009 г. № 2288/09; от 27 мая 2009 г. № ВАС-5071/09; 18 августа 2009 г. № ВАС-8738/09 и др.
8. Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

9. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

10. См. определения ВС РФ от 6 декабря 2007 г. № ГКПИ07-1583; от 30 января 2008 г. № 1-Г07-18; от 13 февраля 2008 г. № ГКПИ08-333; от 13 февраля 2008 г. № ГКПИ08-338; от 13 февраля 2008 г. № ГКПИ08-348; от 20 февраля 2008 г. № ГКПИ08-460; от 20 февраля 2008 г. № ГКПИ08-483; от 23 апреля 2008 г. № 78-Г08-8; от 14 мая 2008 г. № 7-Г08-9; от 9 июля 2008 г. № 66-Г08-10; от 28 июля 2008 г. № ГКПИ08-1667; от 5 августа 2008 г. № ГКПИ08-1705; от 6 августа 2008 г. № ГКПИ08-1703; от 8 августа 2008 г. № ГКПИ08-1732; от 22 августа 2008 г. № ГКПИ08-1760; от 9 сентября 2008 г. № ГКПИ08-1834; Определения Кассационной коллегии ВС РФ от 10 января 2008 г. № КАС07-692; от 26 февраля 2008 г. № КАС08-10.

11. Решение Высшего Арбитражного Суда РФ «О признании частично недействующим письма Минфина РФ от 16.01.2006 № 03-04-15/01 “О порядке определения после 1 января 2006 года налоговой базы по налогу на добавленную стоимость при выполнении строительно-монтажных работ для собственного потребления и вычетов этого налога по товарам (работам, услугам), приобретенным в 2005 году для выполнения данных работ после 1 января 2006 года”» от 6 марта 2007 г. № 15182/06 // Документы и комментарии. 2007. № 17.

УДК 342.922

О. Н. Барамзина

**ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЛИЦА,
В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО
ВЕДЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО
ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ
ПРАВОНАРУШЕНИИ,
НА СТАДИИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА**

В статье рассматривается процессуальное положение лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, на стадии рассмотрения дела. На указанной стадии уполномоченными должностными лицами, судьями устанавливается факт наличия или отсутствия состава административного правонарушения, а также применения мер административной ответственности, поэтому на данной стадии носят исключительно правовой характер как процессуальные, так и процедурные действия участников производства.

In article procedural position of the person concerning which the proceeding of an administrative offense, at a stage of consideration of the case is conducted is considered. At the specified stage authorized officials, judges establish the fact of existence or absence of structure of an administrative offense, and also application of measures of administrative responsibility therefore at this stage have exclusively legal character both procedural, and procedural actions of participants of production.

Ключевые слова: лицо, в отношении которого рассматривается дело об административном правонарушении; процессуальные права; процессуальное положение.

Keywords: the person concerning whom case on an administrative offense is considered; procedural laws; procedural situation.

Стадия рассмотрения дела об административном правонарушении отражает в целом сущность правоприменительной деятельности. Она выступает в качестве главной стадии, поскольку в ходе осуществления принимается акт (постановление) о признании лица виновным и назначаются меры административной ответственности.

В первую очередь лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, имеет право на рассмотрение дела должностным лицом, органом либо судом с учетом принципов подведомственности. Данное право гарантировано ст. 47 Конституции РФ. Следует отметить, что КоАП РФ выделяет как родовую, так и территориальную подведомственность, нарушение которых ведет к безусловной отмене постановления по делу [1].

Что касается территориальной подведомственности, то по общему правилу дело рассматривается по месту совершения правонарушения. Общая территориальная подведомственность может быть изменена по ходатайству лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. Исключения составляют дела, перечисленные в ч. 2, 3 и 5 ст. 29.5 КоАП РФ, для которых установлена исключительная территориальная подсудность, не подлежащая изменению [2].

В обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2009 года указано, что право лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, на рассмотрение дела по месту его жительства может быть ограничено при необходимости защиты публичных интересов или интересов других участников производства по делу об административном правонарушении [3]. Соглашаясь с мнением Верховного Суда РФ, считаем целесообразным закрепить изложенные Верховным Судом РФ положения в КоАП РФ.

Хотелось бы отметить, что достаточно часто дела об административных правонарушениях передаются по ходатайству лиц, в отношении которых такие дела ведутся, по подведомственности в пределах одного муниципального образования [4]. В силу очевидности того, что такие ходатайства заявляются в целях затягивания рассмотрения дела, считаем необходимым предусмотреть в КоАП РФ возможность отказа в удовлетворении этих ходатайств. В то же время, отказывая в удовлетворении ходатайства о передаче дела по подведомственности, следует внимательно относиться к разрешению данного вопроса, поскольку случаи отказа в удовлетворении

таких ходатайств должны носить исключительный характер.

Лицо, в отношении которого рассматривается дело об административном правонарушении, должно быть извещено о дате, времени, месте рассмотрения дела, оно вправе лично участвовать при рассмотрении дела (ч. 2 ст. 25.5 КоАП РФ). Допускается возможность рассмотрения дела в отсутствие такого лица, но при условии, что оно было надлежащим образом извещено о времени и месте рассмотрения дела и что от него не поступило ходатайство об отложении дела либо в удовлетворении такого ходатайства отказано. Верховный Суд РФ также неоднократно отмечал необходимость выполнения требований закона о надлежащем извещении лица, привлекаемого к административной ответственности, о времени и месте рассмотрения дела [5]. В КоАП РФ отсутствует норма, регламентирующая заблаговременность извещения лиц о времени и месте рассмотрения дела. Полагаем, что этот срок необходимо разрешать индивидуально, в зависимости от удаления места жительства лица, сроков доставки почтовых отправлений.

Что касается разрешения ходатайств об отложении рассмотрения дела, то Е. С. Герман предложила не признавать уважительности причины неявки на рассмотрение дела из-за болезни, длительной командировки, занятости в других судебных процессах и производствах [6]. Действительно, как показывает практика, указанные обстоятельства являются одними из самых распространенных причин отложения рассмотрения дела, и в последующем затягивания его рассмотрения. В то же время Конституционный Суд РФ указал, что ст. 25.1 КоАП РФ не предполагает обязательное удовлетворение ходатайства об отложении рассмотрения дела лишь в силу факта его подачи. Принимая решение по результатам рассмотрения такого ходатайства, судья, орган, должностное лицо в целях полного, всестороннего и объективного рассмотрения дела не вправе формально подходить к разрешению данного вопроса [7]. В силу сформулированных положений, мы считаем, что в каждом конкретном случае судья, орган, должностное лицо должны оценивать уважительность неявки лица на рассмотрение дела. В то же время необходимо обращать внимание и пресекать злоупотребление правом на личное участие в деле.

Неразрешенным остается вопрос о том, как быть, если лицо, в отношении которого рассматривается дело об административном правонарушении, находится в местах лишения свободы. Статья 77.1 УИК РФ не предусматривает возможности для этапирования лица, содержащегося в местах лишения свободы, для рассмотрения дела об административном правонарушении, поэтому

судья, орган, должностное лицо должны в соответствии со ст. 25.1 КоАП РФ известить лицо о дате и месте рассмотрения дела, разъяснить о невозможности участия при рассмотрении дела и предложить воспользоваться услугами представителя (защитника), разъяснить право на направление письменных объяснений по делу.

Лицо, в отношении которого рассматривается дело об административном правонарушении, должно быть обеспечено правом на дачу объяснений. Эти объяснения отражаются в протоколе рассмотрения дела, а в случае необходимости, записываются и приобщаются к делу в качестве отдельных документов (ч. 2 ст. 26.3 КоАП РФ). Это лицо также вправе представлять доказательства, опровергающие данные, содержащиеся в протоколе об административном правонарушении; заявлять ходатайства и отводы (ст. 25.1, 24.4, 25.13, 29.1, 29.3, 29.7, 29.12 КоАП РФ).

Ходатайство заявляется в письменной форме и подлежит обязательному немедленному рассмотрению. Конституционный Суд РФ отметил, что судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, обязаны не только незамедлительно рассмотреть ходатайство, но и уведомить лицо, заявившее ходатайство, о результатах его рассмотрения [8].

Помимо ходатайств, лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, вправе заявлять отводы участникам производства, что должно обеспечивать объективность в рассмотрении дела [9].

Лицо, в отношении которого рассматривается дело об административном правонарушении, вправе пользоваться родным языком (ст. 24.2 КоАП РФ). Указанные положения исполняют требования ст. 19 и ч. 2 ст. 26 Конституции Российской Федерации [10]. Если рассматриваемое нами лицо изъявит желание иметь для оказания юридической помощи защитника, то адвокат или иное лицо, приглашенное им для осуществления защиты при рассмотрении дела, должны быть допущены к участию в деле при условии соблюдения требований, перечисленных в ч. 3 ст. 25.5 КоАП РФ [11].

Лицо, в отношении которого рассматривается дело об административном правонарушении, вправе знакомиться с материалами дела, а также изготавливать их копии за свой счет.

Такому лицу также должно быть предоставлено право на рассмотрение дела в открытом судебном заседании (ст. 24.3, 28.6 КоАП РФ, ст. 11 АПК РФ). Открытое рассмотрение дел является принципом судопроизводства, закрепленным как в статье 123 Конституции Российской Федерации, так и в нормах международного права (п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Лицо, в отношении которого рассматривается дело об административном правонарушении, при рассмотрении дела судом вправе рассчитывать на состязательность процесса при рассмотрении дела, что гарантировано ч. 3 ст. 123 Конституции РФ. Принципы состязательности и равноправия сторон должны распространяться на все стадии административного судопроизводства [12].

Лицо, в отношении которого рассматривается дело об административном правонарушении, имеет право на рассмотрение дела в установленные законом сроки (ч. 1 ст. 29.6 КоАП РФ) и в установленном законом порядке (ст. 29.7 КоАП РФ). Соблюдение процедуры рассмотрения дела может подтвердить протокол рассмотрения дела. Статья 29.8 КоАП РФ говорит о том, что протокол о рассмотрении дела об административном правонарушении составляется лишь при рассмотрении дела коллегиальным органом. В то же время Конституционный Суд Российской Федерации указал на то, что ч. 1 ст. 29.8 КоАП РФ не препятствует составлению протокола при рассмотрении дела судьей [13]. На наш взгляд, в целях фиксации процедуры рассмотрения дела протокол рассмотрения дела должен составляться в случаях дачи объяснений как лицом, в отношении которого ведется производство, так и другими участниками производства.

По результатам рассмотрения дела об административном правонарушении выносятся постановления, а в Арбитражном суде – решение. Лицо, в отношении которого рассматривается дело об административном правонарушении, имеет право на получение копии этих процессуальных документов.

Подводя итог, считаем необходимым сформулировать следующие предложения.

Лицо, в отношении которого рассматривается дело об административном правонарушении, при рассмотрении данного дела вправе: давать устные или письменные объяснения на родном языке или языке, которым он владеет, либо отказаться от дачи объяснений; представлять доказательства в обоснование своих требований и возражений; заявлять ходатайства и отводы; пользоваться безвозмездной помощью переводчика; пользоваться помощью защитника; знакомиться с материалами дела об административном правонарушении, снимать за свой счет с него копии, в том числе посредством использования технических средств; лично участвовать при рассмотрении дела; знакомиться с протоколом рассмотрения дела об административном правонарушении и подавать на него замечания; обжаловать вынесенное по делу постановление. Указанные положения подлежат закреплению в гл. 29 КоАП РФ в виде отдельной статьи.

Часть 1 ст. 29.5 КоАП РФ изложить в следующей редакции: «Дело об административном

правонарушении рассматривается по месту совершения административного правонарушения. По ходатайству лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, дело может быть рассмотрено по месту жительства данного лица, за исключением случаев, предусмотренных ст. 29.5.1 настоящего Кодекса».

Ввести в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях статью 29.5.1, сформулировав её следующим образом:

«Право лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, на рассмотрение дела по месту его жительства может быть ограничено при необходимости защиты публичных интересов или интересов других участников производства по делу об административном правонарушении, в частности, в следующих случаях:

1) при проведении по делу об административном правонарушении административного расследования;

2) при совершении лицом административного правонарушения, санкция за совершение которого предусматривает назначение наказания в виде административного ареста;

3) если производство ведется по делу об административном правонарушении, ответственность за совершение которого предусмотрена законом субъекта Российской Федерации;

4) если лицо привлекается к административной ответственности за нарушение скоростного режима на участках дорог или полосах движения для отдельных видов транспортных средств, когда по решению органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации разрешено повышение скорости на этих участках дорог или полосах и установлены соответствующие дорожные знаки;

5) при наличии по делу об административном правонарушении потерпевшего, не согласного с передачей дела по месту жительства лица, привлекаемого к административной ответственности;

6) при установлении фактов злоупотребления процессуальными правами лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении;

7) если адрес, указанный в ходатайстве, не совпадает с адресом, указанным при составлении протокола об административном правонарушении, и при этом не представлены доказательства об изменении адреса места жительства;

8) в случае заявления ходатайства о передаче дела на рассмотрение судье, должностному лицу (органу) в пределах одного муниципального образования».

Статью 25.1 КоАП РФ дополнить ч. 5: «Дело об административном правонарушении может быть

рассмотрено в отсутствие физического лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в случае нахождения его в местах лишения свободы. Такое лицо должно быть уведомлено о времени и месте рассмотрения дела, ему должно быть разъяснено право воспользоваться помощью защитника».

Часть 1 ст. 29.8 КоАП РФ изложить в следующей редакции: «Протокол о рассмотрении дела об административном правонарушении составляется в следующих случаях: при рассмотрении дела коллегиальным органом; в случае наличия ходатайств участников производства по делу о ведении протокола судебного заседания; в случае необходимости документирования объяснений и показаний участников производства по делу об административном правонарушении».

Примечания

1. См., например, дело об административном правонарушении № 12-АП-72/11, Архив Первомайского районного суда г. Кирова.

2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (ред. от 02 апреля 2012 года) [Электронный ресурс]. Источник публикации: «Российская газета». № 256. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2009 года» (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 16 сентября 2009 года) [Электронный ресурс]. Источник публикации: «Бюллетень Верховного Суда РФ». 2009. № 11 (извлечение). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. См., например, дело № 58/5-120, Архив мирового судьи судебного участка № 58 Ленинского района г. Кирова Кировской области.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 (ред. от 10 июня 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс]. Источник публикации: «Российская газета». 2005. 19 апр. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Герман Е. С. Административно-процессуальный статус физического лица – участника производства по делам об административных правонарушениях, имеющего личный интерес в деле: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011.

7. Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 года № 940-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 года № 916-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Астахов Д. В. Участники производства по делам об административных правонарушениях, их права и обязанности // Современное право. 2003. № 6.

10. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года

№ 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ) [Электронный ресурс]. Источник публикации: «Российская газета». 2009. 21 янв. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Рекомендации ВС РФ по делам об административных правонарушениях [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Определение Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2005 года № 113-О [Электронный ресурс]. Источник публикации: «Собрание законодательства РФ». 2005. 30 мая. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Определение Конституционного Суда РФ от 27 января 2011 года № 89-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 332.1(470.342)

Е. В. Ивонина

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Развитие малого и среднего предпринимательства является одним из важнейших приоритетов для региональной экономики, основой для развития конкурентной среды, повышения инвестиционной и инновационной активности хозяйствующих субъектов, обеспечивается занятость населения и повышение качества жизни жителей Кировской области, формирование среднего класса и демократических институтов гражданского общества.

Small and medium business development is one of the main priorities for the regional economy, the basis for the competitive environment development, rise of investment and innovation activity of economic entities, provides employment of population and improvement of the quality of life in the Kirov region, formation of the middle class and democratic institutions of civil society.

Ключевые слова: малый, средний бизнес, государственная поддержка, тенденции государственной политики.

Keywords: small and medium business, state support, tendencies of state policy.

Развитие малого бизнеса – одно из важнейших и приоритетных направлений развития российской экономики. Настоящее положение базируется на государственном признании малого и среднего предпринимательства сферой экономической деятельности, способной (в силу максимальной адаптивности, самоорганизации и саморазвития) при должной государственной политике обеспечить наиболее быстрый и значительный социально-экономический эффект.

Исходя из этого целью государственной политики развития и поддержки малого и среднего предпринимательства является создание полити-

ческих, правовых и экономических условий для свободного развития малого и среднего предпринимательства [1].

Эта цель была законодательно закреплена в Федеральном законе № 209 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [2], который на сегодняшний день является основополагающим нормативно-правовым актом, регулирующим сферу малого и среднего предпринимательства в РФ, в котором определяются основные цели и принципы государственной политики по развитию субъектов малого и среднего предпринимательства (далее по тексту – СМСП), особенности правового регулирования в данной сфере. Устанавливаются виды поддержки субъектов МСП: финансовая, имущественная, информационная, консультационная поддержка, поддержка внешнеэкономической деятельности, поддержка в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров, поддержка в области инноваций и промышленного производства и др. [3]

Среди первоочередных целей в законе перечислены развитие субъектов малого и среднего предпринимательства, обеспечение благоприятных условий для этого развития, обеспечения конкурентоспособности субъектов малого и среднего бизнеса, содействие в продвижении производимых ими товаров (работ, услуг), результатов интеллектуальной деятельности на рынок Российской Федерации и рынки иностранных государств [4].

Вторая группа целей, которую можно считать производными (их достижение зависит от успешности достижения первоочередных): увеличение количества субъектов малого и среднего предпринимательства, обеспечение занятости населения; увеличение доли производимых субъектами малого и среднего предпринимательства товаров (работ, услуг) в объеме валового внутреннего продукта; увеличение доли уплаченных субъектами малого и среднего предпринимательства налогов в налоговых доходах федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов [5].

В ФЗ № 209 задекларировано, что «государственная политика в области развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации является частью государственной социально-экономической политики»; государственная политика в сфере малого и среднего предпринимательства «представляет собой совокупность правовых, политических, экономических, социальных, информационных, консультационных, образовательных, организационных и иных мер». Эти меры осуществляются «...органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Рос-

сийской Федерации, органами местного самоуправления и направленными на обеспечение реализации целей и принципов, установленных настоящим Федеральным законом» [6].

В ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» впервые в российском законодательстве были установлены конкретные критерии отнесения СМСП к категориям в зависимости от численности работников (микропредприятие – численность до 15 человек; малое предприятие – до 100 человек; среднее предприятие – от 100 до 250 человек), а также от объемов выручки от реализации товаров (работ, услуг) за отчетный период и балансовой стоимости активов, которые не должны превышать предельные размеры, устанавливаемые Правительством РФ. К категории СМСП также отнесены коммерческие организации, акции которых, составляющие активы паевых инвестиционных фондов – фондов венчурных инвестиций, не превышают 25% уставного капитала.

Нормативно-правовая база в сфере регулирования малого и среднего предпринимательства представляет собой трёхуровневую систему: федеральное законодательство, законодательство субъектов РФ и нормативно-правовые акты муниципальных образований [7].

На региональных уровнях приняты и реализуются разнообразные программы поддержки субъектов малого и среднего бизнеса, которые характеризуются долгосрочностью, комплексным подходом, разнообразием мер и форм поддержки, конкретикой целей и критериев оценки их достижения в контексте оценки эффективности реализации программы в целом.

Таким образом, в РФ создана трехуровневая система государственной поддержки малого предпринимательства: на федеральном уровне, региональных и муниципальных уровнях. На каждом уровне есть свои институты, программы и нормативные правовые акты в сфере их регулирования и поддержки [8].

На примере анализа регионального законодательства Кировской области показательны конкретные механизмы, формы и виды оказания поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства на региональном уровне.

В рамках комплексной поддержки СМСП в Кировской области осуществляется их нормативно-правовое обеспечение, инфраструктурная поддержка, финансово-кредитная поддержка, информационно-консультативная поддержка, имущественная поддержка. Осуществляется помощь в подготовке кадров, межрегиональной и внешнеэкономической деятельности. В рамках отраслевого подхода к поддержке СМСП осуществляется помощь предпринимателям, осуществляющим свою деятельность в особо приоритетных

и общественно значимых для региона сферах: туризма, народных промыслов, торговли, бытового обслуживания, инновационной деятельности. Виды оказания поддержки, порядок и условия её оказания закреплены в соответствующих нормативно-правовых актах (программах, положениях, порядках, утвержденных Правительствами области и её муниципальных образований).

В Кировской области за последние годы были заложены основы системы государственной поддержки малого предпринимательства. Разработана нормативная правовая база, реализуется ряд государственных механизмов финансового, имущественного, информационного, обучающего и иного содействия развитию субъектов малого предпринимательства. Осуществлен переход от отдельных мероприятий к программно-целевому методу поддержки малого предпринимательства. Ежегодно в бюджете области предусматриваются финансовые средства на государственную поддержку малого предпринимательства.

Традиционными отраслями для малого бизнеса в Кировской области являются деревообработка, мебельное производство, пищевая промышленность, текстильное и швейное производство, строительство, оптовая и розничная торговля, общественное питание, сфера услуг. Всего в сфере малого предпринимательства занято свыше 241 тыс. человек, что составляет 32,2% экономически активного населения области [9].

Закон Кировской области «О развитии малого и среднего предпринимательства в Кировской области» определяет: «Государственная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства и организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляется в соответствии с целевыми программами и может включать в себя финансовую, информационную, консультационную, юридическую, имущественную, организационную, учебно-методологическую, научно-методическую и иные формы государственной поддержки, установленные целевыми программами, содействие в подготовке, переподготовке и повышении квалификации кадров субъектов малого и среднего предпринимательства и организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Средства на реализацию целевых программ предусматриваются ежегодно в областном бюджете на очередной финансовый год» [10].

В 2009 г. Постановлением Правительства Кировской области была утверждена областная целевая программа «Поддержка и развитие малого предпринимательства в Кировской области на 2010–2014 годы».

На реализацию программы по поддержке и развитию малого и среднего предприниматель-

ства в Кировской области было выделено средств областного и федерального бюджетов в 2009 г. – 336,1 млн рублей, в 2010 г. – 272,9 млн рублей. По итогам 2010 г. в рамках программы поддержки получили 10,5 тысяч субъектов малого предпринимательства (19,2% от общего числа субъектов малого бизнеса).

В 2010 г. было заключено 107 договоров гарантийного кредитования (увеличение к уровню 2009 г. на 81%). Сумма предоставленных поручительств субъектам малого бизнеса составила 107,2 млн рублей (увеличение к уровню 2009 г. более чем в 3 раза). Благодаря предоставленным поручительствам предприниматели привлекли 245,7 млн рублей кредитных ресурсов, что в 3,5 раза больше, чем в 2009 г.: предоставлено льготных займов 688 субъектам малого предпринимательства (в 2,4 раза больше, чем в 2009 г.) на общую сумму 283 млн рублей (рост в 2,1 раза по сравнению с 2009 г.); предоставлены субсидии на уплату части процентной ставки по кредитам и части затрат по договорам лизинга 78 субъектам малого бизнеса на общую сумму 19,3 млн рублей, благодаря чему предприниматели приобрели основные средства на льготных условиях на сумму 199,8 млн рублей.

По итогам 2010 г. субъекты предпринимательской деятельности, получившие различные виды государственной поддержки в рамках программы, сохранили 3968 рабочих мест и создали 733 новых рабочих места [11].

В 2010 г. была начата реализация мероприятий, направленных на развитие малого инновационного предпринимательства на территории Кировской области: впервые проведен областной конкурс инновационных проектов, по итогам которого из 28 инновационных компаний отобрано 11. Для их реализации субъектам малого бизнеса – победителям конкурса – были предоставлены гранты.

Реализация мероприятия по развитию малого инновационного предпринимательства в регионе была продолжена в 2011 г.: Правительством Кировской области подписано соглашение о сотрудничестве с государственным Фондом содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (Фонд Бортника), в рамках которого реализуются проекты «У.М.Н.И.К» и «Старт». Была предоставлена на конкурсной основе грантовая поддержка начинающим и действующим малым инновационным компаниям в размере до 500 тыс. рублей на компенсацию текущих и капитальных затрат, связанных с разработкой и реализацией инновационных проектов.

Всего в 2011 г. на реализацию программы было выделено 49 млн рублей областного бюджета, привлечено 184,2 млн рублей федерального бюджета (по информации с сайта Правительства Кировской области) [12].

В бюджете Кировской области на 2012 г. на данную целевую программу выделено 63 млн рублей [13], планируется привлечь около 200 млн рублей из федерального бюджета.

В программе «Поддержка и развитие малого предпринимательства в Кировской области на 2010–2014 годы» сформулированы следующие задачи [14]: 1) формирование благоприятной правовой среды, стимулирующей развитие малого предпринимательства; 2) развитие инфраструктуры, обеспечивающей доступность деловых услуг для субъектов малого предпринимательства; 3) развитие механизмов финансово-кредитной поддержки малого предпринимательства; 4) укрепление социального статуса, повышение престижа и этики предпринимательства; 5) внедрение системы доступной информационно-консультационной поддержки малого предпринимательства; 6) развитие системы подготовки кадров, ориентированной на потребности сектора малого предпринимательства; 7) создание системы, способствующей продвижению продукции субъектов малого и среднего предпринимательства Кировской области на межрегиональные и международные рынки; 8) стимулирование деятельности органов местного самоуправления по поддержке и развитию малого предпринимательства; 9) разработка и внедрение механизмов, стимулирующих развитие малого инновационного предпринимательства; 10) внедрение отраслевого подхода к поддержке и развитию малого и среднего предпринимательства [15].

Формы и виды поддержки малого предпринимательства в Кировской области можно структурировать по двум признакам: 1) по инструментам поддержки в рамках комплексной поддержки малого бизнеса; 2) исходя из отраслевого подхода к поддержке субъектов малого предпринимательства [16].

Комплексная поддержка субъектов малого предпринимательства включает в себя следующие блоки инструментов поддержки: нормативно-правовое обеспечение; инфраструктурная поддержка [17]; финансово-кредитная поддержка; информационно-консультативная и имиджевая поддержка; подготовка кадров для сферы малого бизнеса; поддержка межрегиональной и внешнеэкономической деятельности; имущественная поддержка; содействие органам местного самоуправления в развитии малого бизнеса.

Отраслевой подход к поддержке малого и среднего предпринимательства предполагает в Кировской области следующие направления: поддержка инновационного предпринимательства; поддержка в сфере бытового обслуживания населения; поддержка в сфере туризма; поддержка народных художественных промыслов и ремесел; поддержка в сфере торговли [18].

Инфраструктурная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства регулируется «Положением об инфраструктуре поддержки малого предпринимательства в Кировской области» (утв. Постановлением Правительства области от 17 августа 2010 г. № 64/405) [19].

В рамках данного вида поддержки в районах Кировской области происходит создание специальных организаций (фондов поддержки предпринимательства, бизнес-центров, бизнес-инкубаторов, центров поддержки ремесел) [20].

Указанные организации оказывают субъектам малого и среднего предпринимательства комплексную поддержку: консалтинг по широкому кругу вопросов; оказание юридической помощи; предоставление льготных кредитов; предоставление поручительств, необходимых для привлечения банковских кредитов; бухгалтерский и юридический аутсорсинг; предоставление помещений для размещения в них бизнеса; развитие у детей и молодежи интереса к предпринимательской деятельности; иные виды поддержки.

Порядок и условия оказания СМП указанных видов поддержки определяются каждой организацией самостоятельно.

Основные требования к организациям инфраструктуры: 1. Создание организации в целях поддержки и оказания содействия в развитии субъектов малого и среднего предпринимательства, а также участие организации в реализации областной целевой программы поддержки и развития малого и среднего предпринимательства. 2. Наличие у организации в качестве учредителя или участника Кировской области и (или) муниципального образования Кировской области.

Дополнительные требования к организациям инфраструктуры: 1. Непроведение ликвидации организации и отсутствие решения арбитражного суда о признании организации банкротом и об открытии конкурсного производства. 2. Неприостановление деятельности организации в порядке, предусмотренном Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. 3. Отсутствие у организации на последнюю отчетную дату просроченной задолженности по начисленным налогам, сборам и иным обязательным платежам в бюджеты любого уровня и государственные внебюджетные фонды [21].

В Кировской области созданы и действуют следующие организации инфраструктуры поддержки малого предпринимательства: Координационный совет по развитию предпринимательства при Правительстве области, Кировский областной фонд поддержки малого и среднего предпринимательства, муниципальные фонды поддержки малого предпринимательства (бизнес-центры), Бизнес-инкубаторы.

Цели деятельности Координационного совета по развитию предпринимательства при Правительстве области сформулированы в Положении: «Основной целью деятельности совета является привлечение субъектов предпринимательской деятельности к выработке и реализации государственной политики в сфере развития предпринимательства в Кировской области» [22]. Исходя из данной цели, основными функциями совета являются обсуждение наиболее острых проблем в сфере предпринимательства, выработка рекомендаций для органов государственной власти и общественная экспертиза проектов нормативных правовых актов.

Кировский областной фонд поддержки малого и среднего предпринимательства осуществляет деятельность по широкому кругу направлений поддержки субъектов малого и среднего бизнеса. Основными направлениями деятельности являются координация системы гарантийного кредитования (финансовая, информационно-консультационная, методическая помощь муниципальным фондам, обучение кадров муниципальных фондов); координация системы кредитной кооперации (финансовая, информационно-консультационная, методическая помощь кредитным кооперативам; обучение кадров кредитных кооперативов); координация системы льготного и льготного инвестиционного кредитования действующих субъектов малого предпринимательства; поддержка начинающих предпринимателей.

На территории области действуют 23 муниципальных фонда поддержки малого предпринимательства (бизнес-центры), которые предоставляют субъектам малого предпринимательства комплекс услуг, необходимых для эффективного ведения бизнеса, а именно: 1) юридическую помощь, бухгалтерское сопровождение, налоговое консультирование; 2) обучение кадров и подбор персонала; 3) предоставление льготных кредитов; 4) составление бизнес-планов и содействие в привлечении банковских кредитов (предоставление поручительств субъектам, не имеющим достаточного залогового обеспечения перед банками); 5) представление и защита интересов субъектов малого предпринимательства в органах власти и суде [23].

Бизнес-инкубаторы созданы в Кирове, Кирово-Чепецке и Слободском и предоставляют начинающим предпринимателям помещения на льготных условиях сроком до трех лет; информационно-консультационное сопровождение бизнеса.

В целях оказания консультационной поддержки субъектам малого предпринимательства в Кировской области создан интернет-портал малого и среднего предпринимательства Кировской области [24].

Портал предоставляет субъектам малого предпринимательства информацию о программах под-

держки малого бизнеса, видах государственной поддержки, порядке и условиях ее предоставления, информацию об инфраструктуре поддержки СМП, законодательстве, регулирующем вопросы малого предпринимательства. Кроме того, портал предусматривает возможность дистанционного консалтинга – предоставление бесплатных консультаций по следующим направлениям: юридические вопросы; вопросы бизнес-планирования; вопросы оказания государственной поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства; вопросы бухгалтерского учета [25].

По инициативе департамента развития предпринимательства и торговли Кировской области ежегодно (март – май) проводится форум «Предпринимательство на Вятке». Цель форума – создание эффективной площадки для диалога предпринимателей с органами власти различных уровней, популяризация предпринимательской деятельности среди различных категорий населения, а также выработка конкретных предложений в сфере развития предпринимательства и доведение их до органов власти на всех уровнях [26].

В Кировской области регулярно и системно осуществляется поддержка субъектов малого предпринимательства по направлениям подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров сферы предпринимательства.

Департамент развития предпринимательства и торговли Кировской области регулярно проводит ряд обучающих курсов, например:

«Начинающий предприниматель» – обучение лиц, желающих заниматься предпринимательской деятельностью, а также начинающих предпринимателей практическим вопросам ведения бизнеса и оказание им комплексной государственной поддержки в части реализации их предпринимательских инициатив.

«Начни свой бизнес». Цель курса – повышение предпринимательской активности в районах Кировской области, стимулирование создания собственного бизнеса лицами, обладающими необходимыми способностями, мотивацией и перспективными бизнес-идеями.

По итогам обучения на данных курсах слушатели подготавливают бизнес-план создания нового или развития существующего предприятия и защищают его перед экспертной комиссией. Лучшие проекты получают государственную финансовую поддержку в форме микрозаймов до 500 тыс. рублей сроком до 2 лет.

Также регулярно проводятся мероприятия, направленные на повышение квалификации субъектов малого предпринимательства. Цель повышения квалификации – улучшение квалификационного и профессионального уровня менеджеров малого бизнеса. Курс предназначен для руководителей малых предприятий и кредитных

кооперативов, индивидуальных предпринимателей, глав крестьянских (фермерских) хозяйств. В процессе повышения квалификации задействованы ведущие бизнес-тренеры Российской Федерации, имеющие многолетний практический опыт работы по тематике занятий.

В сфере бытового обслуживания осуществляется проведение межрегионального фестиваля индустрии красоты и здоровья «Формула красоты».

В сфере поддержки инновационного предпринимательства реализуется образовательная программа «Школа инноваторов», проводится региональный этап конкурса «У.М.Н.И.К.» и областные и межрегиональные фестивали в сфере народных художественных промыслов.

Проекты «Карта милосердия» и «Покупай Вятское!» реализуются в Кировской области в целях поддержки предпринимателей в сфере торговли.

Также регулярно проводятся мероприятия, направленные на повышение квалификации руководителей и сотрудников торговых организаций и т. п.

Анализ, осуществляемых в Кировской области форм поддержки малого и среднего предпринимательства позволяет сделать вывод о комплексном подходе к этому важнейшему для экономики области вопросу и соответствии мер и форм поддержки главной цели – «развитию ресурса предпринимательства для обеспечения максимально полного использования экономического и социального потенциала региона» [27].

Актуальными перспективами и направлениями развития законодательства в сфере регулирования малого и среднего бизнеса являются [28]:

1) совершенствованию законодательных механизмов защиты прав субъектов малого и среднего предпринимательства от административного давления;

2) нормативно-правовое обеспечение расширения доступа малого и среднего предпринимательства к размещению госзаказа и развитие инновационного малого и среднего предпринимательства;

3) совершенствование системы правовой охраны результатов научно-технической деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства;

4) крайне важным является развитие государственной политики по обеспечению равных условий конкуренции, а именно: ужесточение санкций за нарушение положений антимонопольного законодательства, в том числе за злоупотребление доминирующим положением на рынках и за действия органов власти, нарушающих конкуренцию; невмешательство исполнительной власти в функционирование конкурентной среды на стороне одного из экономических агентов; недопу-

щение использования государственной помощи для создания неравных условий конкуренции; усиление деятельности структур поддержки малого предпринимательства по обучению и проведению разъяснительной работы по применению антимонопольного законодательства [29].

В современных условиях в РФ, безусловно, необходимо активно продвигать развитие и совершенствование системы мер государственной поддержки малого предпринимательства на законодательном уровне [30].

Примечания

1. Малый бизнес. URL: <http://www.admkusa.ru/kusa/mbiz>. (Дата обращения: 02.04.2013).

2. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: фед. закон от 24 июля 2007 г. № 209. URL: <http://www.consultant.ru/law/review/186637.html>. (Дата обращения: 01.04.2013).

3. Кто на новенького? URL: <http://www.torgi.bashnet.ru/statji/s418.htm>. (Дата обращения: 03.04.2013).

4. Государственная поддержка малого бизнеса. URL: <http://www.opora-credit.ru/programs/detail.php?ID=279>. (Дата обращения: 02.04.2013).

5. Программа развития малого и среднего предпринимательства в Челябинской области. URL: <http://www.opora-credit.ru/programs/detail.php?ID=2180>. (Дата обращения: 01.04.2013).

6. Областная целевая программа развития малого и среднего предпринимательства в Челябинской области на 2012–2014 годы. URL: <http://www.rg.ru/2011/11/18/chelyab-prog-biznes-reg-dok.html>. (Дата обращения: 02.03.2013).

7. По совершенствованию мер поддержки малого и среднего предпринимательства: предложения Ассоциации организаций предпринимательства Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: http://www.aop-rb.ru/the_helpful_information/offers. (Дата обращения: 03.04.2013).

8. Программа развития малого и среднего предпринимательства в Санкт-Петербурге на 2012–2015 годы. URL: http://gov.spb.ru/gov/terr/reg_kurort/biznes/programma-razvitiya-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-v-sankt-peter. (Дата обращения: 02.04.2013).

9. [Информация с сайта правительства Кировской области] URL: <http://www.kirovreg.ru>. (дата обращения: 03.04.2013).

10. О развитии малого и среднего предпринимательства в Кировской области: закон Кировской области от 27 декабря 2007 г. № 219-ЗО. Ст. 5. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/kyrov/169465>. (Дата обращения: 01.04.2013).

11. Отчет губернатора Кировской области о результатах деятельности Правительства за 2010 год. URL: <http://www.zsko.ru/press/info/vistuplenia/detail.php?ID=9203>. (Дата обращения: 01.04.2013).

12. Отчет губернатора Кировской области о результатах деятельности Правительства за 2010 год. URL: <http://www.kirovreg.ru>. (Дата обращения: 02.04.2013).

13. Об областном бюджете на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов: закон Кировской области. Приложения. URL: <http://www.rg.ru/2011/12/>

07/kirobl-budget2012-reg-dok.html. (Дата обращения: 01.04.2013).

14. Поддержка и развитие малого предпринимательства в Кировской области: программа на 2010–2014 годы. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-172330.html>. (Дата обращения: 02.04.2013).

15. Субсидирование части затрат, связанных с приобретением сырья, субъектов малого предпринимательства, производящим изделиями народных художественных промыслов из капокорня. URL: <http://www.mbko.ru/assistance/artistic/festivali>. (Дата обращения: 02.04.2013).

16. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: фед. закон от 24 июля 2007 г. № 209. Приложение 2. URL: <http://www.consultant.ru/law/review/186637.html>. (Дата обращения: 01.04.2013).

17. Методика расчета конкурентоспособности малых предпринимательских структур. URL: <http://www.creativeconomy.ru/articles/4834>. (Дата обращения: 01.04.2013).

18. Малое предпринимательство в экономике области. URL: <http://www.kirovreg.ru/econom/smallbusiness>. (Дата обращения: 01.04.2013).

19. Положение об инфраструктуре поддержки малого предпринимательства в Кировской области: утв. Постановлением Правительства области от 17 августа 2010 г. № 64/405. URL: <http://smb.gov.ru/content/news/reggeneral/m,33,f,303920>. (Дата обращения: 01.04.2013).

20. Инфраструктура поддержки малого предпринимательства в Кировской области. URL: <http://www.kirovreg.ru/econom/smallbusiness/index8.php?print=Y>. (Дата обращения: 01.04.2013).

21. Положение об инфраструктуре поддержки малого предпринимательства в Кировской области: утв. Постановлением Правительства области от 17 августа 2010 г. № 64/405. Ст. 1. URL: <http://smb.gov.ru/content/news/reggeneral/m,33,f,303920>. (Дата обращения: 01.04.2013).

22. Положение о координационном совете по развитию предпринимательства при Правительстве Кировской области [Электронный ресурс]: утв. постановлением Правительства Кировской области от 1 ноября 2008 г. № 151/441. URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 02.04.2013).

23. Инфраструктура поддержки малого предпринимательства в Кировской области. URL: <http://www.kirovreg.ru/econom/smallbusiness/index8.php?print=Y>. (Дата обращения: 01.04.2013).

24. Портал малого и среднего предпринимательства Кировской области. URL: <http://www.mbko.ru>. (Дата обращения: 02.04.2013).

25. Информационно-консультационная поддержка. URL: <http://www.kirovreg.ru/econom/smallbusiness/prriors/3.php>. (Дата обращения: 02.04.2013).

26. Немного про форум «Предпринимательство на Вятке». URL: <http://SlobTown.net/?tag=predprinimateliam>. (Дата обращения: 02.03.2013).

27. Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Кировской области на 2010–2014 годы: областная целевая программа. Утв. Постановлением Правительства Кировской области от 25 августа 2009 г. № 22/259. П. 2.1. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cg>. (Дата обращения: 02.04.2013).

28. Денисовская А. А. Государственная политика развития и поддержки малого предпринимательства,

на пути выхода из экономического кризиса // Россия на пути выхода из экономического кризиса: сб. науч. ст. СПб., 2010. URL: <http://www.ibl.ru/konf/130510/3.html>. (Дата обращения: 02.04.2013).

29. Концепция государственной политики поддержки и развития малого предпринимательства в Российской Федерации: проект. URL: <http://www.old.nisse.ru/analytics.html?id=conception2>. (Дата обращения: 02.04.2013).

30. Мероприятия областной целевой программы «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Кировской области» на 2010–2014 годы. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-172330.html>. (Дата обращения: 03.04.2013).

УДК 34

Ю. М. Двойнишникова

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ОСОБЕННОСТЯХ РЕГИСТРАЦИОННОЙ ПРОЦЕДУРЫ

В статье разработано понятие и определена структура регистрационной процедуры, отражены ее элементы. Выделены и обозначены особенности регистрационной процедуры.

In article is developed and the structure of the registration procedure is determined in the article, its elements are reflected. The designations of the feature of the registration procedure are shown.

Ключевые слова: регистрационная процедура, элементы структуры, особенности регистрационной процедуры.

Keywords: the registration procedure, the elements of the structure, the features of the registration procedure.

Современная система функционирования государства диктует необходимость использования разного рода ресурсов для достижения объективно значимых целей и установления баланса частных и публичных интересов. Одним из ключевых ресурсов такого взаимодействия является государственная регистрация, которая может быть представлена:

– как *процедура допуска* объекта в обращение путем оценки и официального утверждения данных о его безопасности и эффективности, а также об условиях производства и контроля качества, завершающаяся выдачей свидетельства о государственной регистрации и внесением информации в государственный реестр [1];

– как *признание государством правового статуса* физического или юридического лица, возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей, установления юридически значимого факта [2].

© Двойнишникова Ю. М., 2013

Нами государственная регистрация представляется как *специальная государственная функция* по контролю (надзору), возлагаемая на публичную администрацию (органы исполнительной власти и органы местного самоуправления). Содержание данной функции, на наш взгляд, составляют административно-правовые меры по проверке исполнения физическими лицами и организациями общеобязательных условий и требований, связанных с возникновением некоторых юридических фактов, приобретением отдельных видов прав, использованием определенных объектов, применяемые публичной администрацией по инициативе физических лиц и организаций в соответствии с определенными административными процедурами. С нашей точки зрения, общеобязательные условия и требования, связанные с возникновением некоторых юридических фактов, приобретением отдельных видов прав, использованием определенных объектов, применяемые публичной администрацией по инициативе физических лиц и организаций, можно назвать регистрационными условиями и требованиями. Административные процедуры, определяющие порядок применения публичной администрацией (органами исполнительной власти и органами местного самоуправления) мер по проверке исполнения физическими лицами и организациями регистрационных условий и требований, представляется логичным назвать регистрационными процедурами.

По нашему убеждению, регистрационные процедуры представляют собой обособленную систему административно-процессуальных норм, определяющих последовательность, срочность, характер административно-процессуальных действий органов исполнительной власти, органов местного самоуправления и их должностных лиц, связанных с применением мер по проверке исполнения физическими лицами и организациями регистрационных условий и требований.

При таком подходе понятия «государственная регистрация» и «регистрационные процедуры» соотносятся как форма и содержание.

Регистрационные процедуры как нормативный регулятор представляют собой сложную систему (структуру), состоящую из ряда элементов, необходимых для характеристики процедур и выявления их особенностей.

В научной литературе встречается нормативная модель юридической процедуры, которая должна определять: 1) ее целевое назначение; 2) тип основных отношений; 3) круг лиц, участвующих в процедуре; 4) акты поведения, которые могут и должны совершить участники процедуры; 5) последовательность совершения актов поведения; 6) сроки (время) и место осуществления как отдельных процедурных действий, так и про-

цедуры в целом; 7) правовые средства, обеспечивающие функционирование процедуры [3].

А. И. Стахов определяет следующие элементы, входящие в структуру административной процедуры: 1) понятие, основания и условия применения типизированных административно-правовых мер исполнения возложенной на административный орган (должностное лицо) унифицированной государственной (административно-правовой) функции; 2) вид (характер) и подведомственность административного дела, связанного с применением типизированных административно-правовых мер исполнения возложенной на административный орган (должностное лицо) унифицированной государственной (административно-правовой) функции; 3) конечное число, последовательность и срочность взаимосвязанных фрагментов (шагов) действий компетентного административного органа (должностного лица) по применению типизированных административно-правовых мер исполнения возложенной на данный орган унифицированной государственной (административно-правовой) функции; 4) ожидаемые промежуточные и конечные решения компетентного административного органа (должностного лица) по применению типизированных административно-правовых мер исполнения возложенной на данный орган унифицированной государственной (административно-правовой) функции; 5) критерии и срочность принятия промежуточных и конечных решений компетентного административного органа (должностного лица) по применению типизированных административно-правовых мер исполнения возложенной на данный орган унифицированной государственной (административно-правовой) функции; 6) способы, формы и срочность официально-документального оформления (фиксации) промежуточных и конечных решений компетентного административного органа (должностного лица) по применению типизированных административно-правовых мер исполнения возложенной на данный орган унифицированной государственной (административно-правовой) функции; 7) условия, порядок и срочность приостановления действий компетентного административного органа (должностного лица) по применению типизированных административно-правовых мер исполнения возложенной на данный орган унифицированной государственной (административно-правовой) функции; 8) виды юридической ответственности, применяемые к компетентному административному органу (должностному лицу) за совершение действия или бездействие, связанные с нарушением или ненадлежащим исполнением установленных процедурных правил [4].

Поскольку регистрационная процедура является видом юридической процедуры и составным

элементом административной процедуры, то можно выделить следующую модель ее системы (структуры): 1) целевое назначение государственной регистрации; 2) подведомственность возникающих регистрационных правоотношений; 3) основания и условия возникновения регистрационной процедуры; 4) последовательность и срочность применения типизированных административно-правовых мер; 5) условия и срочность принятия итоговых (конечных) решений и формы их официального оформления; 6) условия, порядок и срочность приостановления действий; 7) обжалование принятых решений и юридическая ответственность, применяемая к органу, осуществляющему государственную регистрацию.

Целевое назначение административной процедуры государственной регистрации предполагает достижение следующих результатов:

- обеспечить общественную и государственную безопасность;
  - соблюдение при проверке законности предоставляемой информации и действий;
  - достижение информационной мобильности
- предопределяет, что процедура государственной регистрации позволит вести строгий учет данных в государственных реестрах о возникновении, изменении, обременении, прекращении данных о статусе, правах и информации об идентификации объектов, позволяя точно и оперативно выдавать необходимые данные заинтересованным лицам.

Подведомственность возникающих регистрационных правоотношений. Чаще всего подведомственность определяет возможность отнесения определенных категорий дел к ведению различных государственных или иных органов, в силу своей компетенции уполномоченных рассматривать соответствующие дела и разрешать их по существу. Д. Н. Бахрах довольно точно определил: «Для лидирующих субъектов подведомственность – это компонент их компетенции, который связывает их полномочия с определенными объектами властного воздействия, определяет их предметные, территориальные границы. А для другой стороны властного правоотношения подведомственность означает ее правовую зависимость от того, кто ведает делами» [5]. Наше мнение по поводу определения понятия подведомственности совпадает.

Нормы действующего законодательства довольно точно определяют, что вопросы по осуществлению административной процедуры государственной регистрации могут осуществляться министерствами, федеральными службами, федеральными агентствами, органами исполнительной власти субъекта, органами местного самоуправления в части делегированных им полномочий по государственной регистрации.

Основания и условия возникновения регистрационной процедуры. Государственная регистрация подразумевает под собой свободу волеизъявления, при которой регистрационная процедура возникает на основе заявления уполномоченного субъекта. Предусмотрен порядок предоставления заявлений и необходимых документов:

1. Лично либо через представителя. Представительство может быть законным (родители, усыновители, опекуны, руководители организаций) либо по нотариально удостоверенной доверенности (патентный поверенный).

2. Документы могут быть направлены почтовым отправлением с объявленной ценностью при его пересылке и описью вложения. В данном случае представленные данные, в том числе заявления, должны быть нотариально заверены.

3. В регистрирующий орган документы могут быть направлены в форме электронных документов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети Интернет, включая единый портал государственных и муниципальных услуг с использованием электронной подписи заявителя. Информация в электронной форме, подписанная квалифицированной электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, кроме случая, если федеральными законами или принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами установлено требование о необходимости составления документа исключительно на бумажном носителе. Так, государственная регистрация прав на недвижимое имущество не предоставляет возможность подачи заявления и иных документов в электронной форме [6].

Последовательность и срочность применения типизированных административно-правовых мер. Основным и самым объемным мероприятием, проводимым при государственной регистрации, является контроль (экспертиза) представленной информации (представленных документов). Нами выделено два вида контроля (экспертизы) представленной информации:

1. Правовой контроль (экспертиза) – установленная административно-процессуальными нормами деятельность регистрирующих органов, направленная на установление отсутствия противоречий между заявленными требованиями и нормами действующего законодательства. Указанный вид экспертизы встречается в большинстве регистрационных процедур, связанных с регистрацией прав, статуса субъектов, нормативных актов, объектов, обеспечивающих жизнедеятельность субъектов регистрационных правоотношений.

2. Формальный контроль (экспертиза) – установленная административно-процессуальными

нормами деятельность регистрирующих органов, способствующая в срок провести проверку собранной информации, соответствующей перечню необходимых документов, без анализа действующих норм иных отраслей материального права (дактилоскопическая, геномная регистрация, регистрация выпуска ценных бумаг, регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей).

Исходя из вышеизложенного, представляется возможным утверждать, что элемент контроля (экспертизы) представленной информации используется во всех регистрационных процедурах, но объем разрешаемых вопросов зависит от вида осуществляемого контроля.

Условия и срочность принятия итоговых (конечных) решений и формы их официального оформления. Принятие итоговых (конечных) решений представляет собой принятие индивидуального административного акта. Действия по вынесению решения носят срочный характер. Определение срочности ставится в зависимость от определения государством степени общественной опасности регистрируемой информации об объекте, статусе.

В целом регистрирующим органом принимаются два основных решения:

- 1) о государственной регистрации, с занесением информации в реестр;
- 2) об отказе в государственной регистрации.

Итоговым документом, где будет отражена необходимая информация, является акт регистрирующего органа, составленный в форме, например, свидетельства, регистрационного удостоверения, карточки регистрации.

Условия, порядок и срочность приостановления действий предусматривают, что при осуществлении регистрирующим органом мероприятий, связанных с контролем (экспертизой) представленной информации, возникают такие ситуации, когда есть сомнения в наличии оснований для проведения регистрации, либо у регистрирующего органа возникают сомнения в достоверности сведений, указанных в представленных документах, либо есть сомнения в их подлинности, в таких случаях регистрирующий орган может принять дополнительное решение – приостановление государственной регистрации. Решение может быть применено практически в любой регистрационной процедуре, которая подразумевает под собой добровольность волеизъявления, единственный момент, где вышеуказанное решение отсутствует, – обязательная государственная регистрация (геномная, дактилоскопическая), так как волеизъявление исходит от государства в лице его органов.

Обжалование принятых решений и юридическая ответственность, применяемая к органу, осуществляющему государственную регистра-

цию. Обжалование представляет собой действия заинтересованного лица по пересмотру принятого регистрационным органом решения, совершения данным органом неправомерного действия или бездействия в административном и(или) судебном порядке.

Конституция РФ предусматривает, что каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц путем применения к ним юридической ответственности. К регистрирующему органу, как правило, применяется гражданско-правовая ответственность, в рамках которой нарушитель обязан возместить потерпевшей стороне материальный ущерб, причиненный отказом в государственной регистрации, уклонением от государственной регистрации или нарушением порядка государственной регистрации, допущенным по его вине.

В свою очередь должностные лица подвергаются следующим видам юридической ответственности: уголовной, административной, дисциплинарной, материальной в порядке регресса.

Рассмотрев структуру элементов регистрационной процедуры, представляется возможным выделить ее особенности:

1. Уполномоченный регистрирующий орган в соответствии с регистрационной процедурой осуществляет государственную функцию по контролю (надзору). Государственная регистрация осуществляется путем применения регистрационным органом административно-санкционированных процедур, одним из видов которой является регистрационная процедура – процедура проверки исполнения физическими лицами и организациями административно-правовых условий и требований по инициативе проверяемых лиц и организаций по поводу регистрации информации.

2. Основанием для возникновения административной процедуры, как правило, является инициатива заинтересованного лица. Однако та информация, которая хранится в реестрах, может быть получена и учтена путем применения обязательных мер государством, например, при проведении обязательной геномной (дактилоскопической) регистрации. Таким образом, государственная регистрация выступает как явление диспозитивное (дозволительное), но сохраняющее свою юридическую природу в случае принятия акта о государственной регистрации.

3. Регистрационная процедура – система административно-процессуальных норм, отражающих последовательность, срочность, вид и характер типизированных моделей поведения регистрирующих органов (публичной администрации). Наименее урегулирована государственная реги-

страция опасных веществ, прав на интеллектуальную собственность.

Объектов, подлежащих государственной регистрации, достаточно много, и для приведения в единую систему типизированных мероприятий, осуществляемых различными регистрирующими органами, необходимо зафиксировать в нормативно-правовом акте общие положения, касающиеся осуществления регистрационных процедур.

5. Регистрационная процедура, как правило, предусматривает конечное позитивное действие в виде вынесения индивидуально-правового акта, который в свою очередь является частью ненормативного правового акта.

6. Регистрационная процедура позволяет сократить административное усмотрение при осуществлении государственной функции регистрирующими органами. Для регулирования свободы действий органов государственной власти необходимо обеспечить законодательную основу административного усмотрения и закрепления его форм и оснований с помощью тщательно проработанных административных процедур.

Примечания

1. См.: Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // Российская газета. 2010. 14 апр.; Постановление Правительства Российской Федерации от 24.11.1998 № 1371 «О регистрации объектов в государственном реестре опасных производственных объектов» // СЗ РФ. 1998. № 48. Ст. 5938.

2. См.: Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Российская газета. 2001. 10 авг. № 153–154; Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // Российская газета. 1997. 20 ноября.

3. Протасов В. Н. Теоретические основы правовой процедуры: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 21.

4. Стахов А. И., Нестеренко И. А. Административная процедура в Российской Федерации: понятие, сущность, структура, сфера применения // Административное право и процесс. 2012. № 4. С. 40.

5. Бахрах Д. Н. Административное право России: учеб. для вузов. М., 2002. С. 202.

6. См.: Федеральный Закон «Об электронной подписи»: Федеральный закон от 06 апр. 2011 г. № 63-ФЗ: принят Государственной Думой 25 марта 2011 г. // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036; Федеральный Закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»: Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ: принят Государственной Думой 17 июня 1997 г. // СЗ РФ. 1997. № 30, Ст. 3594.

УДК 342.922

Ю. А. Егошина

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОРГАНА МИНЮСТА РОССИИ С ИНЫМИ УЧАСТНИКАМИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В статье раскрыто понятие взаимодействия территориального органа Минюста России с иными участниками административных правоотношений. Обозначаются три основных направления реализации элементов административно-правового статуса указанного органа во взаимодействии с иными участниками административных правоотношений.

In article the definition of interaction of Regional Departments of the Ministry of Justice of the Russian Federation with another participants of Administrative-law relation is developed. Three basic directions of realisation of elements of Administrative-law Status of stated apparatus with another participants of Administrative-law relation are designated.

Ключевые слова: территориальный орган Минюста России, административно-правовой статус, взаимодействие, административная процедура.

Keywords: Regional Departments of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Administrative-law Status, interaction, administrative procedure.

Как отмечает К. В. Давыдов, нельзя не согласиться с высказанной в научной литературе точкой зрения о том, что одним из перспективных направлений административно-правового регулирования является выработка надлежащих механизмов взаимодействия исполнительных органов между собой, а также с другими структурами и с хозяйствующими субъектами [1].

В целом нужно отметить, что категория «взаимодействие» трактуется практически идентично в различных источниках.

С. И. Ожегов предусматривает двойственность его содержания: это, во-первых, взаимная связь явлений и, во-вторых, взаимная поддержка [2]. В. И. Ушаков трактует взаимодействие как взаимную связь, взаимную обусловленность [3]. В юридической науке существует позиция, согласно которой взаимодействие – это взаимное согласование действий двух и более служб, отдельных, не подчиненных друг другу участников управления, совместно решающих какую-либо общую задачу [4].

Минюст России осуществляет свою деятельность непосредственно и через свои территориальные органы во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Феде-

рации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и организациями.

Мы считаем, что *под взаимодействием территориального органа Минюста России с иными участниками административных правоотношений следует понимать совместную деятельность (совместные действия) данного органа на территории соответствующего субъекта Российской Федерации с иными органами публичной власти, гражданами и организациями по достижению одной или нескольких административных целей и реализации административных задач, функций и полномочий, образующих его административно-правовой статус.*

С нашей точки зрения, административно-правовой статус любого федерального органа исполнительной власти вообще и территориального органа Минюста России в частности можно рассматривать как комплекс специфических элементов (административно-правовых целей, задач, функций, полномочий), *характеризующих взаимодействие указанных субъектов с иными участниками административных правоотношений.*

Учитывая особенности структуры административно-правового статуса территориального органа Минюста России, предлагается выделить три основных направления реализации основных элементов данного статуса во взаимодействии с иными участниками административных правоотношений:

- взаимодействие территориального органа Минюста России с федеральными государственными органами, действующими на территории субъекта РФ, в том числе с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, федеральными судами, органами прокуратуры;

- взаимодействие территориального органа Минюста России с органами публичной власти субъекта Российской Федерации (в том числе с исполнительными, законодательными и судебными органами государственной власти субъекта Российской Федерации и органами местного самоуправления, функционирующими на территории субъекта РФ);

- взаимодействие с гражданами и организациями.

При таком понимании административно-правового статуса следует признать, что элементы административно-правового статуса территориального органа Минюста России реализуются, с одной стороны, в административно-публичной (внешневластной) деятельности данного органа и его должностных лиц, или, говоря иначе, административно-правовой статус территориального органа Минюста России проявляется во взаимодействии данного органа с гражданами и организациями. С другой стороны, указанные элементы находят выражение в административ-

но-служебной деятельности территориального органа Минюста России – проявляются во взаимодействии данного органа с иными органами и подразделениями публичной власти, которые в совокупности образуют систему органов государственной власти и систему органов местного самоуправления.

По нашему мнению, взаимодействие территориального органа Минюста России с другими участниками административных правоотношений определяется административными процедурами. Именно посредством административных процедур административно-правовые цели, задачи, функции, полномочия территориального органа Минюста России реализуются во взаимодействии с гражданами, организациями, иными органами и должностными лицами публичной власти.

В связи с этим предлагаем всю совокупность административных процедур, применяемых территориальным органом Минюста России, в зависимости от содержания разделить:

- на внешневластные (публичные) административные процедуры.

К ним относятся административные процедуры по контролю и надзору, административные процедуры по предоставлению государственных услуг и др.

Административную процедуру по контролю и надзору можно определить как ряд взаимосвязанных административно-процессуальных норм, определяющих порядок действий территориального органа Минюста России по реализации возложенных на данный орган административно-правовых целей, задач, функций, а также предоставленных административных полномочий, связанных с проверкой исполнения общеобязательных правил физическими лицами и организациями, государственными органами;

- административно-служебные процедуры.

К ним относятся административные процедуры внутренней организации деятельности территориального органа Минюста России; административные процедуры взаимодействия территориального органа с иными органами публичной власти.

С позиции изложенного следует заметить, что в рамках административных процедур реализуется основной объем компетенции территориального органа Минюста России, обеспечивается реализация всех организационно-управленческих функций территориального органа (процедуры планирования, организации контроля, регистрации и т. д.). Элементы административно-правового статуса территориального органа Минюста России реализуются посредством административных процедур, закрепленных не только в отдельных федеральных законах, но и в различных административных регламентах (административные регламенты в рамках нашей статьи понимаются

как средство реализации публичной администрацией закрепленных за ней норм – задач, норм – функций и норм – полномочий в установленной сфере деятельности).

Анализируя положения о территориальных органах Минюста России по субъектам Российской Федерации, можно обнаружить, что они содержат нормы лишь по организации деятельности территориальных органов, не регулируя правил взаимодействия соответствующего органа с различными субъектами. При таких обстоятельствах в указанных положениях, с одной стороны, имеются попытки регулирования отношений по взаимодействию субъектов между собой, с другой – не определяются четкие административные процедуры взаимодействия, нормативно закрепляющие последовательность, нормативную продолжительность во времени (срочность), вид и характер административно-правовых действий взаимодействующих субъектов.

На основании изложенного выше вскрытую проблему систематизации и унификации административных процедур взаимодействия как средства реализации административно-правового статуса территориального органа Минюста России предлагается разрешить путем разработки и принятия трех типовых административных регламентов, сопоставимых с выделенными сферами деятельности данного органа:

– Административный регламент по взаимодействию территориального органа Минюста России с федеральными органами исполнительной власти;

– Административный регламент по взаимодействию территориального органа Минюста России с органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации;

– Административный регламент по взаимодействию территориального органа Минюста России с организациями и гражданами.

Суть таких административных регламентов будет заключаться в установлении четкой системы административных процедур, закрепляющих последовательность, нормативную продолжительность во времени (срочность), вид и характер административно-правовых действий, итогового результата, установление форм контроля, надзора за исполнением действий, совершаемых территориальным органом Минюста России с иными участниками административных правоотношений при их непосредственном взаимодействии.

Примечания

1. Давыдов К. В. Административные регламенты федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: вопросы теории / под ред. Ю. Н. Старилова. М., 2010.

2. См.: Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 75.

3. См.: Ушаков В. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1973. С. 75.

4. См.: Погодина И. В. Управление в юридической практике правоохранительных органов. Владимир, 2003. С. 34.

5. См. пункты 5, 6 разд. 1 указа Президента РФ от 13.10.2004 № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации».

УДК 343.1

А. В. Сучков

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ ПРИНЯТИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ И ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРОЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

В работе автор, являясь не только научным, но и практическим работником, с учетом точек зрения иных ученых и практиков рассматривает, в связи с изменениями в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, проблему законности и обоснованности принятия процессуальных решений должностными лицами на этапе проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении на стадии возбуждения уголовного дела.

In work the author, being not only scientific, but also the practical worker, taking into account the points of view of other scientists and experts, considers, in connection with changes in the operating criminally-remedial legislation, a problem of legality and validity of acceptance of remedial decisions officials at a stage of check of the message on the perfect or preparing crime at a stage of excitation of criminal case.

Ключевые слова: законность, обоснованность, проверочные мероприятия, следственная проверка, процессуальное решение, стадия возбуждения уголовного дела.

Keywords: legality, validity, verifying actions, preliminary check, the remedial decision, a stage of excitation of criminal case.

Достижение целей уголовного судопроизводства на современном этапе развития общества во многом зависит от своевременного возбуждения уголовного дела. При этом особое внимание следует уделять законности [1] и обоснованности [2] принимаемых уполномоченными на то должностными лицами процессуальных решений.

С позиции Конституционного Суда РФ, Суд обязан объективно оценивать законность и обоснованность выдвигаемого против лица обвинения, проверяя результаты их деятельности, а также рассматривая жалобы на действия и решения

должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство на досудебных стадиях [3].

Внесенные в УПК РФ [4] Федеральным законом № 23-ФЗ от 04.03.2013 г. [5] изменения, вступившие в действие с 15 марта 2013 г., частично способствовали решению проблем, возникавших на этапе проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении. Однако, решая одни вопросы, внесенные изменения вызвали возникновение иных, не менее серьезных сложностей в правоприменительной практике. Среди них на первое место выходит вопрос законности и обоснованности принятия процессуальных решений и проведения проверочных мероприятий на этапе проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении.

На сегодняшний день на законодательном уровне существует определенная неурегулированность порядка проведения проверочных мероприятий: способов их проверки, форм закрепления.

Несмотря на явную пробельность, в научной литературе проблеме этапа проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, на наш взгляд, уделяется незаслуженно малое внимание [6].

С этих позиций представляется необходимым проанализировать внесенные в УПК РФ изменения относительно возможности проведения уполномоченным лицом отдельных процессуальных действий до возбуждения уголовного дела.

Итак, с учетом внесенных изменений дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе до возбуждения уголовного дела произвести следующие процессуальные действия:

- получать объяснения;
- получать образцы для сравнительного исследования;
- истребовать документы и предметы;
- изымать документы и предметы в порядке, установленном УПК;
- назначать судебную экспертизу;
- принимать участие в производстве судебной экспертизы и получать заключение эксперта в разумный срок;
- производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов;
- производить освидетельствование;
- требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов;
- привлекать к участию специалистов;
- давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий [7].

Таким образом, в УПК РФ законодательно закрепляется возможность лицам, проводящим проверку по сообщению о совершенном или го-

товящемся преступлении, помимо иных процессуальных действий, назначать судебную экспертизу до возбуждения уголовного дела. Данный вопрос неоднократно обсуждался в научной литературе [8], и подобное решение проблемы призвано было положительно сказаться на решении задач уголовного судопроизводства.

Однако на практике подобные изменения, расширяя возможности уполномоченных лиц на стадии возбуждения уголовного дела, с другой стороны, «стирают» и без того достаточно зыбкую грань между процессуальными действиями, проводимыми до возбуждения уголовного дела на этапе проверки, и самим предварительным расследованием.

При этом следует отметить, что именно с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела приходит в движение весь механизм уголовного процесса, что в свою очередь служит исходной точкой отсчета процессуальных сроков, а также является правовой основой для наделения участников процесса правами и обязанностями [9].

В силу названных выше причин действующая редакция УПК РФ нуждается в дальнейшем совершенствовании. В данной ситуации возможно несколько путей изменения процессуального законодательства.

Первый – поэтапное реформирование, цель которого – ликвидация досудебных стадий уголовного процесса в том виде, в котором они существуют сейчас.

Второй – ликвидация некоторых участников уголовного процесса со стороны обвинения, а именно: дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, и замена их одним должностным лицом, наделенным широким кругом полномочий.

Оба варианта предполагают принципиальное изменение процессуальных прав и обязанностей участников уголовного процесса со стороны обвинения. Столь же логичной, в свете последних изменений УПК, видится возможность для законодателя пойти по пути англосаксонской системы права: на этапе проверки будут собираться доказательства и передаваться прокурору, который в установленный законом срок должен будет принять решение о направлении материалов проверки в суд для рассмотрения по существу либо принимать решение об отказе в возбуждении уголовного дела [10].

Прежде чем рассмотреть проблемы этапа проверки, выявившиеся в связи с вступившими в законную силу изменениями, необходимо еще раз проанализировать трудности, с которыми практические работники сталкивались до изменений уголовно-процессуального закона, внесенными Федеральным законом № 23-ФЗ от 04.03.2013 г.

1. Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ стадия возбуждения уголовного дела состояла из трех этапов:

- принятие сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении;
- проверка сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении;
- принятие решения [11].

При этом, если этапы стадии возбуждения уголовного дела, посвященные принятию сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении и принятию по нему решения, были довольно подробно регламентированы в законе и освещены в научной литературе, то этап проверки сообщения, а также перечень возможных процессуальных проверочных мероприятий (действий) на законодательном уровне детально не был урегулирован [12].

До внесения в УПК РФ изменений перечень возможных мероприятий, подлежащих исполнению в ходе проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, в законе был указан лишь для преступлений экономической направленности или преступлений против жизни. Однако и в этом перечне имелись мероприятия, содержание которых не было раскрыто не только в УПК РФ, но и в каких-либо других нормативно-правовых актах, в том числе ведомственных приказах и инструкциях [13].

В связи с этим еще более актуальной становится точка зрения И. Маслова и А. Новикова, считавших, что «в настоящее время так называемая доследственная проверка стала по своей сути непроцессуальной формой расследования, а уголовное дело возбуждается лишь после того как установлена судебная перспектива уголовного дела» [14].

Указанные точки зрения И. Маслова, А. Новикова, Н. В. Жогина, Ф. Н. Фаткулина подтверждают позицию автора данной статьи, согласно которой вопрос, касающийся перечня мероприятий (действий) и содержания проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела в ходе проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, является принципиальным и подлежащим выяснению, так как непосредственно влияет на принятие законного и обоснованного решения уполномоченными на то лицами и органами, а также на достижение целей уголовного судопроизводства и соблюдения конституционных прав граждан в целом.

Интересно, что об объеме и содержании проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела в отечественном уголовно-процессуальном праве ведется дискуссия уже более 80 лет.

Так, в 1928 г. согласно директивному письму, утвержденному Народным Комиссариатом Юстиции и Верховным Судом РСФСР, этап провер-

ки на стадии возбуждения уголовного дела был признан важнейшим этапом на стадии возбуждения уголовного дела: «необходимо взять решительную установку на то, чтобы привлекать и вести расследование только в тех случаях, когда налицо имеется в достаточной степени очевидное преступление... Поэтому всякое заявление, поступившее к прокурору, в суд или органам расследования, прежде всего, должно быть рассмотрено с точки зрения состава преступления, а также с точки зрения возможности применения ст. 6 и 8 УК. Прежде чем приступить к расследованию, необходимо использовать все прочие возможности для уяснения дела – запросы, затребования объяснений и т. д. ... Во всех тех случаях, когда состав преступления явно отсутствует, нужно отказывать в производстве расследования в порядке ст. 95 УПК» [15].

При этом и сегодня, по мнению работников прокуратуры, наибольшее количество нарушений закона допускается должностными лицами именно на стадии возбуждения уголовного дела при вынесении процессуальных решений [16], и все они касаются необоснованного, с точки зрения органов прокуратуры, отказа в возбуждении уголовного дела. Причина этого кроется в нерегламентированности мероприятий, проводимых на этапе проверки. При этом в ходе производства проверки уполномоченное лицо обязано при ограниченных сроках не только установить обстоятельность, подлежащие доказыванию, но и посредством этого определить перспективу всего дела.

2. Согласно требованиям ст. 144 ч. 1 УПК РФ в редакции от 30.12.2012 г., производство документальных проверок, ревизий, исследований документов относилось по большей части к преступлениям экономической направленности. Исследование трупов осуществлялось по преступлениям против жизни и здоровья. На долю всех остальных преступлений в рамках проверки оставалась дача органу дознания обязательного для исполнения письменного поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), проведение которых регламентировано Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» [17]:

а) ни дознаватель, ни следователь не вправе в рамках проверки по сообщению о совершенном или готовящемся преступлении проводить мероприятия, указанные в ст. 6 ч. 1 Федерального закона «Об ОРД», так как законодатель в ст. 1 данного закона четко определил, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на это законом;

б) более того, в соответствии со ст. 7 ч. 1 Федерального закона «Об ОРД» основаниями для

проведения оперативно-розыскных мероприятий являются наличие возбужденного уголовного дела (п. 1); ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (п. 1, 2); поручения следователя, руководителя следственного органа, органа дознания или определения суда по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящимся в их производстве (п. 3).

Кроме того, согласно ст. 13 ч. 1 п. 3 Федерального закона «О полиции» [18] сотрудникам полиции дано право вызывать в полицию граждан и должностных лиц по расследуемым уголовным делам и находящимся в производстве делам об административных правонарушениях, а также в связи с проверкой зарегистрированных в установленном порядке заявлений и сообщений о преступлениях, а также получать по таким делам, материалам, заявлениям и сообщениям, в том числе по поручениям следователя и дознавателя, необходимые объяснения [19].

При этом ни в одном из перечисленных нормативно-правовых актов нет указаний на мероприятия, проводимые следователем, руководителем следственного органа, в ходе проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении. Нет таких указаний и в Приказе МВД России от 01.03.2012 № 140 [20].

Также, согласно требованиям ст. 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» [21], сотрудник Следственного комитета при осуществлении процессуальных полномочий, возложенных на него уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, вправе вызывать должностных и иных лиц для *объяснений* и производства следственных действий при осуществлении досудебного производства.

Однако «даже в случае подробного изложения заявителем известных ему обстоятельств содеянного, из которого уже на первый взгляд усматриваются признаки уголовно наказуемого деяния, указание на конкретную статью УК, получить информацию в объеме, необходимом для возбуждения дела, основываясь только на этом сообщении, невозможно» [22].

При этом, несмотря на то что законодателем в ст. 140 УПК РФ четко указывались все возможные поводы для возбуждения уголовного дела, на практике, как правило, органами прокуратуры данный исчерпывающий перечень толковался расширительно: «Для обеспечения закон-

ности и обоснованности возбуждения уголовного дела необходимо соблюдение условий, установленных уголовно-процессуальным законом. К ним относятся предусмотренный законом повод, достаточные основания и отсутствие обстоятельств, исключающих производство по делу» [23], т. е. все то, что также подлежало установлению в ходе производства предварительного следствия и входило в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ).

Иными словами, с позиции прокуратуры в рамках доследственной проверки необходимо было установить наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию *без производства следственных действий и мероприятий (действий)*, которые вообще *не указаны* ни в одном нормативно-правовом акте.

При этом одной из обязанностей суда было осуществление судебного контроля на стадии возбуждения уголовного дела при возникновении сомнений и наличии соответствующей жалобы на решение следователя или дознавателя, возбудивших уголовное дело либо отказавших в его возбуждении.

Суд должен был проверить законность и обоснованность такого решения. Но при отсутствии единого для всех органов и должностных лиц, уполномоченных на производство доследственной проверки, перечня мероприятий (действий), возможных при производстве доследственной проверки, установить законность и обоснованность принятых решений суду было достаточно сложно, так как установление законности и обоснованности принятых решений должно опираться на нормативно-правовой акт, регулирующий его производство.

При этом ответственность за принятое решение по материалу доследственной проверки ложилась целиком и полностью на следователя, принявшего решение [24], хотя на практике прокурор, являясь «фактическим руководителем следователя» [25], давал устные, но обязательные к исполнению указания либо облакал их в форму «требования об устранении нарушений федерального законодательства». Данная ситуация, при которой прокурор фактически принимает процессуальное решение, с которым следователь на практике не имеет права не согласиться, продолжает существовать и сегодня.

С этих позиций трудно не согласиться с Е. П. Гришиной в том, что «нивелирование значимости стадии проверки сообщения о преступлении, заканчивающейся принятием процессуального решения (о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела), чревато неоправданным, а иногда и запоздалым переложением бремени ответственности за судьбу этого дела на следователя или суд» [26].

3. В ст. 109 ч. 2 УПК РСФСР [27] законодателем был определен минимальный перечень действий, направленных на проверку сообщения о преступлении, а именно: по поступившим заявлениям и сообщениям могут быть истребованы необходимые материалы и получены объяснения, однако без производства следственных действий, предусмотренных УПК РСФСР. Таким образом, законодатель четко разграничивал стадии процесса.

УПК РФ в редакции от 30.12.2012 г. вместо подробной регламентации доследственной проверки содержал указание на обязанность уполномоченных на то должностных лиц принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и принять по нему решение [28].

Обоснованна была и позиция А. В. Петрова, который указывал, что «вопросы о процедуре проверки, компетенции лиц, ее осуществляющих, процессуальных формах реализации таких полномочий, способах документального оформления полученных сведений, их доказательственном либо ином значении оставались открытыми. На практике это, как и в период действия УПК РСФСР, порождает правовую неопределенность, что, разумеется, не способствует точному и единообразному применению закона» [29].

Согласно указаниям Конституционного Суда РФ [30] суд вправе осуществлять судебный контроль за законностью и обоснованностью принятого процессуального решения. При этом в самом Постановлении недвусмысленно было указано, что судебный контроль реализуется лишь путем рассмотрения в судебном заседании материалов, представленных суду органами государственного обвинения. Однако перечень проверочных мероприятий, которые следовало бы проводить на этапе проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, в самом Постановлении Конституционного Суда РФ также отсутствовал.

4. Единственное законодательно закрепленное определение понятия «объяснения» сформулировано в ст. 26.3. КоАП РФ как сведения, имеющие отношение к делу и сообщенные указанными лицами в устной или письменной форме [31].

Поэтому именно объяснение, невзирая на тот факт, что в УПК РФ законодатель до редакции от 04.03.2013 г. не указал данное процессуальное действие в качестве проверочного мероприятия, на стадии возбуждения уголовного дела было одним из основных средств установления оснований для возбуждения уголовного дела.

При этом до изменений в УПК РФ, внесенных Федеральным законом № 23-ФЗ от 04.03.2013 г., правом получения объяснения в ходе доследственной проверки обладали только орган дознания и

следователи Следственного комитета РФ, а следователь и руководитель следственного органа системы МВД РФ были уполномочены только на выполнение следующих процессуальных действий:

- требовать производства документальных проверок (ст. 144 ч. 1 УПК РФ);
- требовать производства ревизий (ст. 144 ч. 1 УПК РФ);
- требовать исследования документов (ст. 144 ч. 1 УПК РФ);
- требовать исследования предметов (ст. 144 ч. 1 УПК РФ);
- требовать исследования трупов (ст. 144 ч. 1 УПК РФ);
- давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ст. 144 ч. 1 УПК РФ);
- произвести осмотр места происшествия (ст. 176 ч. 2 УПК РФ);
- провести осмотр трупа (ст. 178 ч. 4 УПК РФ);
- провести освидетельствование (ст. 179 ч. 1 УПК РФ) [32].

Если же исключить проверочные мероприятия (действия), необходимые для проверки сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях экономической направленности и преступлений против жизни, то в арсенале должностного лица, уполномоченного проверить сообщение, осталась еще более ограниченный перечень мероприятий:

- исследование документов (ст. 144 ч. 1 УПК РФ);
- исследование предметов (ст. 144 ч. 1 УПК РФ);
- дача органу дознания обязательного для исполнения письменного поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ст. 144 ч. 1 УПК РФ);
- осмотр места происшествия (ст. 176 ч. 2 УПК РФ).

Безусловно, что такое весьма неопределенное и противоречивое положение требовало внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство, в связи с чем был принят Федеральный закон № 23-ФЗ от 04.03.2013 г. «О внесении изменений в статью 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

Но, к сожалению, проблема этапа проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении не только не нашла своего решения, но еще более усложнилась.

Во-первых, несмотря на то что объяснения включены законодателем в перечень процессуальных действий, форма объяснения не указана.

При этом нельзя согласиться с Н. В. Матвеевой в том, что «показания имеют более формализованную форму, закрепленную в протоколе, составляемом в соответствии со ст. 166 УПК РФ,

строго определенную процедуру изложения, узкий круг субъектов их получения. Объяснения же имеют более субъективный характер, излагаются в произвольной форме, для них не предусмотрены какой-то особый порядок или внесение в отдельный протокол» [33]. Думается, что сравнивать объяснения с протоколом показаний просто некорректно.

По нашему мнению, с позиции лица, уполномоченного принимать решение по поступившему сообщению о совершенном или готовящемся преступлении, объяснения следует рассматривать как толкования существа дела, то есть сведений, подлежащих установлению, что на практике подтверждается материалами практически любого уголовного дела.

Так, большинство протоколов допросов по возбужденным уголовным делам практически полностью совпадают с содержанием объяснений по материалам проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении. Также на практике нередки случаи искусственного создания доказательственной базы путем осмотра объяснения и признания его в качестве вещественного доказательства с приобщением к материалам уголовного дела либо признания его в качестве иного документа. О том же говорит в своей работе и Н. В. Матвеева [34].

Во-вторых, остается не ясным, как лицо, уполномоченное проводить проверку, должно уже на стадии проверки точно, не нарушив прав, определить возможный будущий процессуальный статус лица и разъяснить ему права. Кроме того, не указано, какую процессуальную форму должен носить документ, в котором будут отражены эти права. При этом в соответствии с УПК РФ участники процесса приобретают процессуальный статус (права и обязанности) только после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.

К примеру, при разъяснении очевидцу в ходе получения с него объяснения прав и обязанностей свидетеля (ст. 56 ч. 4 УПК РФ) у него должна возникать ответственность за отказ от дачи показаний (объяснений). Данное положение само по себе станет существенным нарушением действующего процессуального законодательства.

Еще более абсурдна ситуация, при которой заподозренному лицу разъясняются права и обязанности подозреваемого в соответствии со ст. 46 УПК РФ до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.

В-третьих, с 15.03.2013 г. дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе в порядке ст. 144 ч. 1 УПК РФ истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК. Вопрос: каким образом изымать?

Если осмотр места происшествия, предметов и документов, судебная экспертиза, получение образцов для сравнительного исследования могут быть проведены до возбуждения уголовного дела [35], то изъятие в форме обыска и выемки не могут быть произведены до возбуждения уголовного дела. Единственным законным основанием изъятия до возбуждения уголовного дела может быть проведение осмотра места происшествия, в ходе которого изымаются документы. При этом изъятие путем направления запроса о предоставлении будет скорее получение, а не изъятие.

И, в-четвертых, на наш взгляд, следует освободить уголовно-процессуальное законодательство от дублирующих понятий.

В частности, в УПК РФ предусмотрено такое процессуальное действие, как ревизия, одновременно с этим ст. 144 ч. 1 УПК РФ предусматривает возможность проведения документальной проверки. При этом ни в одном нормативном акте, регламентирующем деятельность органов МВД РФ, прокуратуры РФ, нет определения понятия «документальная проверка».

В иных подзаконных нормативно-правовых актах понятие «документальная проверка» трактуется по-разному: с одной стороны, документальная проверка – это действия по контролю и надзору за предоставлением субъектами страхового дела бухгалтерской и статистической отчетности, иных документов и сведений, затребованных в целях осуществления государственного страхового надзора, соответствием отчетности и документов... [36], а с другой – в Приказе МЧС РФ документальная проверка вообще называется ревизией [37].

Таким образом, после внесенных 04.03.2013 г. изменений ст. 144 УПК РФ, на наш взгляд, тем не менее, требует уточнений.

В связи с этим второе предложение ст. 144 ч. 1 УПК РФ, по нашему мнению, следует изложить в такой редакции: «При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения; образцы для сравнительного исследования путем вынесения соответствующего постановления; истребовать сведения путем направления запросов; истребовать и получать документы и предметы путем направления соответствующего запроса о предоставлении; назначать судебную экспертизу; принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок; производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование; требовать производства ревизий, исследований документов, предметов, трупов; привлекать к участию в этих действиях специалистов; давать орга-

ну дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий».

Примечания

1. «Законность, ... 2. Соблюдение законов, положение, при котором общественная жизнь и деятельность обеспечивается законами». См.: Словарь русского языка: ок. 53000 слов / С. И. Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Изд-во Оникс»: ООО «Изд-во «Мир и образование», 2008. С. 266.

«Законность (верховенство закона) – неукоснительное исполнение законов и соответствующих им иных правовых актов всеми органами государства, должностными и иными лицами». См.: Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 1997. VI. С. 214.

2. «Обоснованный – подтвержденный фактами, серьезными доводами, убедительный». См.: Ожегов С. И. Указ. соч. С. 552.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И. П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Российская газета. 2000. 02 февр.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2012) // Парламентская газета. 2001. 22 дек.

5. Федеральный закон от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 04.03.2013. № 9. Ст. 875.

6. См. например: Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Возбуждение уголовного дела. М., 1961. С. 7–67 // Возбуждение уголовного дела: учеб.-метод. материалы / Краснояр. гос. ун-т; сост. А. С. Барабаш. Красноярск, 2000. С. 26; Маслов И., Новиков А. Нерешенные проблемы стадии возбуждения уголовного дела при рассмотрении сообщений о налоговых преступлениях // Уголовное право. 2011. № 5; Химичева Г. П. Уточнить процедуру доследственной проверки // Уголовное судопроизводство. 2012. № 1. С. 23–26.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.03.2013) // Парламентская газета. 2001. 22 дек.

8. См., например: Сучков А. В. Проблемы назначения судебной экспертизы // Инновации в государстве и праве России: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. С. 652–658; Сучков А. В., Семенов А. В. Заключение специалиста как самостоятельный вид доказательств // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 4(1). С. 61–65; Сучков А. В. Проблемы назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз при расследовании профессиональных преступлений, совершенных медицинскими работниками // Медицинское право. 2010. № 3(31). С. 39–43; Сучков А. В. К вопросу о необходимости назначения судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела // Эксперт криминалист. 2012. № 3. С. 8–11.

9. См., например: Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кочков Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. С. 168; Володина Л. М. Цели и задачи уголовного процесса // Государство и право. 1994. № 11. С. 130–137.

10. См., например: Стойко Н. Г., Шагинян А. С. Уголовный процесс Англии и Уэльса, Бельгии и Дании: сравнительно-правовой аспект. Красноярск, 1997. С. 25–27; Уголовный процесс: учеб. для вузов / под общ. ред. В. И. Радченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: «Юрид. дом «Юстицинформ», 2006. С. 742.

11. В своей работе, посвященной стадии возбуждения уголовного дела, Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин отметили, что «деятельность по возбуждению уголовного дела охватывает принятие и проверку первичных сведений о преступлении, вынесение по ним процессуального решения, обжалование этого решения и проверку его законности и обоснованности». См.: Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч. С. 26.

12. См., например: Матвеева Н. В. Правовая природа объяснений в уголовном процессе России // Российский судья. 2012. № 7. С. 39–42; Петров А. В. Пределы проверки сообщения о преступлении и процессуальные способы ее осуществления // Законность. 2012. № 5. С. 49–54; Химичева Г. П. Уточнить процедуру доследственной проверки // Уголовное судопроизводство. 2012. № 1. С. 23–26.

13. См., например: «документальная проверка». Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2012) // Парламентская газета. 2001. 22 дек.

14. Маслов И., Новиков А. Нерешенные проблемы стадии возбуждения уголовного дела при рассмотрении сообщений о налоговых преступлениях // Уголовное право. 2011. № 5. С. 85–90.

15. Цитата по: Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч. С. 17–18.

16. Багмет М. А. Проблемы рассмотрения сообщений и заявлений граждан о готовящихся и совершенных преступлениях. URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1250722> (10.02.2013 г.).

17. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.11.2012) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Российская газета. 1995. 18 авг.

18. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 03.12.2012) «О полиции» // Российская газета. 2011. 08 февр.; 2011. 10 февр.

19. Матвеева Н. В. Правовая природа объяснений в уголовном процессе России // Российский судья. 2012. № 7. С. 39–42.

20. Приказ МВД России от 01.03.2012 № 140 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // Российская газета. 2012. 01 авг.

21. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 03.12.2012, с изм. от 11.02.2013) «О Следственном комитете Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 30 дек.

22. Петров А. В. Пределы проверки сообщения о преступлении и процессуальные способы ее осуществления // Законность. 2012. № 5. С. 49–54.

23. *Багмет М. А.* Указ. соч.
24. *Зайцев С. П.* Актуальные проблемы защиты прав граждан в уголовном судопроизводстве // Законность. 2012. № 8. С. 3–6
25. См.: *Сучков А. В., Чиннова М. В.* О необходимости законодательного закрепления обязанности составления обвинительного заключения при окончании предварительного следствия за прокурором, осуществляющим уголовное преследование // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 4(1). С. 106–108.
26. *Гришина Е. П.* К вопросу об использовании специальных познаний на стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2012. № 19. С. 16–18.
27. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 613.
28. При этом нельзя не согласиться с точкой зрения Н. В. Матвеевой относительно того, что «УПК РФ 2001 г., в отличие от УПК РСФСР 1960 г., не включил получение объяснений в число процессуальных средств предварительной проверки информации о преступлении. См.: *Матвеева Н. В.* Указ. соч. С. 39–42. Однако высказывание Н. В. Матвеевой относительно того, что ни в УПК РФ, ни в ФЗ «О следственном комитете РФ» нет упоминания о таком проверочном мероприятии, как получение объяснения, было неточно. В ст. 7 ч. 1 п. 4 Федерального закона «О следственном комитете РФ» указано, что сотрудник Следственного комитета вправе вызывать должностных и иных лиц для объяснений и производства следственных действий при осуществлении досудебного производства.
29. *Петров А. В.* Пределы проверки сообщения о преступлении и процессуальные способы ее осуществления // Законность. 2012. № 5. С. 49–54.
30. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И. П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Российская газета. 2000. 02 февр.
31. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2012, с изм. от 17.01.2013) (с изм. и доп., вступающими в силу с 15.01.2013) // Российская газета. 2001. 31 дек.
32. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2012) // Парламентская газета. 2001. 22 дек.
33. *Матвеева Н. В.* Указ. соч. С. 39–42.
34. Там же.
35. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.03.2013) // Парламентская газета. 2001. 22 дек.
36. Приказ Минфина РФ от 18.06.2009 № 55н «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы страхового надзора по исполнению государственной функции осуществления контроля и надзора за соблюдением субъектами страхового дела страхового законодательства, в том числе путем проведения проверок их деятельности на местах» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 30.07.2009 № 14434) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. 14 сент.
37. Приказ МЧС РФ от 06.05.2003 № 236 (ред. от 25.08.2011) «Об утверждении Положения о порядке оформления, использования, хранения и обращения с воинскими перевозочными документами в системе МЧС России» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 19.05.2003 № 4562) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2003. 01 сент.

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

В октябре 2013 г. исполняется 135 лет со дня рождения известного русского этнографа, диалектолога и фольклориста, члена-корреспондента АН СССР Дмитрия Константиновича Зеленина. Он родился в с. Люк Сарапульского уезда Вятской губернии. Еще будучи студентом историко-филологического факультета Юрьевского (Тартусского) университета, Д. К. Зеленин ездил в экспедиции по Вятскому краю. Вятский диалектологический, фольклорный и этнографический материал он использовал в своих работах. Юбилею ученого посвящена настоящая подборка статей, в которых осмысляются, расширяются и углубляются различные аспекты вятских диалектов, фольклора и этнографии, намеченные в исследованиях Д. К. Зеленина.

В. А. Поздеев,
доктор филологических наук, профессор,
член редколлегии «Вестника Вятского государственного
гуманитарного университета»

УДК 159.922.4

В. А. Поздеев

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВОЛЖСКИХ НАРОДОВ В ПУТЕВОДИТЕЛЕ «КАМА И ВЯТКА» Д. К. ЗЕЛЕНИНА

В статье приводятся антропологические и этнопсихологические сведения, которые использует в путеводителе «Кама и Вятка» Д. К. Зеленин. Сведения составляют своеобразный антропологический и психологический портрет этносов, населяющих Камско-Вятский край в конце XIX – начале XX в.

The article presents anthropological and ethno-psychological data that uses a guide «Kama and Vyatka» D. K. Zelenin. Information constitutes a kind of anthropological and psychological portrait of the ethnic groups living in the Kama-Vyatka edge in the late XIX – early XX centuries.

Ключевые слова: Д. К. Зеленин, этнопсихология, поволжские народы, путеводитель «Кама и Вятка».

Keywords: D. K. Zelenin, ethnopsychology, Volga peoples, Guide «Kama and Vyatka».

Волго-Вятский регион населен разными народами, которые совместно проживали довольно давно. Национальный состав Нижнего казанско-

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Кировской области, в рамках проведения научного исследования «Историческая глубина традиций этнокультурного ландшафта Кировской области (по местам экспедиций Д. К. Зеленина)», № 13-14-43602.

го Прикамья: татары, крещеные татары, чувашаи, черемисы, вотяки, мордва, пермяки, русские, башкиры. На этой территории по-разному протекали процессы взаимодействия, ассимиляции и в конечном счете формирования национального характера.

«Национальный характер народа, мысли, литературы, – писал Г. Гачев, – очень “хитрая” и трудно уловимая “материя”. Ощущаешь, что он есть, но как только пытаешься его определить в слова, – он часто улечивается, и ловишь себя на том, что говоришь банальности, вещи необязательные, или усматриваешь в нем то, что присуще не только ему, а любому, всем народам. Избежать этой опасности нельзя, можно лишь постоянно помнить о ней и пытаться с ней бороться – но не победить» [1].

Одной из составляющих этнопсихологических особенностей является так называемый «национальный характер». Говоря о национальном характере, одни исследователи подразумевают, прежде всего, темперамент, другие обращают внимание на личностные черты, третьи – на ценностные ориентации, отношение к власти, труду, соседу и т. п. «Национальный характер» – это не сумма элементов характера отдельных личностей и не те качества, которые отличают наиболее похожих друг на друга этносов, а сложившиеся за многовековую историю вербально-акционально-ценностные смыслы. И. С. Кон подчеркивал: «Чтобы понять характер народа, нужно изучать прежде всего его историю, общественный строй и культуру; индивидуально-психологические методы здесь недостаточны» [2]. Кроме

того, черты характера можно понять лишь в соотношении с общей системой ценностей, зависящей от социально-экономических и географических условий, от образа жизни народа.

В 1904 г. Д. К. Зеленин издал книгу «Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края» [3]. Автор еще студентом университета выезжал в экспедиции в Прикамский край. Целью издания было познакомить читателей с достопримечательностями, которые встретятся во время поездки по Каме и Вятке, познакомить с этнографическими, культурными, фольклорными, диалектологическими особенностями различных народов, населяющих этот регион. Д. К. Зеленин ставил своей задачей познакомить путешественников и с национальным характером народов, то есть представить этнопсихологические особенности. «Путешествие, – писал Д. К. Зеленин, – лучшее средство для изучения жизни. А жизнь всегда и везде останется главной и лучшей школой. Жизнь не в смысле мелочных практических мелочей, а в высшем смысле этого слова. Жизнь – это самые люди и их деятельность, люди с их идеалами, желаниями и стремлениями и с проявлением этих идеалов и стремлений во вне» (с. 2).

Д. К. Зеленин, еще не имея большого собственного материала наблюдения за этническими особенностями жителей Вятки и Камы, опирался на широкий круг источников, уже вышедших к тому времени [4].

С одной стороны, Д. К. Зеленин пытался наполнить интересным фактическим материалом, а с другой – автор пытался представить стереотипы восприятия различными исследователями истории, географии, этнографии, психологии. И избежать субъективности в подаче неоднозначных материалов.

В раскрытии национального материала Д. К. Зеленина интересовали, прежде всего, исторические, национально-культурные, этнографические компоненты, которые обусловили культурные и национальные стереотипы и, в конечном счете, национально-ментальные особенности поволжских этносов. Стереотип – это фрагмент картины мира, фиксированной в сознании. Выделяют стереотипы поведения, стереотипы представления, стереотипы ситуации, стереотипы-образы. Стереотипы поведения предписывают определенное поведение этноса (индивида). Стереотипы представления хранятся в сознании как некое «клише» сознания и функционируют как эталоны [5].

Рассмотрим некоторые национальные стереотипы поведения и представления, которые отразил в своем «Путеводителе» Д. К. Зеленин. Прежде всего автор, опираясь на предшественников, представлял антропологические, языковые, этнографические особенности.

Русские. «Русский тип составил в Казанской губернии из всех возможных областных русских наречий, – по преимуществу из великорусов северных поволжских губерний» (с. 20). Д. К. Зеленин опирается на материал, взятый из работы А. Ф. Риттиха «Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Казань, 1870».

О русских Слободского уезда и Кайского края: «Местные жители находят также отличия и в наружности жителей. Куроптев пишет о жителях: Мужской пол отличается мускулистым сложением и широкими плечами, отсутствием краски в лице, но пышными мягкими волосами на голове и клинообразной редкой бородой; то же отсутствие краски замечается и в лице женщин; но как у пожилых мужчин, так и у пожилых женщин от постоянного употребления бражки конец носа красный. Тоже, должно быть от бражки, у взрослых женщин нет совсем талии, – возвышенные груди, при самом незначительном понижении, соединяются с вспученным животом» (с. 133).

Чуваши. «Красотою чувашки не отличаются: выдавшиеся скулы, узкий разрез глаз и покатым назад лоб. Лица смуглые, глаза карие или черные; волосы темно-русые. Глаза всегда как будто заспанные. Женщины еще некрасивее мужчин. – В характере чуваш отмечают скупость, робость, неприхотливость. Чувашские дети учатся хорошо» (с. 23).

Д. К. Зеленин отмечает особенности чувашей, прежде всего, чувашки хорошие земледельцы, одежда вообще сходна с русской, интересны постройки, например, шалаш для летнего жилья и пивоварня, чувашки любят пиво.

Идеалом красоты чувашки являются «толстые ноги». Для утолщения ног «женщины носят толстая, и непременно черные, онучи, поверх их кожаные чулки и лапти. Русские их прозвали за это “черноногими барынями” и даже в песне воспеваются, от лица чувашина, “толстые ноги баские” (т. е. красивые)» (с. 22).

Мордва живет в Прикамье в уездах Чистопольском и Спасском. «У мордвы две морды, а шкура одна», – острит русский народ, имея в виду два главных мордовских племени: эрзя и мокшу. На Каме живет, главным образом, эрзя (от нее получил свое имя г. Арзамас) (с. 24).

«Народ этот, – как писал А. Ф. Риттих, – в общей сложности сильный и красивый, в особенности женщины, которых профиль отличается какою-то изящностью и приятным очертанием. Мужчины высокого роста, плотные, широкоплечие, мускулистые. Их добродушное лицо выражает здоровье и крепость. Руки и грудь весьма широкие. Все это способствует плодотворности их занятий, в особенности земледелием и бурлачеством, чем занято немало прибрежной к Волге

мордвы. Но и кроме этих занятий, они способны ко всяким другим, где не только нужна сила, но и некоторая смысленность» (с. 24).

О **татарах** Д. К. Зеленин черпает информацию из того же источника: «Материалы для этнографии России: Казанская губерния». Во внешности татарина отмечаются «большие уши и выдавшиеся скулы». У татарских женщин отмечается «узкий разрез глаз и переваливающаяся с боку на бок походка» (с. 25).

«Пермские татары, – цитирует Д. К. Зеленин А. Ф. Риттиха, – очень близки к казанским и, вероятно, произошли от этих последних. Они роста большей частью среднего и редко большого; голова продолговатая; глаза небольшие, узкие, большей частью черные; нос острый и худой; рот небольшой с тонкими губами. Волосы на бороде и усах редкие и небольшие, преимущественно русые. Сложение сухощавое. Выражение глаз более хитрое, нежели умное. Женщины в общих чертах схожи с мужчинами и красотой не отличаются (в противоположность казанским татарочкам, вообще красивым)» (с. 25).

Еще одной из этнографических особенностей татар является их «не способность» работы на земле, она как бы не в крови у этого «народа степей». В информации автор сопоставляет русских и татарских женщин. Последние не могут, в отличие от русских, помогать в земледелии мужчинам. Нужно различать татар городских и татар деревенских. Последние живут в бедности и в грязи (с. 25).

«**Башкиры** по наружности: те же большие уши, скуластость, маленькие глаза – серые или карие. Роста они небольшого. Одежда – татарская. Жилище башкира тоже ничем не отличается от татарского. У богатых две избы – тур-яга, мужская, и катын-ерга, женская; в обеих избах широкие нары, на них кошмы и подушки. Здесь ночью спят, а днем сидят, поджав под себя ноги. В углу широкая неуклюжая печь. На станах полотенца, картины и неизменная чалма старика» (с. 51).

Вотяки имеют «рыжие волосы, впалые щеки, желтовато-красное, веснушчатое лицо, маленькую бородку, узкие подслеповатые глаза». Н. Блинов подчеркивает, что «тяжелое впечатление производит обыденная жизнь большинства вотских семейств. Везде в доме грязь, сор и пыль; такая грязь, что соскабливают ее с пола лопаткой... Болезни, в особенности сифилис, тифы, трахома, бленнорейные воспаления и последствия их обезображивают члены, обессиливают и крепких от рождения людей» (с. 74).

Пермяки «по наружности сильно похожи друг на друга: все на один покрой. На вид они очень невзрачны, хотя некогда, как уверяют, это был рослый и сильный народ. Роста среднего или даже

ниже среднего, сухощавые; глаза маленькие и узкие, монгольского типа; развитые скулы; белокурые или рыжие волосы, остриженные по-русски в кружок, и скудная растительность на лице: у женщин почти нет бровей, бороды у многих мужчин совсем не бывает; вздернутый нос и несколько вывороченные наружу ноздри; походка неуклюжая, мешковатая» (с. 106).

Бесермяне. «По наружности бесермяне довольно резко отличаются от своих соседей – татар и вотяков. Среднего роста; чаще брюнеты и темно-русые, чем блондины, с карими глазами. Овал лица продолговатее, чем у вотяков; скулы развиты довольно сильно; глаза узки, но без признаков монгольского косоглазия. Встречаются горбоносые профили, но чаще нос широк и несколько приплюснут. Растительность на лице не богата. На голове волосы мужчины б. ч. остригают коротко, иногда под гребенку. Стан довольно стройный; походка быстрая и уверенная. Женщины, особенно же молодые девушки, держатся статно, имеют красивую стройную фигуру с сильно развитыми формами и склонностью к полноте, которой, впрочем, не дает впоследствии развиться постоянная тяжелая мускульная работа крестьянки» (с. 117–118).

«**Черемисы** большей частью, – отмечает Д. К. Зеленин, – среднего роста, слабо телосложения и сутуловаты. Небольшие подслеповатые глаза, широкий приплюснутый нос, желтоватый цвет кожи, скудная растительность на лице, – вот обычный тип черемисина, почти всегда вялого, флегматичного и неповоротливого. Я встречал среди черемис 14-летних мальчиков, которые по своему физическому развитию походили на 6-летних. Женщины не отличаются красотой, а в старости даже безобразны» (с. 167–168).

Межэтнические отношения, на наш взгляд, это не только отношения между группами, которые чаще всего выражаются в соперничестве или сотрудничестве. Межэтнические отношения (межгрупповые) – это и отношения в контексте противопоставления «свое/чужое». Оно проявляется в представлениях о разных соседних этносах. Оценки могут иметь «разброс» от позитивных и негативных образов до предрассудков.

Необходимо отметить, что этнопсихологические особенности в «Путеводителе» выявлены не столь наглядно. Однако Д. К. Зеленин из имеющихся материалов выделяет самые значительные.

Так, у **русских** он выделяет следующее: «По своему характеру жители Котельничского уезда (и б. ч. Орловского) довольно сильно отличаются от населения Вятского уезда» (с. 153). При всем том, вятчане очень сметливы и умны, хотя на вид и простодушны, – отмечает Д. К. Зеленин. Среди представителей других губерний простодушный на вид и сохранивший старину вятча-

нин пользуется незавидною репутацией. О вятчанах сложилось почти столько же анекдотов и присловий, сколько о пресловутых пошехонцах. Доминирует название вятчан слепородами (см. § 40): «вячкой слепень наехал на пень, да и кричит: своротите (местное произношение)»; «эй, буди Ванчѐ, полезай на каланче (= колокольню), буди богородичу ведут: в энотовой шубе, да и кольче в губе» (вели медведя)» (с. 158).

Особый взгляд на поведение русских женщин этого края. Д. К. Зеленин, ссылаясь на А. Ф. Риттиха, приводит его замечания «нельзя пройти молчалием ту отличительную черту русского народа Казанской губернии, которая ставит его ниже своих собратьев других губерний; это его безнравственность и в особенности женщин...». «Жить незаконным браком, переходить от одного к другому, вовсе не стыдиться таких отношений, рожать внебрачных детей, так же легко их хоронить, все это считается делом обыкновенным. – Мало ли бывает заблуждений на свете, но является же раскаяние, краснеет девушка, скрывает свой стыд...» «В Казанской же губернии это составляет хвастовство и упрек тем, которые не следуют такому безнравственному порядку...» (с. 21).

У чувашей подчеркиваются основные черты характера: «скупость, робость, неприхотливость». Татары зовут чувашских женщин «чуваш-юваш, то есть робкие чуваша» (с. 24). Особо Д. К. Зеленин отмечает, что чувашские дети учатся хорошо (с. 23).

У мордвы отмечается, что их «добродушное лицо выражает здоровье и крепость», а также смеяленность. Цитируя А. Ф. Риттиха, Д. К. Зеленин пишет, что в Казанской губернии «почти вся мордва обрусела, часто даже совсем забыв свой язык» (с. 24).

Татары. Оппозиция своё/чужое показана, как русский крестьянин относится к татарину. Он в противоположность всем другим инородцам: черемисам, вотякам и пр. – с уважением и почтительно зовет его: «князь» или «знаком». Отмечается, что татарин сходится и с русским интеллигентом. Зеленин пишет, что татарин обладает замечательной способностью фамильярничать (с. 29–30).

Отношение к татарам и русским отразилось в чувашской поговорке «Богатеет татарин – берет себе жену, богатеет русский – покупает себе лошадь, богатеет чувашин – платит беду» (с. 28).

В 1900 г. в Уржумском уезде разбиралось одно судебное дело, вскрывшее существование у местных татар оригинального карания женщин, преступивших против нравственности. Таких женщин водят в сопровождении всего общества по улицам селения, с колокольчиком, в который она сама обязана звонить, чтобы привлекать внимание других. Делается это, по словам татар, в при-

мер и страх другим. Обычай этот применяется нередко к согрешившим вдовам и девицам, но потерпевшие обычно не обращаются к судебной власти, боясь мщения односельчан (с. 28–29).

Башкиры. Вот как описывают башкирские этнопсихологические особенности: «По характеру башкиры очень ленивы. Иногда, впрочем, леность эта проявляется очень своеобразно; передают, например, что если засорилось место, на котором живет башкир, то он скорее перенесет всю свою избу на другое место, чем решится вывести со двора навоз. Своеобразный разгул, который вернее назвать обжорством, как нельзя лучше гармонирует с этою ленюю. В работе они очень медлительны, но зато тщательны и аккуратны. Воровство сильно распространено. Самое радушное гостеприимство – характерная черта башкир. Случается, что бедный башкир голодает несколько дней, но если ему удалось украсть у соседа барана или корову, то он сейчас же задает пир; на пир приглашаются все соседи, не исключая и того, у кого скотина украдена. Гости догадываются о причине и происхождении пирушки, но из вежливости ничего не говорят, и, попирав вволю, довольными расходятся по домам». Они способны к самому упорному труду, к образованию, к высшей культуре (с. 52).

Вотяков русские зовут «мышь» «за их низкий рост и тщедушное сложение. – Вотяк вял и неповоротлив, часто нечистоплотен; но трудолюбив и бережлив. Смирный и безобидный, но под влиянием кумышки способен к зверскому преступлению. Общественные инстинкты развиты сильнее, чем у русских; работы всей деревней – в большем обычае: косить или жать начинают всегда с общего согласия; друг друга никогда не выдадут» (с. 74). «Священник Н. Блинов пишет о вотяках: “Они положительно удивляют своею апатичностью, полным отсутствием впечатлительности и любознательности ко всему, что непосредственно не касается хозяйства: вотяка удивить невозможно ничем”» (с. 74). Г. Жаков писал о характере вотяков: «Уничтожение лесов, обмеление рек, учащающиеся неурожаи от засухи еще более развивают пессимизм в душе вотяка, недоверие к другим народам, более сильным, тоску о старых порядках, тайную любовь к языческой религии. Вотяк тверд, как камень, по недоверчивости, замкнутости. В борьбе за свои убеждения его настойчивость и поэзия природы прогрессировали в ущерб другим свойствам – предприимчивости, любознательности. Народ стал замкнутым, характер его потерял всякую гибкость, что может оказаться причиной гибели в растущей каждый день промышленной конкуренции» (с. 75).

У вотяков «целомудрие не есть добродетель, и родители охотно уступают своих дочерей для плотского удовольствия посторонним мужчинам, так

как беременная легче находит мужа: она уже может считаться плодovитoю. Впрочем, у них допускается многоженство. – Муж редко бранит свою жену и еще реже бьет. Если что-нибудь подобное и случается, то на это смотрят как на нечто предосудительное. Характерно, что беременные женщины у вотяков освобождаются от всех тяжелых работ; этого гуманного обычая нет у русских крестьян». Вотяки вообще нежные отцы. Рассказывают, что один вотяк задушил в объятиях своего сына. «Так любил: как давил, так и лопнил», – говорил, будто бы этот вотяк на суде (с. 77).

Пермяки. «В одежде пермяков, особенно женщин, заметна некоторая щеголеватость. О себе пермяки очень невысокого мнения. От них нередко можно услышать выражения: “Куда уж нам? Кабы мы не пермяки были”. Забитость и пришибленность, робость и трусость – характерные черты пермяков. Вместе с тем они отличаются замечательной апатией, равнодушием ко всему и ленью, ослиным терпением и скупостью. Только в пьяном виде (национальный напиток сур – хмельная брага, но теперь пьют больше русскую водку) пермяк становится совсем другим. Куда девается его флегма и смиренничанье: он ругается напрапалу и лезет в драку. – Страсть, идеал пермяка – подражать во всем русскому, сравняться с русским. Этим, конечно, и объясняется столь быстрое обрусение пермяков, тогда как их ближайшие родичи – вотяки – прекрасно сохранили свою национальность» (с. 107–108). В. М. Янович в статье «Пермяки», опубликованной в выпуске I–II журнала «Живая старина» за 1903, писал: «Характер пермяка странный. Еще весьма недавно пермяки не могли высказать на своем родном языке чувство благодарности; да и теперь, если они говорят “спасибо”, то лишь потому, что переняли это слово от русских. Слов “здравствуй”, “прощай” у них также нет. Еще более замечательно то, что нет пермяцкого слова, выражающего понятие о чистой любви. Напротив, что касается слов, относящихся до любви нечистой, то в них пермяки перещеголяли нас, русских. Воровство – распространено весьма сильно и за порок почти не считается; есть деревни, в которых не воры лишь те, что лежат в люльках. При всем том, пермяки очень гостеприимны, набожны...» (с. 108).

Бесермяне. «По характеру бесермяне спокойны, кротки, доверчивы; во взаимных отношениях заметна сдержанность и мягкость; нет драк и крупных ссор; нет и большого пьянства. Муж очень редко бьет свою жену. В школах учатся хорошо, но процент грамотных ничтожен, а женщины и совсем не обучаются в школах» (с. 118).

Черемисы. «В характере черемис можно отметить скрытность, хитрость, лукавство, настойчивость и терпение. За свой костюм черемисы под-

вергаются многочисленным насмешкам со стороны русских. “Лопатка” – обычное название черемисской женщины (по поводу её сороки), и в местной песне от лица черемисина поется:

Кабы мать – та не лопатка,
Я бы русскую любил...

За сплошь белый цвет одежды черемис обызывают “мотыльками”; откуда: черемиса от мокра завелися; “мокрое же и сдохнут”, – прибавляют к этому некоторые. – Кереметник (черемисское злое божество – кереметь), лопарь, – другие прозвища черемис: по поводу их религии. Вообще, русские относятся к черемисам свысока, с оттенком презрения. Русский никогда не женится на черемисской девушке; даже самая мысль об этом кажется ему в высшей степени странной. Между тем случаи женитьбы черемис на русских девушках нередки, но за них отдают лишь очень бедных, да еще разве с “грешком” (“гулящих”). Женщина у черемис не пользуется большим уважением. Не только мужа к женам, но и сыновья к матерям относятся с пренебрежением. Бездетная вдова возвращается в дом своего отца, и здесь всю жизнь играет роль подневольной, не имеющей ничего своего, работницы. Полный владыка и господин в доме – глава семьи. А. Ф. Риттих пишет о казанских черемисах, но это одинаково относится и к вятским: «К женам мужа и нередко сыновья относятся без особого уважения. Поэтому понятно, что рекрут, оставляя дом, почти открыто дает дозволение жене на сожительство с одним из родных. На вопрос: “что, Марфа, скучаешь по мужу?” можно получить в ответ: “разве у нас мало и без него!” Вообще, сожительство женщины с чужим не строго преследуется. – Точно так же женщины не имеют права принимать прямого участия в молениях» (с. 169–170).

Итак, можно сказать, что этнопсихологические особенности поволжских народов связаны со сложным комплексом знаний и отношений со стереотипами восприятия, стереотипами поведения, стереотипами представления, стереотипами ситуации, стереотипами образов.

Очень верно подметил Д. К. Зеленин для начала XX в., что «жизнь разнообразна до бесконечности; и человек, уставший, изнемогший в жизненной борьбе за существование, или просто от одного созерцания этой борьбы в каком-нибудь центре, – с громадным облегчением и с тихой радостью будет созерцать спокойное, патриархальное “прозябание” захолустного городка или деревни» (с. 2). Это же мы можем сказать и о дне сегодняшнем. Особенно фольклористы, которые созерцают современное состояние народной жизни в провинции.

Примечания

1. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М., 1988. С. 55.

2. Кон И. С. К проблеме национального характера // История и психология / под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анцыферовой М.: Наука, 1971. С. 124.

3. Зеленин Д. К. Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев, 1904 (далее ссылка на это издание дается в тексте в скобках с указанием страницы).

4. Д. К. Зеленин приводит следующие источники, на которые он опирался в своей работе: *Риттих А. Ф.* Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Казань, 1870; *Жаков К.* Вотяки (этнографический очерк) // Научное обозрение. 1902. № 11. С. 93–102; *Янович В. М.* Пермь // Живая старина. 1903; *Пинегин М.* Казань в её прошлом и настоящем. СПб., 1890; *Немирович-Данченко В. И.* Кама и Урал. СПб., 1890; *Блинов Н.* Сарапул. Исторический очерк. Сарапул, 1888; *Добротворский Н. А.* Пугачев на Каме // Исторический Вестник. 1884. XII. С. 719–753; *Дмитриев А.* Очерки из истории губернских гор. Пермь. Пермь, 1889; *Дмитриев А.* Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Пермь, 1889–1897. Вып. I–VII; *Пермский Сборник.* М., 1859; *Смышляев Д.* Сборник статей о Пермской губ. Пермь, 1891; *Куropтeв М. И.* Слободской уезд Вятской губернии в географическом и этнографическом отношении. Вятка, 1881; *Никонов Б.* По реке Вятке. Картины и очерки // Ежемесячное Приложение к Ниве. М., 1900. С. X–XI; *Песни северо-восточной России.* Записаны А. Васнецовым в Вятской губ. М., 1894; *Зеленин Д.* Песни деревенской молодежи. Записаны в Вятской губ. Вятка, 1903; *Степановский И. К.* Вологодская старина. Историко-археологический сборник. Вологда, 1890; *Смирнов Н. И.* Пермь. Казань; *Степановский И. К.* Вотяки. Казань, 1890; *Он же.* Черемиса. Казань; *Богаевский П.* Мултанское моление вотяков в свете этнографических данных. М., 1896; *Столетие Вятской губернии.* Сборник материалов к истории Вятского края. Т. I–II. Вятка, 1880–1881; *Памятные книжки Пермской и Вятской губ. за разные годы.*

5. *Красных В.* Этнопсихоллингвистика и линвокультурология: курс лекций. М., 2002. С. 179–180.

З. В. Сметанина

**ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА
ИЗ ТРУДОВ Д. К. ЗЕЛЕНИНА
В «ОБЛАСТНОМ СЛОВАРЕ
ВЯТСКИХ ГОВОРОВ»**

В статье анализируется судьба отдельных лексем и обозначающих их реалий, зафиксированных в трудах Д. К. Зеленина, в соотношении с информацией в «Областном словаре вятских говоров».

The article examines the fate of individual lexemes and their meanings recorded in the works of D. K. Zelenin, in relation to the information in the "The regional dictionary of Vyatka dialects".

Ключевые слова: вятские говоры, диалектная лексикография, лексико-семантические группы.

Keywords: Viatka dialects, dialect lexicography, lexical-semantic groups.

Прошло более 110 лет с того времени, как молодой подающий надежды студент Юрьевского (ныне Тартуского) университета, уроженец Вятской земли Дмитрий Константинович Зеленин предпринял первую диалектологическую экспедицию в Яранский уезд родной губернии летом 1901 г. В 1902 г. последовала вторая экспедиция, в которой исследовались Вятский, Котельничский и Слободской уезды. Результаты этой работы представлены им в «Отчетах...» [1], статье «Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губернии» [2].

Его труды на научном поприще продолжались более пятидесяти лет и не потеряли своей актуальности и сегодня. «Безусловно плодотворным и ценным для науки сегодняшнего дня является зеленинское широкое понимание этнографии как дисциплины историко-филологической, как науки о народе, изучающей не только быт, способ хозяйствования, семейный и общественный уклад, магические действия, ритуалы и верования, но и в значительной степени устную словесность, язык и происхождение этнических групп, что как будто относится уже к смежным дисциплинам – к фольклористике, лингвистике, истории» [3].

Вятский период научной деятельности Д. К. Зеленина подробно освещён и проанализирован в статье Е. П. Лупповой в сборнике «Проблемы славянской этнографии» (к 100-летию со дня рожде-

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Кировской области, в рамках проведения научного исследования «Историческая глубина традиций этнокультурного ландшафта Кировской области (по местам экспедиций Д. К. Зеленина)», № 13-14-43602.

ния члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина [4], высокую оценку диалектологическим работам дали Н. И. Толстой и С. М. Толстая в этом же сборнике в статье «Д. К. Зеленин-диалектолог» [5].

Цель данной статьи – представить часть лексического материала, собранного Д. К. Зелениным, в соотношении со структурой словарных статей «Областного словаря вятских говоров» (далее – ОСВГ) с целью проследить судьбу отдельных лексем и обозначаемых им реалий в говорах.

Разнообразный лексический материал, собранный Д. К. Зелениным, вошел в «Областной словарь вятских говоров», который является сводным словарем, включающим в себя неоднородную разных временных срезов лексику, зафиксированную на протяжении XIX–XXI вв. различными собирателями. При отборе и иллюстрировании словарного материала во всех выпусках ОСВГ использовались различные источники. Считаю важным представить их, поскольку все они позволят извлечь разнообразную информацию для рассуждения о жизни «зеленинской» лексики в пространстве диалекта. Эти источники следующие:

1. Картотека «ОСВГ», собираемая в течение нескольких десятилетий силами преподавателей и студентов Вятского государственного гуманитарного университета (ранее педагогического института и педагогического университета). Материалы собирались во время диалектологических экспедиций студентов во главе с преподавателями во все районы области (в 50–80-х гг.); в период диалектологической практики по Программе ЛАРНГ (в последующие десятилетия до настоящего времени).

2. Фонетический фонд лаборатории по изучению вятских говоров и фольклора, содержащий более 550 часов записей диалектной речи жителей Кировской области. Часть записей опубликована в Приложении № 8 к Бюллетеню Фонетического Фонда русского языка (Е. Н. Мошкина. «Вятские говоры»: звучащая хрестоматия. Вятка; Бохум, 1999).

3. Печатные и рукописные авторские словари и словники конца XIX–XX в., среди которых «Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора» Н. М. Васнецова (1907 г.), труды В. К. Магницкого; труды Д. К. Зеленина, Л. И. Горевой («Материалы для словаря Вожгальского района Кировской области»); краеведов 50–90-х гг. XX в. Г. А. Котельникова, В. И. Нечаева, В. Г. Пленкова, Б. М. Золотарёва и др.

4. «Словарь русских народных говоров» (СРНГ), который служил как источник для уточнения и проверки собранного материала. Кроме того, авторы словаря ставили своей целью, давая ссылку на СРНГ, показать, какие вятские слова лексикографируются впервые.

5. «Вятские губернские ведомости» за 1848 г., в которых печатался словарь вятских слов. Он

составлен по инициативе Российского географического общества при содействии штатных смотрителей училищ Вятской губернии.

6. «Хрестоматия вятских говоров» В. Г. Долгушева.

7. Художественные произведения вятских писателей и публицистов В. Н. Крупина, Л. М. Лубнина, Ю. К. Петухова, В. А. Ситникова, А. А. Филева, М. Чебышевой, Г. Горева, Л. С. Фалалеевой, Л. П. Потаповой и др. Цитаты из произведений включаются в иллюстративную часть словарных статей.

Источники приводятся в такой последовательности: сначала в алфавитном порядке указываются авторы словарей и словников (фамилии даются без сокращений: напр., Васнецов, Зеленин, Котельников, Пленков и др.), за ними – другие источники, напр.: «Вятские губернские ведомости» (Вят. губ. вед.), «Словарь русских народных говоров» (СРНГ).

Таким образом, полная информация в словарной статье о том, кем и в какое время фиксировалось то или иное слово, ареал его употребления, использование его вятскими писателями, позволяет проследить либо процесс устаревания, забывания лексемы, либо, напротив, развитие многозначности, расширение ареала, активное употребление её диалектоносителями.

Принципы сбора и представления диалектного лексического материала были заложены Д. К. Зелениным уже в студенческие годы: он был сторонником единого этнолингвистического подхода к диалектной лексике, поскольку она отражает материальную и духовную культуру народа. В современной диалектной лексикографии отсутствие этого подхода компенсируется выпусками специальных этнолингвистических словарей [6].

Студент Д. К. Зеленин включает в отдельные словарные статьи подробные сведения этнографического характера, цитаты из фольклорных жанров, указание на краеведческую литературу, делая отсылки к другим своим статьям. Приведём примеры:

Бисерьь. Очень удачно предположение А. Жилина (Изв. Каз. Общ. Ист. Етс., т. VI), что это слово получилось из висель (см. *iv.*; от висеть: ковш – нечто висящее); очевидно, по ложной аналогии с бисер.

Колотый спас. Так называют икону Преображения в Верховском (Орл. у.), по преданию, некогда расколотую черемисами. Главные празднества: 23–25 декабря, 6 августа и в первое воскресенье после Покрова. В декабре, между прочим, привозят под свято мясо (см. ниже молёбная скотина). Литература: В. Г. Вед. 1874. № 1 (ст. «Одна из замечательных вятских древностей» и брошюра П. Макарова). См. выше: гиблое.

Подтачивать. О комарах: кусать. Срв. известную поговорку: комар носа не подточит. В песне (Васн. П. Р. 83):

...Мушки, блошки не кусают, не едят.

В словарных материалах Зеленина содержится указание на происхождение слов, так, например, к слову *арак* в значении «вино, водка» он пишет: «Черемисское слово, но употребляется русскими». В настоящее время слово вышло из активного употребления. Относительно слова *перепечи* – «пресные шанежки с рубленным мясом вместо творога», Д. К. Зеленин замечает: «кушанье это заимствовано русскими у вотяков, у которых носит теперь то же название».

В статье «Дополнительные и критические замечания о вятской лексике», помещённой в «Отчете...» [7], Зеленин объясняет методы сбора материала, отдавая предпочтение прямым вопросам, «как зовут у них в деревне тот или иной предмет, а то и вообще: говорят ли у них так-то и так-то?». По его признанию, без этого метода «не мог бы познакомиться и с пятой долей... и ограничился бы обрывками лексики». Важным также считал метод анкетирования, сбор материала с помощью местных краеведов.

Зеленинский лексический материал был написан и помещён в картотеку ОСВГ в свое время из различных его трудов, прежде всего из «Отчета...» [8], в котором словарь включен отдельной важной частью. Но таково свойство истинно научных кропотливых исследований: они неисчерпаемы, и внимательное чтение многих его трудов позволяет извлечь важную лингвистическую информацию. Обратимся к короткой записке в Вятскую ученую архивную комиссию, в которой Д. К. Зеленин изложил мысли о важности обращения к диалектным словарям при чтении исторических текстов и составлении исторических словарей. Отметив одну из грубых ошибок (замену в рукописи слова «оторища» на «урочища»), допущенных вятским историком А. С. Верещагиным при издании «Жалованной правой грамоты 1693 г.», Зеленин пишет: «Между тем едва ли не каждый нолинский мужичок знает, что «отарами» («отар нарубить») зовутся колья с необрубленными сучками, а в дальнейшем также и мелкий лес, пригодный на такие колья; «отарищем», значит, будет такое место, где был такой мелкий лесок» [9]. К сожалению, слово «отарище» в свое время не было извлечено из «Докладной заметки...» и поэтому отсутствует в ОСВГ. Собранные воедино сведения о слове *отара* показывают, что развитие значения этого слова шло по линии метонимии: в Уржумском, Малмыжском, Вятскополянском районах оно употребляется во множественном числе в значении «пристройка из жердей, загон для скота» (*Загони корову в отары; Летом скот находится в отарах даже но-*

чью), в единственном числе – хлев и дом со всеми пристройками.

Благодаря Зеленину будет составлена более точная словарная статья в последующих выпусках ОСВГ к слову «*шабала*» и даст материал для учёных, которые занимаются этимологией. В «Расходной книге И. Репина 1676–1677 гг.» есть запись: «Берёзовского стана у Исака Дружинина купил три шабалы на воеводцкой двор, дано две деньги» [10]. Зеленин пишет: «А. Верещагин приводит для объяснения цитату из статьи С. В. Максимова о том, как делают деревянные ложки: шабалой называют при этом осиновою плаху, которую потом колют на «баклуши» для ложек («Труды». 1905. № 5–6. С. 49). Но для чего же были нужны такие шабалы для ложек на «воеводцкой двор»? Кто здесь делал ложки, когда корыта, ушаты, «окончины», уполовники и все подобные вещи покупались за деньги? Да и для ложечных шабал была бы дорога по тому времени цена: две деньги за три шабалы. Из говорков мы знаем, что шабалою называют, между прочим, особый вид поварёнки (шумовки, уполовника), с отверстиями в лодочке или же плетёной (вроде камышевки)» [11]. Какие материалы к данной лексеме содержит картотека ОСВГ? Во-первых, слово *шабала* фиксируется только в Шабалинском (!) и граничащем с ним Свечинском районах в значениях «деревянная чашка» (*Целую шабалу квасу вытила*), «чашка для валяния хлебов перед выпечкой». В других районах Кировской области были иные приспособления для придания формы тесту: в так называемых кайских говорах (Афанасьевский и Верхнекамский районы) распространена *валюшка* (*валентайка, валятушка*) – «плоское приспособление из дерева, по форме напоминающее теннисную ракетку», в группе котельничско-вятских говоров (Слободской, Куменский, Кирово-Чепецкий и другие районы) для этой цели использовались *кореники* (*корешатики, кореноватки, корновайки, коренушки*) – чашки, сплетённые из корней дерева, *чаруши* – в Зуевском районе. В значении же «половник» употребляется слово *шабалка* в Вятскополянском, Зуевском, Кумёнском, Малмыжском, Уржумском районах.

Во-вторых, слово *шабала* употребляется в переносном значении для характеристики «пустоголового человека». В «Вятских губернских ведомостях» (1877. № 49) отмечается значение «человек, говорящий вздор». Поскольку Шабалинский район Кировской области граничит с Костромским, можно учесть материалы статьи С. В. Максимова и предположить, что первоначально словом *шабала* называли деревянную плаху, из которой и изготовлялась та или иная кухонная утварь (ложки, половники, чашки), а позднее стали называть и сами изделия. У Даля в толковании указывается «всякая щепенная по-

суда». Представляется не случайным и название поселка Шабалино в Шабалинском районе, где по-прежнему есть производство изделий из дерева (в селе Шохорда). По материалам словаря В. И. Даля и материалам картотеки ОСВГ, *шабала* – это и «сошной отвал, полица». В картотеке ОСВГ большое количество карточек это значение передают словом *шабалка*. Приделанная к русской сохе, которая только прочерчивала землю, но не переворачивала её (на подсеках это и не было нужно, так губился бы плодородный слой), *полица (шабалка)* откидывала пропаханный пласт земли в сторону. Слова ли это одного происхождения, сказать трудно. Нельзя отрицать сходство операций при изготовлении посуды и полицы из деревянной плахи, не случайно у Даля употреблено слово «щепенная». Очевидно, некое сходство функций лежит в основе номинации действий при точении косы – *шабалить (Ты коси, а шабалить-то я буду*. Пижанский район). Слово *шабала* в значении «отвал у сохи» есть в словаре удмуртского языка. Но Д. К. Зеленин в работе «Русская соха...» опровергает гипотезу о «заимствовании от финнов каких-либо сельскохозяйственных орудий». Он утверждает, что «у эстов нет своего, туземного названия для сохи, а одно русское *Sahk*, другое – шведское (*Ader*)» [12]. Фасмер же предполагает заимствование слова *шабала* из чувашского языка [13]. В современных словарях чувашского языка в Интернете не удалось найти указанного слова.

Из материалов, собранных Д. К. Зелениным в Вятской губернии, наиболее всего сохранились в активном употреблении диалектоносителями лексемы, обозначающие реалии природы и предметы домашнего быта.

В тематической группе «Природа» можно выделить наименования растений: *гигельник*, *дедюлька* – «растения борщевик из сем зонтичных *Geraclium sibiricum* L.», *ёлушки* – «весенние ягоды на ёлках», *елоха* и *елишна* – «ольха», *кашка* – «мужские соцветия сосны или ели», *пест* – «растение хвощ полевой и его побеги из сем. хвощевых *Equisetum arvense* L.», *жаровиха* – «клюква», *земляна*, *земляница* – «земляника», *короветник* – «белый гриб», *галанка* – «брюква», *нива* – «обобщенное название всех овощей»; погодных явлений: *калега* – «слякоть, мокрый снег, непогода», *заволока* – «дождевая туча», *ёлица* – «метель»; особенностей ландшафта: *елох* – «топкое низменное место; болотистый покос», *зауморинны* – «угористые места в полях, где весеннюю водою и ливнями сносит удобрение», *ложбень* – «ложбина», *глуботина* – «глубина». Устаревшим является лишь значение слова *материк* как «фарватер реки».

Заметим, что словарная статья к слову *гигельник* у Д. К. Зеленина содержит не одно диалек-

тное название растения борщевик из сем. зонтичных *Geraclium sibiricum* L., а целых три с указанием ареала: *гигельник* (Юрьево, Камешница), *борш (борщ)* в Пасегове, *тиканы* в Люк (Са-рап. у.)

Некоторые наименования растений в вятских говорах характеризуются многовариантностью употреблений, к примеру ряд слов, называющих белый гриб: *коровенник*, *короватик*, *короватник*, *коровик*, *короветник*, *коровельник*, *коробник*, *коробняк*, *коробяк*, *коробятник*, *коробятник*. Приведём пример словарной статьи из ОСВГ с перечисленными существующими вариантами лексемы, указанием ареала (районы здесь представлены без сокращений, слово распространено повсеместно), источников, иллюстрацией из художественного произведения вятского писателя:

ПЕСТ², ПЕСТИК, ПЕСТЫШ и ПЕСТОВНИК, м., чаще во мн. Растение хвощ полевой и его побеги из сем. хвощевых *Equisetum arvense* L. *Настой из пестов хорош при болезнях почек*. Березники, Юрьянский. *На поле весной много пестов. Насобирают, промоют, порубят и варят селянку*. Верхошижемский. *Из пестов пекут пироги*. Оричевский. *Пошли по песты, они у нас на оржаном поле растут*. Кикнурский. *И куколь ели, и песты ели, мы робёнки дак боллё песты любили, всё их таскали*. Арбажский. *«На рынке торговали всем: старыми кухонными столами и пайками хлеба, дровами и самосадом, молодым хвощом, который зовут у нас пестами, и только что снятым нательным бельем, железным хламом и водкой»* (Ситников «Русская печь»; Зеленин, Золотарев, Нечаев; СРНГ).

Крестьянский быт характеризует многочисленная группа слов, куда входят лексемы, обозначающие различную утварь, наименования одежды и обуви, пищи и т. д., напр.: *кошуля* – «шуба из овчины, крытая сукном», *верхница* – «мужская белая холщовая рубаха», *клинчатник* – «сарафан с клиньями», *моршенёк* – «праздничный головной убор молодой замужней женщины», *мусник* – «хлебное изделие, испечённое из двух видов муки, при этом жидкое пресное (или дрожжевое) тесто из второй муки служит в качестве наливки на основной дрожжевой (или пресный) сочень», *дежень* – «блюдо из толокна, густо замешенного на кислом или вареном молоке, политого пресным молоком», *завариха* – «каша из любой муки, завариваемой в кипящей воде», *кулага* – «кушанье, приготовленное из солода и муки, сладко-кислого вкуса», *горшовник* – «тряпка для прихватывания чугунов и горшков», *лоток*, *сеяльница* – «доска, над которой просеивают муку», *зобня* – «корзина, сплетенная из ивовых прутьев или бересты», *лопатка* – «брусочек для заточки кос», *пестерь* – «приспособление (короб, кузов, коробка, чаще с крышкой) для переноски поклажи на спине».

Распространённое бытование слова в диалекте подтверждается наличием вариантов и развитием значений. Так, например, слово *пестерь* в вятских говорах приобрело множество вариантов (*пестерь, пестель, пещер, пещерь, пещор, пещур, пещурь, пестель, пестёрка, пещорка, пестерюха*) и переносных метафорических значений, характеризующих толстого, неповоротливого, неуклюжего, грубого, невежливого, упрямого человека. С этим словом связан забавный анекдот: «Ехал однажды вятский мужичок на подводе, обронил котомку, да не заметил сначала. А сзади ехал другой мужик, не вятский. Подобрал он эту котомку, посмотрел, что в ней лежит, и едет себе, как ни в чем не бывало. Вятский мужик хватился наконец своей котомки, поворотил лошадь назад, увидел едущего навстречу ему ездока и спрашивает его: “Не нашел ли ты пестерь?” – “Котомку нашел, а пестеря не видел”, – отвечает тот. – “Да что у тебя в пестере-то было?” – “Копанец, два лупанца, две растрясеньки, да две загибеньки”. Вятский мужик сказал: “Ну, это не моё!” и поехал восвояси» [14].

Наименование блюда *кулага* («кушанье, приготовленное из солода и муки») имеет широкий ареал. Насколько ценили это блюдо на Вятке, можно понять по анекдотическому эпизоду в книге Семёна Веснина «Вани-вятчане». Новому воеводе, назначенному на Вятку, решили подать корчагу кулагы, но вышла неудача: у того, кто нёс блюдо, развязался лапоть, даритель упал, корчага разбилась, содержимое растеклось. Получился большой скандал, закончившийся поркой дарителей.

Большое внимание уделял в своих записях Д. К. Зеленин наименованиям праздников и обрядов, блюд, которые готовились на свадьбы, поминки и другие ритуальные действия. Но именно эта группа слов и словосочетаний имеет узкий ареал и не подтверждается современными фиксациями: *канун* – «нехмельное пиво, которое приносят в Ильин день в церковь для освящения», *братчаники* – «их двое или трое; они собирают на мольбу хлеб, варят из собранного пиво, а остатки прикладывают в церковную казну», *караваец* – «род свадебного пирога своеобразной формы, готовится так: скуч сочень, наложат на него мяса с луком или с крупой и загибают – собирают переборочками кверху, а вверху кладут маленький сочешок», *подавай* – «пиво, которым в день свадьбы угощают публику, собравшуюся у церковной ограды или в одной из церковных сторожек», *куричьа братчина* – «особый обед по обещанию».

Этимологию большого вариантного ряда одного из терминов свадебного обряда *пропивки, пропивышки, пропив, пропой, пропиванье* – «смотрины, сговор» мы находим в монографии

Д. К. Зеленина «Восточнославянская этнография» [15]. Ученый предполагает, что *пропой* является однокоренным с «петь» (а не с «пить»), современное же толкование связывает термин не с пением, а с питьём вина. Иллюстрации к термину в ОСВГ подтверждают это, поскольку в них нет сведений о том, чтобы во время сговора пели: *Как свальбы заводят, ходят сватающа. Свата тья ходила, сватала. Нахвалит невесту, жениха. Пропивки сделают, невесту пропьют. Потом ходит жених к невесте с гостинчам. Наберёт преников, орехов, конфетов. Колды долго дело затенёцца, дак сколь раз придёт [16]. Свальба была, венчелся, пиво варили. Свата к невесте пошлют, сосватают. Жених приедёт, невесту ему кажут. У татар ведь не показывали. Потом пропивки сделают, в поезду-ту к венчу поедут [17].* Мотив питья присутствует и в наименованиях второго, третьего дня свадьбы, послесвадебных празднеств: *перепивки, перепои, перепойки, перегощение*.

Исчезли из активного употребления те наименования, с которыми связаны некие обрядовые, традиционные действия. Так, например, к терминологическому сочетанию *заречный лук* – дикий лук, растущий на луговом берегу рек Вятки и Моломы, Зеленин пишет следующее: «За луком ходят особенно на другой день после Троицы, толпами, превращая работу в гулянье: с пеньями и веселыми похождениями молодежи. Из луку, прибавляя к нему овсяной крупы, пекут пироги. В Вятке и особенно в Котельниче зарешной лук продают во второй половине июня в громадном множестве».

Как показывают материалы ОСВГ, экспедиции в районы области, традиции старинных свадебных обрядов исчезли давно, но лексика еще помнится многими информантами. Из традиционной народной культуры прошлого века сохраняются те праздники и обряды, которые связаны с православием, например, *Паска, Рождество, Звиженье, Радольница*. Д. К. Зеленин записывает выражение «пригородных вятских крестьян» *девичий праздник* из короткой информации в «Приложении к газете «Вятские губернские ведомости» № 73 за 1902 г.: «В девятое воскресенье (от Пятидесятницы), когда вокруг города ходит крестный ход, – ныне бывшее 6 июня, – состоялся “девичий праздник”, по выражению пригородных вятских крестьян, в который, по обычаю, происходит ярмарка невест. Девицы, чтобы показать себя и свои наряды, одеваются в самые лучшие одежды и ходят по городу». Традиция этого крестного хода возникла давно. В «Повести о стране Вятской» (ок. 1703–1706 гг.) сказано следующее: «По совету священнослужителей, просивших начальствующих городом установить общий праздник ради всенародного

почитания сего образа, те повелели глашатаям в течение многих дней объявлять на торгу всем людям, чтобы все христиане постились первую неделю Петрова поста, начиная от праздника Всех Святых, и в пятый день, то есть в девятую пятницу по Святой Пасхе, совершали в городе Хлынове празднование святителю Николаю чудотворцу и с чудотворным его Великорецким образом, с постом и молитвой обходили вокруг всего города Хлынова, прославляя происходящие от него чудеса. Чтобы всему христианскому народу тот чудотворный образ был видим, и все люди знали, что этот праздник установлен в память явления сего чудотворного образа».

К сожалению, многие крестные ходы и церковные празднования с местными традициями, сопровождающими их, например, описание котельничского праздника «Все святые» в труде Д. К. Зеленина «Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края» [18], были запрещены.

Сам Д. К. Зеленин, фиксируя лексику, характеризующую человека, в статье «Дополнительные и критические замечания о вятской лексике» в «Отчёте...» [19], отмечает синонимическое богатство лексики вятских говоров, приведя список из 46 слов и фразеологических сочетаний, передающих значение «ударить». Число этих глаголов значительно возросло, ряд из них находится в разряде просторечных [ср.: 20]. Таким образом, анализ лексического материала в разных словарях, разделённых целой эпохой, позволяет проследить тенденции в развитии диалектного языка и пронаблюдать изменения в этнографии края.

Примечания

1. Зеленин Д. К. Отчет о поездке в Яранский у. (Вятской губернии) для изучения народного говора. Юрьев, 1902; Зеленин Д. К. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию // Сб. ОРЯС Рос. АН. Т. 76. № 2. С. 1–179.

2. Зеленин Д. К. Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губернии // Живая старина. 1901. Вып. 1. С. 81–96.

3. Толстой Н. И. Труды Д. К. Зеленина по духовной культуре // Д. К. Зеленин. Избранные труды.

Статьи по духовной культуре 1901–1913. М.: Изд-во «Индрик», 1994. С. 10.

4. Душтова Е. П. Изучение Д. К. Зелениным Вятского края // Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Л.: Наука, 1979. С. 83–103.

5. Толстой Н. И., Толстая С. М. Д. К. Зеленин-диалектолог // Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Л.: «Наука», 1979. С. 70–83.

6. См. напр.: Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Пермь, 2009.

7. Зеленин Д. К. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию.

8. Там же.

9. Зеленин Д. К. Докладная записка о подготовке материалов для толкового словаря непонятных слов, встречающихся в древних актах Вятской губернии, и об источниках для этой работы // Труды Вятской учёной архивной комиссии. 1912. Вып. 3. С. 74, 78.

10. Расходная книга И. Репина 1676–1677 гг. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1905. № 5–6. С. 49.

11. Зеленин Д. К. Докладная записка о подготовке материалов ...

12. Зеленин Д. К. Русская соха, история и её виды. Очерки из истории русской земледельческой культуры (с приложением 23 чертежей сохи). Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1908 г. Издание губернского статистического комитета. Вятка, 1908. С. 110.

13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1983. Т. 4. С. 391.

14. Энциклопедия земли Вятской. Т. 8. Киров, 1998. С. 257.

15. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 334.

16. Долгушев В. Г. Хрестоматия вятских говоров. Лексика. Тексты. Контрольные задания для студентов: пособие для практических занятий по курсу «Русская диалектология». Киров, 2009. С. 183.

17. Там же. С. 189.

18. Зеленин Д. К. Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края с 7 иллюстрациями. Юрьев, 1904. С. 152–154.

19. Зеленин Д. К. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию.

20. Сметанина З. В. Лексико-семантическая группа глаголов со значением «ударить, побить; наказать физически» в вятских говорах // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследование. СПб.: Наука, 2010. С. 272–278.

Ю. А. Крашенинникова

**РАБОТА Д. К. ЗЕЛЕНИНА
«СВАДЕБНЫЕ ПРИГОВОРЫ
ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ» (1903–1904 гг.)
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
II пол. XX – нач. XXI в.***

Статья посвящена анализу ранней работы Д. К. Зеленина «Свадебные приговоры Вятской губернии» (1903–1904 гг.), написанной им во время учебы в университете. Особое внимание уделено некоторым положениям, высказанным Д. К. Зелениным при исследовании функций свадебного дружки и анализе свадебных приговоров, которые нашли подтверждение и получили развитие в работах второй половины XX – нач. XXI в.

Article is devoted to the analysis of early work of D. K. Zelenin "Wedding speeches of Vjatka province" (1903/1904), written by him during his university study. The author give the special attention to some positions stated by D. K. Zelenin during the analysis of functions of wedding groomsman and the contents of wedding speeches. Some positions have found confirmation and received development in modern researches (second half XX – beg. XXI century).

Ключевые слова: Д. К. Зеленин, свадебные приговоры, функции свадебного дружки, поэтика и семантика приговоров.

Keywords: D. K. Zelenin, wedding speeches, functions of wedding groomsman, poetic and semantic of wedding speeches.

В научном наследии Дмитрия Константиновича Зеленина есть работа, посвященная свадебному чину дружки и жанру приговоров. Рукопись этой работы хранится в фондах государственного архива Кировской области [1], датирована 10 декабря 1903 г., подписана Зелениным, бывшим в то время кандидатом Императорского Юрьевского университета [2]; впоследствии работа опубликована в «Памятной книжке Вятской губернии» [3] и отдельным изданием [4]. Работа небольшая по объему, состоит из трех частей, первая и вторая при некоторых дополнениях могли бы претендовать на отдельные исследования: в первой части Д. К. Зеленин рассматривает функции дружки, вторая содержит «программу приговоров дружки Вятской губернии» (с. 181). В третьей части публикуются тексты свадебных приговоров, записанные Д. К. Зелени-

ным в 1901, 1902 гг. в Яранском и Слободском уездах Вятской губернии.

Свои наблюдения Зеленин строит на записях конца XIX – нач. XX в., и хотя он привлекает материалы из других традиций, в статье нет широких типологических сопоставлений, имеющих место в поздних работах. Д. К. Зеленин делает ряд заключений, касающихся генезиса функций дружки. В качестве более древней выделяет функцию представителя жениха и активного посредника между родами жениха и невесты, указывая на необходимость подобного друга у жениха «в эпоху "умыкания" невест» (с. 174). Роль церемониймейстера – знатока «свадебных обрядов, порядков и обычаев» – обязует дружку произносить обрядовые приговоры, которые «отличаются <...> частым повторением одних и тех же формул» (с. 174). Отмечает сильное влияние знахарской функции на содержание приговоров, усматривая в некоторых текстах «следы заговоров и особенно апокрифов» (с. 175). Наконец, предлагает свою интерпретацию увеселительной, балагурной функции, которая является далеко «не главной обязанностью дружки» (с. 173). Эта часть работы чаще других привлекает внимание исследователей, которые обращаются к описанию свадебного обряда отдельных локальных фольклорных традиций и регионов и анализируют функции дружки, их эволюцию в обряде, рассматривают атрибуты этого свадебного чина [5].

«Программу приговоров дружки» (с. 181) Д. К. Зеленин составляет на основании сравнительного анализа своих записей и текстов, зафиксированных в разных населенных пунктах Вятской губернии и опубликованных А. С. Безсоновым [6], А. Васнецовым [7], А. Л. Полушкиной [8], И. Суловым [9], П. Трониним [10], П. В. Шейном [11]. В этой относительно небольшой по объему части Д. К. Зеленин предлагает «инвариант» регионального текста свадебного дружки, отмечая ритуальные акты, в которые произносились те или иные приговоры, функциональное назначение каждого текста и стилистические особенности некоторых поэтических образцов.

Третья, самая объемная часть работы, текстологическая, в ней, как уже было отмечено выше, публикуются полевые записи Д. К. Зеленина, сделанные в населенных пунктах двух уездов Вятской губернии. Тексты подготовлены достаточно профессионально, с указанием краткого «паспорта» записи, вариантов из указанных выше публикаций П. В. Шейна, А. Васнецова, А. С. Безсонова, разделением на стихи, комментариями, разъясняющими «неясные» в содержательном плане места, содержащими информацию о «движении» обряда, соблюдением диалектных особенностей и особенностей произношения текстов.

* Статья написана на основе доклада, прочитанного на конференции «Формы и способы организации памяти в традиционной и современной культуре», посвященной памяти Д. К. Зеленина (Санкт-Петербург, 6–8 ноября 2008 г.).

Многие наблюдения и идеи Д. К. Зеленин высказывает в общей форме, зачастую лаконично, что, однако, не уменьшает их значимости. Позже, в исследованиях второй половины XX в., эти наблюдения будут развернуты и подкреплены новыми материалами. Мы остановимся на нескольких сюжетах из опубликованной статьи и рукописи, которые в исследованиях последних десятилетий получили развитие и новое осмысление. Так, более подробно Д. К. Зеленин рассматривает балагурную функцию дружки, хотя она, по его замечанию, «далеко не единственная, и даже не главная обязанность» (с. 173). Приговоры богаты «разного рода шутками и прибаутками» (с. 173), сатирическими мотивами, «язвительной сатирой», получающей «новый смысл – посмеять присутствующих» (с. 178–179), в приговорах проявляются «проблески общественной сатиры» (с. 178).

Появление балагурно-шутовских приговоров, развитие сатирических мотивов в поэтических текстах Д. К. Зеленин трактует с «исторической точки зрения» и объясняет следствием враждебности двух родов, перешедшей в процессе изменения обряда «из области действия в область слова» (с. 176), отказываясь рассматривать балагурство дружки как явление исключительно психологическое, вызванное «желанием дружки “занять” собравшихся гостей и развеселить пригорюнившихся родных невесты» (с. 180). Очевидно, отчасти благодаря этой статье в работах, посвященных чину свадебного дружки и анализу его текстов, закрепляется термин «балагурно-шутовские» приговоры; приписывание «балагурно-шутовского материала» [12], который обнаруживается в приговорах, традиции скоморохов, понимание балагурства как проявления «эстетического отношения к обряду», «нравственной крепости и оптимизма народа-художника» [13].

Работы, посвященные структуре и семантике ритуала, подтверждают высказанные Д. К. Зелениным соображения относительно «балагурно-шутовского материала» довенечной части свадьбы. Исходя из того что ритуал – это совокупность совместных мероприятий, предпринимаемых коллективом для стабилизации миропорядка и сохранения всеобщего благополучия, способ преодоления критических жизненных ситуаций, главная цель его – осуществить «переход» индивида в другую социально-возрастную группу, закрепить за ним новый статус и декларировать это событие [14]. С этой точки зрения все средства ритуала, в том числе и вербальный компонент, направлены на этот результат. Юмористический, сатирический элемент в приговорах не является исключением, он, как справедливо замечает Д. К. Зеленин, не служит цели исключительно развлекательной, его появление обусловлено семантикой обряда.

С этой позиции мы обратились к тем же самым текстам, которые анализировал Зеленин. В частности, в характеристиках присутствующих на свадьбе зрителей он усматривал «проблески общественной сатиры», замечая, что «сатирические мотивы подобного рода одинаковы в свадебных приговорах самых разных губерний Европейской России» (с. 178–179). Другие исследователи также отмечают поразительную стойкость, однотипность и широту географического распространения характеристик незамужних девушек и холостых парней, детей, подростков, женщин и мужчин, пожилых людей [15], объясняя их «включение» в приговоры, в частности, необходимостью получения благословения от всех присутствующих [16].

Действительно, собирательные образы «крестьянского мира» [17] представлены в текстах, посредством которых дружка просит о благословении (перед отъездом к венцу, первой брачной ночью и проч.) или приветствует всех при входе в дом. В этих текстах коллективные описания участников и зрителей ритуала строятся в виде «перечней»: при перечислении максимально учитываются половозрастные группы (пожилые люди, дети, подростки, состоящие и не состоящие в браке персонажи), родство, социальное положение, расположение в доме (в кути, за печью, около порога), наличие профессии и др.; наряду с людьми упоминаются предметы интерьера и утварь. Описания нейтральны, близки по содержанию заговорам «на всеобщую любовь» [18].

Не менее стабильны по вербальной манифестации негативные, уничижительные характеристики присутствующих на свадьбе зрителей, которым Д. К. Зеленин уделяет преимущественное внимание. Анализ текстов, записанных в разных регионах России, показал, что эти персонажные описания действительно имеют близкую вербальную манифестацию, набор поэтических средств для изображения каждой группы достаточно стабилен, перечень параметров, по которым конструируются групповые характеристики, сходный. Так, при изображении детей и пожилых людей акцентируется внимание на деталях внешности и одежды, особенностях строения тела, называется место пребывания в доме (печь, полати), обязательен мотив ссылки на печь, полати или за пределы дома (например, «заполье» и проч.). Называние частей тела и деталей одежды в поэтических текстах чаще всего сопровождается эпитетом *синий* (*черный* на втором месте по употреблению), делается акцент на телесной неполноценности (*горбатость*, *сутулость*) и кривизне, неровности элементов одежды, подчеркиваются способность этих персонажей нанести ущерб жениху или дружке через выделения (например, брошенной соломинкой или соплей) и связь с маркированными в традиции предметами (соло-

мой, репой, киселем, печью и печными кирпичами и т. д.). Собственно эти характеристики содержат информацию о физической неполноценности, увечности, немощности, ожорстве, уродливости, нечистоплотности, неряшливости, бедности, болезненности персонажей, склонности их к обману и злословию, сделан акцент на том, что они испытали воздействие нечистой силы или связаны с ней [19].

В устойчивой характеристике незамужних девушек – подруг невесты («красные девицы, пирожны мастерицы, горшечны пагубницы, криночные блудницы») актуализируются такие их качества, как отсутствие кулинарных навыков, неспособность к самостоятельному ведению хозяйства, подчеркивается социальный статус девушек и принадлежность к своей семье [20].

Напротив, положительную семантику заключают в себе характеристики молодых женатых мужчин и молодых замужних женщин, мужские характеристики лапидарны, женские, напротив, развернуты, многоцветны, включают эротические мотивы [21]. Положительная информация заложена, прежде всего, в номинировании персонажей; в мужских лаконичных описаниях «добрых молодцев» она дублируется эпитетами *хороший, удалой, молодой, умный*, комплекс значений которых позволяет охарактеризовать присутствующих молодых мужчин как физически развитых, духовно состоявшихся, готовых к браку или уже состоящих в браке (характеризуются физические данные, внешность, сексуальная сила, качества характера: храбрость, смелость, удачливость, успешность, ум, доброта, последние два признака осознаются в традиционных представлениях как проявление божественного, благодати). Единственной выразительной чертой мужских характеристик, на которой делается акцент, является наличие «широкой», «большой» бороды; актуализация этого признака объясняется представлениями о бороде как признаке мужественности, жизненной силы, роста, плодородия, сексуальности [22], отношением к ней как к божественному атрибуту. У замужних женщин («молодых молодиц») перечисляются детали одежды и внешности («золотые кокошники», «красные кокошнички», «серебряны сережки», «долги сарафаны», «белы чулки», «цветны платья», «черные брови», «пригожие взгляды», «покрытые головушки», «гладенькие головушки», «постатные походки» и др.), посредством чего актуализируются такие качества молодых женщин, как статность, дородность, пригожесть, обладание красотой и достатком, усиливающиеся благодаря колористическому коду (золотая, серебряная, красная цветовая гамма). В женских описаниях реализуется тема подтверждения фертильности, которая возникает через упоминание, описание

женских гениталий («Шиты-браные воротки, // Поротые передки...» (с. 193–194), «...Женщины, ходите, // Сикиль по полу не волочите, // Дружка хромой возьмет // Поскользнется да упадет» [23]) или метафорическое описание соития («На улице ходит дубинка, // Набивает брюшко мякишкой, // А потом, смотришь, // Родится детинка» [24] и др.) [25].

Близкий поэтический инвентарь используется в приговорах при изображении жениха и невесты. В ряде фольклорных традиций жених «добр и здоров» [26], «здравен и исправен», в описании жениха угадывается традиционный для заговоров от импотенции мотив «рога» [27], например: «[у жениха] как *рог*, голова как *кий*, а сам как *клин*, а язык как *колоколо*» [28]; откровенные описания жениха с гипертрофированными гениталиями: «*Господи Иисусе Христе, сыне божий наш! // Поднимались на крыльцо // Да у молодого князя несли х... через плечо*» [29] обнаруживают переключки с подблюдными песнями, предвещающими свадьбу, богатство, продолжение рода [30]. Невеста изображена умелой и опытной в сексуальных делах [31], «живущей на большой дороге, целующей и приглашающей на кровать каждого встречного-поперечного»: «...*Говорят, будто бы ваша молодая княгиня // Каждого встречного-поперечного окликала, // <В> уста целовала каждого встречного-поперечного, // Каждому похоркать [32] давала, // На кровать приглашала* [33].

Таким образом, в описаниях молодых женатых мужчин и замужних женщин педалируются те свойства и качества, которыми должны обладать главные персонажи ритуала; в свадебных приговорах обнаруживаются явные переключки в изображении молодых женатых персонажей и молодоженов. Посредством данных текстов жених и невеста вписываются в новую социально-возрастную группу и наделяются исключительно положительными характеристиками – здоровьем, фертильностью, добром, умом, красотой, удачливостью, благополучием. Посредством приговоров с характеристиками детей, подростков, пожилых людей жених и невеста дистанцируются от присутствующих, не готовых к браку, не достигших или перешагнувших рубеж детородного возраста, испытывающих физические страдания, способных навлечь на молодоженов порчу, лишить благополучия.

Персонажи не разделяются на «своих» и «чужих», в текстах актуализируются другие критерии – возрастной, социальной и проч. (здоров – болен, женат – холост, благополучен – неблагополучен, удачлив – неудачлив, способен к продолжению рода – не способен и проч.). Нацеленность ритуала, прежде всего, на невесту [34] объясняет появление в приговорах колоритных жен-

ских образов, эротических характеристик невесты и окружающих ее замужних женщин, а также ограниченность в выборе поэтических средств при описании персонажей «мужского» круга.

Второй «источник шутовского элемента» в свадебных приговорах Д. К. Зеленин видел в загадках, первоначальный смысл загадывания которых забывался, и они превращались в шутки-остроты (с. 180). Важным в этом наблюдении является сама констатация включения загадок в обряд и тексты свадебных чинов. Наблюдения в области загадки [35] позволили внести коррективы в высказывание Зеленина. Очевидно, что загадки включаются в структуру свадебного ритуала в качестве «особого обрядового действия» [36], на что указывают условия и цель загадывания, ритуальные акты, в которых функционирует загадка, тематика текстов и проч. В некоторых локальных традициях зафиксированы загадочные диалоги [37], составленные из связанных друг с другом текстов [38]; используются они в «кульминационных точках ритуала» [39]. К таким ритуальным актам можно отнести по преимуществу два – отпирание закрытых дверей дома невесты и выкуп места для жениха рядом с невестой; в них загадка является «средством ритуального общения и способом снятия противопоставления» между партиями жениха и невесты [40]. В диалогах представителю рода невесты отводилась роль «проверяемого», а дружке – роль «проверяемого», при этом сам процесс отгадывания был «ближе к академическому испытанию, чем к творческому поиску» [41], поскольку предполагал знание дружкой единственно правильного ответа, что подчеркивается собирателями и корреспондентами [42].

Пример «загадочного» диалога, произносимого при выкупе места рядом с невестой, подробно анализирует В. Н. Топоров [43]. Текст, опубликованный С. Я. Деруновым [44], по мнению В. Н. Топорова, представляет собой «загадочный» диалог двух видов – словесно-«предметный» и чисто словесный, граница между которыми определяется окончанием сбора предметов, необходимых в ходе обряда. Первый тип «загадочного» диалога – своего рода проверка дружки на его «практическую» сообразительность, на способность «предметной» идентификации по его непрямоу, метафорическому описанию. Второй тип диалога – проверка дружки на умение не только идентифицировать предмет по его описанию, но и назвать его в слове, найти имя искомого предмета, соответствующее метафоре, содержащейся в вопросе» [45]. Другие записи «загадочных» диалогов, отложившиеся в публикациях и архивах, сопровождающих выкуп места для жениха [46], демонстрируют разные примеры варьирования обозначенных В. Н. Топоровым

словесно-предметных (по терминологии В. Н. Топорова, «загадки-идентификации», ориентированные на сочетание «словесной» формы вопроса и «предметной» формы ответа [47]) и чисто словесных загадок (например, тексты следуют блоками, как в анализируемом В. Н. Топоровым диалоге, чередуются друг с другом [48] и проч.).

Второй ритуальный акт, который сопровождался загадочными вопросно-ответными диалогами пары участников – отпирание закрытых дверей дома невесты. Эти диалоги состоят, во-первых, из атрибутивных вопросов и загадок, служащих для идентификации дружки и получения сведений о женихе и цели его приезда. Во-вторых, космологических загадок с мотивами «сбирания» Космоса, что обусловлено самой свадебной ситуацией и имеет глубинную мифологическую мотивацию: их произнесение имело целью воздействовать на формирование общего для обоих родов пространства, своего рода процесс символического творения Космоса (посредством проигрывания ситуации «первотворения» из Хаоса интегрируется новый Космос) [49]. В числе таких текстов задавались вопросы о «первых людях», сакральных ландшафтных объектах, природных стихиях, животных и вопросы, связанные со знанием христианской «истории». Наконец, в финальной части диалогов следуют загадки-задачи, в которых актуализируется тема добывания невесты; их символическое решение (читай: получение правильного ответа) рассматривалось стороной невесты как подтверждение готовности (умственной и физической) жениха к браку. Эти диалоги характеризуются включением в них текстов или сюжетов самых разных жанров, отсылающих к различным областям традиционной культуры и повседневной жизни (отсылки к «Голубиной книге», волшебной сказке, заговорам, к местным историческим, культурным и биографическим фактам, позволяющим проверить «включенность» прибывших в повседневную жизнь коллектива и проч.) [50].

Выделяя знахарскую функцию дружки, Д. К. Зеленин приводит примеры некоторых осторожных действий дружки и указывает на наличие «следов» заговоров в свадебных приговорах как следствия сильного влияния этой функции (с. 175), в качестве примера упоминая текст, записанный Б. Глинским в Крестецком у. Новгородской губ. [51] Исследователи указывают на близость свадебных приговоров и заговоров на уровне поэтики и элементов композиции [52], их сближение в сознании носителей традиции и исследованиях наблюдается в дефинициях и характеристике манеры исполнения [53]. Сравнительный анализ заговорно-заклинательных жанров и свадебных приговоров показал наличие в последних характерного для заговорно-заклинательной поэзии поэти-

ческого инвентаря. Свадебные приговоры достаточно активно используют типичные для заговорной традиции мотивы, сохраняя при этом семантику и в ряде случаев вербальную манифестацию (например, заговорные мотивы «посещение потустороннего мира и встреча с чудесным помощником», «чудесное одевание», эротический мотив «рога» и проч.), характерный для заговорно-заклинательной поэзии поэтический инвентарь: типичные элементы языка и стиля (формулы, типизированные описания, стилистические обороты и проч.), элементы образной системы; специфические языковые конструкции [54].

Еще один сюжет, на котором мы хотели бы остановиться, связан с рукописью статьи Д. К. Зеленина, хранящейся в фондах государственного архива Кировской области. В рукописи, кроме основного текста, опубликованного полностью и без купюр, содержится Приложение, в котором Д. К. Зеленин приводит девять причитаний невесты, записанных в Яранском у. Вятской губ. [55] Публикация текстов сопровождается кратким комментарием, касающимся специфики свадебных жанров: «В “привываниях” или “причетах” невесты допускается полный простор для импровизации. И это обстоятельство, равно как и исполнение причетов речитативом, несколько приближает последние к приговорам дружки. Обычно, однако, причеты эти очень однообразны: они передаются вместе со свадебными песнями по традиции...» [56]. Таким образом, Зеленин отмечает импровизационный характер и манеру исполнения как два характерных признака, по которым сближаются причитания и приговоры [57].

Приведенная выше цитата высвечивает типологические показатели жанра. Собственно сближение причитаний и приговоров наблюдается на нескольких уровнях. Во-первых, в народной среде и исследованиях в числе довольно широкого спектра обозначений свадебных приговоров [58] выделяются номинации, на формальном уровне подчеркивающие близость этих двух жанров. В экспедиционных записях [59], архивных материалах, датируемых XIX – нач. XX в. и научно-очерковой литературе зафиксированы в том числе и такие названия приговоров, как *свадебные причеты* [60], *причитания дружек* [61], *стихотворные причеты* [62] и др. При характеристике манеры исполнения текстов используются словообразовательные дериваты *причитывать*, *причитать* и связанное с ними сочетание *читать* (вар.: *говорить*) *причеты*, делается акцент на наличии такого фактора, как рифма [63], характеризуется способ произведения текстов (*речитатив дружки* [64]).

Комплекс значений лексемы «причет», зафиксированных в словарях (диалектной лексики, толковых и др.), примеры использования глаголов

читать, *начитывать*, *причитать* и *говорить* в народной среде для характеристики манеры исполнения как приговоров, так и причитаний [65], позволили предположить, что подобная «синонимичность», встречающаяся при характеристике обоих жанров, свидетельствует об их близости в народном сознании по манере исполнения; и именно это, на наш взгляд, подразумевал Д. К. Зеленин, комментируя небольшую подборку вятских свадебных причитаний.

Во-вторых, причину текстологической, семантической близости причитаний и приговоров называет Г. А. Левинтон: оба жанра принадлежат одному обрядовому комплексу, и оба текста свадьбы [66] (мужской представлен, в основном, приговорами, женский – причитаниями и песнями) «на одном языке» [67]. Наиболее важные темы (прощание с девичеством, «получение» невесты и проч.) многократно «проговариваются» участниками ритуала в различных свадебных жанрах; исследователи указывают на повторение одних и тех же мотивов, сюжетных элементов, стереотипных формул в разных текстах свадьбы [68]. Можно говорить о существовании общего тематического и стилистического репертуара, характерного для разножанровых свадебных текстов, и примеров текстологических «схождений» довольно много [69].

Наконец, несколько слов по поводу импровизационного характера жанра приговоров, о чем также упоминает Д. К. Зеленин. Так, в качестве одной из жанровых характеристик приговоров К. В. Чистов отмечает «нарочитую установку на импровизацию», т. е. установку на создание текста в процессе его исполнения [70], оговариваясь, однако, что импровизация в этом случае опирается на определенный запас речевых «заготовок» – формул, рифм и т. д. [71] Очевидно, об этом свойстве жанра можно говорить в случае его функционирования в обряде. Однако даже в обрядовой ситуации тексты, которые регулировали движение обряда, комментировали и организовывали ритуальные акты, «продвигали» обрядовое действие, в записях из разных локальных традиций выглядят довольно «однообразно». Анализ современных записей, сделанных в необрядовой ситуации [72], показывает, что вряд ли есть смысл говорить о сохранении жанром «установки на импровизацию» [73]. Анализируемые тексты не обнаруживают «достаточную свободу воплощения при каждом новом исполнении» [74], демонстрируют малую степень импровизации при декламировании и почти полное отсутствие процесса «усовершенствования традиционного текста» [75]. Об этом процессе и возможных его последствиях достаточно четко высказывался П. Г. Богатырев: «При каждом исполнении традиционной, известной слушателям сказки, песни, пьесы и т. п. исполните-

лю необходимо вносить импровизацию, чтобы известная коллективу песня или сказка зазвучала по-новому. Ведь если бы во все виды народного искусства не вносилось импровизации, традиция стала бы штампом. Произведение механизировалось бы, потеряло бы одну из своих основных функций – воздействие на слушателей – и постепенно должно было бы исчезнуть из фольклорного репертуара» [76].

Сопоставление записей последней трети XX – нач. XXI в. показало, что большей жизнестойкостью в традиции и памяти информантов обладают тексты, которые регулируют «движение» обряда, перемещения и действия персонажей, т. е. содержат информацию о «динамике» той части ритуала, в которой дружка принимал непосредственное участие. Такая устойчивость объясняется включенностью жанра в обряд, «сценарий» которого поддерживает фольклорное знание, другими словами, принадлежностью жанра двум системам – фольклору и ритуалу [77], т. е. обрядовый «контекст» является одним из стабилизаторов сохранения текстов в традиции и памяти носителей. Способностью «удерживать» тексты в памяти информантов обладает рифма, усиление которой регистрируется в более поздних по времени фиксации поэтических образцах [78]. Констатируем обеднение содержательного плана тех текстов, которые передают состояние персонажей и окружающей обстановки, эмоциональную реакцию героев и проч. Отметим отчетливое стремление информантов к стереотипии как формульных, так и неформульных сегментов, стереотипия наблюдается в контекстных высказываниях и комментирующих строках, которые даются информантом в ходе интервью, местоположении и выборе невербальных средств выразительности (смех, интонация), которые привлекаются информантом в процессе декламации [79].

Таким образом, мы представили лишь некоторые наиболее рельефные моменты, высказанные Д. К. Зелениным в работе «Свадебные приговоры Вятской губернии» и получившие развитие в современных исследованиях: некоторые из них подтверждаются, некоторые в контексте новых материалов и исследовательских подходов корректируются, дополняются, что, впрочем, вовсе не умаляет достоинств анализируемой работы.

Примечания

1. ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 511. Л. 358–380.
2. Там же. Л. 384.
3. Зеленин 1904 – Зеленин Д. К. Свадебные приговоры Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1904 год. Вятка, 1904. С. 173–208 (Далее ссылки на это издание будут даваться в тексте с указанием страниц).
4. Свадебные приговоры Вятской губернии / Записал и снабдил примечаниями Д. К. Зеленин. Вятка, 1904.

5. Гура А. В. О роли дружки в севернорусском свадебном обряде // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979. С. 162–172; Крашенинникова Ю. А. Дружка и его функции в свадебном обряде // Традиционное мировоззрение и духовная культура народов Европейского Севера: тр. ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Вып. 60. Сыктывкар, 1996. С. 54–64; Крашенинникова Ю. А. Дружка в севернорусской свадьбе: о некоторых условиях выбора и атрибутах // Narodna tvorchist' ta etnografija. 2007. № 2. С. 30–38; Кузнецова В. П. Дружка и его роль в русской свадьбе Заонежья // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. С. 95–104; Самоделова Е. А. Дружка и его помощник // Мужчина в традиционной культуре. М., 2001. С. 28–47 и др.

6. Безсонов А. С. Приговоры Уржумского уезда // Вятские губернские ведомости. Приложение. 1901. 24 февр.

7. Васнецов А. Песни Северо-Восточной России. Песни, величания и причеты, записанные в Вятской губернии в 1868–1894 гг. М.: Типолит. Д. А. Бонч-Бруевича, 1894.

8. Полушкина А. Л. Поверья, обряды и обычаи при рождении, браке и смерти крестьян Слободского уезда Вятской губернии: подготовил к изданию И. Софийский. Вятка, 1892.

9. Суслов И. Из свадебных обрядов Малмыжского уезда // Вятские губернские ведомости. 1901. № 33. С. 1–3.

10. Тронин П. Шестой земский участок Нолинского уезда // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1896 год. Вятка, 1895. С. 214–244.

11. Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах / материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. Т. I. Вып. I, II. СПб., 1898.

12. Власова З. И. Скоморохи и свадьба (К вопросу об эволюции отдельных моментов обряда) // Русский фольклор. Т. XXV. Л., 1989. С. 24.

13. Круглов Ю. Г. Свадебные приговоры как жанр // Жанровая специфика фольклора. М., 1984. С. 77.

14. Байбури А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.

15. Мореева А. К. Традиционные формулы в приговорах свадебных дружек // Художественный фольклор. Вып. II–III. М., 1927. С. 123–124; Круглов Ю. Г. Указ. соч. С. 84.

16. Круглов Ю. Г. Указ. соч. С. 86.

17. Там же. С. 84.

18. Об этом см.: Крашенинникова Ю. А. Межжанровые связи в мифопоэтическом содержании фольклорных текстов (свадебные приговоры – заговоры) // Традиционная культура: науч. альманах. 2009. № 1. С. 34.

19. Подробней см.: Крашенинникова Ю. А. Персонажи в приговорах свадебных дружек: образы участников ритуала // Традиционная культура: науч. альманах. 2006. № 3. С. 24–26; Крашенинникова Ю. А. К вопросу о специфике персонажной системы свадебных приговоров дружки // Образный мир традиционной культуры: сб. ст. М.: Гос. центр рус. фольклора, 2010. С. 77–81.

20. Крашенинникова Ю. А. Персонажи в приговорах свадебных дружек: образы участников ритуала. С. 24.

21. Ю. Г. Круглов, анализируя описания мужских и женских образов, отмечает: «...характеристика муж-

- чин самая общая: (мужские персонажи. – Ю. К.) почти никак не изображаются. Назвать причину этого явления затруднительно. Зато замужние женщины (особенно молодые, недавно вышедшие замуж) привлекли самое пристальное внимание. Их описания, правда, однотипны» (Круглов Ю. Г. Указ. соч. С. 85).
22. Терновская О. А. Борода // Славянские древности: этнолингв. словарь / под ред. Н. И. Толстого: в 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 229.
23. ФА СыктГУ: 1826-10, Мурашинский р-н Кировской обл.
24. Зеленин Д. К. Из свадебных обрядов Вятской губернии (Сарапульский уезд, с. Мостові) // Вятские губернские ведомости. Приложение. 1899. № 90. С. 3.
25. Подробней см.: Крашенинникова Ю. А. Персонажи в приговорах свадебных дружек: образы участников ритуала. С. 27–30.
26. А. А. Зализняк упоминает известное древнерусское устойчивое сочетание *добрь здоровь* ('жив-здоров'), выражающее благополучие (одновременно физическое и социальное), и его «прямой след» в современном языке – наречие подобру-поздорову (Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 418).
27. Познанский Н. Ф. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М., 1995. С. 202–205.
28. Свадебные приговоры Вилегодского района Архангельской области в рукописной и устной традиции XX в. (исследование и тексты) / сост., вступ. ст. и коммент. Ю. А. Крашенинниковой. Сыктывкар, 2009. С. 80.
29. ФА ИЯЛИ. АФ 1706-48, 1996 г., Вилегодский р-н Архангельской обл.
30. Например, в подблюдных песнях Вятского края образ «мужичины» с гипертрофированными гениталиями предвещал свадьбу, богатство, продолжение рода, см.: «*Лежит мужик на лавке, // Свесил его под лавку*», «*Сидит мужичина на лавице, // Свесил полы под лавицу*» и др. (Сатыренко А. С. Подблюдные песни Вятского края // Русский эротический фольклор. М., 1995. С. 232).
31. Противоположно содержанию свадебных песен, в которых реализуется тема отсутствия у невесты опыта, каким образом нужно обращаться с женихом.
32. *Хоркать* – арх. «мыть с дресвой, шаркать, тереть» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1995. Т. 4. С. 561); в народной терминологии Вилегодского района зафиксировано следующее значение слова: «хоркаться – совершать половой акт».
33. Свадебные приговоры Вилегодского района Архангельской области ... С. 82.
34. Об этом: Левинтон Г. А. Мужской и женский текст в свадебном обряде (свадьба как диалог) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 215.
35. Байбурин А. К. Загадка и ритуал // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. Т. 1. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988. С. 133–135; Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. 1. М., 1994; Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. 2. М., 1999; Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. 1. С. 10–118; и др.
36. Байбурин А. К. Загадка и ритуал. С. 134.
37. Мы не ставим перед собой задачу разграничить загадки и вопросно-ответный диалог, хотя при анализе текстов вынуждены оперировать такими понятиями, как «загадка», «вопрос». В частности, В. Н. Топоров отмечает, что «не всегда можно вполне четко отделить “загадочное” от “вопросно-ответного” и “диалогического”» (Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой. С. 99).
38. См., например, работу о нижневыхегодских свадебных диалогах: Крашенинникова Ю. А. Свадебный диалог [у закрытых дверей]: логика построения текста (на примере нижневыхегодских записей) // Рябининские чтения – 2003: материалы междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2003. С. 54–57.
39. Байбурин А. К. Загадка и ритуал. С. 134.
40. Там же. С. 135.
41. Кенгас-Маранда Э. Логика загадок // Паремнологический сборник. М., 1978. С. 256.
42. Например: НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 217. Л. 271.
43. Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой. С. 23–30.
44. Дерунов С. Я. Крестьянская свадьба в Пошехонском уезде // Труды Ярославского губернского статистического комитета. Ярославль, 1869. Вып. V. С. 122–124.
45. Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой. С. 24.
46. Арсеньев Ф. А. Крестьянские игры и свадьбы в Янгосоре Вологодского уезда. Бытовой этюд. Вологда, 1879. С. 42–44; Воронов Г. Крестьянские свадьбы в Устюжском уезде Новгородской губернии. Новгород, 1897. С. 18–21; Мыльникова К., Цинциус В. Северно-Великорусская свадьба // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1928. С. 106–107; Сказки и песни Белозерского края / записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915. С. 353–354; и др.
47. Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой. С. 26.
48. См., например: Сказки и песни Белозерского края. С. 353–354.
49. Топоров В. Н. К реконструкции «загадочного» прототекста (о языке загадки) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. 2. М., 1999. С. 54.
50. см.: Крашенинникова Ю. А. Свадебный диалог [у закрытых дверей] ...
51. Шейн П. В. Указ. соч. С. 501.
52. Поздеев В. А. Приговоры дружки в структуре севернорусского свадебного обряда // Жанровая специфика фольклора. М., 1984. С. 69; Торопова А. В. Наговор дружки в поэтической системе свадебного фольклора: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974. С. 112–119.
53. Так, приговоры называются наговором (Торопова А. В. Указ. соч.), заговором (Плесовский Ф. В. Свадьба народа коми. Сыктывкар, 1968. С. 35, 60), молитвой (Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 33), дружка приговаривает, читает (ФА ИЯЛИ. АФ 1706-84), шепчет (ФА ИЯЛИ. АФ 1705-65) и др.
54. Об этом подробно: Крашенинникова Ю. А. Межжанровые связи в мифопоэтическом содержании фольклорных текстов ... С. 29–39.
55. ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 511. Л. 381–383об.
56. Там же. Л. 381.
57. Несколько раньше А. Н. Веселовский также упоминает эти два жанра в связи с описанием меха-

низмов передачи текстов от одного дружки к другому: «...такая же профессиональная передача, как у воплениц наших причитаний, и с теми же результатами: обилием повторяющихся формул и образов, напоминающих и воспроизводящих схематизм былинного стиля» (Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. С. 183).

58. Народная среда, научно-популярная очерковая литература и исследовательские работы предлагают довольно широкий спектр обозначений свадебных приговоров, закрепляя в названиях такие дифференцирующие признаки, как типологическое сходство с другими жанрами (причитанием, заговором и др.), функциональную приуроченность того или иного текста к определенному обрядовому акту, используемый атрибут. Разнообразие народных обозначений (так же как и отсутствие единой исследовательской оценки) обусловлено наличием в говорном репертуаре участников свадьбы различных жанров, «необычностью» содержания многих текстов, что в свою очередь объясняется способностью приговоров к использованию, творческой переработке, прямому цитированию фрагментов разных фольклорных и литературных текстов. О многообразии дефиниций свадебных приговоров, а также их анализ и причинах закрепления в традиции см.: Крашенинникова Ю. А. Свадебные приговоры в свете народной терминологии // Традиционная культура: научный альманах. 2011. № 3. С. 70–80.

59. В поле нашего зрения попали записи, сделанные, в основном, на Русском Севере во второй половине XX – нач. XXI в.

60. РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 67. Л. 22об. Кировская обл., 1937 г.

61. Магницкий В. Песни крестьян с Беловожского Чебоксарского у. Казанской губ. Казань, 1877. С. 155.

62. Зорин Н. В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981. С. 97. От нижегородских информантов зафиксировано, что причитания называются приговорами: «Утром в день венца девушка становится и воет с приговорами» (Полевые дневники З. И. Власовой. Тетр. № 4. Л. 21об. Зап. 15.07.1978 г. в д. Арья Уренского р-на Нижегородской обл.).

63. См., например: «рифмованный наговор» (Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / собр. М. Забылиным. Репринтное воспроизведение издания 1880 года. М., 1990. С. 121), «рифмованная речь» (Андроников В. А. Свадебные причитания Костромского края со стороны содержания и формы (Из трудов Тверского Областного Археологического съезда). Тверь, 1905. С. 31), «рифмованная проза» [Там же], «выклички дружки <...> все рифмованные» (Можаровский А. Ф. Свадебные песни Казанской губернии // Этнографическое обозрение. 1907. № 1–2. С. 122) и др.

64. Васнецов А. Указ. соч. С. 283.

65. Подробно: Крашенинникова Ю. А. Свадебные приговоры в свете народной терминологии. С. 74–75.

66. О свадьбе как диалоге двух партий в структурно-семантическом аспекте (Левинтон Г. А. Указ. соч.).

67. Там же. С. 213.

68. Например: Кузнецова В. П. Причитания в севернорусском свадебном обряде. Петрозаводск, 1993. С. 142, 145.

69. Несколько примеров см.: Крашенинникова Ю. А. Свадебные приговоры среди фольклорных и литературных жанров (к вопросу о межжанровом взаимодействии) // От Конгресса к Конгрессу. Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: сб. докл. Т. 1. М., 2010. С. 204–205. Стр. 14.

70. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л., 1986. С. 132.

71. Там же.

72. См., например: Свадебные приговоры Вилегодского района Архангельской области ... С. 63–106.

73. Чистов К. В. Указ. соч. С. 132.

74. Брицына А. Ю. «Интенсивный опрос традиции» и некоторые аспекты текстологии прозаических нарративов // Этнопоэтика и традиция: к 70-летию чл.-корр. РАН В. М. Гацака / отв. ред. В. А. Бахтина; ИМЛИ РАН им. А. М. Горького. М.: Наука, 2004. С. 95.

75. Власова З. И. Скоморохи и фольклор. СПб., 2001. С. 458.

76. Богатырев П. Г. Традиция и импровизация в народном творчестве // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964. С. 7; цит. по: Власова З. И. Указ. соч. С. 458.

77. Байбуфин А. К. Ритуал в традиционной культуре ... С. 210.

78. В этом плане уместно сравнить рукописные тексты XIX в. и экспедиционные записи второй половины XX в. с точки зрения частотности и обязательности рифмы. В частности, М. Б. Плюханова отмечает насыщенность рифмой более поздних по времени записи образцов свадебных приговоров и совсем малую долю рифмы в образцах архаических (Плюханова М. Б. Проблема пародийности рифмы // Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 251–252).

79. Подробно анализ разновременных записей, сделанных в необрядовой ситуации, см.: Свадебные приговоры Вилегодского района Архангельской области ... С. 40–46, 63–106.

Сокращения

Архив РЭМ – архив Российского этнографического музея.

ГАКО – Государственный архив Кировской области.

НА Коми НЦ – научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН.

Полевые дневники З. И. Власовой – Институт русской литературы РАН, полевые дневники З. И. Власовой, зап. 1978 г. из Нижегородской обл.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

ФА ИЯЛИ – Фольклорный архив Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, АФ – аудиофонд, ВФ – видеофонд.

ФА СыктГУ – Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета.

П. А. Шахматская

**НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СТРАТЕГИЯХ
СОВРЕМЕННЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЗАПИСЕЙ СКАЗОК
НАЧАЛА ХХІ в. ИЗ ПРИЛУЗСКОГО РАЙОНА
РЕСПУБЛИКИ КОМИ)***

Автор рассматривает исполнительские стратегии современных информантов – исполнителей сказок, опираясь на опыт Д. К. Зеленина – одного из первых отечественных исследователей, выделивших типы сказочников, охарактеризовавших особенности манеры исполнения. В работе используются материалы, записанные в начале ХХІ в. от русского населения, проживающего на территории Прилузского района Республики Коми в с. Лойма. Имеющиеся записи демонстрируют обращение современных исполнителей сказок к кинематографу, средствам массовой информации, книжным изданиям. Внимание автора статьи уделено анализу методов и приемов построения сказочных текстов.

In the article some aspects of performing strategy of modern storytellers are considered. The materials recorded at the beginning of the ХХІ century written from the Russian population living in the village Loyma (Priluzsky district of Komi Republic). The materials demonstrate the appeal of modern performers of fairy tales to a cinema, mass media and book editions. The special attention of author is paid to methods and receptions of creation of texts.

Ключевые слова: сказочная проза, исполнительское мастерство, манера и приемы исполнения, сказочный репертуар.

Keywords: fantastic prose, mastery, manner and execution receptions, fantastic repertoire.

В этом году исполняется 135 лет со дня рождения Дмитрия Константиновича Зеленина (1878–1954), этнографа, фольклориста и диалектолога. В числе работ Д. К. Зеленина есть два сборника: «Великорусские сказки Пермской губернии» [1], «Великорусские сказки Вятской губернии» [2], опубликованные соответственно в 1914, 1915 гг. Первый сборник, кроме публикации текстов, записанных в 1908 г. на территории Уральско-Пермского края, включает вводную статью, список диалектных слов, комментарии и примечания. В вводной статье Д. К. Зеленин «с достаточной определенностью» [3] выделяет типы «современных» [так в работе Д. К. Зеленина. – П. Ш.] сказочников и довольно обстоятельно анализирует их исполнительские приемы, способы построения текстов, репертуар, вид деятельности, влияющей, по его мнению, на содержание

исполняемых информантом фольклорных текстов и проч. Так, некоторые сказочники относятся к сказкам «весьма серьезно»; во время исполнения такой сказочник «видит стройное целое и дорожит этой цельностью сказки, т. е. свято хранит традицию, меняя и дополняя лишь мелкие бытовые детали» [4]. Другой тип – это «собственно не сказочник, а балагур, шутник, весельчак» [5]. Цель сказок представителя следующего типа – занимательность, «но эта занимательность достигается им не балагурством, не рифмами и раешничеством, а иначе: рассказчик подбирает разные, более занимательные сюжеты и анекдоты из многих бытовых сказок и нанизывает их в одну длинную цепь, так что получается как бы бесконечная хроника о похождениях героя» [6]. Последний тип – «сказочник без воображения и без дара слова, с одной памятью; “своих слов” у него нет». Такие сказочники не прибавляют ничего нового в сказку, стараются передать ее в том виде, в котором она была услышана [7]. Используя эти наблюдения, мы попытаемся рассмотреть исполнительское мастерство современных информантов из с. Лойма Прилузского района Республики Коми.

В настоящее время отечественная фольклористика накопила немалый опыт в области сбора, фиксации текстов. Продолжается активное изучение сказочной прозы, у истоков которого стояли такие исследователи, как В. Я. Пропп [8], А. И. Никифоров [9], Н. П. Андреев [10], М. К. Азадовский [11], Э. В. Померанцева [12], Н. М. Ведерникова [13], Н. В. Новиков [14] и др. Проблема изучения исполнительского искусства возникла достаточно давно и не перестает быть актуальной на сегодняшний день. Первоначально внимание исследователей было направлено на то, как информант исполняет сказочный текст, какие приемы использует, а также количество известных ему сюжетов, вариантов на один и тот же сюжет и т. д.

В современных исследованиях актуализируются другие аспекты проблемы исполнительства, связанные, в частности, с анализом рассмотрения механизмов порождения и исполнения фольклорного текста: условия и причины возникновения текста, условия, сопровождающие исполнение текста, специфика стилистики, проблема стабильности/вариативности стилистических моделей в разновременных записях и текстах одного жанра и т. д. В этом направлении интерес вызывают работы Б. Н. Путилова [15], В. М. Гацака [16] на эпическом материале, А. Ю. Брицкой [17], П. Г. Богатырева [18] на материале устной прозы и др. [19] Особое внимание уделяется такому аспекту, как психология исполнителя, используемые им невербальные приемы во время исполнительского акта, такие как жести-

* Выражаю огромную благодарность Ю. А. Крашенинниковой за предоставленные материалы и ценные замечания

куляция, артикуляция, эмоциональные проявления (смех, плач) и т. д.

Можно сказать, что на сегодняшний день собственно жанр сказки и традиция рассказывания сказок в народной культуре затухает [20]. Довольно сложно осуществлять наблюдения над современной сказочной прозой по ряду причин, в числе их малочисленность информантов, которые знают сказки и сказочную стилистику, обладают способностью к рассказыванию больших текстов. Село Лойма [21] и прилегающий к нему куст деревень Прилузского района Республики Коми представляет собой одну из немногих фольклорных локальных традиций Русского Севера, в которой собирателями зафиксирован довольно обширный корпус сказок. Широкий круг сказочных сюжетов, а также наличие разновременных записей позволяет сделать некоторые наблюдения о стратегиях современных лоемских исполнителей сказок.

Внимание исследователей к лоемской фольклорной традиции проявилось относительно недавно [22]. Экспедиционные обследования данной местности проводились с 1991 г. сотрудниками Сыктывкарского государственного университета, в 2004–2006, 2009–2010 гг. – фольклористами Института языка, литературы и истории Коми научного центра [23].

Анализируя манеру исполнения лоемских информантов, можно заметить, что для всех них характерно сохранение общей канвы повествования. Каждый из информантов пытается представить сказку интересной, привлекая различные приемы. Наиболее яркими, на наш взгляд, являются Нина Яковлевна Безносилова, 1923 г. р. (ур. д. Лехта) [24], Александра Ильинична Лобанова, 1923 г. р. (ур. д. Тарасовская) [25], Зинаида Павловна Помысова, 1909 г. р. (ур. д. Ракинской) [26]. Так, например, практически все сказки, записанные от Нины Яковлевны Безносиловой, ориентированы на детей младшего возраста, это связано с тем, что исполнительница имеет много внуков, которым она рассказывает известные ей сказки. Ее тексты небольшие по объему, изложение некоторых из них сопровождается различными движениями. Александра Ильинична Лобанова знает большое количество сказочных сюжетов, при этом виртуозно сочетает их между собой, подробно и продуманно воспроизводит текст сказки. Исполнительская манера Зинаиды Павловны Помысовой отличается эмоциональностью и свободным варьированием деталей, в ходе изложения сказки информант может отвлечься и рассказать ситуативно близкий эпизод из своей жизни. Ниже мы рассмотрим более детально индивидуальные особенности манеры исполнения каждого из названных выше информантов.

Прежде всего надо сказать, что наиболее полно сказку могут представить информанты, обла-

дающие хорошей памятью и перенявшие эти сказочные тексты разными путями. Например, если у информанта нет «целевой аудитории» (в частности, внуков, детей и др.), сказочные тексты с течением времени могут исчезнуть из репертуара информанта. Чем чаще информант исполняет сказку, тем больше вероятность того, что текст будет подробным и насыщенным как в сюжетном, так и в стилевом отношении. Не лишним будет упомянуть высказывание Ю. М. Соколова о том, что «каждый сказочник воспринимает, усваивает и творчески обрабатывает только те сказки, те сказочные сюжеты и мотивы, которые соответствуют его вкусам, интересам, общему мировоззрению и психологии» [27].

Прежде чем охарактеризовать манеру исполнения Зинаиды Павловны Помысовой, следует отметить, что ее репертуар достаточно обширный и состоит из авторских стихотворений, игровых, лирических, колыбельных песен, частушек, малых жанров, суеверной и сказочной прозы. Зинаида Павловна обладает хорошей памятью; она училась в школе, и часть известных ей произведений, в особенности стихотворения, взяты из школьного курса. При описании своей жизни неоднократно упоминает о том, что в молодости любила петь и танцевать и, как следствие, часто оказывалась в центре внимания. И на сегодняшний день она не растеряла данных качеств: в ходе записи может и спеть, и продемонстрировать танец, и продекламировать стихотворение, и исполнить частушку и проч. В настоящее время к Зинаиде Павловне часто обращаются как исследователи фольклора, так и любители-краеведы с просьбой показать ее «фольклорное знание» [28].

Большую часть сказочного репертуара З. П. Помысова переняла из книг, говоря, что: «Всё бы я знала, я ж читала в книгах, у меня всё сказки. Я ещё сейчас всё как вон увижу книжки, дак всё, всё равно перечитаю каждую сказку» (зап. 6.08.2006 г.). Манера изложения Зинаиды Павловны отличается повышенной эмоциональностью, в процессе рассказывания она использует много восклицательных и вопросительных предложений; часто меняет тон своего повествования, «озвучивает» реплики разных сказочных персонажей. Например, в сказке «Конек-горбунок» реплики Конька-горбунка произносятся с назидательной интонацией, в частности, в эпизоде дарения Ивану волшебного кольца: «Не развязывай, смотри никому некажды не кажи, а то тыфу на тебе будет силы!» (зап. 6.08.2006 г.), реплики братьев – с сердитой интонацией: «Вот знать тут идёт опять его: Ты чё с огнём играешь? Пошёл во дворе, кобылу привёл, да с огнём играешь? Неправильно ведь! Давай, ну-ко залезай на печь...» (зап. 6.08.2006 г.) и др.

3. П. Помысова умело включает в традиционное сказочное повествование формулы и целые эпизоды из других сказок. Так, в процессе исполнения сказки «Конек-горбунок» информант контаминирует часть известного формульного призыва коня из русской народной сказки «Сивка-Бурка» («Сивко-бурко, вещей воронко. Бурко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом») [29] с формулой-обращением к избушке на курьих ножках («Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, – к лесу задом, а ко мне передом») [30]. В тексте Зинаиды Павловны это выглядит следующим образом: «А он приходит, приезжает на своей кляче в чистое полё. Как-то же, поди... Как-то он уж разговаривает-то... “Матушко-земляк, ты же как-то приговаривает ... задом, задом, туды ко мне передом”. <...> “Конёк-горбунок, ко мне, ко мне, говорит, кому задом, а ко мне передом”. Вдруг перед ним встает этот конёк-горбунок» (зап. 6.08.2006 г.). В сказке «Про медведя», в которой по сюжету медведь приходит к мужику за своей отрубленной лапой, З. П. Помысова воспроизводит эпизод прядения пряжи из медвежьей шерсти. Чтобы создать эту картину, информант включает в текст цитату из стихотворения И. З. Сурикова «Детство», ср.:

У З. П. Помысовой:

«Он [медведь] идёт ещё и это напевает, а бабушка *за прядкой, молча лён прядёт*: “Ишь, говорит, свисает, огонёк *свисает, зимний вечер длится, длится без конца*”» (зап. 26.07.2009 г.)

У И. З. Сурикова:

«...Матушка *за прядкой // Молча лён прядёт. // Избу освещает // Огонёк свецца; // Зимний вечер длится, // Длится без конца...*» [31].

З. П. Помысова обращается к кинематографу. Так, в сказке «Морозко» обнаруживаются параллели с одноименным кинофильмом, снятым А. Роу в 1964 г. В сказочном тексте зафиксирован эпизод, в котором мачеха с дочерью проваливаются с моста в реку, при падении дочь теряет привязанную к волосам искусственную косу: «Они [мачеха и ее дочь. – П. Ш.] поехали на свадьбу-то, на пир-от да с мостом-то и провалились в воду. В воду-то провалились да оба-то в речке, обе в речке-то стали бродить, ползать. Та [дочь мачехи. – П. Ш.] ревет: “Ой, спаситё, ой, спаситё!” А у её коса длинная, ленточка была ещё заплетена суды, коса была у падчерицы-то [здесь информант ошиблась, читай: у дочери. – П. Ш.]. У её коса-то была привязанная, она в воде-то бродила, у её коса-то отстала. У её чапчик какой-то был наложен. Чапчик спал. Она не знат, как выбраться из речки-то...» (зап.

6.08.2006 г.). При просмотре фильма столь яркий киноэпизод, вероятно, очень понравился исполнителю, вероятно, поэтому прочно закрепился в ее сознании и был включен в повествование.

Примечательна лексика, которую использует информант. Так, в некоторых текстах встречаются слова, которые приближают сказку к современному слушателю, например *кухня* вместо *горницы*, *империя*, *столица* вместо *царства*, *государства*. Эта особенность объясняется самой действительностью, желанием информанта подстроить свой текст под современность. Встречаются инверсии: *стал пир собирать*, *появился какой-то конь*, и т. д., описательные формулы: *не мышка, не лягушка, неведома дерюшка, зверюшка родился, не в сказке ни сказать, ни пером ни описать*, формулы, образованные повторением глаголов движения: *вот плыли, плыли в бочке, они плыли, плыли, плыли, до дворца-то и доплыли, она это, полетела, полетела, везде поглядела, домой ушла, царю доложила*.

Разновременные записи сказок, сделанные от З. П. Помысовой? демонстрируют процессы, которые происходят с текстом во времени. На основе двух записей сказки «Конек-Горбунок», сделанных в 2006 и 2009 гг., мы попытаемся показать изменения, происходящие на нескольких уровнях текста:

1. Изменения на композиционном уровне:

• **Зачин.** В записи 2006 г. информант использует традиционный сказочный зачин: «Жили старик со старухой...» (зап. 6.08.2006 г.), в записи 2009 г. – опускает: «У отца-то были три сына...» (зап. 29.07.2009 г.).

• **Мотивы.** Изменения фиксируются на уровне перечня мотивов. Так, в записи 2009 г. присутствует мотив превращения Ивана в красивого молодца путем «залезания» в уши конька, который заимствован, по всей видимости, из русской народной сказки «Сивка-Бурка». Напротив, в записи 2006 г. исчезает мотив испытания Ивана тремя котлами. На смену этому приходит мотив испытания Ивана огнем. Финал сказки трагичен: вместо традиционного прощения отрицательных героев и «пира на весь мир» сказка заканчивается сожжением братьев в огне. Для главного героя Ивана все заканчивается благополучно, он становится царем.

2. Изменения на персонажном уровне.

• **Номинации героев.** Разночтения фиксируются в номинациях героев. В тексте 2009 г. называются имена всех трех братьев: «Там Иван да как Александр. Нет, не Иван это, погоди, не то, Николай, Александр, а был Иван маленькой, его прозвали Иван-дурачок, Иван-дурачок» (зап. 29.07.2009 г.), а в 2006 г. – имя только младшего брата: «Вот вас троё, ты, говорит, первый, ты – второй, ты Иванушко-дурачок – третий вот» (зап. 6.08.2006 г.).

• Портретная характеристика Ивана. В записи 2006 г. информант изображает Ивана зрелым мужчиной: «Он уж в возрасте был. Он уже взрослый, хоть это по учёту дак у матери последний был. Он взрослый, его одели как следно, хорошо» (зап. 6.08.2006 г.), в записи 2009 г. З. П. Помысова описывает Ивана как маленького горбунчика: «Его за рукухватила, этого Ивана-дурочка, он худеньком стоит, и везёт к себе, к отцу-то и ко всем, за стол. “Вот, говорит, мой суженый, вот где, говорит, моё”. Так все те ну-ко удивились, что Иван-от горбун, горбун, он ещё был маленький Иван-дурочок, горбунчик» (зап. 29.07.2009 г.).

Характеризуя манеру исполнения Александры Ильиничны Лобановой, отметим, что ей свойственно стремление вести повествование размеренно, обстоятельно, неторопливо, подробно. Для ее исполнения характерна предельная детализация, насыщение текста различными мельчайшими деталями. Стил ь изложения А. И. Лобановой отличается наличием формульных обращений, например: «Тепло ли тебе, девица?» А девица уже дрожит, замерзает. Ей очень холодно. «Тепло дедушка, тепло!» (зап. 5.08.2006 г.); описательных характеристик, например, описание падчерицы в сказке «О падчерице и ленивице»: «А труженица-то выйдет на улицу, на санках покатится, щёчки у ней разрумьянятся, глазки у ней сверкают. Ага. Рукавичками она снежок отряхнёт, весёленькая, радостная» (зап. 5.08.2006 г.), подробным и развернутым сюжетом. Информант сопровождает свой рассказ редкой жестикующей, использует полные и развернутые предложения, чувствует себя во время рассказывания свободно и уверенно, выстраивает свое повествование логически и последовательно. Это все объясняется, в частности, тем, что А. И. Лобанова в прошлом учитель начальных классов и ей привычно выступать перед аудиторией, реагировать на реакцию слушателей. Размеренное и последовательное рассказывание служит доказательством того, что она контролирует ситуацию. Например, в «Сказке про волка и хитрую лису»:

Идёт лиса, несёт в зубах рыбу. Навстречу ей волк:

– Лисичка-сестричка, где ты рыбку взяла?

– Да вот, в проруби заловила.

Ага.

– Как это ты заловила?

– А вот ты иди, я научу тебя, как в проруби рыбку заловить. Иди, сядь в проруби. Спусти хвост в прорубь и говори: «Ловись, ловись рыбка большая и малая!» Вот тебе и будет ловиться рыбка. И сиди до тех пор, пока тебе рыбка не заловится, за хвост не поймается... (зап. 5.08.2006 г.).

Любопытно А. И. Лобанова описывает своих героев. Так, в сказке на сюжет о падчерице и

ленивице она рисует не просто образ падчерицы, а вкладывает в описание свои представления о женской красоте вообще: «А эта дочка старикова, красавицей выросла. Руса коса длинная, до пояса, глазки голубенькие, сама румянькая» (зап. 5.08.2006 г.). Портретный образ часто дополняется описаниями действий героя: «И вдруг приходит дедушка, седой, в шубе, в больших рукавицах. Рукавицами похлопывает, нога на ногу постукивает» (зап. 5.08.2006 г.), «И стала, открыла Снегурочка глазки, ручками замахала, ножками затопала. В ладошки захлопала» (зап. 5.08.2006 г.). Часто А. И. Лобанова использует традиционный для сказки прием троекратного повторения ситуаций: Морозко обращается к падчерице три раза, за вежливое поведение при первой встрече дарит ей шубку, при второй – валенки, при третьей – «сундук добра». В финальную часть сказки А. И. Лобанова включает вывод, который несет «морализованный» характер: «Вот и наказал её добрый дедушко Мороз за то, что она грубая да жестокая, да неприветливая» (зап. 5.08.2006 г.).

Манера исполнения еще одного информанта – Нины Яковлевны Безносиковой – отличается тем, что ее сказочный репертуар ориентирован на детей младшего возраста, так как у нее есть внуки: «А как сказки, как без сказок дети у меня. У меня старший самый внук, дак ему пока сказку не расскажешь, он не уснёт» (зап. 22.06.2005 г.). Этим объясняется круг сказок («Колобок», «Сказка про Бабу-Ягу», «Сказка о животных» и др.). Язык информанта прост, но вместе с тем часто встречаются подробные описания героев, вероятно, для того чтобы ребенку было легче нарисовать образ в своем воображении. В частности, в одном из интервью она рассказала о том, как конструирует образ черта: «Я когда маленьки дети росли, вот, когда так дак вот у сыновей вот дети стали расти, стала с детьми, с внуками, когда нянчилась дак, начну рассказывать как сказку, ой, длинный, чёрный, говорю, в шерсте, хвост длинный, рога большие, ой-ой-ой какой!» (зап. 22.06.2005 г.). Помимо этого информант дает представление о том, как нужно вести себя при встрече с ним: «Не бойтесь, не бойтесь, он ничё не сделает. Мы ведь его ниче не сделаем, дак он нас ниче не сделает. Это хто ему на дороге вредит, дак только того, да кто не слушается родителей, будешь говорить, объяснять» (зап. 22.06.2005 г.). При исполнении Н. Я. Безносикова разговаривает различными голосами персонажей. Меняет финальные части сказок, исходя из ситуации исполнения. Например, в сказке о колобке лисе не удастся обмануть колобка, тот оказывается хитрее: «“А, говорит, давай скокну на носу он, колобочек сидел, давай, – говорит, – я тебе перескокну сюда, меж твои ушки”. Колобок-от

говорит лисе-то. На лоб, а она и говорит: “Ну, скокни!” Он не на лоб скокнул, а скокнул рядом да укатился. Убежал, она его догнать не могла» (зап. 22.06.2005 г.). Возможно, изменение традиционной концовки связано с тем, что Н. Я. Безносикова, рассказывая эту сказку своим внукам, не хотела травмировать детскую психику печальным концом, и заменила его на более оптимистический.

В заключение отметим, что на состав репертуара, содержание современных сказок значительное влияние оказывают книжные издания с красочными иллюстрациями, кинематограф и средства массовой информации. Имеющиеся записи современных информантов демонстрируют разные способы подачи сказочных текстов и приемы использования творческой переработки авторских произведений.

Примечания

1. Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии. Пг.: Типография А. В. Орлова, 1914.
2. Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии. Пг.: Тип. А. В. Орлова, 1915.
3. Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии. URL: <http://e-libra.ru/read/238366-velikorusskie-skazki-permskoj-gubernii.html> (дата обращения 15.05.2013 г.)
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Прот В. Я. Морфология сказки. Л., 1928; Прот В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
9. Никифоров А. И. Сказка и сказочник. М.: Изд-во ОГИ, 2008.
10. Андреев Н. П. Русский фольклор. Л., 1938.
11. Азадовский М. К. Русская сказка. Т. 1–2, М.; Л.: Academia, 1932.
12. Померанцева Э. В. Писатели и сказочники: сб. ст. М.: Сов. писатель, 1988.
13. Ведерникова Н. М. Русская народная сказка. М.: Наука, 1975.
14. Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука, 1974.
15. Путилов Б. Н. Эпическое сказительство: Типология и этническая специфика. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997.
16. Гацак В. М. Устная эпическая традиция во времени. М.: Наука, 1989.
17. Брицына А. Ю. «Интенсивный опрос традиции» и некоторые аспекты текстологии прозаических нарративов // Этнопоэтика и традиция: к 70-летию чл.-корр. РАН В. М. Гацака. М.: Наука, 2004. С. 93–104.
18. Богатырев П. Г. Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы). М.: ИМЛИ РАН, 2006.
19. Наблюдения над исполнительскими приемами предпринимаются и на материале других жанров, в частности, свадебными приговорами (Крашенинникова Ю. А. Исполнитель и его текст (разновременные записи приговоров дружки) // Этнопоэтика и традиция. С. 205–220; Свадебные приговоры Вилегодского района Архангельской области в рукописной и устной традиции XX в. (исследование и тексты) / сост., вступ. ст. и комментарии Ю. А. Крашенинниковой. Сыктывкар, 2009.
20. Проблема изучения сказки и интереса к этому жанру рассматривается в работе В. Е. Добровольской. Жанр, который забыли? (Сказковедение в постсоветский период) // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 14. Комплексные исследования традиционной культуры в постсоветский период: сб. науч. ст. М.: Гос. республ. центр рус. фольклора, 2011. С. 7–20.
21. Первое упоминание о Лойме зафиксировано в 1620 г. в дозорной книге Сольвычегодского уезда, состав населения Лоймы формировался за счет русских переселенцев из северных и северо-восточных губерний, за время своего существования входила в состав Сольвычегодского, Лальского, Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии (Жеребцов И. Л. Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1994).
22. Упомянем несколько работ, посвященных анализу заговорно-заклинательной поэзии, скотоводческой и похоронно-поминальной обрядности: Крашенинникова Ю. Charms and Incantational Magic of the Northern Russians (In Records of the Early Twenty-first Century) // Folklorica. 2009. Vol. XIV. P. 27–56; Крашенинникова Ю. А. Скотоводческая магия русского населения села Лойма // Живая старина. 2009. № 3. С. 18–20; Крашенинникова Ю. А. Похороны «по-репному» (о некоторых фактах похоронно-поминальной обрядности северных русских) // Антропологический форум. 2009. № 10. С. 299–310.
23. Отчеты об экспедиционных исследованиях сотрудников ИЯЛИ хранятся в научном архиве Коми научного центра (НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 742; На Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 692. 174).
24. Инф.: Безносикова Нина Яковлевна, 1923 г. р. (ур. д. Лехта Лоемского с/с), зап. 22.06.2005 г. Ю. А. Крашенинниковой в д. Красная Гора, Спаспурбского с/с, Прилузского р-а, РК.
25. Инф.: Лобанова Александра Ильинична, 1923 г. р. (ур. д. Тарасовская), зап. 5.08.2006 г. Ю. А. Крашенинниковой в с. Лойма Лоемского с/с Прилузского р-на РК.
26. Инф.: Помысова Зинаида Павловна, 28.09.1909 г. р. (ур. д. Ракинской), зап. 6.08.2006 г., 26.07.2009, 29.07.2009 гг. Ю. А. Крашенинниковой в д. Козловская (бывш. д. Ракинская) Лоемского с/с Прилузского р-на РК.
27. Соколов Ю. М. Русский фольклор. М.: Изд-во Учпедгиз, 1941. С. 309.
28. Напр. см.: Сивкова А. Н. В Лойму за куплетами. Жители прилузского села – хранители самобытного говора и фольклора. URL: <http://www.gazeta-respublika.ru/article.php/23553> (дата обращения 20.03.2013 г.).
29. Русские сказки: из сборника А. Н. Афанасьева. Сивко-бурко. М.: Худож. лит., 1987. С. 133.
30. Там же. Царевна-лягушка. С. 235.
31. Суриков И. З. Стихотворения. М.: Современник, 1982. С. 73.

Сокращения

ЛАК – личный архив Ю. А. Крашенинниковой.
 На Коми НЦ – научный архив Коми научного центра УрО РАН.
 РК – Республики Коми.

УДК 81'373.23:398(470.13)'193"

С. Г. Низовцева, Ю. А. Крашенинникова

**ЛОКАЛЬНО-ГРУППОВЫЕ ПРОЗВИЩА
ЖИТЕЛЕЙ КОМИ КРАЯ
(НА МАТЕРИАЛАХ 1930-х гг.
ИЗ ФОЛЬКЛОРНОГО СОБРАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ
РЕСПУБЛИКИ КОМИ)**

Статья посвящена локально-групповым прозвищам, записанным в Республике Коми в 1930-е гг. и хранящимся в рукописном собрании Национального музея РК. Авторами выделен ряд признаков, лежащих в основе мотивации локально-групповых прозвищ коми, прозвища распределены по нескольким лексико-семантическим группам.

The study concentrates upon local-group nicknames collected in the Komi Republic and is based on the records of in 1930s kept in folklore collection of National Museum of the Komi Republic. It focuses on features which are fundamental for Komi local-group nicknames' motivations. The nicknames are divided into lexical-semantic groups.

Ключевые слова: присловье, локально-групповое прозвище, номинация, лексико-семантическая мотивация.

Keywords: folksay (prislovje), local-group nicknames, nomination, lexical-semantic motivation.

Русские присловья в значении «коллективные прозвища» начали публиковаться еще в XIX в. наряду с пословицами и поговорками в книгах И. М. Снегирева, И. П. Сахарова, В. И. Даля и др. [1] Начало изучения присловий положено Дмитрием Константиновичем Зелениным, первым обратившимся к научному описанию и интерпретации присловий, записанных им самим в Вятской губернии [2]. Термином «присловье» он обозначает «прозвище, относящееся не к единичному лицу, а к группе лиц, составляющей собой географическое или этнографическое целое» [3], и относит к ним не только прозвища-номинативы, но и пословицы, поговорки, дразнилки, краткие анекдоты. Д. К. Зеленин рассматривает присловья, прежде всего, как ценный этнографический и лингвистический материал, в своих работах он делает попытку раскрыть через присловья историю заселения Вятского края, а также показать бытовые и диалектные особенности вятчан. Д. К. Зеленин разработал первую классификацию коллективных прозвищ, основанную на значении и лежащем в основе номинации характерном признаке локальной группы. На это, кстати, указывает Н. В. Дранникова в своей работе «Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера» [4], являющейся в

настоящее время наиболее полным и серьезным исследованием, представляющим прозвищный фольклор как целостный феномен традиционной культуры [5]. Н. В. Дранникова провела исследование прозвищ Русского Севера, предложила свою терминологию в обозначении этого феномена традиционной культуры, выделила лексико-семантические группы присловий. В нашей статье мы также будем оперировать термином «присловье», который понимается как локально-групповое прозвище (ЛГП) [6].

Настоящая работа посвящена записям присловий – коллективных прозвищ жителей населенных пунктов Республики Коми. Материалы зафиксированы в 1930-е гг. студентами Коми педтехникума, в настоящее время хранятся в фольклорном собрании Национального музея РК [7]. В рамках данной статьи и первого приближения к материалу мы видим возможным дать общую характеристику имеющемуся корпусу текстов, выполнить систематизацию локально-групповых прозвищ, основанную на лексико-семантическом подходе [8]. Записей, связанных с прозвищным фольклором и присловьями, в материалах довольно много; анализ рукописей позволил предположить, что фиксации этих сведений при опросах уделялось большое внимание. Коллективные прозвища (*сиктъяслӧн нимтысьӧмъяс, прӧзвищӧяс, присловиеяс*) зафиксированы на коми языке, в рукописях следуют, как правило, группами от 3–4 до 30 номинаций. Запись сопровождается паспортом разной информативности: чаще указан район записи или более локально – место записи (населенный пункт), в редких случаях отмечена фамилия или инициалы информанта, год рождения.

Несколько слов о географии записей: мы будем оперировать текстами, записанными в населенных пунктах (более 130) из 11 районов Республики Коми (см. Приложение). Некоторых населенных пунктов, указанных в источниках, в настоящее время уже не существует: одни были исключены из учетных данных из-за закрытия, другие – объединены в один населенный пункт или присоединены к более крупным поселениям, о третьих мы вообще не нашли упоминаний в справочной литературе [9]. В целях экономии места более подробную информацию по встречающимся в работе населенным пунктам РК (соответствие коми и русских названий, районная принадлежность и т. д.) мы приводим в Приложении (см. ниже).

В большинстве случаев объяснения, связанные с мотивацией прозвищ, в материалах отсутствуют, что представляет определенные трудности для анализа; те редкие моменты, когда зафиксирован комментарий информанта, содержащий причину появления той или иной номинации

ции, мы отмечаем особо. В ряде случаев уместно обращение к другим источникам, поясняющим возникновение прозвища. Возможно, не весь материал, который фиксировался корреспондентами в рукописях, можно отнести к прозвищному фольклору; предполагаем, что некоторые номинации «не прошли» стадии становления и закрепления в традиции, но сохранились в студенческих записях как свидетельство сиюминутной ситуации, высказанное в процессе интервью [10].

В основе мотивации локально-групповых прозвищ лежат разные стереотипные представления, влияющие на идентификацию местного сообщества. Любое коллективное прозвище включает какой-либо один отличительный признак, отмеченный «своим» или «соседними» сообществами. Одна и та же локальная группа может иметь несколько номинаций, заключающих в себе разные признаки. Первое приближение к имеющемуся материалу позволило выделить несколько лексико-семантических групп локально-групповых прозвищ РК по отличительному признаку, закреплённому в самом названии прозвища.

Одну из самых частотных групп представили те локально-групповые прозвища, в основе мотивации которых лежат профессиональная деятельность или род занятий жителей коми. Целую группу составили присловья, в которых зафиксированы разные предметы быта (туес, пестерь, кузов, решето), относящиеся к берестяному промыслу, широко распространённому в республике. Так, к примеру, жителей с. Поромес (*поромёссаяс*) называли ‘делающие туесы’ (*туес вёчысьяс*) [11], с. Кужба (*кужса*) – ‘туесники’ (*туйиса*). По поводу жителей с. Грива (*гривена*) говорили ‘пестерники’ (*пестерникъяс*), комментируя, что «много носят пестерей» [12], подчеркивая не только процесс изготовления, но и, возможно, преимущественное использование местными жителями определенных предметов быта в повседневной жизни. Жителей с. Койгородок (*койгордчи*) называли ‘кузовники’ (*кузолникъяс*), с. Помоздино (*помоздинса*) – ‘плетушие решето’ (*пож кывысьяс*) и др.

По поводу жителей д. Клапово (*клапордчи*) говорили ‘глину топчущие’ (*сёй талялысьяс*), и один из информантов уточнил: «так [называли], потому что там делают кирпич» [13]. Жителей с. Серегово (*сереговса*) называли ‘солевары’ (*солеваръяс*): известно, в Серегово находился один из крупнейших в России солеваренных промыслов, основанный в конце XVI – начале XVII вв.

Жителям с. Дон (*донса*) дали прозвище ‘рыболовы’ (*чефи кыйысьяс*), ‘ловцы черных окуней’ (*сьёд ёкши кыйысьяс*), выделяя в последнем из вариантов цветовой признак *черный*, который, возможно, указывает на более темную окраску чешуи у рыбы, обитающей в стоячей (озерной)

воде (озеро Донты расположено рядом с селом. – С. Н., Ю. К.). Посредством прозвища ‘донские с пестерем, испачканным рыбной слизью’ (*донса ульёмось пестера*) также подчеркивается род деятельности жителей села (рыболовство).

Ряд локально-групповых прозвищ не сопровождается в материалах какими-либо комментариями: жители м. Пёрвьясьянь чой – ‘обувь шьющие’ (*кём кывысьяс*), д. Усть-Ижма (*Устьё*) – ‘маслобойщики’ (*йёв быфан*), с. Деревянск (*дереваннойса*) – ‘скобельщики’ (*гогина*), д. Ягвйв – ‘кузнецы’ (*кузнеча*), д. Вотча (*вольсяса*) – ‘валяльщики’ (*гындейяс*), д. Свеждор (*свеждорса*) – ‘стекольщики’ (*стекольщикъяс*), с. Пыелдино (*пёлса*) – ‘варящие самогон’ (*самёкур нуысьяс*), жители д. Щель (*щельсяс*) – ‘самогон делающие’ (*самёкур вёчысьяс*) и др.

В прозвищах, составивших следующую группу, актуализируются темы богатства, нищенства, бедности, представления о социальных группах, классах, в частности, жители д. Кулига (*кулижане*) – ‘богачи’ (*богачёй*), с. Ижма (*изъваса*) – ‘купцы’ (*купечъяс*), с. Лойма (*лёмъянъяс*) – ‘буржуи’ (*буржуйяс*), д. Поруб-Кеповская (*мёдчойса*) – ‘богатые купцы’ (*озыр купечъяс*). Такое «отношение», закреплённое в прозвище, подтверждается историческими сведениями; так, население с. Ижма, с. Лойма являлось более зажиточным по сравнению с жителями некоторых других населённых пунктов республики [14].

Самыми частотными в материалах являются прозвища, в которых реализуется тема нужды, крайней бедности, нищенства: ‘нищими’, ‘побирущками’ (*корысьяс*) называли жителей сел Коквицы (*отса*), Озёл (*озёвса*), Усть-Нем (*устънемса*) и др., некоторые присловья сопровождаются комментариями информантов, например: «Коквицы у нас прозывают Коквицкий кузов, много было нищих» [15].

Одну из групп составили локально-групповые прозвища, в основе мотивации которых лежат религиозные и конфессиональные признаки. По отношению к жителям д. Оквад (*аквадса*) зафиксировано прозвище ‘поповичи’ (букв. ‘поповские сыновья’, т. е. дети) (*поп тьян*), что можно объяснить историческими сведениями: до второй половины XVIII в. Оквад находился в составе владений Вологодского и Великопермского епископа, которому принадлежали и местные крестьяне, платившие налоги епархии [16]. Прозвище жителей д. Вичкодор (*вичкодорса*) – ‘попадьи’ (*попадьяс*) можно объяснить, обратившись к семантике топонима: лексемой ‘вичкодор’ (*вичко* – церковь, *вичкодор* – букв. рядом с церковью) традиционно называлась центральная часть поселения, на территории которой, как правило, располагалась церковь, хозяйственные церковные постройки и дома церковнослужителей.

Зафиксировано несколько вариантов, в которых жителей с. Керчомья (*керчомьяса*) называют 'расколниками', 'староверами' (*кержакьяс*), в связи с тем что Керчомья (Усть-Куломский р-н) является одним из центров старообрядчества в Коми крае. Прозвище жителей с. Мыелдино (*мысса*) – 'певцы добра' (*бурсьылысьяс*) связано с православным религиозным течением бурсьылысьяс, зародившимся именно в с. Мыелдино и распространившимся в селениях по верхней Вычегде [17]. Эти ЛГП наиболее частотны и устойчивы, зафиксированы в разных районах РК.

К следующей группе относятся прозвища, в основе номинации которых лежат поведенческие стереотипы, связанные с чертами характера, умственными способностями и, чаще всего, асоциальным поведением. Подобные ЛГП, как правило, передают иронически-пренебрежительную или негативную оценку соседнего сообщества. Например, жители с. Айкино (*айкинаса*) «удостоились» номинации 'бахвалы' (*баквальяс*), с. Визинга (*визинса*) – 'ленивые' (*дышнякьяс*), д. Данямитьдор (*данямитьдорса*) – 'тупые тупицы' (*ныж тупичьяс*) и др. «Говорящие» прозвища жителей д. Катъд (*катъдса*) – 'дебоширы' (*буаньяс*), с. Часово (*часса*) – 'драчуны' (*драчкояс*), вероятно, были даны за несдержанность и склонность местного населения к дракам.

В студенческих записях 1930-х гг. жителей д. Чит (*читса*) называют 'убийцами' (*морт вийысьяс*), 'головорезами' (*юр вундысьяс*) (букв. 'головы отрезающие'), д. Парчег (*парсьёгса*) – 'убийцами' (*мортвийысьяс*), 'жуликами' (*жуликьяс*), с. Палевицы (*пальса*) – 'разбойниками' (*рöзбойникьяс*) и др. Отметим большую частность данных номинаций и их закреплённость, как правило, за одними и теми же населёнными пунктами. Выделяются названия, содержащие лексемы *поз* (гнездо) и *чукар* (сообщество, группа), например: Парчег – '*шыш поз*', букв. 'воровское/бродяжье гнездо', Кожмудор – '*вөр чукар*', букв. 'воровское сообщество'. Последнее прозвище объясняется информантом: «*Это называют потому, что когда они [жители Кожмудора. – С. Н., Ю. К.] ездили с грузами до Котласа и на пути совершали кражи*» [18].

В основе номинаций еще одной группы лежат специфические особенности внешнего вида, речевой манеры. Так, жителей с. Брыкаланск (*кызкарсаяс*) называют 'грязноногие' (*сьд кокьяс*), д. Диюр (*диюрсаяс*) – 'тонконогие' (*суньыс кокьяс*) (букв. 'ноги как нитки'). В основе прозвища жителей д. Коквицы (*отса*) и д. Виям (*виямса*) – 'грязные кулаки' (*сьд кулакьяс*) закрепились, возможно, два признака: нечистоплотные, с грязными руками или любители драться. Одно из прозвищ жителей с. Богородск (*висерса*) связано с характеристикой взгляда – 'с острым, прон-

зительным взглядом' (*субтса синьяс*), букв. 'стоячие глаза'. Такой взгляд по представлениям коми может быть у колдуна или наглого, дерзкого человека.

В единичных вариантах встречаются такие номинации, как 'редкозубые' (*деждтиньяс*) (жители д. Проньдор), 'табачные губы' (*табакось льобьяс*) (д. Пон), 'мокроносые' (*ульпу нырьяс*) (д. Ёль Ижемского р-на) букв. 'носы из мокрого/непросушенного дерева'.

Особенности местного говора или манеры произношения отразились в следующих прозвищах: жители д. Аким (*акимсаяс*) – 'низкоголосые' (*кыз гёлсъяс*), д. Картаэль (*картаэльсаяс*) – 'свистящие, гудящие, говорящие низким голосом' (*буксысьяс*); м. Феофанпи (*фефантисаяс*) – 'разговаривающие нараспев' (*нюркийодлысьяс*). По поводу прозвища жителей д. Грива (*гриваса*) – 'нытики, плаксы' (*няргуньяс*) зафиксирован комментарий: «*говорят жалобно*» [19].

Одну из самых многочисленных групп составляют локально-групповые прозвища с орнито- и зооназваниями. Мотивация подобных прозвищ может объясняться рядом причин: внешнее сходство, сходство поведенческих характеристик, большое количество в населённом пункте означаемых животных/птиц/насекомых, родовое прозвище (по мнению ряда исследователей, имеющее тотемическую природу) [20] и др.

Орнито-прозвища: жители д. Вомынса (*вомынса*) – 'чайки' (*каляяс*), д. Кырув (*кырүвса*) и с. Озёл (*озёвса*) – 'вороны' (*ракаяс*), д. Мырьрем (*мырьрёмса*) – 'вороны' (*кырнышьяс*), д. Мохчаюр (*мохчой юрсаяс*) – 'вороны' (*куварканьяс*) [21], д. Ляли (*ляйса*) – 'голуби' (*гулюяс*), с. Слудка (*придашса*) – 'воробьи' (*пышкайяс*, *пыштютюяс*), д. Краснояр (*красноярса*) – 'рогатые птички' (*сюра кайяс*); д. Вилядь – 'куриное гнездо', 'куратник' (*курёг поз*).

Зоо- и ихтиономинации: жители д. Гурган (*гурганчи*), д. Мырпонаыб (*мырпонаыбчи*), д. Кузьдав (*кузьдалчи*) – 'зайцы' (*кочьяс*), д. Наволок (*навелекса*) и д. Пожня (*пожнясаяс*) – 'островные зайцы' (*дйив кочьяс*), с. Чухлом (*чукломса*) – 'лесные зайцы' (*вөр кочьяс*), с. Краснобор (*красноборсаяс*) – 'крысы' (*крыса чукөр*), букв. 'крысиное сообщество', с. Межадор (*межадорса*) – 'мелкие ерши' (*кос йөршьяс*), м. Нижние Коквицы (*улысотса*) – 'лягушки' (*лягуша чукөр*).

Прозвища, связанные с названиями насекомых: жители д. Винла (*винласаяс*) – 'комариное гнездо' (*ном позсаяс*). В основе номинации жителей с. Объячево (*Абъячой*) – 'клоповье гнездо' (*лудык поз*) и с. Прокопьевка (*прокопьевчи*) – 'клопы' (*лудикьяс*) лежит, по комментарию информанта, внешнее сходство: «*люди маленькие, мелкие*» [22]. Название жителей д. Пешкапяян – 'гнездо поганых насекомых (вар.: ящериц)' (*неж-*

гаг поз) также объясняется в рукописных материалах: «много плохого делают да пьют свой самогон» [23].

Следующую группу составили локально-групповые прозвища, так или иначе связанные с пищевым кодированием (в некоторых номинациях присутствуют лексемы 'едящие', 'пьющие'), в том числе с ярко выраженной негативной коннотацией (актуализируется тема употребления в пищу «нечистой»/«нечеловеческой» еды). Наиболее популярное присловье этой группы связано с номинацией жителей с. Маджа (*маджаса*) – 'кашу едящие' (*рок сёйысьяс*), вар.: 'горшки каши' (*рок кашникъяс*). Это одно из самых частотных, записанных не только в Корткеросском, но и других районах республики, прозвище. Его мотивация соотносится с циклом преданий о богатыре Юрке, имеющих распространение в с. Маджа и его окрестностях и повествующих о расправе маджинцев – жителей села – над богатырем, который уничтожил местный скот. После убийства Юрки (утопления в озере) жители Маджи, чтобы отмолить грех, варят кашу и совершают общую трапезу; некоторых сельчан, не принимавших участия в убийстве, заставляют съесть остывшую, т. е. холодную, кашу [24]. Именно с преданием исследователи связывают появление прозвища – 'холодную кашу едящие' (*кёдзыд рок сёйысьяс*); собственно, это прозвище закрепилось и в самом фольклорном тексте, записанном в 1977 г. [25] Стоит, однако, заметить, что в анализируемых материалах 1930-х гг. преимущественное распространение получает прозвище 'кашу едящие', т. е. в вариантах номинации отсутствует одна из существенных ее составляющих – характеристика поедаемой ритуальной каши.

Возникновение локально-группового прозвища жителей с. Богородск (*висерса*) – 'пьющие похлебку из древесной коры' (*кач ва юысьяс*) или 'едящие кору' (*кач сёйысьяс*) связано с тем, что в голодные годы жители коми использовали для еды толченую древесную кору (*кач*). Подтверждение этому обнаруживается в записях Д. Фокоша-Фукса, датируемых 1916–1917 гг.: «Как-то в Богородске хлеб замерз 2 года подряд. И не из чего стало хлеб печь. И срубили пихту, из-под коры достали кач. Высушили его, перемололи в ступе, хлеб испекли из кача. До сих пор говорят: "кач ва сёйысьяс" (едящие похлебку из пихтовой коры), и они очень злятся» [26]. Возникновение прозвища жителей д. Монастырь – 'едящие ботву/шелуху/очистки' (*кор сёйысьяс*) также можно связать с темой нищеты, голода. Возможно, прозвище 'пирог с грибами' (*тиака няньяс*) жителям д. Шорйыв (*шорйывса*) дали за их предпочтение к определенному виду выпечки.

К группе коллективных прозвищ, реализующих мотив 'едящие «нечеловеческую» пищу', можно отнести ЛГП с ярко выраженной негативной коннотацией. К примеру, жителям д. Пежгин (*пежгинчи*) дали прозвище 'едящие ящериц' или 'едящие поганое' (*пежга сёйысьяс*, от *пежгаг* – ящерица или *пеж* – поганый, нечистый). Допускаем, что в данном присловье может обыгрываться и название топонима Пежгин.

Прозвище жителей с. Гам (*гамса*) – 'рыжкоеды' (от Рыжко – распространенная у коми лошадиная кличка), т. е. 'едящие конину' (*рыжкоедъяс*) – в народной традиции связывается с преданиями о Стефане Пермском, в которых реализуется мотив пищевого запрета. За приверженность к язычеству и в качестве наказания за непослушание Стефан наделяет жителей-язычников обидными прозвищами: жителей с. Гам 'рыжкоеды', д. Кошки – 'белкоеды' (употребляли в пищу конину, бельчатину) и др. [27]

В мотивации прозвищ жителей д. Катыд (*катыдса*) – 'головы кошек обгладывающие' (*кань юр виледысьяс*), д. Сёйгудор (*сёйгудорса*) – 'овечьи головы обгладывающие' (*ыж юр вильёдысьяс*), с. Межадор (*межадорса*) – 'мясо умерших овец едящие' (*кулём баля йй сёйысьяс*) и других актуализируется, на наш взгляд, основная для традиционной культуры оппозиция свой/чужой, где представителями «чужого» выступают «едящие нечистую пищу» жители не своего, а иного населенного пункта.

Одну из групп составили так называемые этнические прозвища, представленные в фольклорной коллекции небольшим количеством текстов. Наиболее распространенным – 'цыгане' (*чиганъяс*) – называли жителей с. Нившера (*одыбса*), с. Часово (*часса*) и с. Коквицы (*отса*), в одном случае информант комментирует прозвище – «хитрый народ» [28]. В единичных записях зафиксированы прозвища жителей д. Чика (*чикосаяс*) – 'евреи' (*жид чукор*), букв. 'сообщество жидов', д. Шыладор (*шыладорса*) – 'болгары' (*болгаръяс*), с. Куратово (*кебраса*) – 'китайцы' (*китаечъяс*).

Этнические прозвища содержат стереотипные представления о лицах другого этноса (например, цыгане – обманщики, конокрады, евреи – прижимистые, материально благополучные и т. п.) [29]. Появление таких прозвищ, с одной стороны, обусловлено общностью физических, социальных качеств (внешнее сходство, речевые особенности, поведенческие характеристики и проч.). С другой стороны, сообщество может получить данное ЛГП по проживающим в их местности лицам той или иной национальности. Кроме того, в мотивации подобных прозвищ реализуется универсальная для народной культуры оппозиция свой/чужой, и этнический тип в данном случае

может не иметь значения, поскольку на первый план выступает представление «не такие, как мы». В некоторых случаях инаковость подтверждается и другим, наряду с этническим, прозвищем, например, по отношению к жителям с. Часово зафиксированы номинации ‘цыгане’ и ‘кошачье мясо едящие’ (*кань яй сёйысьяс*).

К этой же группе мы сочли возможным отнести единичные записи, в которых упомянуты представители других регионов. К примеру, жителей д. Даньдор (*даньдорса*) называют ‘пошехонцы’ (*п’ш’концы*), с. Пыелдино (*поёлса*) – ‘сибиряки’ (*сибыракъяс*) и др.

В некоторых прозвищах нашли отражение некоторые специфические черты языковых, мировоззренческих взаимоотношений русского и коми населения. О проживающих в с. Усть-Вымь (*емдінса*) говорили ‘тышляк рочьяс’, что означает ‘низкосортные русские’ (*тыш ляк* – самый низкий сорт конопли, который обычно не снимается, остается на поле [30]); о жителях с. Усть-Цильма (*устьсьильмасаяс*) – ‘кыдья рочьяс’, букв. ‘русские с высевами’ (так говорят о коми, смешивающем коми и русский язык [31]).

Отдельную группу составляют прозвища, в номинации которых актуализируются представления о «соседях» как носителях сакральных магических знаний, способных нанести вред, что также обусловлено противопоставлением своего/чужого. К примеру, жителей с. Пожег (*пожогса*), с. Пажга (*пажгаса*), д. Ипатово (*ипатдорса*) называли ‘еретники’, ‘колдуны’ (*еретникъяс*), м. Пушрös (*пушрössа*) – ‘колдуны’ (*колдунъяс*), д. Ёль (*ёльса*) – ‘колдуны’ (*шева чуманъяс*, букв. ‘короба с шевами’, *тишкёдчысьяс*, букв. ‘занимающиеся порчей’).

Прозвища, в которых отразились особенности одежды и обуви, составили следующую группу. По отношению к жителям с. Куратово (*кебраса*), например, зафиксированы номинации ‘штаны со шнурком’ (*көвья гачьяс*), т. е. ‘подвязывающие веревкой штаны’, и ‘балахонники’ (*шабуръяс*). Проживающие в д. Ураки (*ураковчи*) назывались ‘бесштаные’ (*гачтёмъяс*), причем обоснование этого прозвища фиксируется в современных материалах: «*дети у них всегда ходили без штанов*», «*пока человек не взрослый, они всегда ходили без штанов, дети особенно*» [32]. О жителях д. Гавриловка (*гаждорса*) говорили ‘ходящие в туфлях’ (*тупеля кокён ветлысьяс*), отмечая, по всей видимости, их недостаток, материальное благополучие. Жителей с. Няшабож (*няшасаяс*) называли ‘узорчатонogie’ (*сефа кокъяс*), закрепив предпочтению ижемского населения к орнаментированному вязаным чулкам [33].

Географическое положение или особенности природного ландшафта отразились в ЛГП, составивших наименее частотную группу. Так, жи-

телей д. Картаэль (*картаэльсаяс*) называли ‘между ручьев живущие’ (*шоркостсаяс*), д. Ивановская (*ивадорса*) – ‘по берегу ходящие’ (*вадор кузьта ветлысьяс*), проживающим в с. Межадор (*межадорса*) дали прозвище ‘гравийники’, т. е. ‘живущие на гравии’ (*көжа вывса*).

Некоторые номинации могут содержать несколько смысловых значений, а отсутствие каких-либо комментариев или пояснений затрудняет более четкую трактовку этих прозвищ. Например, жителей д. Гам Ижемского р-на (*гамсаяс*) называют ‘плакальщики’ (*бёрдысьяс*), возможно, оттого, что там проживали хорошие исполнители плачей; с другой стороны, посредством этого присловья могла характеризоваться и речевая манера местного населения [34]. По отношению к жителям с. Мыелдино (*мысса*) прозвище ‘росу хлебающие’ (*лысва панялысьяс*) может быть связано с социальным положением (бедностью), однако сами мыелдинцы объясняют «свое» прозвище подчеркнутым трудолюбием: «*Наши рано встают, по росе на работу идут, поэтому так называют*» [35]. Жители м. Епим Сикт (*епим сиктса*) получили прозвище ‘прядильщики’ (*кос печканъяс*), определяющее их род деятельности. Однако, как указывают диалектологи, основной смысловой акцент в этой номинации приходится на лексему ‘кос’ – сухой, худощавый (так говорят о человеке), соответственно, прозвище может интерпретироваться ‘сухие как прядки’ и характеризовать внешние данные, конституцию местных жителей [36].

Рукописные материалы 1930-х гг., хранящиеся в фольклорном собрании Национального музея РК, содержат довольно богатый фактический материал, связанный с прозвищной культурой населения Республики Коми. Несмотря на довольно «бедный» справочный аппарат, малое количество сопровождающих комментариев и пояснений, в ряде случаев возможно обозначить причины возникновения тех или иных групповых номинаций. Первое приближение к материалу позволило отметить ряд довольно устойчивых коллективных прозвищ, часто встречающихся в рукописях (часовские – кошкюеды, маджинцы – кашееды, отцевские – нищие, керчомские – кержаки и т. д.); выявить перечень идентичных прозвищ, используемых в отношении разных населенных пунктов (например, ‘нищие’ в отношении жителей с. Коквицы, с. Усть-Нем, с. Черныш, с. Озёл, с. Палевицы; ‘цыгане’ – с. Коквицы, с. Нившера, с. Часово и проч.); на основании признаков, закрепленных в названии прозвища, распределить имеющиеся материалы по лексико-семантическим группам.

Примечания

1. Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. М., 1999; Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. М., 1990; Пословицы русского народа: сб. В. Даля: в 2 т. М., 1989 и др.

2. Зеленин Д. К. Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии (Этнографический и историко-литературный очерк) // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М., 1994. С. 59–104; Зеленин Д. К. Великорусские народные присловья как материал для этнографии // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М., 1994. С. 38–58.

3. Зеленин Д. К. Великорусские народные присловья как материал для этнографии. С. 38.

4. Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: функциональность, жанровая система, этнопоэтика. Архангельск, 2004.

5. Считаю важным отметить и другие исследования по русским прозвищам, в т. ч. лингвистические: Карташова И. Ю. Прозвища как явление русского устного народного творчества: дис. ... канд. филол. наук. М., 1985; Воронцова Ю. Б. Коллективные прозвища в русских говорах: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002; и др.

6. Н. В. Дранникова достаточно подробно рассматривает историю становления, изучения и использования в научных работах термина «присловье» (Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища ... С. 31–40).

7. Чтобы не загромождать работу многочисленными ссылками, укажем шифры дел фольклорного собрания НМ РК, материалы которых использованы в настоящей работе: КП-12480. Л. 10; 21об.; 45об.; 53; 121; КП-12483. Л. 12об.; 37; 56об.; 67; 101об.; 138; 149об.; 164; 180; 206об.; КП-12482. Л. 126об.; 188об.; 198об.; 224; КП-12484. Л. 184; 228; 228об.; 241об.; 251; 254; КП-12481. Л. 29; 92; 108; 137; 209; 234; 264; 324; 355; 390; 410; 473; 608; 609. Выборочно, в небольшом количестве, тексты присловий из фондов НМ РК были опубликованы в сборнике материалов по устной прозе коми: Историческая память в устных преданиях коми: материалы / сост. и подгот. текстов М. А. Анкудиновой, В. В. Филипповой. Сыктывкар, 2005. С. 133–141. Само фольклорное собрание Национального музея относительно недавно попало в поле зрения исследователей, более подробно см.: Крашенинникова Ю. А. Фольклорные материалы в собрании Национального музея Республики Коми (проблемы описания коллекции) // Духовная культура финно-угорских народов России: материалы Всерос. конф. к 80-летию А. К. Микушева. Сыктывкар, 2007. С. 66–69.

8. Касаясь исследований прозвищной традиции коми, можно отметить, что опубликованы лишь единичные статьи, посвященные изучению коллективных прозвищ отдельных локальных традиций, использующие, в основном, современные экспедиционные записи, в частности: Бойко Ю. И. Лузско-летские коми: коллективные номинации и культурные границы // Европейский Север: локальные группы и этнические границы. Труды института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 71. Сыктывкар, 2012. С. 122–132; Ильина И. В., Уляшев О. И., Сиикала А.-Л. Общедеревенские прозвища населения верхней Вычегды // Сельская Россия: прошлое и настоящее (исторические судьбы северной деревни): материалы Всерос. науч.-практ. конф. (РК, с. Усть-Цильма, 10–13 июля 2006 г.). М.; Сыктывкар, 2006. С. 288–293.

9. Жеребцов И. А. Где ты живешь. Населенные пункты Республики Коми: историко-демографический

справочник. Сыктывкар, 1994; Административно-территориальное и муниципальное устройство Республики Коми (на 1 августа 2006 года). Сыктывкар, 2006.

10. На избирательность народной филологии в области прозвищного фольклора указывает Н. В. Дранникова, отмечая, что не все явления жизни входят в прозвищный фольклор, и в ряде случаев коллективная номинация представляет собой «только рефлекс» на какие-либо изменения в деревенском социуме (Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища ... С. 101).

11. Подача материала осуществляется нами по следующей схеме: название населенного пункта на русском языке, в круглых скобках катойконим дан курсивом на коми языке, затем прозвище на русском языке и в круглых скобках следует номинация курсивом на коми языке из первоисточника. Комментарии информантов даются курсивом на русском языке (перевод наш – С. Н.), в квадратных скобках пояснения наши.

12. НМ РК. КП-12481. Л. 108. Тетрадь Вокуева.

13. НМ РК. КП-12483. Л. 149об. Тетрадь Н. В. Турбанова.

14. Например, информация о достатке жителей Лоймы, активных торговых контактах лоемцев с Устюгом, Лальском, Вологодой, Лузой фиксируется и в современных экспедиционных материалах: так, в центре Лоймы стояли торговые ряды; в ярмарочный период ассортимент товаров был достаточно обширным (сбруя, дуги, животные, продукты питания, ткани, галантерейные товары, сельскохозяйственные орудия, сани и мн. др.); лоемцы возили в Лальск (Кировская обл.) на продажу лен, хлеб, деготь и проч. (Крашенинникова Ю. А. Свадебные приговоры и диалоги Прилузского района Республики Коми (по экспедиционным материалам второй половины XX – начала XXI века) // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 10. М., 2007. С. 49).

15. НМ РК. КП-12481. Л. 473. Тетрадь М. М. Прокушевой. Мотив нищенства зафиксирован и в современных полевых материалах: «Жители с. От (Коквицы) – просящие милостыню. А оттуда многие ходили просить Христа ради... Вот после революции их не стало. А то всегда спрашиваешь: “Откуда?” “Из Коквицы, Христа ради, подайте хлеба”. Вот из Ыба тоже, Емвинского Ыба, много просящих было, а теперь вот нет» (Историческая память в устных преданиях коми ... С. 135).

16. Жеребцов И. А. Где ты живешь. Населенные пункты Республики Коми ... С. 17

17. Республика Коми. Энциклопедия. Т. 1. Сыктывкар, 1997. С. 278.

18. НМ РК. КП-12484. Л. 228об. Тетрадь В. Н. Матвеева.

19. НМ РК. КП-12481. Л. 108. Тетрадь Вокуева.

20. Например, см.: Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера ... С. 88–95.

21. Запись из Сосногорского района РК содержит упоминание о роде куваркан: «Бабушка Ак Мавра про это рассказывала. <Про род куваркан?>. Да, оттуда ведь все – из черного рода все вышли (...). Марья тётка это рассказывала, кричала “кар-кар”, себя называла родом куваркан из-за черноты своей, так шутила» (Историческая память в устных преданиях коми ... С. 139).

22. НМ РК. КП-12484. Л. 251. Тетрадь И. А. Захарова.

23. НМ РК. КП-12483. Л. 180. Тетрадь Ладанова.
24. Коми легенды и предания / сост. Ю. Г. Рочев. Сыктывкар, 2006. С. 67, 68.
25. Там же. С. 67.
26. Цит. по: Историческая память в устных преданиях коми ... С. 134.
27. Лимеров П. Ф. Путешествия Степана-чудотворца: к вопросу о топонимическом мотиве в легендах о христианизации коми // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 1(17). С. 79–80; Устные предания о Стефане Пермском. Подготовлено О. А. Хвостиковой // История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы. Исследования и материалы. Сыктывкар, 1996. С. 109–110.
28. НМ РК. КП-12480. Л. 53. Тетрадь В. И. Попова.
29. Это отмечает и Н. В. Дранникова (*Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера ... С. 70–74*).
30. Безносилова А. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-русский словарь. Сыктывкар, 2000. С. 553.
31. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева. Сыктывкар, 1961. С. 185.
32. Бойко Ю. И. Лузско-летские коми: коллективные номинации и культурные границы. С. 128.
33. Об этом см.: Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М.: Наука, 1980. С. 93–98.
34. Близкий пример приведен в работе «Общедеревенские прозвища населения...»: женщин д. Вомынбож Усть-Куломского района называют 'свиристели'; это прозвище объясняется двумя версиями: певучие, хорошо поют как свиристели, и разговаривают так громко, «как будто ругаются» (*Ильина И. В., Уляшев О. И., Сишкала А.-А. Общедеревенские прозвища населения верхней Вычегды. С. 290*).
35. Цит. по: *Ильина И. В., Уляшев О. И., Сишкала А.-А. Общедеревенские прозвища населения верхней Вычегды. С. 289*.
36. Благодарим за ценные советы и консультацию сотрудников сектора языка канд. филол. наук. Л. М. Безносикову и канд. филол. наук. Е. А. Айбабину.

Сокращения

- АГП – локально-групповое прозвище.
НМ РК – Национальный музей Республики Коми.
РК – Республика Коми.

Приложение

Перечень названий населенных пунктов, использованных в статье (в случае разночтений с названием на коми языке в скобках указано официальное название населенного пункта на русском языке, дана информация о несуществующих на сегодняшний день населенных пунктах).

Ижемский р-н: Диюр, Гам, Ёль, Изьва (Ижма), Картаэль, Краснобор, Кыдзкар (Брыкаланск), Мокчой юр (Мохчаюр), Няша (Няшабож), Поромес, Устьё (д. Усть-Ижма), Феофанпи (нет сведений), Чика, Щель.

Княжпогостский р-н: Ляли, Серегово.

Койгородский р-н: Грива, Гурган (объединена в с. Койгородок), Катыд (д. Верховье), Клапово (исключ. из учетных данных), Койгорт (Койгородок), Мырпонаыб, Пежгин (объедин. в д. Гурган, а затем в Койгородок), Пушрӧс (возм. д. Пустошь – исключена из учетных данных).

Корткеросский р-н: Висер (Богородск), Маджа, Наволок, Одыб (Нившера).

Прилузский р-н: Абъячой (Объячево), Епим сикт (нет сведений), Кузьдав (исключ. из учетных данных), Кулига, Лобановка (включ. в с. Поруб-Кеповская), Лойма, Мӧдчой (Поруб-Кеповская), Монастырь (включ. в с. Объячево), Пӧръяснян чой (нет сведений), Прокопьевка, Ураковка.

Сосногорский р-н: Аким, Винла, Пожня.

Сыктывдинский р-н: Вилядь (объедин. с с. Парчег), Гаждор (Гавриловка), Даньдор (объедин. в д. Сотчемвыв), Данямикдор (Тупицино), Ёль (объедин. с с. Ыб), Ивадор (Ивановка), Ипатьдор (Ипатово), Озов (Озёл), Пажга, Палевицы (Паль), Парчег, Пешкапиян (объедин. с с. Парчег), Придаш (Слудка), Проньдор (Прокопьевка), Свеждор (объедин. в д. Сотчемвыв), Час (Часово), Чит, Шорйыв (д. Березник), Шошка, Шыладор, Ыб, Ягвыв (объедин. в д. Дав).

Сысольский р-н: Визин (Визинга), Воль (Вотча), Катыд (д. Горьковская), Кебра (Куратово), Поёл (Пыелдино), Пон, Чухлэм, Межадор.

Усть-Вымский р-н: Айкытыла (Айкино), Аквад (Оквад), Вомын, Гам, Емдін (Усть-Вымь), Камсамас, Кожмудор, Кырув, Мырьерем, От (Коквицы), Улыс От (Нижние Коквицы).

Усть-Куломский р-н: Дереванӧй (Деревянск), Дон, Керчомья, Краснояр, Куж (Кужба), Мыс (Мыелдино), Пожег, Помӧсдін (Помоздино), Сёйгудор (нет сведений), Усть-Нем, Вичкодор.

Усть-Цилемский р-н: Усть-Цильма.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008:930.85(470) «/8»/ »19»

Н. Н. Гашева

НОВОЕ КАЧЕСТВО ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА – ПРЕОДОЛЕНИЕ СИНКРЕЗИСА

В статье рассматриваются трансформации художественного сознания в искусстве отечественного постмодернизма. В процессе анализа (с опорой на тексты литературы, живописи, кино, театра) делается вывод о существенных различиях в творческих исканиях отечественных и западных художников. Аргументируется оправданность духовных и эстетических исканий современных художников в сравнении с модернизмом прошлого века и их несомненная связь с христианской традицией русской классической культуры.

In the article transformations of artistic mind in the art of Russian postmodernism are regarded. In the course of the analysis (based on literature, fine art, cinema and theatre texts) it is revealed that there are essential differences in creative searches of Russian and Western artists. Argument is given to justify spiritual and aesthetic searches of modern artists in comparison with the modernism of the last century and their obvious relations with the Christian tradition of Russian classical culture.

Ключевые слова: постмодернизм, кризис культурного сознания, синкретизм, игра с традицией, поиск гармонии, этико-эстетический синтез.

Keywords: Postmodernism, crisis of cultural self-identity, syncretism, play with tradition, search for harmony, ethical and aesthetic synthesis.

Духовность культуры определяется ее обращенностью к идеалу. Именно с этой точки зрения следует обратиться к тем процессам, которые сегодня характерны для современной отечественной культуры.

Отечественный постмодернизм, в наиболее существенных своих чертах соприродный западноевропейскому (интертекстуальность, игра, полилогизм, пародийность, двойное кодирование, деконструктивизм и децентрализация и т. д.), следует рассматривать не только в соотношении его с синхронными контекстами других культур, но прежде всего как закономерный этап развития русской культуры в ее исторической и ментальной диахронии и взаимодействии экстра- и интракультурологических аспектов.

Представляется необходимым отечественный постмодернизм рассматривать в контексте общих художественных исканий русской культуры рубежных эпох как выражение наиболее типичных закономерностей развития культуры человечества в целом. Такой взгляд позволяет поставить «новое искусство» на подходящее ему место. Ценны размышления В. Иванова, который предполагает, что «на рубеже двух столетий сформировался такой стиль века, который позднее не трансформировался радикально, а развивался, как когда-то большие направления, подобные барокко, классицизму, романтизму» [1]. Постмодернизм – это одна из фаз развития целого «стиля эпохи». Этим объясняется тот парадокс, что сформулированные Х. Ортегой-и-Гассетом, одним из теоретиков авангардизма, черты «нового искусства» рубежа XIX–XX вв. почти буквально можно применить при анализе как западноевропейского, так и отечественного постмодернизма. Мы рассматриваем постмодернизм как инобытие модернизма и как способ мироощущения, духовную и эстетическую практику, реализующую и воплощающую новый синкретизм в развитии культуры как системы бытия.

Синкретизм как трансисторическая форма проявляет себя не только в истории искусства, но и в культуре в целом, однако уже не как кинетический (как в праискусстве первобытных исторических эпох), а как статический. Сложившиеся информационные блоки, из которых состоит синкретическое знание, неразложимы и нечувствительны к противоречиям, малопроницаемы для критического анализа. Синкретически аморфное мышление не поддается логическим операциям. Представление, вызываемое в памяти другими представлениями, приобретает силу умозаключения. Поэтому всякие обозначения явления, их знаки и последовательность закономерным образом принимаются за причины, могущие вызвать эти явления (магические символы, образы слова). Возникают мистические, не существующие в реальности связи, а подлинные закономерности и причины фантастически трансформируются, образуя причудливые формы. Постепенно складываются устойчивые коллективные представления о формах и типах магической зависимости, которые выполняют функцию своего рода общих понятий, частично заменяя их. Синкретические представления отличаются

тем, что, будучи конкретными, легко применимы к разнообразным ситуациям, универсализируются. Нечто подобное происходит с массовым сознанием, искаленным идеологической пропагандой. С помощью идеологических штампов и клише массовое сознание пытается анализировать действительность. Синкретизм в форме не критичности к своим собственным мыслям, фантазиям, на уровне индивидуального сознания, чрезмерное доверие к продуктам своего воображения, которые, впрочем, во многом формируются в результате преобладающих в общественном сознании мифов, то и дело проявляет себя в культуре.

В истории искусства в более поздние эпохи (XIX–XX вв.) художественно-образные способы отражения мира, органично сплетенные со специфической формой сознания архаического человека, используются в качестве средств и приемов выразительности; их актуализация в современном реализме, модернизме, постмодернизме обусловлена характером общих задач, стоящих перед конкретными художниками, типичным состоянием ментальности культуры (переструктурированием всех систем и подсистем культуры). Чем многообразнее данные способы и средства праязыка, тем более эффективным становится сам творческий акт, актуализирующий в синкретическом образе (кинетически) «сакральное событие», переключающий человека из реального пространства и времени в «хронотоп» основополагающих начал, в универсальные измерения, утверждающие человека экзистенциально.

Авангардное искусство есть всегда реакция на классическое, полемика, спор, переосмысление классики. Отечественное искусство постмодернизма – полемическая реакция на ангажированность советского искусства. Однако нельзя забывать о несоизмеримости масштаба осмысления духовной проблематики времени в искусстве начала века и преобладающей поверхностности мысли, художественной бедности и, порой, вторичности творчества многих отечественных постмодернистов. Но, представляется, что, осознавая черты переходности «нового искусства», отдавая себе отчет в безусловной неравнозначности (философской и эстетической) постмодернизма и модернизма, мы вправе установить между ними генетическую зависимость как между фазами антисинтеза и нового синкрезиса или тотального синтеза (в проектах авангардистов и неоавангардистов соединить искусство с жизнью и попытками выработки путей к новому синтезу). Основание для этого – в общих способах восприятия и принципов изображения человека и мира в рамках модернистского искусства в целом. Главным объектом исследования литературы и искусства был и остается все-таки человек

с его болью, страданиями и обретениями, а вовсе не сам метатекст, как утверждают отечественные теоретики постмодернизма, бессознательно, возможно, подражая западному постструктурализму. Ведь и Пушкин, и Достоевский, и Набоков рефлексировали над текстами. Но эту рефлексию вызвало новое слово о человеке и его существовании.

Причина формирования своеобразных способов и принципов изображения человека в «новом искусстве» была широко обоснована Н. Бердяевым. Кризис культуры, кризис гуманизма рубежа веков обусловлен экспансией техники в мир человека, вступлением в культуру огромных человеческих масс и разрушением христианской концепции человека: Ф. Ницше, который пожертвовал человеком в пользу сверхчеловека, и К. Марксом, растворившим личность в безликом коллективе. В результате возникает искусство, в центре которого «не личность, целостная индивидуальность, а процесс расслоения личности» [2].

Западные теоретики постмодернизма дополняют картину причинности идеей «кризиса легитимаций», то есть поражением всех тех культурно-идеологических дискурсов, которые изнутри структурировали историческую модель цивилизации (Ж.-Ф. Лиотар), и концепцией «симулякров и симуляции» (Ж. Бодрийяр), констатирующей размывание границы между знаковыми объектами и их реальными референциями. В отечественной культуре все эти характеристики и черты усугубляются и гипертрофируются за счет разрушения системы «метанарративов» советской идеологии, формирующей вариации «гиперреальности симулякров». Пустоты смыслов и видимостей как реальность современного искусства вскрывают хаотическую логику синкрезиса переходной эпохи и синкретическую структуру и логику существования и мироощущения современного человека.

Ценность и достоинство представителей отечественного постмодернизма определяется адекватностью их творческих исканий современному состоянию мира. Это касается особой концепции человека и его существования. Новизна взгляда на человека связана с экзистенциальным мироощущением художников. Человек в их творчестве рассматривается как эквивалент своего существования. Человек в одиночестве постигает свое бытие. Это бытие, растворенное и спрятанное в абсурде симулирующей кажимости. «Искусство ничему не учит, – сказал один из самых ярких представителей современного постмодернизма И. Бродский в своей Нобелевской речи, – кроме частности человеческого существования» [3]. Однако есть определенная разница между западным экзистенциальным сознанием, скажем, беккетовским («В ожидании Годо») и отечествен-

ным – с конкретикой и абсурдом его социальных, психологических, повседневно-бытовых мотивировок (см. творчество В. Ерофеева, Ю. Мамлеева, Л. Петрушевской, Ф. Горенштейна, С. Довлатова, Т. Толстой, Н. Сакур, В. Сорокина, В. Пелевина, В. Шарова, В. Сарапулова, А. Сибирова, А. Еременко, В. Кальпиди, Ю. Беликова, Т. Кибирова, Ю. Старцевой и соприродные явления в других видах искусства: работы художников-постмодернистов И. Кабакова, М. Шемякина, М. Кантора, Т. Файбыш, Ю. Лапшина, А. Сундукова, Т. Шимаса, А. Бобрусова, Л. Табенкина; современный кинематограф: фильмы К. Муратовой, П. и В. Тодоровских, Ю. Звягинцева, И. Вырыпаева, К. Серебренникова, В. Г. Германики и др. В частности, например, в фильме П. Чухрая «Трясина» герой в течение многих десятилетий прячется от войны в погребе и ожидает, когда за ним придут; в драматургии – например, в пьесе В. Славкина «Серсо» главный герой, Петушок, в течение 25 лет просидел в коридоре на сундуке в ожидании наступления настоящей жизни; в прозе – в романе Ф. Горенштейна «Койко-место» борьба героя за место в общежитии представлена как смысл существования).

Взгляд на человека с позиции экзистенциализма в современном искусстве пересекается с позицией, сформулированной еще Н. Бердяевым: «Человек остается личностью, образом и подобием Божиим, не превращается в средство безличного жизненного и общественного процесса лишь в том случае, если он есть точка пересечения двух миров, вечного и временного. Если он не только действует во времени, но и созерцает вечность, и если он внутренне определяет себя в отношении к Богу. Человек не может быть только объектом, он есть субъект, он имеет свое существование в себе» [4].

Другая черта мышления современных художников – целенаправленно антиромантический, антиутопический взгляд на человека. Такое экзистенциально-ироническое отношение к человеку, к его бытию и реализуется в творчестве не только писателей (Л. Петрушевская, Т. Толстая, Ю. Мамлеев, Ф. Горенштейн, С. Довлатов, Л. Лосев, Н. Сакур, А. Еременко, В. Кальпиди, И. Жданов, В. Славкин, Т. Кибиров и т. д.), но современных художников вообще.

Существенна и третья черта их авторского мышления – их творчество – это диалог с русской классикой. И именно через эту «игру» с классикой, на наш взгляд, и осуществляется в их творчестве восстановление утраченной преемственности с культурной и христианской традицией. С классикой их прежде всего объединяет обращение к субстанциальному конфликту. Писатели исследуют онтологические для человечес-

кого существования состояния: смерть, любовь, материнство, связь с Богом или безбожие, одиночество, духовная свобода. Ситуацию, которую рассматривают писатели, мы бы обобщенно определили как жизнь человека в отсутствии Бога, или человек без Бога в душе. Это – онтологическая ситуация.

Духовно-нравственная не-целостность, разрушенность человеческой личности, синкретизм экзистенции личности и восприятия ею бытия, структурируемого хаотичностью реакций субъекта на мир реализуются в разных вариантах в литературе и в других видах искусства.

В прозе Л. Петрушевской («Свой круг», «Изолированный бокс», «Время – ночь», «Маленькая девочка из Метрополя»), Т. Толстой («Петерс», «Кысь») человеческая личность есть часть целого дисгармоничного мироздания. Напряжение и катастрофическое ускорение темпов жизни, специфическая массовая психология современного человека, небывалое количество информации, стремительная смена впечатлений ведут к ускорению процессов и в сфере переживаний, эмоций, внутренней психологической жизни человека. Отсюда укороченность – поверхностность чувств и, в конце концов, полная атрофия всякой способности к состраданию. Скажем, если в художественном мире Льва Толстого в моменты близости к смерти герои ощущают причастность собственного частного бытия к неспецифическому целому общему бытию, и это сознание вносит духовную осмысленность в их жизнь, то героине Л. Петрушевской попросту некогда задумываться о таких глубинах. Загнанная житейскими обстоятельствами, придавленная безысходностью повседневности героиня Л. Петрушевской, узнав о своей смертельной болезни, идет не в церковь, а... в кино («Изолированный бокс»). Героиня повести «Свой круг» буднично констатирует: «Маму я сожгла» [5]. Т. Толстая, хотя и дает восприятие смерти («Петерс»), но как бы обездуховленным, лишенным момента сопереживания. Смерть деда в рассказе показана через восприятие маленького мальчика. Сюжетно рассказ Толстой сопоставим с бунинским «У истока дней», где, как и у Толстой, смерть показана глазами ребенка. Но если Петерс лишь безоценочно фиксирует непонятные поступки взрослых, то в восприятии бунинского мальчика смерть младшей сестры осознается как трагедия. Для героя это переживание – первый акт самосознания. Он бьется над разгадкой тайны небытия. Тайна для него и в самой жизни. Ее олицетворение – зеркало, которое мальчик тщательно старается обмануть. Петерс тоже смотрит в зеркало, пытаясь через него вернуться в свое детство, но ничего не видит в нем, кроме своего безобразного лица. Мальчик у Бунина не успокаивается, он подгля-

дывает, внезапно оборачивается, заглядывает, наконец, за зеркало, – но ничего не видит там, кроме деревянных дощечек, соскабливает краску и видит простое стекло. Тайна жизни и смерти оказывается столь же непостижимой, как и тайна зеркала: «Я видел себя в этом зеркале ребенком – и вот уже не представляю себе этого ребенка: он исчез навсегда и безвозвратно... Но разве мое – это ясное живое и слегка надменное лицо? Настанет день – и навсегда исчезнет из мира и оно. И от попыток моих разгадать жизнь останется один след: царапина на стекле, намазанном ртутью» [6]. Художник констатирует – мир существования ничем не обоснован, случаен, абсурден, зеркало здесь как символ исчерпанности самоотражения человека в его собственном бытии. Но человеку все-таки необходимо постичь, что там, за гранью стекла. Человек у Бунина есть тревога духа, ответственность за свое индивидуальное и общее существование. Открытому Л. Петрушевской, Т. Толстой новому герою подобная рефлексия неведома. Это – личность распавшаяся, лишенная способности к самоанализу – воплощение сущности самой раздробленной фрагментарной жизни современного человека.

И уж совсем лишен способности к рефлексии о бытийных смыслах человек в прозе Ю. Мамлеева. Этот художник тоже исследует ситуацию близости человека к смерти. Можно говорить о доминантной антигезе жизнь – смерть в прозе этого писателя. Так, в рассказе «Исчезновение» перед взором читателя предстает жизнь, равная смерти, ее символ выражен в словах одной из героинь: «А мы все ядим, ядим, ядим! Мы все ядим!» [7]. Перед нами мир жующих, живущих на уровне первичных рефлексов, не способных к духовной рефлексии. И смерть в этом мире – как беглый эпизод в жизни соседей, маленького сына, озабоченного только тем, что его засмеют во дворе. «И чего она так громко кричит?» – брезгливо думает он о своей умирающей матери [8]. Ю. Мамлеев показывает, как воспринимает собственную смерть сам человек и как воспринимают ее окружающие. Перед нами уже словно неживой мир неживых, неодушевленных существ: переход из сферы живого в сферу неживого уже совершен. Это сближение двух миров есть и у Л. Петрушевской в «Изолированном боксе»: смертельно больной героине ближе давно умершая внучка, чем живая дочь. Героиня запросто разговаривает с внучкой. Атмосфера прозы Ю. Мамлеева – это своеобразная вакханалия мертвого. Как правило, он рисует скученность большого количества людей в малом пространстве, в тесной комнате, где живут сразу несколько поколений от дедов до внуков, где пересекаются любовный экстаз с предсмертной агонией,

а посередине стол, где едят, жуют и глотают. Мамлеев показывает сдавленность человека внешним враждебным пространством. Это пространство, заполненное до предела мертвыми вещами, вытесняет человека, не оставляет места живой страдающей и сострадающей душе. В рассказе «Гроб» писатель прибегает к приему сюжетизации гротескного образа: огромный гроб втискивают в маленькую комнату, он так громоздок, что едва входит в двери. Гроб ставят на обеденный стол, и он заполняет собой все маленькое пространство так, что живые еще существа теснятся у стен. Однако жизнь продолжается и в этом абсурде: за тем же столом, где стоит гроб с телом умершей, другие, еще живые, спокойно и буднично обедают. «То, что я умру, – понимаю, – надрывно говорит себе умирающая Полина Аркадьевна, но куда денется мой живот? Неужели я его никогда не увижу?» [9] На этом замыкается образный ряд мертвого существования жующих («А мы все ядим», – живот – обеденный стол с гробом). «Только Саня остался около покойной: он думал, что умереть – это, наверно, то же, что идти одному по далекому шоссе, не выпив ни грамма водки... Бессмертие было также обычно и смешно, как тряпичная нелепая кукла» [10]. Когда человек становится в один ряд с вещами, отождествляется с неодушевленным предметом – утрачивается чувство нравственной бесконечности человека, перед которой малы все вещи, утрачивается ощущение неподменности человека, его неразменности на вещественные ценности. В прозе Мамлеева мы наблюдаем процесс разложения духовного образа человека, смешение человека с нечеловеческим, с элементарным. Мамлеев срывает с человека все покровы, вскрывает внутреннее строение природного существа, идет все глубже, открывает образы настоящих чудовищ (рассказ «Ножницы», где мать калечит собственного ребенка, или повесть «Вечный дом» – о трагической судьбе девочки, насытившейся мясом собственной матери). Писатель создает сюрреалистический образ мира, где возможен целый народ, наевшийся человеческого мяса, это – то гиблое место, где не вырастет ничто доброе.

В драматургии образ разложившегося сознания современного человека воплощается через речь героев. Еще Н. Лесков говорил, что человек живет словами, каковы слова – таково и бытие человека. В монодраме Л. Петрушевской «Песни XX века» перед нами тянутся конвульсии коллажного сознания современного человека: редуцированная личность, не способная, не умеющая выразить себя в человеческом слове. Пытаясь записать свою речь на магнитофон, герой не может вымолвить ни одного индивидуального слова. Магнитофон здесь – тоже свое-

образное зеркало, пусть не зрительного образа мира человека с его существованием, но зеркало воплощенного сознания. Однако ничего индивидуального, личностно-субъективного не может отразить это зеркало, так как герой способен выдать только наборы стереотипных чужих фраз.

Можно говорить о доминантной антитезе в творчестве художников двух начал – жизни и смерти, сближении этих двух миров и их взаимном превращении друг в друга. Мир расплывается на глазах, деструкция приводит к выплеску на поверхность реальности хтонических символов, «меона», первичных архетипов. Деструкция захватывает все основные измерения человеческого бытия: хронотоп, причинно-следственные детерминации, внутренне духовное пространство человека. Деформированная реальность усугубляет одиночество и отчуждение человека, не только вытесняет собственно человеческое из неестественно искажившейся визуальной реальности, но и способствует «хтонизации» живого существа, трансформациям и превращениям человека в недочеловека, монстра, вампира и т. д. Синкретизм нравственного, психологического, вербального, онтологического абсурда ментальности и реальности, оборачивающейся пустотами и псевдосмыслами (Ю. Мамлеев – «Вечный дом», «Гроб», «Улёт», «Ножницы», «Бычок»; В. Пелевин – «Вести из Неаполя», «Чапаев и пустота», «Синий фонарь»; В. Сорокин – «Кисет», «Летучка», «Возможность»; Н. Сакур – «Синяя рука», «Лунные волки»; Ю. Старцева – «Медея», «Роденький», «Убить змею»; Е. Гришковец – «Как я съел собаку». Визуальные объекты и инсталляции художников-постмодернистов: И. Мухин – «Пустые места», А. Альчук – «Фигуры закона», О. Кулик – «Зоофрения», «Последнее табу, охраняемое одиноким цербером», «Африка “Крымания”» и др.) [11].

В современной поэзии экзистенция человека выражается напрямую, непосредственно. Образ разрушенного, не-целостного сознания личности в его индивидуальной форме мы можем увидеть в стихах И. Жданова: «Дождя отвесная река / без берегов в пределах взгляда, / впадала в шелест листопада / текла в изгибах ветерка /... / Я не видал подобных рек / все эти заводы, стремнины / мне говорили: без причины / в ней где-то тонет человек. / И лужи, полные водой, / тянулись вверх, когда казалось, / что никому не удавалось, / склоняться, плача, над собой» [12]. Лирический герой в традиционном понимании здесь отсутствует, – дается как бы «портрет» чувства, при этом нарушается целостное представление о самом субъекте страдания. Жданов развоплощает субъекта – носителя психологического явления – для обнажения изначальной сути самого переживания, создавая для этого

«плотский», пластический, внешне осязаемый его образ. Но пластические образы стихотворения – только проекция внутренних состояний, переживаний лирического субъекта. У А. Еременко дан образчик коллективного коллажного сознания, (образ «меона»). Поэт в иронической форме демонстрирует разные варианты самого феномена симбиозного, энтропийного сознания человека массы, толпы, которое включает в себя фрагментами и самые низкие уровни культуры, способные лишь фиксировать внешнюю канву событий и лозунговых формулировок, – и уровни сознания более развитого типа, склонного и к рефлексии о реальности, но тоже засоренного стереотипами, штампами, маргинального, подчиненного мертвой логике псевдосмыслов, архетипов коллективного бессознательного, по Юнгу («Штурм Зимнего», «Покрышкин»). Интонация, содержащая в подтексте циничную издевку, призвана выразить «усталость», перенасыщенность современного сознания одноцветной героической информацией – отсюда поэтика, которая сродни известным анекдотам про Чапаева и страшным «детским» стишкам-страшилкам, столь популярным у нас в 80-е гг. XX в.

Современных художников-постмодернистов волнуют одни проблемы. В выборе тем они оказываются солидарными, и это не случайно. Прежде всего это сам дух толпы, атмосфера уличной анонимности. Встрешность затерянностью среди множества, атомизацией человеческих единиц, объединенных своей стандартизованностью, чувствуется особенно в картинах А. Сундукова, М. Кантора и в стихах И. Жданова, А. Парщикова, в прозе и драматургии современных авторов (В. Пелевин, А. Петрушевская, В. Сорокин, Н. Сакур и др.).

В стихах И. Жданова «Поезд», «Не степь, а детский мяч...», стихотворении А. Парщикова «Мемуарный реквием» и на картинах А. Сундукова «Бесконечный поезд», «Когда в очереди...», «У картины» ставится проблема взаимоотношений человека и толпы. Суэта жизни «расчеловечивает» человека. Например, аллегорическая композиция А. Сундукова «Когда в очереди...», где длинная вереница безликих людей уходит в необозримую даль. Их спины сливаются в единую непрерываемую линию, исчезающую за горизонтом. Работа проникнута идеей бесконечности и в то же время однообразия. Не теряющие надежду люди выстроились вокруг земного шара в очередь за счастьем. Тут есть наблюдательность и живая горечь. Все картины А. Сундукова отличается, на первый взгляд, жизнеподобная манера, в то же время окрашенная фантастическими тонами – неестественное освещение, однообразие человеческих фигур, лица, утратившие живое выражение, неожиданная тупиковая перспекти-

ва и безвыходность этой перспективы. Те же мотивы звучат у И. Жданова.

В один замкнутый круг втянуто все окружающее: и города, и природа, и предметный мир, и сам человек, на лице у которого маска отчуждения. Метонимическая образность многозначительна.

У Сундукова, как и у Жданова, есть ощущение своеобразной иррациональной плотности человеческой материи, неких ее скрытых ресурсов. Отсюда крупный формат и монументальность многих композиций, их особая интонация, порой даже странно торжественная «ритуальная».

Немаловажную роль в их творчестве играет «суггестивность цвета» (в живописи) и «суггестивность слова» (в поэзии). У И. Жданова слово полновесно и самостоятельно, обладает духовной активностью, силой внушения. Это мы наблюдаем и у М. Кантора. У него, как и у И. Жданова, картины излучают особую духовную энергию. И тот и другой воплощают жизнь, вытесненную из нормальной жизни, антижизнь, в которой человек оказывается всегда беззащитен перед обществом и одинок в борьбе с силами мирового зла.

М. Кантор и И. Жданов оставляют возможность различать в этом всеобщем распаде мира страдания одного – каждого затерянного в нем человека, они стремятся показать обреченность и беспомощность человека. В центре их внимания – образ сознания современного человека.

На картине «Зал ожидания» Михаила Кантора показан застой, бездействие, лица людей полусонны; чего «ожидают» они, куда увезет их поезд, от чего бегут – сказать трудно. Чтобы лучше передать состояние безысходности ожидания, Михаил Кантор использует темные цвета – цвета печали и скорби, выстраивает визуально образ замкнутого пространства, как бы символизирующего безвыходность, отсутствие выбора.

Мир вещей поработает человеческий дух, уподобляет себе, подчиняет своей неумолимой логике – лишает воли, исключает возможность свободного выбора. Ироническую фантазмагорию – современное переосмысление древнегреческого мифа об Орфее, блуждающем по трубам отопительной системы, встречаем у И. Жданова в стихотворении «Рапсодия батареи отопительной системы». При этом в индивидуальной судьбе – олицетворение участи всего современного человечества, зашедшего в некий метафизический тупик: И что ни лицо во вселенной, / То водоворот, / Затянутый наглухо / Спелым комфортом болот... [13].

Разросшаяся метафора несвободы, полной зависимости от втягивающих в свой водоворот обстоятельств (ср. у Ю. Трифонова: «Есть реки, заключенные в железные трубы» [14]).

И. Жданова и М. Кантора мучают вопросы субстанционального характера: кто я, каково мое

место в этом мире, мое предназначение, что значит моя жизнь в этом мире? Настоящее в их творчестве есть перекресток двух временных потоков – прошлого, чей образ ностальгичен в лирике и живописи, и будущего, предстоящего в облике некоего Апокалипсиса. Само «я» человеческое совмещает в себе в каком-то мучительном сплаве всю линию родовой судьбы от рождения до умирания: «И по желтому полю, по скошенным травам наследства / желтизной фотографий восходит размытое детство / в законное небо, мерцающая прямыми углами, – / море в жилы вошло и замкнулось в обугленной раме» [15]. Но если в живописи мы видим реальные зримые образы, визуальные ассоциации будят душевную тревогу, то в поэзии мы интуитивно предчувствуем невыраженное вербально, хотя ожидание катастрофы присутствует и в поэзии, и в живописи. Здесь внутреннему взору поэта образ прошлого видится наглядно-эмпирически (распадающимися пластами пожелтевших фотографий, запечатлевших далекое детство) и одновременно – идеальной проекцией душевного взросления, усугубляющего ощущение вины и ответственности перед родиной, отцовским домом.

Есть сила, разрывающая мир на куски, но есть и воля, препятствующая энтропии человеческих ценностей. Такой мыслится самая общая трактовка темы, решаемой М. Кантором, – она возникла в композициях, связанных с мотивом «зала ожидания». Тема человеческого множества, символическая как для Кантора, так и для Жданова, корреспондирует с темой духовного стоицизма. Современный человек воспринимается и рассматривается как представитель толпы, массы, главная его тревога – не утратить в этой ситуации своего неповторимого лица, индивидуальности. Утрата индивидуальности, внутреннего духовного суверенитета, подчинение стереотипу поведения и клише обстоятельств сродни антисуществованию, небытию, псевдожизни: «Но больно видеть, что душа поката, / Окружена экранами сплошными, / Где что-то происходит подставное, / И ничего не видно из-за них...» [16]

Другой художник – И. Кабаков – словно разом освобождает и вещи, и знаки от взаимной ответственности, точнее, вводит их в поле «безответственного соответствия», где «раздутые в своем значении знаки и нищие в своей предметности вещи призваны свидетельствовать друг о друге» [17]. «Мусорный роман» – серия альбомов, куда вшиты и подклеены квитанции, билеты, талончики и другой «мусор». «Мусорный человек» состоит из прикрепленных к массивному деревянному стенду частиц повседневного хлама: пушинок, ниточек, осколков – всего, что мы находим на полу, под диваном, в глубине ящика. Перебирая взглядом один пустяк за дру-

гим, поначалу не понимаешь, для чего они собраны вместе и какова основная художественная идея. Между тем к каждому предмету прикреплена этикетка, напоминающая, когда, и в какой связи он был куплен, подобран, использован, выброшен. Все элементы мусора строго документированы и вплетены автором в канву собственной жизни. При этом в расположении этих предметов нет никакого разгула, подходящего мусорной куче, напротив, они тщательно подобраны. Этот идеальный порядок вступает в противоречие с ничтожеством самих предметов.

И вдруг постигаешь совместную значимость и этого порядка, и этого ничтожества. Порядок – то, чем должна стать наша жизнь, что мы пытаемся из нее сделать, а ничтожество – то, из чего она в действительности состоит. Такие понятия, как «порядок» и «ничтожество», присутствуют и в стихотворениях И. Жданова, они постоянно в борьбе друг с другом.

Сопоставление «порядка» и «ничтожества» позволяет обозреть эту жизнь как целое. Что же она такое? Разве не из этих пылинок она состоит? А встречи? А болезни? А страх? А надежды?

Тема мусора приобретает у И. Жданова и И. Кабакова глубоко эсхатологический смысл – как прощание с пыльной материальностью мира. Вся жизнь, переполняясь малозначащими подробностями, становится одной из них – рождается метафора призрачности существования, обмана бытия. Если у И. Кабакова образ мира и жизни как хлама, мусора совмещен с образом мира, из которого исключен человек как субъект страдающий и оценивающий, – мира безлюдного, то у И. Жданова рождаются образы людей-получудовищ, кентавров – плоть от плоти абсурдного бытия, породившего их. Развоплощение привычного мира сгущается в зловещий символ современной цивилизации в стихотворении «Неон» – ночной магазин, освещенный мертвенным неоновым светом – олицетворение полной враждебности по отношению к живому человеческому существу, которое тоже, в свою очередь, перерождается («Быки или кони...»): Вот и слово прошло / по прокатному стану неона, / Сквозь двумерную смерть / И застыло багровой короной / Над пустым магазином, / Над потным челом мироздания... [18].

Слово, обычно заключающее в себе энергию смысла, человеческого сознания, само обесмысливается, становясь формой, наполненной чуждой энергией – энергией неона. Поэтому так мрачна метафора: слово «застыло багровой короной... над потным челом мироздания» – последняя метафора, словно олицетворяющая созидательную сущность человечества, резко противопоставлена результату созидания: омертвевшее слово, из которого выхолощен живой смысл,

застыло багровой короной! Есть некая идея абсурда усилий творцов конца XX века! Мертвенный неон освещает не менее мертвенную жизнь!

С другим современным художником – И. Ганиковским – Ивана Жданова объединяют смысловая полновесность слова и краски, обремененные глубокой ассоциативной памятью, погруженной сразу в контексты многих культурных эпох. Мы можем определить авторский пафос художника и поэта как ностальгию по культуре. Часто, как дети, избегающие «соприкосновений» (метафора М. Кудимовой) с энтропией современности, чтобы не «умереть», они уходят в иные духовные эпохи и культуры. О выработке нового эстетического отношения к действительности, объединяющей целое поколение в современном искусстве, размышляет сам И. Жданов: «Этим объясняется повышенный интерес к прошлому, попытка найти ответ, каким образом сложилось существующее положение вещей, попытка обрести опору в культуре, найти себя, свой путь в этом чаду спокойствия, над которым витает дух катастрофы. Исторический опыт все более переживался как личностный; осознать его в себе – значит уйти от издержек рефлексирующей личности. Мы не хотели оставаться детьми застоя, мы хотели стать детьми культуры» [19].

Прав искусствовед В. Кисунько, отмечающий в творчестве названных художников (и это объединяет их, как мы убеждены, с поэтами своего поколения) «жесткий упрек не столько судьбе, сколько себе. По крайней мере, упрек, обращенный не в одну сторону. Упрек всем нам в том, что один из критиков определил как “великий грех бездействия”. Понятие застоя, причины и следствия застойности художники и поэты остро субъективизируют, претворяют в проблему совести. Это поколение, на собственном горьком опыте открывающее важнейшие законы социальной этики, социальной ответственности» [20].

Творчество такого рода подвело своеобразную черту под развитием современного искусства. Не случайно реалистическое искусство сегодня ищет выходы на новый уровень в осмыслении жизни.

Пребывание в культуре и стремление ее сохранить – а не нигилистическая жажда расквитаться с нею – делает творчество названных авторов ценным с точки зрения этой культуры.

Постмодернистская культура создает проекцию на идеальный план современности и истории, осмысляет реальность глубиной этого идеала. Идеальная перспектива культуры складывается в диалог с классикой, в этической и эстетической ориентации на классику как миф, универсальный ценностный центр культуры, архетипический символ Вечности, дополняющий картину современности измерением бесконечности. Апелляция к

А. Пушкину, Н. Гоголю, Ф. Достоевскому, А. Толстому, А. Чехову рождает многообразие семантики и символики в современном искусстве постмодернизма. Особенно характерно возвращение современной культуры к знаковой фигуре Н. Гоголя («Голова Гоголя» А. Королева, «Панночка» и «Брат Чичиков» Н. Садур, творчество Ю. Мамлеева, А. Петрушевской, В. Пелевина и т. д.) – в сегодняшнем культурном контексте – не только автора «Вия», писателя, исследующего экзистенцию «маленького человека», но и религиозно-мыслителя, взглянувшего на мир с «христианской точки зрения», первым призвавшего Россию к покаянию и нравственной ответственности. Ощущение ностальгии по цельности и гармонии – это то, что смыкает, а не размыкает названных авторов с традицией. Внешне демонстрируемое отсутствие реального идеала в творчестве постмодернистов есть знак его долженствования. Эта своего рода «эстетика зияния» (наиболее точно выраженная еще М. Лермонтовым: «Но храм оставленный – всё храм, / кумир поверженный – всё Бог» [21], переосмысленная А. Ахматовой: «Кто знает, как пусто небо на месте упавшей башни... [22]), – стала общим этическим и онтологическим контекстом современных представителей отечественной культуры. В этом они тоже верны гоголевской традиции. В мире Гоголя нет современного позитивного объективированного героя; однако в этом мире с беспримерной силой и осязательностью воплощен его всевидящий и исполненный многогранной, даже всесторонней (от мощного духа юмора до столь же мощного трагедийного духа) духовности творец, автор. Ностальгия по совершенству форм, ясности смысла, целостности и гармоничности духа наиболее интенсивно и трагически переживается В. Кальпиди: «И вот еще что: / к нам приблизился чуждый десант / из прошлого века – / вон Пушкин / в зеленом берете, / левой – Баратынский – / он очередью причесал / нам полпоколения, засев с автоматом в кювете. / Ох, что же нам делать – с их истиной и простотой / с ленивою мудростью, / с чокнутой теткой Татьяной, / они замечают, как ночью звезда со звездой / болтает, а мы уже к вечеру вдребезги пьяны... / Бог с ними, Алеша, / и с ними действительно, Бог...» [23] Сознание своей греховности и духовного несовершенства – путь к очищению и духовному подвижничеству. Это – позиция православного христианства. Общий итог не может зависеть от преобладающего в мире, воплощаемом в творчестве отечественных постмодернистов, количества зла. Здесь важнейшее отличие позитивистской концепции от христианской. Последняя не обещает рай на земле, достижение благоденствия, освобождение и искупление всех страданий в земной жизни. Христианская точка зрения, реализуемая в русской клас-

сике, отнюдь не призвана утешить человека, она не оптимистична. Главные ее откровения о страдании, жертвенности, самоотвержении, духовном преодолении себя. Бытие человека трагично. Он обременен своей жизнью – но духовную силу выстоять он черпает из сознания своей связи с Высшим началом. Эта связь – источник творчества самого человека. Н. Бердяев писал: «Мы не имеем оснований для оптимизма. Все слишком далеко зашло. Вражда и ненависть слишком велики. Грех, зло и неправда одерживают слишком большие победы. Но постановка творческих задач духом, но исполнение долга не должны зависеть от рефлексии, вызванной оценкой сил зла, сопротивляющихся осуществлению правды. Мы верим, что мы не одни, что в мире есть не только природные человеческие силы, добрые и злые, но и сверхприродные, сверхчеловеческие, благодатные силы, помогающие тем, которые делают дело Христово, в мире действует Бог...» [24]

Главным в исканиях наиболее талантливых современных отечественных постмодернистов является ориентация на гуманистическую концепцию человека. Изображение распада человека и «мусорного мира» взывает к исканиям духовного содержания жизни. Именно в этом плане отечественный постмодернизм оправдывает свой новый уровень исканий сравнительно с модернизмом начала XX в. и несомненную связь с христианской культурной традицией русской классики. Только эта целенаправленность и обеспечивает смысл исканий в области формы и языка.

Примечания

1. Иванов В. Классика глазами авангарда. М.: Наука, 2000. С. 229.
2. Бердяев Н. Судьба человека в современном мире // Новый мир. 1990. № 1. С. 222.
3. Бродский И. Нобелевская речь // Литературная учеба. 1991. № 11. С. 310.
4. Бердяев Н. Указ. соч. С. 223.
5. Петрушевская Л. Свой круг. Рассказы. М.: Искусство, 2001. С. 102.
6. Бунин И. У истока дней. Собр. соч.: в 6 т. М.: Искусство, 1987. Т. 2. С. 49.
7. Мамлеев Ю. Черное зеркало. Рассказы. М.: Альфа, 2003. С. 80.
8. Там же. С. 95.
9. Там же. С. 28.
10. Там же. С. 30.
11. Рыклин М. Искусство как препятствие. М.: Прогресс, 2003. С. 75–85.
12. Жданов И. Портрет. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1985. С. 57.
13. Там же. С. 91.
14. Трифионов Ю. Время и место // Новый мир. 1981. № 8. С. 149.
15. Жданов И. Указ. соч. С. 9.
16. Там же. С. 52.
17. Куликова Е. Философия и искусство модернизма. М.: Искусство, 2001. С. 77.
18. Жданов И. Указ. соч. С. 101.

19. *Жданов И.* Прогулка по саду // Литературная газета. 2001. 29 июня. С. 5.

20. *Кисунько В.* Уроки времени. М.: Искусство, 2001. С. 180.

21. *Лермонтов М.* Стихотворения. М.: Искусство, 2000. С. 78.

22. *Ахматова А.* Избранные стихотворения. М.: Альфа, 2005. С. 90.

23. *Кальпиди В.* Аутсайдеры-2. Стихотворения. Пермь: Перм. изд-во, 1990. С. 221.

24. *Бердяев Н.* Указ. соч. С. 221.

УДК 271.2:94(470.342)

Д. А. Баранцева

РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СУДЬБЕ ВЯТСКИХ ЭМИГРАНТОВ 1917–1939 гг.

В статье рассматривается роль Русской православной церкви в судьбе вятских священников-эмигрантов. На примере биографий вятских священников выделяется основная причина принятия духовного сана эмигрантами.

The article considers the role of the Russian Orthodox Church in the fate of Vyatskie priests-immigrants. For example, in the biographies of Vyatskie priests highlighted the main reason for the adoption of the spiritual dignity of immigrants.

Ключевые слова: эмиграция, православие, церковь, священнослужители, Вятка.

Keywords: emigration, orthodoxy, church, clergy, Vyatka.

Русская эмиграция – широко известное историческое явление, оказавшееся в эпицентре событий 1917 г. Выдворенные из своей страны после пережитой исторической беды, связанной с революцией, не найдя себе места в социально-политическом хаосе российской действительности, эмигранты искали спасения в высших идеалах русской православной церкви. Обрушившиеся несчастья эмигранты стойко переносили, считая, что оставшиеся в России переживают их куда более трудно. Специфические трудности эмиграции (в частности, отсутствие почвы и среды) восполнялись верой. Религия стала обителью спасения от невыносимых социальных тягот и проблем для тех, кто с этими проблемами справиться на родине не мог. Обращение к Богу было понятным. Оно мотивировано всем жизненным опытом и сознательным выбором покинувших Россию. Но этот опыт, по оценке Н. А. Струве, не был ни безмятежным, ни безраздельно славным, ни сплошь творческим [1].

Судьба русской эмиграции предстаёт сегодня одной из актуальных проблем, изучаемых исследователями разных научных областей. Путь эмиграции в русскую православную церковь за границей до сих пор раскрыт не полностью. Одна из причин этого – отсутствие систематизированных данных о судьбах эмигрантов, принявших духовный сан за границей. Изолированность научных работ по отношению друг к другу не позволяет сделать чёткие выводы о причинах, побудивших многих русских принять постриг в эмиграции. Тем не менее возвращение русских за рубежом к православной церкви представляло сложный исторический процесс.

Так, А. Нивьер в статье «Русское православное духовенство в Италии: 1920–1990-е годы» отмечает, что на православных тогда смотрели как на еретиков. Именно поэтому русские эмигрантские общины в начале эмиграции были малонаселенными. Они в большинстве случаев существовали в тех городах, где до революции уже действовали православные приходы, – отсюда состав клира, обслуживавшего эти общины, не был многочисленным. Меньше всего среди русских изгнанников было таких, кого новая среда приняла с молитвенной любовью, разделяя их тревоги и чтя их жертвы. Некоторые из оставшихся на чужбине в мирской среде умирали от душевного расстройства.

Представители пореволюционной эмиграции отмечали, что многие вернулись в церковь именно в условиях изгнания. Принадлежа к интеллигенции, относясь ранее к религии с равнодушием, как к институту устаревшему и находящемуся в руках закостенелых и реакционных, они вдруг обнаружили в церкви «вечную красоту, открыли мистику, к которой русский народ всегда был расположен и которую можно было и толковать, и принимать... так, как душе хочется, думается» [2]. Возврат русской интеллигенции в лоно церкви был характерным явлением эмиграции, поскольку она воспринималась как последний уголок Отечества. Подтверждение этому факту находим в словах матери Марии (Скобцовой) от 1936 г., которая отмечает, что отколовшийся осколок церкви оказался в положении, в котором церковь никогда в мире не была. Её слова отображают действительное положение той части церкви, которая старалась понять, чего от нее ждет Бог, что она может сделать в том новом положении, в которое Бог ее поставил. Русская эмиграция пронесла по миру христианский гуманизм, в основном не известный за рубежом и отвергаемый как чуждый [3].

Из рядов изгнанников вышли священники – те, кто вряд ли взял бы на себя подобную службу в дореволюционной России. Врачи, ученые, инженеры, никогда прежде не работавшие арис-

тократы становились священниками и епископами. Им пришлось разделить бедность, тяготы, утрату положения в обществе вместе с остальными эмигрантами. Община поддерживала их как могла, но с финансовой стороны эта поддержка была ничтожной. Как пишет Ирина фон Шлиппе, одна из участниц работы над «Уставом Сурожской епархии», «по моему личному мнению, жизнь русского православного священника в изгнании была истинным духовным подвигом, чтобы не сказать мученичеством, который делили с ними жены и семьи. А многие делают и по сей день» [4].

Как уже отмечено выше, многие православные в эмиграции, в силу ряда причин, принимали сан священнослужителей. В результате православных религиозных деятелей русской эмиграции, по способу их биографического описания, можно разделить на две группы: епископы и монашествующие (чёрное духовенство), лица, принявшие духовный сан (белое духовенство) в России до эмиграции; церковнослужители и лица, принявшие духовный сан в эмиграции.

Последним вера в миссию заграничной православной церкви дала силы принять веру и монашеский постриг, так что наиболее одаренные представители русского религиозного возрождения вышли из них и стали яркими приверженцами подлинного христианского гуманизма. Возможно, они и не облагородили цивилизацию Запада, но закрепили убеждение, что православная философия является единственным ответом разорванному миру. Более того, если заграничная Россия и не утвердила ничего нового по существу, ее влияние на Запад проявится впоследствии в деятельности двух духовных академий – созданных ими богословских учреждений.

Русская православная церковь за рубежом имеет, как величайшую заслугу, то, что основала несколько богословских институтов. Наиболее известный среди них – Свято-Сергиевский богословский институт в Париже. Культуролог и деятель сербского православного патриотического дела Предраг Драгич Кижук в своей статье «Восток на запад» отмечает: «Русские и не русские стремились в эту Духовную Академию, чтобы услышать свободных мыслителей, имеющих широкую эрудицию и православную толерантность, и философов персоналистического направления, основывающегося на свободе и теории симфонии подлинного христианства. Христианский гуманизм увлекал каждого, кто не стал пленником анемичного, а в то же время гегемонистического европонарциссоизма. Благодаря новым толкованиям православная мысль действительно предлагала до тех пор не существовавшие познавательные перспективы в онтологическом, этическом, философском и ант-

ропологическом взглядах на мир» [5]. Создание Богословского института стало одним из оснований принятия православной веры многими русскими эмигрантами (зарубежными деятелями), среди таких уроженец Вятки *Петр Александрович Вахрушев* [6]. Он с 1925 г. был членом Учредительного и Попечительского комитетов Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже.

Петр Александрович родился 16 октября 1867 г. в городе Вятке, до эмиграции занимался кожевенным предпринимательством. Эмигрировав во Францию, он не растерял свои предпринимательские навыки. В качестве примера может служить его участие в совете Российского торгово-промышленного и финансового союза, а также организация на церковном подворье свечного завода, снабжавшего церкви епархии восковыми свечами.

Придя в православную веру, Вахрушев становится активным её проповедником. С 1925 по 1932 г. он был старостой церкви преподобного Сергия Радонежского в Париже, с 1928 г. – член инициативной группы по сооружению памятника русскому воину на территории Сергиевского подворья, участник 1-го епархиального собрания Западно-Европейских русских церквей в 1927 г. в Париже. Солидарный с позицией митрополита Евлогия, отстаивавшего идею объединения Русской православной церкви, он был участником правления Российского центрального объединения в 1926 г. Скончался 21 сентября 1955 г., был похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, ставшем последним пристанищем для многих «русских беженцев».

Франция приняла много русских эмигрантов. На отдельном участке кладбища Сент-Женевьев-де-Буа погребено несколько тысяч русских эмигрантов, ушедших из жизни во Франции. Русских, переселившихся во Францию после революции 1917 г., начали регулярно хоронить здесь с 1929 г. Среди эмигрантов, похороненных на кладбище, значатся многие русские представители духовенства. Всего около 15 000 русских в 5220 могилах на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, среди них выходец из Вятки *Николай Петрович (Зосима-Савватий) Телицын* [7].

После революции Николай Петрович эмигрировал во Францию. Здесь он работал по своей специальности как художник-декоратор, занимаясь иконописью. Со временем, благодаря необходимости и желанию помогать обездоленным, Телицын становится диаконом храма Сергиевского подворья в Париже.

В 1938 г. он пострижен в монашество митрополитом Евлогием (Георгиевским) с именем Зосима, а с 1939 г. – иероманах. Его судьба тесно переплелась с жизненным путём митрополита

Евлогия, по его рекомендации в 1940–1941 г. он становится настоятелем Троицкой церкви в Озкар-ла-Ферьер под Парижем, а до кончины митрополита в 1946 г. он был его духовником.

Сильное влияние на жизнь Николая Петровича, кроме революции, оказала Вторая мировая война. В 1941 г. он был арестован немецкими оккупационными властями, до 1942 г. содержался в лагере Компьень под Парижем. С 1944 г. Зосима принял великую схиму с именем Савватий. Последние годы он жил в уединении в келейке при приходском доме на Сергиевском подворье.

Рассматривая священников, принявших сан за рубежом, эмигрировавших из Вятки, нельзя не упомянуть *Алексея Гавриловича Гудяева (митрофорного протоиерея Алексия)* [8]. В отличие от вышерассмотренных, он объехал большую часть Европы, прежде чем принять сан. Алексей Гаврилович происходил из семьи священника, по специальности инженер-химик. Сначала Гудяев эмигрировал во Францию, но после 1931 г. переехал в Италию, где в 1936 г. принял духовный сан. С 1936 по 1937 г. он был псаломщиком церкви в Милане, но вскоре переселился в Югославию, а затем в Австралию (1949 г.). Попутешествовав за свою жизнь, протоиерей Алексей окончательно обосновался в Новой Зеландии, где и скончался в г. Уэлингтон. Интересно, что кроме общих биографических данных, опубликованных на сайте «Биографический словарь» [9], о судьбе Алексея Гавриловича больше ничего неизвестно, поэтому причины его столь частой эмиграции до сих пор неизвестны. Можно предположить, что основными причинами являются раскол русской православной церкви и Вторая мировая война. Однако эти предположения являются бездоказательными и основаны на причинах миграции других русских священников за рубежом.

Начиная строительство русского православия за пределами России, люди поняли, что церковь – это не место и даже не организация, а особый путь, по которому может следовать каждый. Это путь от отчаяния к жизни. Он определил жизненную стратегию духовных деятелей не только Западной Европы, но и восточных регионов. В частности, примером служит жизненный путь *Леонида Владимировича Упшинского (протоиерея Леонида Упшинского)* [10], эмигрировавшего в Китай.

После окончания Гражданской войны в 1923 г. семья Упшинских эмигрировала в Китай и поселилась в г. Харбине. Леонид Владимирович происходит из семьи потомственных священников, но изначально учился на инженера. В эмиграции он поступил на курс богословия в Богословском институте святого Владимира в Харбине. После окончания богословского образования Леонид был рукоположен в диаконы 17 апреля 1943 г., а на следующий день – в священники. Упшин-

ский служил в ряде православных церквей в Харбине в юрисдикции русской православной церкви за границей, а затем в течение шести лет – Св.-Николаевской церкви на железнодорожной станции Яблоня. После 1946 г. одновременно окормлял церковный приход на станции Шитоухэдзы (согласно указанию архиерея, о. Леониду поручалось совершать богослужения в Шитоухэдзы не менее одного раза в месяц).

11 июня 1957 г. А. В. Упшинский переехал с семьей в Австралию и поселился в г. Брисбен (шт. Квинсленд). Здесь он служит настоятелем церкви преп. Серафима Саровского в Брисбене, а с 1 марта 1958 г. – в церкви Владимирской иконы Божией Матери в г. Рокли (шт. Квинсленд). Жизнь в другой стране и послевоенная обстановка сильно ударили по материальному положению семьи Упшинских. В силу этих причин Леонид Владимирович вынужден, одновременно со службой, работать на мебельной фабрике, чтобы прокормить семью.

7 июля 1959 г., по приглашению группы своих бывших харбинских прихожан, Упшинский переехал в США. Он работал секретарем и делопроизводителем Западно-американской епархии русской православной церкви за рубежом. До 1966 г. настоятель церкви св. Тихона Задонского при сиротском доме в г. Сан-Франциско. Преподавал Священное Писание Ветхого Завета на курсах в доме приюта Св. Тихона Задонского. Затем Упшинский был избран настоятелем домового церкви Иверской иконы Божией Матери церковной школы при Кафедральном соборе в Сан-Франциско и директором упомянутой церковной школы. Обучал учащихся школы церковному чтению, пению в хоре, прислуживанию в алтаре и др. Скончался 11 декабря 1971 г. от рака в США.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что тенденция прихода русских эмигрантов (в том числе вятских) в церковь и принятие ими духовного сана связано, в основном, с глубокой верой «русских беженцев», пониманием того, что только таким способом они смогут искупить свои грехи и грехи отцов по отношению к отечеству, а значит основной причиной принятия духовного сана в условиях изгнания можно считать попытку приблизиться к своему потерянному отечеству. По этой причине, а также в силу жизненных обстоятельств, в эмиграции принимают духовный сан четыре выходца из Вятки: Петр Александрович Вахрушев, Николай Петрович Телицын, Алексей Гаврилович Гудяев, Леонид Владимирович Упшинский.

Пройдя долгий жизненный путь, каждый из них трудился на благо русской православной церкви и придерживался мнения, сформулированного Ириной фон Шлиппе: «Нам не дано знать сроков истории. Это вообще некоторая опасная

тенденция русского духа, которую мы можем назвать апокалипсическим испугом: она правильна, когда выражает напряженное ожидание Царства Небесного, но это напряженное ожидание Царства Небесного не должно быть приурочено к определенному месту и времени. <...> нам Богом дана история, и по отношению к истории мы должны действовать» [11]. Православие оказалось универсальным средством объединения эмиграции, позволившим, благодаря стремлениям русской эмиграции и потомков русских за границей, воссоздать частицу жизни дореволюционной России.

Примечания

1. Струве Н. А. Духовный путь русской эмиграции. URL: http://www.ulm-russische-kirche.de/fileadmin/redakteure/duhownoe_4tenie/russische_imigration_in_fr.pdf
2. Культурная миссия Российского Зарубежья: История и современность: сб. ст. М., 1999. С. 22.
3. *Предраг Драгич Киюк*. «Восток на запад». URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=325210>
4. *Шлиппе И. фон*. Кризис изгнания: поиски социальных и духовных решений в эмиграции. URL: <http://ricolor.org/history/re/adaptation/1/>
5. *Предраг Драгич Киюк*. Указ. соч.
6. Вахрушев Пётр Александрович. URL: <http://www.tez-rus.net/ViewGood24762.html>
7. Искусство и архитектура русского зарубежья. Зосима-Савватий. URL: <http://artrz.lfond.spb.ru/menu/1804809263/1805094399.html>
8. Биографический словарь. URL: http://zarub-der.ru/italy/bio_05.htm
9. Там же.
10. Религиозные деятели русского зарубежья. URL: http://zarubezhje.narod.ru/tya/U_039.htm
11. *Шлиппе И. фон*. Указ. соч.

УДК 930.85

А. С. Москвин

АВТОНОМНЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ЗОНЫ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Автономные социокультурные зоны – это отделенные от доминирующей культуры поселения людей, не принимающие ее нормативные правила и создающие свой самостоятельный мир с характерными для него ценностями. В статье идет речь о формах контркультурных сообществ в российской культуре и анализируется их функционирование в разные культурные эпохи (Средневековье, Просвещение, культура XIX в., современная культура).

Autonomous sociocultural zone – is human settlement, which isolated from dominant culture, don't follow the rules of dominant culture and creates their own world with their values. In the article told about early forms of countercultural community and analyzed their operation at different times (middle Ages, Education era, culture of XIX age, contemporary culture).

Ключевые слова: автономная социокультурная зона, контркультура, альтернатива, доминирующая культура, альтернативный социально-культурный центр.

Keywords: Autonomous sociocultural zone, counterculture, alternative, dominant culture, alternative social-culture center.

Стремление определенной части людей к автономному объединению от чего-либо – объективный процесс, сопровождающий жизнедеятельность общества на всех этапах его становления. Задача статьи – показать, каким образом люди приходили не просто к обособленному состоянию мышления, но и к обособленному их положению в жизненном пространстве (то есть к созданию независимых от официальной культуры территориальных общин, коммун, поселений и т. д. в хронологической перспективе), и выявить общие черты подобных образований.

Обратим свой взор к российской культуре. Возникали ли автономные социокультурные образования в истории культуры российского государства? Если да, то когда? На эти вопросы мы ответим в дальнейших рассуждениях.

Под термином «автономная социокультурная зона» мы понимаем независимое от доминирующей культуры, а иногда и противопоставляющее себя ей территориальное образование, которое порождает социокультурную деятельность. Это территориальное образование в процессе развития получает свою культурную идентичность, и люди, там проживающие, ощущают себя целым. Каждая историко-культурная эпоха порождает такие зоны.

В существующих российских автономных социокультурных зонах можно выделить как религиозные, так и светские автономные социокультурные зоны. Религиозные зоны, в свою очередь, можно разделить на монашеские отшельнические поселения и на сектантские общины.

Обратимся к монашеским отшельническим поселениям. Такое явление, как пустынь, появившееся в традиции Православия, является, наверное, самым древним религиозным примером автономной социокультурной зоны. Пустынь – «это уединенное монашеское поселение. Позже так назывались и многолюдные монастыри» [1].

Примером может служить история жизни одного из первых русских монахов-отшельников, который создал свой скит, впоследствии ставший крупнейшим монастырем на Руси – монастырем Сергия Радонежского. Сергий Радонежский после смерти родителей сначала с братом, а потом в одиночестве основывает пустынь, строя Троицкую церковь и принимая постриг. Почти сразу же в его скит стали съезжаться иноки и образовалась обитель под названием «Троице-Сергиева лавра». Приняв общинножительный устав, община стала называться киновией. Историк Б. М. Клосс в своей книге «Житие Сергия Радонежского» дает следующую характеристику этого устава: в монастыре вводится жесткая иерархия, главная роль в которой принадлежит игумену; в общине должна быть жесткая иерархическая дисциплина; каждый общинник должен заниматься только своим делом (вводятся должности келаря, повара, монастырского врача, пономаря и т. д.); без разрешения настоятеля покидать общину не разрешается; все имущество обители является общим (не существует института частной собственности); в мыслях нельзя даже думать о мирских делах и выходить в мир, а самым главным занятием для монахов должно быть размышление о Боге [2].

На примере Троице-Сергиева монастыря мы видим первую автономную социокультурную зону, появившуюся на Руси уже в XIV в. Впоследствии на территории Средневековой Руси появляется большое количество подобных киновий, причем как мужских (например, Свято-Тихоновская Успенская пустынь в селе Льва Толстого), так и женских (например, Троице-Одигитриевская пустынь в поселке Зосимово).

Продолжая рассматривать религиозные автономные социокультурные зоны с другой стороны, можно обратиться к появившимся на всем протяжении развития русского православия сектам. «Сектой принято считать организованное общество людей, взгляды которых согласуются между собой и противостоят господствующей Церкви» [3]. Из определения мы видим коренное отличие сект от монашества, но

для осознания сущностных характеристик той или иной автономной социокультурной зоны это отличие не является основополагающим, потому что и монастыри, и секты образуют свои отличные друг от друга правила общежития, по которым строится их жизнедеятельность.

История российской религии изобилует примерами православных сект. Это молоканы, хлысты, скопцы и пр. Рассмотрим жизнедеятельность сект хлыстов и скопцов, по своей сути очень близко связанных друг с другом (скопцы – это ответвление хлыстов).

Глубоко не вдаваясь в особенности их верования, выясним, в чем выражается их автономность от доминантной культуры. Обе секты являются экстатическими, верят в то, что Христос может воплотиться в обычном человеке. При этом обязательными чертами их жизни являются аскетизм и сексуальное воздержание. Вообще, теологическое учение хлыстов и скопцов схожи, различаются они только тем, что скопцы считают необходимым оскотление для праведной жизни и не принимают догмат хлыстов о постоянных перевоплощениях Христа. Любые общины хлыстов и скопцов назывались «кораблями», что символически указывает на их сознательное ограждение от мирской жизни. Плавание корабля – образ Христа, который пытается спасти заблудшие души.

Автономность данных зон выражалась и в их совместной жизни. В этих двух сектах она могла быть двух типов: временной и постоянной.

Временная автономность выражалась в совместных собраниях, которые назывались радения. На этих собраниях происходит всеобщее единение сектантов. Общинники в обрядовой одежде собираются обязательно в отдельном помещении, читают тексты Библии, собственные стихи, при этом определенным образом передвигаясь по помещению (ходят по кругу, прыгают в такт и т. д.), доводя себя до состояния экстаза, похожего на наркотическое опьянение, таким образом переходя как бы в иной мир, абсолютно не похожий на мир, в котором живут они [4]. Интересен обряд присяги, который на радениях приносят новые члены секты. В этой присяге каждый член, помимо всего иного, дает клятву порвать с мирской жизнью: «Присяга обеспечивала своеобразную ритуальную рамку для “апостольской беседы”, маркируя границу между сакральным временем радения и профанным течением “мирской” жизни членов общины» [5].

Постоянная автономия выражалась в построении территориальной общины. А. И. Клибанов, например, описывает поселение из пяти общин, созданных хлыстом Перфилом Катасоновым. Эти общины «как бы составляли на земле “царство божие”, отграниченное от всего остального обще-

ства теми особыми верованиями, культом и нравственными правилами, которые составляли принадлежность их учения, традиций и быта» [6]. Эти пять общин были основаны в 70-х гг. XIX в. недалеко от города Моздок. Участники общин «практиковали общественное распределение продуктов труда <...> жили по две-три семьи в доме, объединив все имущественные ценности за исключением носильной одежды <...> Все сельскохозяйственные работы осуществлялись коллективно, а натуральные и денежные доходы распределялись между общинами более или менее планомерно» [7].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что российская историческая действительность дает нам примеры типичных религиозных автономных социокультурных зон, которые резко отгорожены от остального мира своими религиозными воззрениями.

Светские (можно их назвать ещё интеллигентскими) автономные социокультурные зоны в России связаны с деятельностью социалистических политических организаций утопического толка. Они старались построить как бы прообраз будущего общества в своей маленькой коммуне. В отличие от религиозных общин, «коренные отличия утопических общин состоят в том, что это «сознательно организованные, относительно самодостаточные формирования, основанные на групповом проживании и ставящие целью реализовать идеальные социальные отношения» [8]. Ярким примером таких организаций являются коммуны, которые создавались народниками на протяжении второй половины XIX в. Позволим себе дать довольно-таки длинное, но точное описание сути народнических коммун, сформулированное народовольцем Александрой Ивановной Корниловой-Мороз: «В семидесятых годах коммунами назывались общие квартиры, где поселялись студенты или курсистки <...> Материальное положение живущих в коммунах было неодинаково, но все получаемые средства поступали в общее пользование; делились также и всяким имуществом: так, например, платье, пальто или сапоги переходили от одного к другому, смотря по надобности идти на урок или на лекции. Главным принципом такой жизни была взаимопомощь, как того требовала этика нашего поколения» [9]. Социалистические коммуны «давали возможность, при увлечении социализмом, применять его принципы на практике в своей личной жизни, действительно отречься от всех благ «старого мира», живя в обстановке не лучшей, а даже худшей, чем у заводских рабочих, не различая между «моим» и «твоим» и отказываясь от личного пользования состояниями, чтобы употреблять их на общественные дела и цели» [10].

Познакомимся с деятельностью народнического кружка под руководством народника Ни-

колая Васильевича Чайковского. Его кружок так и назывался – «Чайковцы». Первоначально, в начале 1870-х гг. коммуна поселилась недалеко от столицы, в дачном поселке Кушелевка. Активисты сняли два дома и стали там налаживать общежитие: распределили обязанности по приготовлению пищи, по уборке помещения и т. д., общинники стали заниматься спортом (гимнастикой) рядом с домами, соревноваться в столярном ремесле [11]. Чуть позже, вследствие давления властей, коммунарам пришлось переехать в город и снимать квартиру уже там. Сама же община просуществовала до 1874 г.

Самым главным своим занятием «Чайковцы» (как и многие другие народовольцы) выбрали просветительскую, книгоиздательскую и пропагандистскую деятельность. В процесс их общинной жизнедеятельности были включены размышления о том, какие книги нужно выпускать, где их печатать (члены общины открывали типографии, искали нелегальные пути проникновения из других стран) и как распространять их среди студентов, рабочих, крестьян и других угнетенных трудящихся слоев людей. Также они открывали и собственные библиотеки.

Что интересно, впоследствии сам Н. В. Чайковский, в 1874 г. эмигрировавший в США вместе с другими эмигрантами из России (с Вильямом Фреем, с А. К. Маликовым и др.), организует там земледельческую коммуны в штате Канзас, которая на чуждой для коммунаров земле продержалась непродолжительное время и не имела особого успеха: в общине были крайне напряженные отношения, нередко были ссоры, недомолвки, перегибы, откровенная ненависть и т. д. Как следствие, к 1877 г. она распадается (первым уходит из нее, кстати, Н. В. Чайковский) [12].

Говоря о различии именно российских светских автономных социокультурных зон от зарубежных, необходимо отметить ее огромный культурный посыл вовне. Думается, что связано это с особым путем, которым пошла русская интеллигенция. Б. А. Успенский говорит, что «русская интеллигенция – всегда оппозиционна, это та группа общества, которая в принципе, по самой своей природе, не может быть привлечена к участию в государственной деятельности, не может быть вовлечена в бюрократическую машину; строго говоря, интеллигент не может принадлежать к бюрократической администрации, он не может управлять, администрировать. В этом смысле интеллигенты могут напоминать монахов, которые отказываются от мира; интеллигент отказывается от мира бюрократического, государственного, он противопоставляет духовные ценности государственной системе» [13].

Что мы можем сказать о современном мире? Существуют ли сейчас в России такие автоном-

ные социокультурные зоны? И ответ логичен – да. Ими являются так называемые «альтернативные социально-культурные центры». Под концептом «альтернативный социально-культурный центр» нужно понимать автономную социокультурную зону, сложившуюся в западноевропейской культуре в период второй половины XX в. в рамках эпохи Постмодернизма и развития молодежной субкультуры. На рубеже XX–XXI вв. такие центры стали появляться и в нашей стране.

В таких центрах люди не просто встречаются и проводят свое время, в них выстраивается полноценная субкультурная общность: люди ощущают себя единым целым, всех объединяют общие нравственные и ценностные установки. Также в них проводятся мероприятия разнообразного толка, соотносящиеся с мировоззренческими ориентирами участников.

Выделим основные мировоззренческие ориентиры участников «альтернативных социально-культурных центров», для того чтобы понять, в чем заключается их автономность (или отличие) от доминирующей культуры:

- внеинституциональность, выражающаяся в нежелании быть зарегистрированной в каких-либо официальных государственных структурах. Вследствие этого центры попросту «невидимы»;
- низовой характер формирования. Данные центры образуются снизу (то есть обычными людьми для удовлетворения своих потребностей), без участия государства и бизнеса. Деятельность этих структур не носит коммерческого характера, что говорит о росте гражданского самосознания общества;
- доминирование горизонтальных отношений, отказ от иерархического устройства, а также регуляция жизни коллектива посредством прямой демократии, самоуправление.

Рассмотрим пример альтернативного социально-культурного центра «Веган-клуб» из Санкт-Петербурга. Это большое здание, бывший склад, который был взят в аренду активистами и переоборудован. Один из участников деятельности центра, создав электронную презентацию о своей деятельности, заявил, что основными идеями и принципами, которыми они руководствуются, являются «здоровый образ жизни; этическое отношение к животным; выступление независимых музыкальных коллективов; пространство для дискуссий, воркшопов, семинаров, кинопоказов, выставок; место, где можно приятно провести время; равенство; 100% DIY» [14]. В итоге за 1,5 года деятельности «Веган-клуба» в нем

прошли следующие мероприятия: «Концерты, кухня, дистро, занятия, пожертвования, благотворительные концерты, волонтерские акции, барахолки, фримаркеты, семинары, йога, ночные кинопоказы, французский и английский язык, школа йо-йо, дискуссионный клуб, мастер-классы» [15]. По данному описанию мы можем увидеть, что альтернативный социально-культурный центр «Веган-клуб» подпадает под вышеназванные характеристики.

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что в истории российской культуры в любой период ее развития существовало огромное количество разнообразных автономных социокультурных зон как сакрального, так и профанного толка.

Примечания

1. Атеистический словарь / Абдусамедов А. И., Алейник А. М., Алиева Б. А. и др.; под общ. ред. М. П. Новикова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1985. С. 374.
2. Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. М.: ЯСК, 1998.
3. Булгаков С. В. Справочник по ересям, сектам и расколам. М.: Изд-во «Современник», 1994. С. 1.
4. Панченко А. А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2004.
5. Там же. С. 265.
6. Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России. М.: Наука, 1965. С. 59.
7. Там же. С. 61.
8. Фатющенко А. В. Много интеллигентов и одна земледельческая община // Россия – Запад. Диалог культур. 1996. № 3. URL: <http://regionalstudies.ru/journal/homejournal/archives/-----1996-/148-2012-08-31-09-32-57.html>
9. Корнилова-Мороз А. Перовская и кружок Чайковцев. М.: Изд-во всесоюз. о-ва политкаторжан и сс.-поселенцев, 1929. С. 22.
10. Там же. С. 22.
11. Троицкий Н. А. Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991.
12. Фатющенко А. В. Указ. соч.
13. Успенский Б. А. Русская интеллигенция и западный интеллектуализм // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. 1999. Вып. 2 (10). С. 14.
14. Корецкий Д. Электронная презентация «Молодежное социально-культурное пространство на примере Vegan Club. Как создавать и работать на самокупаемости». URL: <http://www.slideshare.net/delaisam/vegan-club> Примечание: DIY (Do It Yourself, с англ. сделай сам) – стремление активистов создавать все лишь своими силами.
15. Там же. Примечание: фримаркет (от англ. Freemarket) – бесплатный магазин; школа йо-йо – занятия по созданию игрушек йо-йо.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 37.022

С. И. Калинин, А. Н. Соколова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРОФИЛЬНЫХ КУРСАХ ДЛЯ СТУДЕНТОВ МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

В статье обсуждается возможность и целесообразность использования компьютерного эксперимента в рамках различных разделов фундаментальных математических курсов вузов.

This paper is devoted to the feasibility of using computer simulations in various branches of basic mathematical courses in university.

Ключевые слова: компьютерный эксперимент в обучении, обучение математике в вузе, исследовательская деятельность студентов.

Keywords: computer experiment in teaching, training in mathematics in higher education institution, research activity of students.

Современный образовательный процесс в вузе переживает «очередной» этап реформирования, центральной идеей которого является ориентация на компетентностный подход к обучению. Данное обстоятельство касается, в частности, и процесса обучения студентов фундаментальным математическим дисциплинам. Поскольку федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) декларирует необходимость формирования исследовательских компетенций, то требуется модернизация классических математических курсов, которая бы учитывала приоритетную роль исследовательской деятельности для студентов математических направлений подготовки.

В данных условиях представляется целесообразным изучение классических разделов фундаментальных математических курсов сопровождать включением в образовательный процесс компьютерного эксперимента.

Подчеркнем, что в условиях реализации деятельностного подхода в обучении студентов вуза компьютерный эксперимент способствует приобретению теоретических знаний как результата

собственной работы обучаемого, его личного опыта. Соответствующие эмоциональные переживания делают образовательный процесс личностно значимым, а значит обеспечивается высокая степень его эффективности.

Эмпирический путь познания не только отражает историческое развитие изучаемого материала, но и способствует выходу на новые факты, не имеющие еще теоретического обоснования. Этот материал может в ближайшей перспективе стать основой для проведения студентами собственных научных исследований. Заметим, что в условиях вуза моделирование и компьютерный эксперимент могут проводиться как с привлечением специализированного программного обеспечения, так и через написание и использование студентами собственных программ.

В качестве содержательного наполнения экспериментальной деятельности студентов может выступать программный материал из естественнонаучного и профессионального циклов дисциплин учебных планов математических направлений подготовки бакалавров. Например, практически в каждом разделе математического анализа усматривается потенциал для организации и проведения компьютерного эксперимента. Аналогично широкие возможности для организации экспериментальной деятельности имеются и в таких курсах, как «Обыкновенные дифференциальные уравнения», «Уравнения с частными производными».

В настоящей работе мы условимся рассмотреть включение компьютерного эксперимента в процесс обучения студентов некоторым математическим разделам.

1. Введение в анализ. Изучение в вузе математического анализа начинается с раздела «Введение в анализ», поэтому от качественного, глубокого овладения студентами его содержанием зависит дальнейшее освоение ими всех связанных с данным разделом математических курсов. В то же время преподаватель, начинающий у студентов курс анализа, должен помнить о недостаточном уровне школьной математической подготовки современных выпускников общеобразовательных учреждений [1].

Исследователями отмечается, что наибольшие трудности у студентов, приступивших к изучению математического анализа, возникают при усвоении определения понятия предела числовой последовательности, а затем – предела функ-

ции в точке и ее непрерывности в точке [2]. Если изучение определений отмеченных понятий будет предваряться экспериментами с использованием программного обеспечения, позволяющими формировать интуитивные представления о познаваемых объектах, то за счет подготовленности студентов к осознанному восприятию строгих определений понятий обеспечивается повышение эффективности усвоения учебного материала.

Рассмотрим соответствующую иллюстрацию использования компьютерного эксперимента при работе с определением понятия непрерывности функции в точке. В связи с этим обратимся к известной задаче из раздела «Введение в ана-

лиз»: функцию $y = x^2 \cdot \sin \frac{1}{x^2}$ требуется доопределить в точке $x_0 = 0$ так, чтобы она стала непрерывной на всей числовой прямой.

Предлагаемая к осмыслению задача является для студентов первого курса непривычной, поскольку в школе подобные, как правило, не рассматриваются. Они видят, что при $x_0 = 0$ функция не определена, но подобрать требуемое значение затрудняются. Предугадать поведение множителя, содержащего синус, в окрестности нуля представляется для них сложным, поэтому целесообразно численно «прощупать» значения функции в некоторой окрестности нуля. В качестве инструмента для вычислений можно использовать электронные таблицы Microsoft Excel. Обычно студенты уже имеют достаточный опыт работы с ними, поэтому выполнение экспериментального этапа решения задачи не занимает много времени. Кроме того, доступность различных электронных таблиц, в том числе в составе свободного программного обеспечения, открывает широкие возможности для их использования в организации самостоятельной экспериментальной работы студентов.

Этап эксперимента. Рассмотрим множество $[-1;0) \cup (0;1]$, в каждой его связной части возьмем конечную совокупность равноотстоящих точек и вычислим значения функции y в этих точках. Анализ полученных значений позволяет сделать вывод: выбранные первоначально числовое множество и шаг разбиения слишком велики, чтобы определить поведение функции в окрестности точки $x_0 = 0$, потому требуется уточнение. Подчеркнем, что такие ситуации нередко имеют место в реальной практике.

Сузим множество, на котором будем рассматривать функцию y . Пусть это будет множество $[-0,05;0) \cup (0;0,05]$, в качестве шага разбиения его связных компонент возьмем значение 0,001. Произведем пересчет. Благодаря функциям автозаполнения ячеек и копирования формул, доступным в Microsoft Excel, вычисление новых значе-

ний функции производится очень быстро. Наблюдаем, что при приближении к нулю получаются значения, близкие к нулю.

Таким образом, в результате поставленного эксперимента можно заключить, что для непрерывности функции $y = x^2 \cdot \sin \frac{1}{x^2}$ следует предположительно ее доопределить значением $y(0) = 0$:

$$y = \begin{cases} x^2 \cdot \sin \frac{1}{x^2}, & x \neq 0, \\ 0, & x = 0. \end{cases}$$

Аналитический этап. Убедимся аналитически в том, что в точке $x_0 = 0$ функция непрерывна. Для этого следует показать, что

$$\lim_{x \rightarrow 0} \left(x^2 \cdot \sin \frac{1}{x^2} \right) = 0.$$

Поскольку x^2 – бесконечно малая при $x \rightarrow 0$ функция, а $\sin \frac{1}{x^2}$ – ограниченная в проколотовой окрестности нуля функция, то записанное соотношение имеет место.

Для наглядности построим, наконец, график исследуемой функции средствами MathCad (рис. 1).

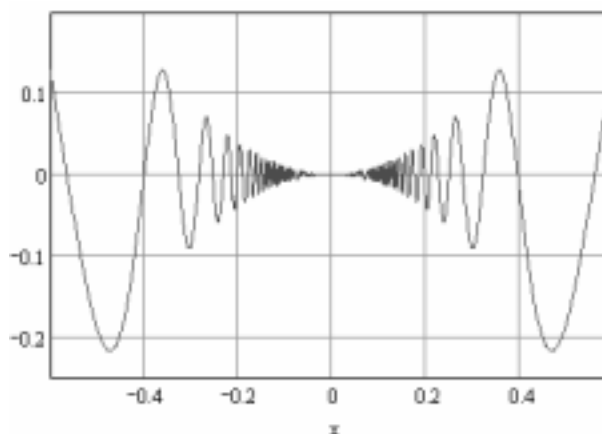

Рис. 1. График функции

Отметим, что обращение к графическому представлению математического факта обеспечивает эстетическое восприятие студентами «трудной» для них задачи. Это позволяет создать положительный эмоциональный фон при изучении дисциплины, научить студентов понимать красоту и гармонию, что заложены в тех или иных аналитических выражениях.

В данном месте позволим себе отметить следующее замечание. При традиционном построении курса математического анализа обычно раздел «Числовые ряды» изучается с существенным разрывом во времени по отношению к теме «Числовые последовательности», что приводит к затруд-

нениям у студентов при их работе с определениями понятий, связанных с рядами. Возможно, с точки зрения естественного развития изучаемого во «Введении в анализ» материала более целесообразно числовые ряды рассматривать вслед за числовыми последовательностями. При таком подходе выстраивания содержания курса анализа экспериментальная деятельность студентов может эффективно дополняться «компьютерным» исследованием поведения частичных сумм ряда.

2. Дифференциальное исчисление. Данный раздел традиционно занимает принципиальное место в классических математических курсах. Это объясняется, с одной стороны, его связью со многими другими разделами математики, а с другой – значительной прикладной направленностью.

Экспериментальная работа студентов при освоении дифференциального исчисления может быть организована по следующим направлениям:

- изучение случаев существования бесконечной производной функции в точке, недифференцируемости функции в точке, визуализация данных случаев;
- обоснование и иллюстрация геометрического смысла производной;
- графическая иллюстрация классических теорем дифференциального исчисления: Ролля, Ферма, Лагранжа, Коши;
- исследование связи характера монотонности функции с ее производной;
- приближенные вычисления с помощью дифференциала функции первого порядка и оценка качества таких вычислений.

Этап эксперимента. С точки зрения практики наиболее естественной видится экспериментальная работа студентов, состоящая в наблюдении зависимости между производной функции в точке и разностным отношением $\frac{f(x_0 + \Delta x) - f(x_0)}{\Delta x}$. Варьирование приращения Δx независимой переменной влечет изменение качества приближения производной функции ее разностным отношением.

Аналитический этап экспериментальной работы студентов может заключаться, например, в получении верхней оценки погрешности, допускаемой при замене производной соответствующим разностным отношением.

Одним из достоинств представленной схемы является то, что она легко переносится на случай функции нескольких переменных. В ходе экспериментальной работы студенты начинают осознать смысл частных производных функции, видеть возможность организации приближенных вычислений с любой степенью точности и т. д.

Кроме того, в классических математических курсах для студентов традиционно рассматриваются в основном лишь дифференцируемые («глад-

кие») функции. Построенные с их использованием модели описывают многие процессы, например, прямолинейное равномерное движение тела, размножение бактерий и т. д., однако такие модели являются достаточно грубыми, или, следуя терминологии В. И. Арнольда, «жесткими» [3]. При попытке уточнения исследуемой модели нередко возникает необходимость отказа от условия дифференцируемости функции, что приводит к потребности обращения к понятиям так называемого «негладкого» анализа. В связи с этим на повестку дня выходит расширение содержания курса дифференциального исчисления, обеспечивающее выход на современные вопросы и разделы анализа.

Следует подчеркнуть, что существует соответствующая теоретическая база, включающая различные подходы к обобщению и развитию понятия производной функции в точке. Ослабление условий на функцию неизбежно влечет некоторое усложнение математического аппарата, поэтому при изучении вопросов, восходящих к «негладкому» анализу, важную роль для понимания студентами материала играет наглядность, реализуемая за счет использования компьютерных средств. В качестве содержательного насыщения экспериментальной деятельности студентов в данном случае могут выступать различные обобщения классического понятия производной (производной по Коши).

Экспериментальное изучение определенных «неклассических» производных сопровождается систематизацией и обобщением полученных ранее знаний по теории пределов, повторным осмыслением понятий точных граней множества и функции, фундированием понятия производной. Компьютерный эксперимент может заключаться в конструировании рассматриваемых производных для различных конкретных функций, недифференцируемых в обычном смысле, попытке сформулировать основные теоремы классического дифференциального исчисления в терминах новых производных, поиске экстремумов функций и формулировании соответствующих необходимых условий для них.

3. Интегральное исчисление. Само содержание определения интеграла Римана уже несет широкие возможности для потенциальной организации экспериментальной деятельности студентов. Последняя, например, может включать в себя:

- исследование поведения интегральных сумм функции, вычисленных для различных разбиений отрезка интегрирования на частичные сегменты и способов выбора промежуточных точек из таких сегментов;
- сравнение точного значения определенного интеграла и значений различных интегральных сумм, определение соответствующих погрешностей вычисления;

– экспериментальное обоснование аддитивного свойства определенного интеграла, теоремы о среднем значении.

Подчеркнем, что экспериментальная работа с определением интеграла Римана обеспечивает естественный подход к рассмотрению таких прикладных вопросов интегрального исчисления, как способы аппроксимации значения определенного интеграла Римана, оценка погрешности при приближенном вычислении интегралов функций из различных классов.

Рассмотрим иллюстрационный пример. *Этап эксперимента.* Вычислим значения интегральных сумм для функции $y = x \cdot e^x$ на отрезке $[0; 1]$, разбивая его последовательно трижды на частичные сегменты равной длины с шагом 0,1, 0,05 и 0,01 соответственно. При каждом разбиении значения функции будем вычислять в серединах частичных сегментов. Условимся получаемые в результате интегральные суммы обозначать соответственно через S_1 , S_2 и S_3 . После вычислений имеем следующие значения: $S_1 = 0,99815$, $S_2 = 0,99954$, $S_3 = 0,99998$.

Инструментарий для вычислительной работы студенты могут выбирать самостоятельно, но тем из них, кто в соответствии с направлением подготовки программирование изучает глубоко, рекомендуется использовать собственные программы. Данный подход обеспечивает интеграцию фундаментальной математической подготовки с профессиональной.

Подчеркнем, что в реальной практике обучения студентов анализу уделять много времени осмыслению значений интегральных сумм конкретных функций не удастся. Компьютерный же подход позволяет «перебрать» огромное количество значений данных сумм. Таким образом, у студентов формируется понимание того, что вычислять интеграл Римана по определению физически невозможно, а значит формируется мотивация поиска эффективного аналитического метода вычисления определенных интегралов.

Аналитический этап. После того как изучена формула Ньютона – Лейбница вычисления определенного интеграла и обоснован метод интегрирования по частям, нетрудно вычислить точ-

ное значение определенного интеграла $\int_0^1 x e^x dx$:

$$\int_0^1 x e^x dx = \left| \begin{array}{l} u = x; du = dx \\ dv = e^x dx; v = e^x \end{array} \right| = x e^x \Big|_0^1 - \int_0^1 e^x dx = e - e + 1 = 1.$$

Найденное точное значение интеграла $\int_0^1 x e^x dx$ позволяет определить абсолютную погрешность, допускаемую при замене данного значения соответствующей интегральной суммой:

$$\begin{aligned} \Delta_{S_1} &| 1 - 0,99815 | = 0,00185, \\ \Delta_{S_2} &| 1 - 0,99954 | = 0,00046, \\ \Delta_{S_3} &| 1 - 0,99998 | = 0,00002. \end{aligned}$$

Возвращаясь к результатам экспериментального этапа, студенты должны сделать следующие выводы. Во-первых, уменьшение длины частичного сегмента уменьшает допускаемую абсолютную погрешность вычисления. Во-вторых, интегральные суммы могут использоваться в качестве приближенного значения определенного интеграла.

Последнее актуально в силу того, что на момент изучения интегрального исчисления студенты, как правило, еще не знакомы с функциональными рядами и их приложениями к приближенным вычислениям. Тем не менее они уже на данном этапе обучения получают метод, позволяющий вычислить значение определенного интеграла Римана с нужной степенью точности, в частности, для так называемых «неберущихся» интегралов. Соответствующее полезное задание может быть сформулировано следующим образом: используя интегральные суммы, вычислите приближенно с точно-

стью до 0,001 интеграл $\int_0^1 e^{-x^2} dx$.

Следует подчеркнуть, что схема экспериментального исследования интегральных сумм в дальнейшем органично переносится на изучение кратных и криволинейных интегралов и их свойств, при этом реализуется преемственность освоения теоретического материала и эмпирического опыта студентов, приобретаемого в работе с математическими объектами.

4. Функциональные последовательности и ряды. При изучении функциональных рядов большое значение имеют их приложения к приближенным вычислениям. На рис. 2 представлена иллюстрация аппроксимации функции $y = \operatorname{sh} x$ частичными суммами ее ряда Маклорена с помощью математического пакета MathCad, которую мы регулярно демонстрируем студентам при рассмотрении темы «Ряд Тейлора функции».

Подчеркнем также, что изучаемые в курсе анализа ряды Фурье непосредственно связаны с моделированием ряда физических явлений, например гармонических колебаний, распространения тепла в твёрдом теле, электромагнитных колебаний и т. д.

При изучении функциональных рядов экспериментальная деятельность студентов может быть организована по следующим направлениям:

– вычисление и изучение свойств частичных сумм ряда Тейлора (Маклорена) конкретной функции различных порядков;

– вычисление и изучение свойств частичных сумм ряда Фурье заданной функции различных порядков;

- исследование сходимости какого-либо функционального ряда;
- вычисление погрешности, возникающей при замене исходной функции частичной суммой ее ряда Тейлора или ряда Фурье;
- другие вопросы приложения рядов (решение обыкновенных дифференциальных уравнений, численное интегрирование).

$$y(x) := \cosh(x)$$

$$t3(x) := 1 + \frac{x^2}{2!} + \frac{x^4}{4!}$$

$$t4(x) := 1 + \frac{x^2}{2!} + \frac{x^4}{4!} + \frac{x^6}{6!}$$

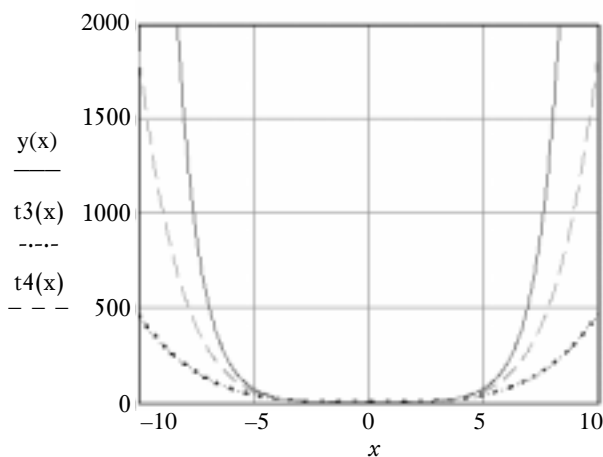

Рис. 2. Аппроксимация функции частичными суммами ряда

5. Обыкновенные дифференциальные уравнения. Широкое применение обыкновенных дифференциальных уравнений (ОДУ) для построения динамических моделей обуславливает их обязательное включение в содержание обучения студентов-математиков. Обычно данный раздел изучается в рамках объемного математического курса или как самостоятельная учебная дисциплина. При его освоении в организацию образовательного процесса в качестве составляющей может быть включен компьютерный эксперимент.

Скажем, это возможно сделать, например, уже при изучении метода изоклин. Упомянутый метод, как известно, действительно изучается одним из первых, в его основе лежит изображение фрагмента задаваемого ОДУ поля направлений, а современные компьютеры могут быстро и сколь угодно точно такое поле построить. Последнее позволяет студенту с высокой степенью точности самому увидеть искомым интегральную кривую и, тем самым, сде-

лать вывод: метод изоклин есть эффективный способ исследования решений ОДУ.

Компьютерный эксперимент эффективно может использоваться и при осмыслении понятия общего решения ОДУ первого порядка. Общее решение описывает семейство интегральных линий, которые при изображении на плоскости располагаются плотно. Экспериментальная часть работы студентов будет состоять в визуализации данного семейства с помощью компьютера, что позволяет наглядно и четко увидеть взаимное расположение отдельных интегральных кривых, «нащупать» существование возможной огибающей для рассматриваемого семейства. В этом случае аналитический этап экспериментальной деятельности студентов будет заключаться в попытке составления уравнения огибающей, что может привести к обнаружению особого решения исследуемого уравнения.

Привлечение компьютерного эксперимента при освоении теории ОДУ обеспечивает также перспективу изучения соответствующих численных методов решения задачи Коши.

6. Дифференциальные уравнения в частных производных. Данный раздел также играет важную роль в прикладной подготовке студентов, поскольку предоставляет математический аппарат описания ряда физических явлений.

Часто применяемый для решения дифференциальных уравнений в частных производных метод сеток открывает широкие возможности для организации компьютерного эксперимента. В данных условиях эксперимент реализует сразу несколько функций. Во-первых, он обеспечивает преимущество в изучении разностных схем, уже рассмотренных ранее в разделе дифференциального исчисления. Во-вторых, производит красочную иллюстрацию метода, что создает положительную мотивацию к изучению теории решения подобных уравнений. Кроме того, использование программного обеспечения позволяет быстро по времени визуализировать изменения, связанные с варьированием параметров в уравнении, а значит, студенты могут «увидеть» роль соответствующих коэффициентов.

Этап эксперимента рассмотрим на примере уравнения диффузии, которое имеет вид $\frac{\partial u}{\partial t} = D \frac{\partial^2 u}{\partial x^2}$.

Это уравнение есть уравнение параболического типа. Соответствующая разностная схема для данного уравнения определяется следующим образом:

$$u_{i,j+1} = D \frac{\tau}{h^2} (u_{i+1,j} - 2u_{i,j} + u_{i-1,j}) + u_{i,j}.$$

Для краткости обозначим коэффициент $D \frac{\tau}{h^2}$ через k . Зададим его значение $k = 0,15$ и диапазон изменения координат t и x : $t \in [0; 29]$, $x \in [0; 49]$.

После того как определены начальные и граничные условия, можно провести расчеты и представить результаты на графике (рис. 3)

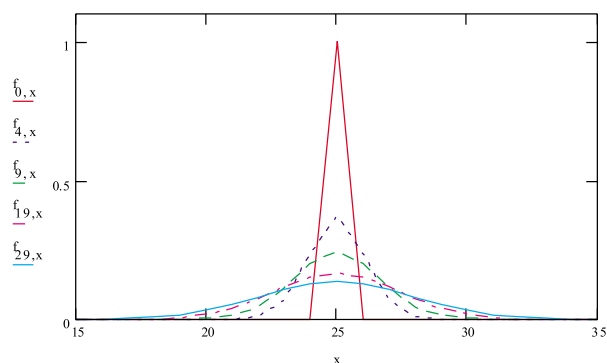

Рис. 3. Изображение графика решения

Разные виды уравнений будут порождать различные графические представления решений.

Особое внимание студентов необходимо обратить на условия устойчивости рассматриваемого метода. Отсюда, естественно, возникает еще одна задача для экспериментов – определить максимально допустимую величину шага, для которого метод будет оставаться устойчивым.

Аналитический этап. После того как исходное уравнение диффузии решено численно, студенты могут попытаться построить аналитическое описание решения с помощью метода Фурье. В результате появится возможность с помощью программного обеспечения сравнить качество численного решения и аппроксимацию с помощью частичных сумм ряда Фурье, оценить трудоемкость каждого метода, выявить преимущества и недостатки.

Таким образом, в ходе организации и проведения экспериментирования осуществляется повторение и систематизация пройденного материала, обусловленные объективной необходимостью, потребностями практики, что является самым мощным мотивационным фактором для будущих бакалавров математики.

Замечание. Нередко в практике обучения студентов приходится сталкиваться со следующим мнением некоторых преподавателей. Упоминаемые педагоги в выступлениях на научных конференциях, в статьях, интернет-публикациях предлагают при изучении математического анализа и тесно связанных с ним дисциплин «уйти» от категории непрерывности в содержании обучения математике. Из-за активного внедрения информационных технологий сторонников такого мнения становится все больше, широкое распространение получает специальное программное обес-

печение – системы компьютерной математики, функциональность которых позволяет не только автоматизировать вычисления, но и осуществлять поиск символьных решений различных задач.

Однако классики отечественного образования призывают соблюдать аккуратность и не злоупотреблять информатизацией при обучении математике. Напомним, еще Л. Д. Кудрявцев отмечал, что «возникает проблема построения процесса обучения так, чтобы... компьютерная техника (и даже калькуляторы) не наносила ущерба развитию абстрактного поискового мышления, основанного на чувстве гармонии и интуиции» [4].

Представленный в данной работе подход к обучению студентов не предполагает отказа от рассмотрения непрерывных математических объектов, его реализация нацелена на формирование у будущих специалистов понимания связей между непрерывными и дискретными величинами.

Подчеркнем, в процессе обучения студентов фундаментальным математическим курсам использование компьютерного эксперимента целесообразно в силу следующих обстоятельств:

- оно обеспечивает овладение современными технологиями научного познания;
- наглядность модели позволяет студентам глубже осознать суть достаточно абстрактных понятий и фактов;
- компьютерный эксперимент способствует реализации таких этапов исследовательской работы, как постановка задачи, выбор методов ее решения, планирование и проведение эксперимента, аналитическая проверка и оценка его результатов, формулирование выводов;
- применение компьютерных экспериментов в практике обучения обеспечивает интеграцию образовательного процесса с реальной исследовательской деятельностью.

Примечания

1. Иванов О. А. ЕГЭ и результаты первого семестра обучения // Математика в школе. 2011. № 5. С. 34–39; Кириллова И. А. Снижение уровня математических знаний. Их причины и пути преодоления // Фестиваль педагогических идей «Открытый урок». URL: <http://festival.1september.ru/articles/513010/>; Рыжик В. И. ЕГЭ... Как много в этом звуке... // Математика в школе. 2011. № 9. С. 58–64.
2. Викторова О. С. Научные основы изучения и предупреждения частнометодических затруднений студентов в овладении математическим анализом: На примере раздела «Введение в анализ»: дис. ... канд. пед. наук. Таганрог, 2005.
3. Арнольд В. И. «Жесткие» и «мягкие» математические модели. М.: МЦНМО, 2000.
4. Кудрявцев Л. Д. О реформах образования в России // Образование, которое мы можем потерять. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова: Ин-т компьютерных исследований, 2003. С. 130.

Н. В. Винокурова

КОНКУРСНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена проблеме развития студенческого самоуправления в вузе в условиях кризиса традиционных видов деятельности студентов, обеспечивающих условия развития студенческого самоуправления. В качестве решения данной проблемы рассматриваются принципы, условия и этапы развития студенческого самоуправления в конкурсной деятельности; предлагаются критерии оценки эффективности развития студенческого самоуправления в конкурсной деятельности.

The article is devoted to the development of the student government in high school in the crisis of traditional activities of students, providing conditions for the development of student self-government. As a solution to this problem, describes the principles, conditions and stages of development of the student government in the competitive activity; proposed criteria for evaluating the effectiveness of the student government in the competitive activity.

Ключевые слова: студенческое самоуправление, развитие студенческого самоуправления, конкурсная деятельность, виды и формы проведения конкурсов, принципы, условия и этапы, критерии эффективности развития студенческого самоуправления в конкурсной деятельности.

Keywords: student government, the development of the student government, competitive activity, types and forms of the competition, the principles, conditions and stages of development of performance criteria for student government in the competitive activity.

Основная тенденция современного профессионального образования – это наиболее полное раскрытие творческого потенциала будущего специалиста, повышение личной ответственности за социальную реализацию собственного предназначения и признания, а также за решения конкретных проблем [1].

Социальное развитие личности будущего специалиста невозможно вне коллективной самоорганизации в студенческой среде, а именно студенческого самоуправления. Однако современная практика развития студенческого самоуправления в большинстве вузов страны основана на традициях, сложившихся в советский период. Студенческое самоуправление, как правило, рассматривается как административный ресурс (ресурс управления), выполняющий вспомогательную функцию по отношению к организации воспитательной работы в вузе, на факультете, в учебной группе. Сложившаяся ситуация не обеспечивает переход на компетентностную модель под-

готовки кадров, не способствует формированию профессиональной и социальной компетентности будущих специалистов, а традиционные виды деятельности студенческого самоуправления не являются востребованными со стороны студенчества. Результатом данного подхода являются низкий уровень студенческой социальной активности, инициативности и ответственности, отсутствие развитых социальных практик в молодежной студенческой среде и доминирование досуговой деятельности.

В связи с этим проблема, на осмысление которой направлена настоящая статья, состоит в противоречии между необходимостью развития студенческого самоуправления в вузе и кризисом традиционных видов деятельности студентов, обеспечивающих условия развития студенческого самоуправления. В качестве решения предложенной проблемы мы хотели бы рассмотреть развитие студенческого самоуправления в конкурсной деятельности.

В современной психолого-педагогической литературе рассматриваются различные подходы к определению студенческого самоуправления. Студенческое самоуправление рассматривается как

- социальный институт и ресурс общественного развития (Г. Ю. Баландина, В. В. Овчинников, Н. А. Помелова, И. И. Тимерманис);
- часть воспитательной работы и вне учебной деятельности в образовательном учреждении (И. А. Винтин, Т. Н. Волоткевич, С. Г. Заяц, В. М. Певзнер, А. Н. Чиж);
- источник формирования гуманистической направленности личности (Л. Д. Варламова, Г. Б. Жанбуршина);
- средство формирования лидерских качеств и социальной активности студентов (С. И. Карпенко, А. П. Шигапова);
- средство профессионального становления личности специалиста (Г. В. Гарбузова, А. И. Давыдова, А. Я. Камалетдинова, И. С. Клименко, О. А. Колмогорова).

Исходя из анализа различных подходов к определению сущности студенческого самоуправления, в нашей статье мы будем понимать под ним режим протекания совместной и самостоятельной жизнедеятельности студентов [2], который обеспечивает необходимую динамику демократических отношений в студенческой среде, задает реальные возможности гражданского, социального и личностного самоопределения студентов.

Студенческое самоуправление развивается практически во всех видах деятельности студентов, в которых возникают отношения взаимодействия характера, сотрудничества и общения. Наиболее сильное влияние на развитие студен-

ческого самоуправления оказывает деятельность, направленная на реализацию конкретных проектов, творческих дел, событий, решения значимых для студентов социальных проблем, при этом эффективное развитие студенческого самоуправления предполагает поощрение инициативы, активности студентов, разграничение обязанностей и ответственности. Все перечисленные условия необходимые для развития студенческого самоуправления, наиболее полно представлены в рамках организации конкурсной деятельности студентов.

Под *конкурсной деятельностью студентов* мы понимаем осознанное целенаправленное взаимодействие членов конкурсной команды (профильного органа студенческого самоуправления) на основе общей цели, объекта, предмета и условий конкурса.

Конкурсная деятельность студентов в вузе может быть направлена на достижение следующих целей: стимулирование к достижению оптимальных результатов обучения, научной, общественной, спортивной, культурно-творческой деятельности; развитие профессиональных и общекультурных компетенций; трансляция духовных ценностей.

В основе участия студентов в конкурсной деятельности находится принцип соревновательности, который является стимулом для создания инициативных групп, формирования целей, задач, определения средств и способов участия в конкурсе в соответствии с установленными требованиями к качеству результатов.

Таким образом, *развитие студенческого самоуправления в конкурсной деятельности рассматривается нами как поэтапный процесс развития совместной деятельности студентов в режиме подготовки и реализации конкурсных заданий, обеспечивающий формирование групповых мотивов деятельности, организаторских навыков и умений, инициативы и самостоятельности, а также динамику демократических отношений в студенческой среде и способствующий гражданскому, социальному и личностному самоопределению, развитию индивидуальной или групповой социальной активности и ответственности.*

Современная практика конкурсной деятельности студентов в вузе представлена многообразием *видов конкурсов и форм их проведения.*

В зависимости от цели проведения конкурса существуют следующие виды:

– *мотивационные конкурсы*, ориентированы на удовлетворение потребности в признании заслуг и достижений со стороны окружающих. Например, в ВятГГУ ежегодно проводятся такие конкурсы, как внутривузовский конкурс студенческих плакатов «Наука – это мы!», внутривузов-

ский студенческий конкурс фоторабот «Наука нашими глазами», конкурс «Лучший лидер студенческого научного общества факультета», конкурс «Лучшее студенческое научное общество факультета»;

– *корпоративные (вузовские) конкурсы* – это конкурсы, проводимые для укрепления и развития студенческого духа и сплочения студенчества. Примером такого конкурса в ВятГГУ является конкурс «Эй, Первокурсник!» и вузовский этап Всероссийского конкурса «Студенческая весна»;

– *целевые конкурсы*, проводятся для того, чтобы решить конкретную задачу или актуальную проблему. Можно выделить такие подвиды целевых конкурсов: инновационный, информационный, профессиональный (кадровый), «дисциплинарный»;

– инновационный конкурс проводят для того, чтобы стимулировать студентов к предложению новых идей или найти нестандартный подход для решения сложной задачи. Данный конкурс ориентирован на выявление инициативных и талантливых студентов, потенциальных новаторов;

– информационный конкурс направлен на привлечение внимания к важным событиям. К примеру, в ВятГГУ традиционно проводится студенческий конкурс плакатов по экологии «Мне не безразлично»;

– профессиональный (кадровый) конкурс ориентирован на выявление уровня владения практическими навыками и умениями студентами старших курсов, формирования мотивов повышения профессиональной подготовленности и компетентности выбранной профессии;

– «дисциплинарный» конкурс нацелен на изменение нежелательных моделей поведения студентов, учебных групп и устранение проблем, связанных с нарушением дисциплины, асоциальными проявлениями и т. д.

Целевой аудиторией конкурса могут быть как отдельные студенты, так и студенческие коллективы, группы, объединения. В соответствии с этим по *составу участников* в конкурсе выделяют:

– *индивидуальные конкурсы*, предполагают индивидуальное участие в конкурсных мероприятиях и оценивание личных достижений конкурсанта;

– *коллективные конкурсы*, ориентированы на оценку результатов конкурсной деятельности группы или коллектива студентов.

Студенческие конкурсы могут охватывать одну или несколько территорий, в связи с этим выделяют *конкурсы различных территориальных уровней*, например:

– *локальные конкурсы*. Конкурсные испытания проводятся для студентов одного образовательного учреждения или структурного подраз-

деления. В связи с этим локальные конкурсы подразделяются на факультетские конкурсы, внутривузовские конкурсы;

– *городские конкурсы (межвузовские конкурсы)*, предполагают активное участие студентов всех образовательных учреждений того или иного уровня и типа и расположенных на территории одного муниципального образования;

– *областные конкурсы*, нацелены на привлечение к участию в конкурсе студентов всех учебных заведений профессионального образования одного субъекта Российской Федерации;

– *региональные конкурсы*, ориентированы на участие представителей из субъектов РФ одного региона;

– *всероссийские конкурсы* – география конкурсантов представлена как минимум пятью субъектами Российской Федерации;

– *всероссийские конкурсы с международным участием*, состав участников конкурса должен быть представлен в том числе и участниками из других стран;

– *международные конкурсы*, предполагают участие в конкурсе представителей не менее чем из пяти стран.

Кроме того, *формы* проведения конкурсов могут быть различными. Как правило, выделяют:

– *очный конкурс* – участники приезжают на конкурс и принимают непосредственное участие в конкурсных мероприятиях;

– *заочный конкурс* – участники отправляют свои конкурсные материалы и заявку на электронную почту оргкомитета конкурса, конкурс проходит без его непосредственного участия;

– *internet-конкурс (дистанционный конкурс)* – конкурсные мероприятия проводятся на сайте конкурса или организации, чаще всего на форуме.

В свою очередь, по *кругу участников* студенческие конкурсы могут быть поделены:

– *открытый конкурс* – круг потенциальных участников конкурса не ограничен.

– *закрытый конкурс* – в конкурсе принимают участие только студенты, специально приглашенные для этой цели или являющиеся членами какой-либо студенческой организации образовательного учреждения, например профсоюзной организации, научного общества студентов, студенческого совета.

Таким образом, в практике конкурсного движения существует множество видов и форм конкурсов, которые ориентированы на стимулирование различных видов деятельности и повышение ее результатов. Наибольшим потенциалом для развития студенческого самоуправления, на наш взгляд, обладают коллективные конкурсы, при этом круг участников этих конкурсов может быть как открытым, так и закрытым.

Эффективное развитие студенческого самоуправления в конкурсной деятельности возможно через определение концептуальных основ данного процесса, а именно *принципов*:

– *включенности студентов в конкурсную деятельность*, проявляется в осознании студентами цели и задач проведения конкурса, условий и результатов конкурсной деятельности;

– *мотивации студентов на успешность участия в конкурсной деятельности*, предполагает использование различных форм морального и материального стимулирования;

– *свободы и самодеятельности*, гарантирует студентам возможность определять цель участия в конкурсе, средства и способы ее реализации, через проявление активности, творчества, самостоятельности, самодеятельности и ответственности;

– *социальной значимости деятельности*, предполагает мобилизацию интересов студентов вокруг решения единой цели, сплачивающей участников совместной конкурсной деятельности, при этом другие цели становятся сопутствующими и подчиняются главной.

Кроме того, процесс развития студенческого самоуправления в конкурсной деятельности, построенный на выделенных нами принципах, позволит включить в данный процесс как можно большее количество студентов, делая их участие личностно значимым.

Развитие студенческого самоуправления в конкурсной деятельности достаточно важно обеспечить соответствующими *организационно-педагогическими условиями*, в качестве которых мы выделяем:

– *эмоционально-мотивационные условия развития студенческого самоуправления*, а именно: формирование стремления решать актуальные проблемы, иметь позитивные межличностные отношения, быть первым среди лучших, иметь высокий авторитет, успех в глазах окружающих; получать одобрение, позитивную оценку; стремление преодолевать трудности в решении поставленной цели, стремление к успеху или стремление к самосовершенствованию;

– *когнитивные условия развития студенческого самоуправления*, предполагают формирование и развитие профессиональных компетенций, необходимых для участия в конкурсной деятельности, аналитических умений, необходимых для осуществления анализа ситуаций и самостоятельного принятия решений на основе осознанного выбора;

– *подготовку студентов к организаторской деятельности как условие развития студенческого самоуправления* [2], а именно: формирование у студентов организаторских навыков и умений на основе практического применения управ-

ленческих знаний в моделированных управленческих ситуациях;

– *организационные условия* – это координация деятельности участников кураторами конкурса, создание кураторами конкурса ситуации выбора в условиях конкурсной деятельности. На уровне участников конкурса к данной группе условий относятся распределение обязанности внутри конкурсной команды, определение лидера, обладающего коммуникативными и организаторскими способностями, закрепление полномочий и ответственности между членами команды.

Как было сказано выше, развитие студенческого самоуправления в конкурсной деятельности – это поэтапный процесс, в соответствии с этим мы выделяем *три этапа развития студенческого самоуправления*, в основе которых положены этапы участия в конкурсной деятельности (см. таблицу).

Опираясь на изложенные подходы к развитию студенческого самоуправления в конкурсной деятельности, в апреле 2013 г. социально-гуманитарным факультетом ВятГГУ был организован университетский студенческий конкурс социальных акций «НАМ НЕ ВСЁ РАВНО!» (куратор конкурса – кандидат педагогических наук, доцент Е. В. Волченкова).

Целью конкурса являлось стимулирование активности и творческого потенциала студентов посредством включения в решение актуальных социальных проблем.

Участниками конкурса могли выступить только конкурсные команды в составе пяти человек, но данное условие не ограничивало круг возможных участников, так как под участниками нами также понимались и студенты, принявшие участие в проводимой конкурсантами социальной акции.

Основная конкурсная деятельность была направлена на подготовку и реализацию социальных акций, ориентированных на решение целей и задач комплексных целевых программ Концепции воспитания студентов ВятГГУ, тем самым условиями конкурса была предусмотрена ситуация выбора для участников конкурса, которая проявлялась в выборе той или иной КЦП. Таким образом, грамотная организация конкурсной деятельности студентов может стать многофункциональным механизмом для решения широкого спектра воспитательных задач.

В процессе подготовки и непосредственного участия в конкурсе конкурсные команды приобретали такие признаки самоуправления, как автономность функционирования; гибкость, дина-

Этапы развития студенческого самоуправления в конкурсной деятельности

Этап	Этап конкурсной деятельности	Этап развития студенческого самоуправления
1	<i>Этап подготовки к конкурсу:</i> – подача заявки на участие в конкурсе; – подготовка конкурсных материалов на основе заданий конкурса и в соответствии с требованиями конкурсной документации	<i>Этап формирования профильного органа студенческого самоуправления (конкурсной команды)</i> Конкурсная команда может формироваться из числа студентов одной учебной группы, факультета, представителей различных факультетов вуза. Условия создания команды определены в положении о конкурсе и напрямую зависят от целей проведения конкурса. Признаки этапа: – деятельность команды направлена на формулирование целей и задач участия в конкурсной деятельности, определения временных рамок, форм и способов достижения целей конкурса; – формирование мотивации достижения у членов конкурсной команды; – номинализация команды – формулирование названия конкурсной команды, разработка символики команды, выбор лидера и пр.
2	<i>Этап участия в конкурсе:</i> – выполнение конкурсных заданий (визитка – представление команды участников, защита проекта, проведение социальной акции, мастер-класса, кураторского часа и т. д.)	<i>Этап функционирования профильного органа студенческого самоуправления</i> Признаки этапа: – возникновение организационной структуры конкурсной команды; – высокий уровень групповой подготовленности и сотрудничества; – партнерский характер отношений внутри конкурсной команды; – использование внешних и внутренних ресурсов, необходимых для успешного выполнения конкурсных заданий
3	<i>Этап оценки результатов в конкурсе:</i> – подведение итогов конкурса; – награждение победителей и участников конкурса	<i>Этап устойчивого функционирования студенческого самоуправления</i> Признаки этапа: – целостность структуры и содержания социально значимых мотивов участия в конкурсной деятельности; – умение выстраивать отношения с окружающими людьми в процессе совместной деятельности; – владение навыками управления и самоуправления; – самостоятельность и готовность к принятию решений

мичность системы, основанной на сочетании интересов участников; самостоятельность в подготовке заданий конкурса; правомочное принятие решений по внутренним проблемам конкурсной команды; самостоятельный выбор цели, объекта, предмета деятельности, способов и средств ее достижения; наличие коллективного управления, соотношение самостоятельности организации с повышением самостоятельности организации; активизация инициатив студентов.

Признаками результативности развития студенческого самоуправления в конкурсной деятельности могут быть количественные и качественные *критерии и показатели*. Среди количественных критериев мы выделяем общее число участников конкурсной деятельности на уровне вуза, факультета, учебной группы. Как качественные критерии мы предлагаем использовать следующие:

– *критерий социальной значимости деятельности*, проявляется в уровне инициативы, самостоятельности и ответственности студентов в достижении целей и задач конкурса;

– *мотивационный критерий* – уровень сформированности групповых мотивов деятельности у студентов – участников конкурса;

– *операционный критерий* – уровень организаторских навыков и умений студентов;

– *практический критерий* – уровень развития профессиональных компетенций студентов, сформированный на основе ситуации выбора в условиях конкурсной деятельности.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что развитие конкурсной деятельности в вузе позволит осуществить переход от традиционных подходов к развитию студенческого самоуправления в вузе, к инновационным, обеспечивающим проявление инициативы студентов, вовлечение их в решение значимых проблем университета, города, страны.

Примечания

1. Лопатина Р. Ф. Проведение конкурсов молодежных проектов в вузе культуры и искусств как один из стимулов развития молодежного предпринимательства в студенческой среде. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17656548>

2. Богданова Р. У. Студенческое самоуправление: инновационный подход. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16496023>

УДК 159.947.5

Т. А. Втюрина

МЕНТАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОТИВАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

В статье обосновывается введение категории «ментальная репрезентация», рассматриваются подходы к ее определению, соотношение с понятиями «образ мира», «ментальный опыт». Представлены результаты эмпирического исследования ментальных репрезентаций мотивации в научном и бытовом сознании.

The article explains the introduction of the category “mental representation”, the approaches to its definition, the ratio of the concepts of “image of the world”, “mental experience”. The results of an empirical study of mental representations of motivation in science and everyday consciousness.

Ключевые слова: ментальная репрезентация, образ мира, ментальный опыт, мотивация.

Keywords: mental representation, image of the world, mental experience, motivation.

В настоящее время в психологической литературе увеличилось количество исследований, посвященных изучению субъективных отображений явлений психики [1]. Для обозначения особого рода психической реальности, которая иницируется «извне», внешним воздействием, но зарождается и обеспечивается «внутри» субъекта, используются различные понятия: образ мира, ментальный опыт, ментальная репрезентация, внутренний мир и др. [2] А. В. Карпов отмечает, что исследование данных форм субъективной репрезентации объективной реальности является «магистральной тенденцией общепсихологических исследований» [3]. Эти исследования направлены на изучение содержательных особенностей субъективного отображения как психической реальности в целом, так и отдельных ее феноменов, на раскрытие структурно-функциональной организации внутреннего мира как собственного, так и другого человека.

Ментальная репрезентация трактуется в психологии как отражение в сознании человека определенных характеристик мира, как внутренняя, субъективная модель внешнего и внутреннего мира. Изучение психической реальности в терминах ментальных репрезентаций способствует сохранению рефлексивной позиции по отношению к познанию. Понятие «ментальная репрезентация» формулируется нами при соотношении разных точек зрения на данную проблему. По мнению Е. А. Сергиенко, понятие «репрезентация» определяет как «представленность себе»,

т. е. речь идет о внутренних структурах, формирующихся в процессе жизни человека, в которых представлена сложившаяся у него картина мира, социума и самого себя. Когнитивные структуры – это не копии образцов, а обобщенно-абстрактные репрезентации – схемы, позволяющие не только получать знания, но и указывающие на способ их получения [4].

Другой взгляд на проблему ментальной репрезентации имеет М. А. Холодная. С точки зрения данного автора ментальная репрезентация есть актуальный умственный образ того или иного конкретного события, т. е. субъективная форма видения, понимания и интерпретации происходящего. Ментальные репрезентации, являясь оперативной формой ментального опыта, зависят от обстоятельств, строятся в конкретных условиях для специфических целей и выступают специализированной и детализированной умственной картиной события [5].

А. В. Карпов подходит к проблеме ментальной репрезентации с позиции системного подхода к строению психики. Структурно-уровневая организация психики предполагает включенность метасистемного уровня в само ее содержание, в саму ее структуру. Метасистемный уровень по своему содержанию представляет «инобытие» объективной реальности в форме реальности субъективной, в форме идеальных моделей и репрезентаций систем знаний. Благодаря метасистемному уровню и его «встроенности» в саму систему (психику) обеспечивается возможность существования фундаментального феномена, который можно условно обозначить как механизм метасистемной обратимости. Следовательно, любой процесс, протекающий в психике, будучи транспонированным на метасистемный уровень, становится направленным не на «внешнюю среду», а на внутреннее содержание психики. В результате этого возникают рефлексивные процессы и феномены [6].

Ж.-Ф. Ли Ни высказывает возражения против содержательной трактовки понимания ментальной репрезентации. Ментальная репрезентация – это не содержание психического отражения, а формат, в котором происходит отражение. Соответственно ментальная репрезентация понимается как структурные элементы системы переработки информации, к которым прилагаются некоторые операции [7].

Данный подход к определению понятия ментальной репрезентации подводит нас к вопросу о форме существования ментальной репрезентации и, соответственно, типов и моделей, используемых для описания этой реальности. Существует ряд моделей репрезентации как формата психического отражения, которые могут быть подразделены на те, в которых предполагается

один формат ментальной репрезентации, и те, в которых таких форматов несколько (два).

Примером двойного формата репрезентации является модель А. Пайвио (теория двойного кодирования информации: вербального и невербального). Автор отмечает, что эти две системы работают принципиально разными способами. Информация в субъективном опыте репрезентируется посредством двух кодов: модального и амодального. Главным тезисом работы А. Пайвио было утверждение, что репрезентации могут быть как материальными, так и чисто психическими, воображаемыми сущностями [8].

Таким образом, рассмотрение проблемы ментальной репрезентации ведется через обсуждение в терминах внутренних структур, формирующихся в процессе жизни человека, и психического отражения, включающей проблему субъективного образа. Парадигма ментальной репрезентации дает возможность исследовать внутренний мир субъекта, представить субъективную форму видения, понимания и интерпретации информации. Данный подход подчеркивает когнитивный аспект субъективного отображения объективной реальности. Понятие «ментальная репрезентация» описывает как содержание психического отражения, так и формат, в котором происходит такое отображение. Ментальные репрезентации имеют системно-уровневое строение, иерархическую метаструктуру, категориальную организацию, фиксирующую принадлежность понятия к некоторому семантическому классу.

Использование понятия «ментальная репрезентация» предполагает соотношение его с понятием «образ мира». При взаимодействии человека с миром образуется особая психологическая реальность – образ мира. Введение понятия «образ мир» связано с именем А. Н. Леонтьева, который определял его как сложное многоуровневое образование, обладающее системой значений и полем смысла [9]. Автор обращает внимание на то, что психология образа есть «конкретно-научное знание о том, как в процессе своей деятельности индивиды строят образ мира – мира, в котором они живут, действуют, который они сами переделывают и частично создают; это – знание также о том, как функционирует образ мира, опосредствуя их деятельность в объективно реальном мире» [10]. А. Н. Леонтьев отмечал, что проблема психического должна рассматриваться с позиции построения в сознании индивида многомерного образа мира как образа реальности. В создаваемой картине мира можно выделить три слоя сознания: 1 – чувственные образы; 2 – значения, носителями которых выступают знаковые системы, формируемые на основе интериоризации предметных и операциональных значений; 3 – личностный смысл. Пер-

вый слой составляют чувственные переживания, которые «образуют обязательную фактуру образа мира». Второй слой сознания представлен значениями, в которых зафиксированы общественно выработанные способы действия с реальностью и в реальности. Интериоризация предметных и операциональных значений на основе знаковых систем приводит к зарождению понятий. Третий слой сознания образуют личностные смыслы. То есть то, что индивид вкладывает в конкретные события, явления или понятия, осознание которых может существенно не совпадать с объективным смыслом [11].

Образ мира в психологии рассматривается под разными углами зрения: как целостная, многоуровневая система представлений человека о мире, других людях, и о себе и своей деятельности [12], как иерархическая система когнитивных репрезентаций [13], как интегратор следов взаимодействия человека с объективной действительностью [14]. Рассматривая вопросы структурной организации образа мира, авторы (Е. Ю. Артемьева, В. В. Петухов, В. П. Серкин, С. Д. Смирнов, Ю. К. Стрелков и др.) отмечают ее поуровневую организацию и выделяют слои этой структуры. С. Д. Смирновым определены поверхностные и ядерные структуры образа мира: поверхностные структуры – чувственно оформленное представление о мире, а ядерные – отторгнутые от чувственности, амодальные, знаковые системы – отражение мира в целом [15]. В. В. Петухов предложил разделение образа мира по «языку» описания: поверхностные структуры – это *представления о мире*, а ядерные – *представления мира*. Так, в терминах В. В. Петухова, ядерные структуры – это «фундаментальные опоры существования человека в качестве сознательного существа, отражающие его действительные связи с миром и не зависящие от рефлексии по их поводу» (*представление мира*), поверхностные – структуры, «связанные с познанием мира как специальной целью, с построением того или иного представления о нем» (*представление о мире*) [16].

Таким образом, категория «образ мира» рассматривается как универсальная форма знаний человека о мире, характеризующаяся прогностической направленностью, и как категория, описывающая отражение мира на уровне восприятия. Исследователи отмечают интегративную природу категории «образ мира», рассматривают проблему структурной организации образа мира.

Семантически близкой к конструкту «ментальная репрезентация» является категория «ментальный опыт», используемая при описании интеллекта. По мнению М. А. Холодной, эта категория позволяет подойти к проблеме устройства интеллектуальной сферы с позиции взгляда «из-

нутри». Интеллект понимается как форма организации ментального опыта, а ментальный опыт рассматривается как «система наличных психических образований и иницируемых ими психологических состояний, лежащих в основе познавательного отношения человека к миру и обуславливающих конкретные свойства его интеллектуальной деятельности» [17]. Ментальный опыт представлен в трех основных формах: *ментальные структуры, ментальное пространство и ментальные репрезентации*. Выделенные формы выступают в качестве иерархии психических носителей, которые «изнутри» определяют особенности интеллектуального поведения [18]. Так, ментальная репрезентация рассматривается как одна из форм организации ментального опыта, заключающаяся в ментальном видении, ментальном умозрении субъектом происходящего (как субъект воспринимает, понимает и объясняет происходящее). Ментальное пространство определяется как «динамическая форма ментального опыта, которая актуализируется в условиях познавательного взаимодействия субъекта с миром». Ментальное пространство – это субъективное пространство отражения. Ментальные структуры – это своеобразные психические механизмы, в которых в «свернутом» виде представлены наличные интеллектуальные ресурсы субъекта и которые при столкновении с любым внешним воздействием могут «развертывать» особым образом организованное ментальное пространство [19].

Со стороны ментальных структур ментальный опыт субъекта представляет собой иерархию уровней (или слоев) опыта: когнитивного, обеспечивающего оперативную переработку информации; метакогнитивного, осуществляющего регуляцию (непроизвольную и произвольную) интеллектуальной деятельности; интенционального, лежащего в основе индивидуальных интеллектуальных склонностей и определяющего субъективные критерии выбора определенной предметной области, направления поиска решения и т. д.

На уровне рассмотрения когнитивного опыта, как и в случае конструкта «ментальная репрезентация», в центре исследовательского внимания оказывается вопрос о способах кодирования (переработки) информации. Предполагается, что «...в структуре зрелого интеллекта переработка информации одновременно идет как минимум в системе трех основных модальностей опыта: 1) через знак (словесно-речевой способ кодирования информации); 2) через образ (визуально-пространственный способ кодирования информации); 3) через чувственное впечатление (чувственно-сенсорный способ кодирования информации)» [20].

Вновь обращаясь к понятию «ментальная репрезентация», соотнесем его с рассмотренными выше представлениями об образе мира и ментальном опыте. Каждый из нас создает свою репрезентативную картину мира, которую использует, решая, как жить в мире. Модели, которые мы себе создаем и которыми руководствуемся, основываются в какой-то степени на нашем жизненном опыте, на нашем отношении с миром, отражают общекультурные и индивидуальные характеристики человека. Ментальные модели, применяемые к широкому спектру форм человеческого поведения, становятся фундаментальными опорами существования человека в мире.

Категории «ментальная репрезентация», «образ мира», «ментальный опыт» являются индивидуальными инструментами использования знаний при интеллектуальном взаимодействии с окружающим миром, позволяют выявить, как организованы знания о психических феноменах. Общность исследовательских позиций прослеживается через наличие общих методологических проблем, таких как способы кодирования информации, роль семантических структур и др. Вместе с тем категория «ментальная репрезентация» позволяет исследовать глубинные, ментальные основы сознания. Общим моментом по отношению к ментальной репрезентации является признание ее структурно-иерархической организации.

Знание того, как устроены исходные системы понятий, индивидуальный контекст значений, как представлены аналоги научных психологических знаний в обыденном сознании обеспечивает понимание объективного мира, облегчает взаимодействие между людьми, а также подготавливает к пониманию самого себя.

Целью эмпирической части исследования было изучение содержания и структуры ментальных репрезентаций мотивации в научном и обыденном сознании (в сравнении), выявление универсальности и специфичности в представлениях о мотивации у студентов – будущих психологов и непсихологов. **Предмет исследования** – ментальные репрезентации мотивации студентов-психологов и студентов-непсихологов в сравнении с ментальными репрезентациями этого феномена, нашедшими отражение в научных текстах.

Эмпирическое исследование ментальных репрезентаций мотивации было реализовано в **три этапа**.

1-й этап – изучение определений понятия «мотивация» в научных текстах с целью выявления набора идей, открытых и введенных в научный оборот. Объект эмпирического исследования – преимущественно учебники и учебные пособия для студентов вузов, обучающихся по психологическим специальностям и направлениям. Критерии отбора текстов, подлежащих анализу: 1. Текст должен включать фразы типа «мотива-

ция трактуется как...», «термин мотивация служит для...», «мотивацию можно определить как...», «под мотивацией имеют в виду...» и т. д. 2. Фрагмент текста должен представлять собой законченную мысль. 3. В случае, если автор дает определение мотивации в двойном смысле, принимаются во внимание оба подхода. В соответствии с критериями отбора текстов выделено 39 определений понятия «мотивация».

2-й этап – эмпирическое исследование репрезентированности понятия «мотивация» в обыденном сознании. В исследовании приняли участие две группы студентов (по 180 студентов) в возрасте от 18 до 22 лет (психологи и непсихологи). В качестве **методов** сбора эмпирических данных выступили свободный ассоциативный эксперимент, метод определения понятий, метод изображения (рисунок) на предлагаемый стимул. Испытуемым было предъявлено слово-стимул «*мотивация*», для которого было предложено сначала написать не менее пяти ассоциаций, затем дать определение понятия, и в заключение нарисовать (изобразить) «*мотивацию*» так, как они себе ее представляют. В инструкции уточнялось, что студенты могут не заботиться о строгости и научности определения, важно передать в определении то, как они понимают это для себя.

3-й этап – сравнение понятийного компонента ментальных репрезентаций мотивации в научном и обыденном сознании.

При **обработке** фрагментов научных текстов, ответов испытуемых, полученных при использовании методов ассоциативного эксперимента, определения понятий и рисунка, использовался метод контент-анализа. В целях выяснения степени обоснованности выделенных для анализа категорий и для проверки адекватности их выделения был использован метод экспертной оценки. Статистическая обработка результатов проводилась с использованием методов дескриптивной статистики, методов непараметрической статистики: критерия ϕ – угловое преобразование Фишера, рангового коэффициента корреляции Спирмена. Расчеты осуществлялись в программе Excel, SPSS 10.0. for Windows [21].

Качественный анализ определений позволил выделить следующие категории: 1. Целостность – указывает на обобщенность, единство, на внутреннюю связность явления. Например: *система, совокупность*. 2. Динамика – указывает на процессуальность, изменение, протяженность во времени. Например: *процесс, действие, воплощение, достижение*. 3. Энергия – характеризует некоторую интенсивность, силу, приводящую ситуацию в движение. Например: *побуждение, стремление, мотив, волевое усилие*. 4. Влияние – включает понятия, описывающие воздействие на саму

мотивацию, влияние внутри процесса (в том числе и векторные характеристики). Например: *причина, основание, регуляция, формирование, направление, цель*. 5. Интерпретация – включает понятия, за счет которых происходит истолкование, разъяснение смысла чего-либо. Например: *обоснование, объяснение*. 6. Носитель мотивации – категория, отражающая того, кто продуцирует мотивацию, без которого она не рассматривается. Например: *личность, человек, я*. 7. Объект детерминации – содержит указание на объект, процесс, на которые направлена, к которым приложима мотивация. Например: *деятельность, поведение, желаемый результат*. 8. Неопределенность описываемого явления – включает указательное местоимение *то* с дополнениями. Например: *то, что; то, из-за чего*.

Полученные результаты и их обсуждение.

Обработка текстов определений осуществлялась с учетом того, что понятие как логическая форма, как правило, имеют двухуровневую иерархическую структуру (по аналогии с логической схемой анализа дефиниций, предполагающих указание на род и видовое отличие). Например: Мотивация есть процесс образования, формирования мотивов (А. Д. Столяренко). Мотивация – это побуждение к совершению определенного действия (определение, предложенное студентом).

В научных определениях было проанализировано 39 понятий 1-го уровня и 152 понятия 2-го уровня. Словарь различных понятий содер-

жит 10 и 58 слов соответственно. В студенческих определениях проанализированы 360 понятий 1-го уровня и 1027 понятий 2-го уровня. Словарь различных понятий содержит 83 и 217 слов соответственно (табл. 1).

Сопоставление долей понятий, преодолевших 5%-ный барьер упоминания, выявило значимые различия (1-й уровень: $\phi = 3,373$, $p \leq 0,01$; 2-й уровень: $\phi = 2,422$, $p \leq 0,01$). Было установлено, что несмотря на сложность самого феномена, научное понятие «мотивация» уже получило устоявшиеся словесные формулировки, характеризующиеся компактностью и структурированностью. Формулировки понятия «мотивация», представленные в обыденном сознании, характеризуются большей конкретностью, меньшей обобщенностью в сравнении с научным знанием.

Результаты исследования показали, что для объяснения психической реальности, которая стоит за осмыслением феноменов мотивации, ученые используют понятия, относящиеся к категориям «Целостность», «Динамика», «Влияние», «Энергия», «Интерпретация», «Носитель мотивации», «Объект детерминации» (табл. 2)

Среди категорий, используемых при объяснении психической реальности, выделены такие, частота обращения к которым значимо выше по отношению к другим. Так, при определении мотивации ученые чаще обращаются к категориям «Целостность» (41,03%) и «Динамика» (41,03%). В категории «Целостность» доминиру-

Таблица 1

Количественные показатели встречаемости лексических единиц в определении «мотивация»

Показатели	Результаты анализа научных определений		Результаты анализа определений, предложенных студентами	
	1-й уровень	2-й уровень	1-й уровень	2-й уровень
Кол-во анализируемых понятий	39	152	360	1027
Словарь различных понятий	10	58	83	217
Доля понятий, преодолевших 5%-ный барьер упоминания	50%	8,6%	4,65%	1,38%
Примечание: здесь и далее 1-й уровень представлен родовыми понятиями, 2-й уровень раскрывает видовое отличие				

Таблица 2

Частота встречаемости категорий контент-анализа научных определений понятия «мотивация» (в % от общего количества подсчитываемых понятий)

Категории контент-анализа научных определений	Число случаев, когда смысловая единица стоит на первом месте (1-й уровень); n = 39		Число случаев, когда смысловая единица стоит на втором месте (2-й уровень); n = 152	
	%	ранг	%	ранг
Целостность	41,03	1,5	0,66	7
Динамика	41,03	1,5	14,47	4
Энергия	15,38	3	23,03	3
Влияние	2,56	4	27,64	1
Интерпретация	–	–	1,97	6
Носитель мотивации	–	–	8,55	5
Объект детерминации	–	–	23,68	2

ет идея мотивации как *совокупности* тех или иных психических феноменов; в категории «Динамика» – как *процесса*. При раскрытии существенных признаков, характерных для понятия «мотивация», актуализируются категории «Влияние», «Энергия», «Объект детерминации». В категории «Влияние» (27,64%) раскрывается причинная (*причина, фактор*) и функциональная (*направляющая, определяющая, детерминирующая, управляющая*) составляющая мотивации. Категория «Энергия» (23,03%) выступает основой функционирования – «*мотив*», «*побуждение*» – где побуждение фиксирует желательное будущее состояние действительности, а мотив выступает двигателем поведения. В категории «Объект детерминации» (23,68%) доминирует идея проявления мотивации в *поведении, деятельности*.

Для объяснения психической реальности, которая стоит за осмыслением субъектом феноменов мотивации, студенты используют понятия, относящиеся к категориям «Целостность», «Динамика», «Влияние», «Энергия», «Интерпретация», «Носитель мотивации», «Объект детерминации», «Неопределенность описываемого явления» (табл. 3)

При определении понятия «мотивация» студентам характерно распределение ответов по многим категориям с небольшим преимуществом для категорий, имеющих высшие ранги. Так, в студенческих определениях мотивация чаще раскрывается через понятия, принадлежащие к категориям «Энергия» (32,5%) и «Влияние» (29,72%). В категории «Энергия» доминирует идея мотивации как психологического феномена, запускающего (побуждающего), поддерживающего и сопровождающего деятельность (*побуждение, желание, заинтересованность*); в категории «Влияние» доминируют идеи мотивации как *причины, цели*. При раскрытии существенных признаков, характерных для понятия «мотивация», актуализируются категории «Объект детермина-

ции», «Энергия», «Динамика». Через категорию «Объект детерминации» раскрывается связь мотивации с *действиями, деятельностью*. Категория «Энергия» репрезентирует иницирующую силу мотивации (*побуждает, подталкивает*). В категории «Динамика» доминирует идея мотивации как *выполнение, совершение, достижение*.

Сравнительный анализ категорий выявил особенности понятийных репрезентаций мотивации в научном и обыденном сознании. Результаты сравнения категорий 1-го уровня показали, что для научных определений достоверно выше частота встречаемости категорий «Целостность» ($\varphi = 3,96$; $p \leq 0,01$), «Динамика» ($\varphi = 5,29$; $p \leq 0,01$), для определений, предложенных студентами, – категорий «Энергия» ($\varphi = 2,31$; $p \leq 0,01$), «Влияние» ($\varphi = 4,92$; $p \leq 0,01$). Содержательно это проявляется в том, что в научном сознании мотивация определяется либо через понятия, указывающие на обобщенность, внутреннюю связность явления (*система, совокупность*), либо через понятия, указывающие на процессуальность, изменение (*процесс, проявление*). В обыденном сознании мотивация определяется, прежде всего, через термины субъективного восприятия мотивации (*побуждение, стремление, желание, заинтересованность, потребность, чувство, эмоция*). Значимо часто мотивацию определяют через указание на исходные основания (*причина*) и обстоятельства-мотиваторы (*фактор, стимул*).

Результаты сравнения категорий 2-го уровня (раскрывают признаковые характеристики) показали, что категории «Динамика» и «Энергия» не имеют значимых различий по частоте встречаемости. Следовательно, для обеих групп (ученых и студентов) мотивация мыслится как *выполнение, совершение, достижение, осуществление* чего-либо; выполняет *побуждающую, подталкивающую* функцию. Вместе с тем в научных определениях достоверно выше частота встречаемости категории «Влияние» ($\varphi = 3,47$; $p \leq 0,01$),

Таблица 3

Частота встречаемости категорий контент-анализа студенческих определений понятия «мотивация» (в % от общего количества подсчитываемых понятий)

Категории контент-анализа научных определений	Число случаев, когда смысловая единица стоит на первом месте (1-й уровень); n = 360		Число случаев, когда смысловая единица стоит на втором месте (2-й уровень); n = 1027	
	%	ранг	%	ранг
Целостность	12,50	4	0,10	7
Динамика	6,11	5	17,04	3
Энергия	32,50	1	20,45	2
Влияние	29,72	2	15,29	4
Интерпретация	3,61	6	0,49	6
Неопределенность описываемого явления	15,56	3	–	–
Носитель мотивации	–	–	15,09	5
Объект детерминации	–	–	31,55	1

а в студенческих определениях категорий – «Носитель мотивации» ($\varphi = 2,34$; $p \leq 0,01$) и «Объект детерминации» ($\varphi = 2,01$; $p \leq 0,05$). Следовательно, студенты чаще в определениях указывают на носителя мотивации, того, кто продуцирует мотивацию, без которого она не рассматривается (*человек*) и на объект, процесс, на которые направлена, к которым приложима мотивация (*деятельность, действия*).

Анализ результатов ассоциативного эксперимента также позволил выявить, уточнить идеи, актуализирующиеся у испытуемых в процессе написания ассоциаций. Частотный анализ ассоциаций показал, что мотивация ассоциируется с *целью, желанием, побуждением, стремлением, мотивом, деятельностью*. Данные единицы репрезентаций с высокой частотой встречаемости понимаются как общая составляющая ментальной репрезентации мотивации. Таким образом, на ассоциативном уровне мотивация определяется как цель, с выраженной направленностью, побуждающей к деятельности. Желание выступает одним из важнейших моментов психических состояний личности, которые предваряют её поведение и характеризуют сознательное отношение человека к его деятельности. Контент-анализ ассоциаций позволил получить более подробный анализ образного компонента ментальных репрезентаций мотивации (табл. 4).

Анализ полученных данных показывает, что наибольшую частоту встречаемости (независимо от группы испытуемых) имеют категории «Стимуляция», «Процесс и структура активности (поведения, деятельности)», «Регуляция». Вместе с тем результаты позволяют утверждать, что представленность мотивации в сознании обладает дифференцирующей силой. Выявлены значимые различия в содержании представлений о мотивации у студентов-психологов и студентов-непсихологов в следующих категориях: «Процесс и структура активности (поведения, деятельности)» ($\varphi = 1,739$; $p \leq 0,05$), «Регуляция» ($\varphi = 2,46$; $p \leq 0,01$), «Контекст определения» ($\varphi = 2,567$; $p \leq 0,01$), «Ожидаемые результаты» ($\varphi = 1,654$; $p \leq 0,01$). Так, например, студенты-психологи при ассоциировании мотивации чаще обращаются к категории «состояния (чувства, эмоции, воля)» ($\varphi = 2,694$; $p \leq 0,01$), в то время как студенты-непсихологи – к категории «когнитивные процессы» ($\varphi = 6,83$; $p \leq 0,01$). Также студенты-психологи чаще в описании феномена мотивации используют целостные характеристики ($\varphi = 2,333$; $p \leq 0,01$), такие как *система, совокупность и т. д.*

Таким образом, понятие «мотивация» представлено не только в научной психологии, но и в обыденном сознании. Однако о том, как оно функционирует, известно недостаточно. М. А. Холдная обращает внимание на то, что за поняти-

Таблица 4

Частота встречаемости реакций на слово-стимул «мотивация» от общего числа ассоциаций в категориях контент-анализа

Название категории	Частота встречаемости (%)		Ф-критерий Фишера	Уровень значимости
	Студенты-психологи, n = 991	Студенты-непсихологи, n = 824		
1. Процесс и структура активности (поведения, деятельности)	17,05	20,27	1,739	p ≤ 0,05
2. Психические свойства (качества)	3,43	2,43	1,273	p ≥ 0,05
3. Регуляция	15,34	19,66	2,46	p ≤ 0,01
3.1. Состояния (чувства, эмоции, воля)	11,81	8,01	2,694	p ≤ 0,01
3.2. Когнитивные процессы	3,53	11,65	6,83	p ≤ 0,01
4. Стимуляция	32,39	31,55	0,361	p ≥ 0,05
4.1. Внешняя	9,28	8,50	0,594	p ≥ 0,05
4.2. Внутренняя	23,11	23,06	0	p ≥ 0,05
5. Контекст определения	11,7	8,13	2,567	p ≤ 0,01
5.1. Учебная деятельность	3,73	2,43	1,612	p ≥ 0,05
5.2. Трудовая деятельность	7,97	5,70	1,951	p ≤ 0,05
6. Ожидаемые результаты	10,7	8,37	1,654	p ≤ 0,05
6.1. Материальное поощрение	2,02	3,52	1,951	p ≤ 0,05
6.2. Моральное поощрение	1,01	0,85	0,445	p ≥ 0,05
6.3. Результат, достижение	7,67	4,00	3,373	p ≤ 0,01
7. Описание феномена	8,38	8,37	0	p ≥ 0,05
7.1. Предмет потребности	3,23	3,88	0,806	p ≥ 0,05
7.2. Субъекты мотивации	1,51	1,82	0,488	p ≥ 0,05
7.3. Характеристика	3,63	2,67	1,103	p ≥ 0,05
7.3.1. Целостность	1,41	0,36	2,333	p ≤ 0,01
7.3.2. Частность	2,22	2,31	0,127	p ≥ 0,05
8. Другое	1,01	1,21	0,424	p ≥ 0,05

ем скрывается некоторый «ментальный субстрат, отличающийся сложной структурированностью». В настоящем исследовании представлены результаты изучения ментальных репрезентаций мотивации на понятийном и ассоциативном уровнях. В результате контент-анализа определений (научных и определений, предложенных студентами) были выделены базовые идеи (категории), которые направляют и ограничивают когнитивный поиск: «Энергия», «Влияние», «Динамика», «Объект детерминации». Следовательно, ментальные репрезентации мотивации, в первую очередь, содержат феномены, *описывающие* воздействие на саму мотивацию, влияние внутри процесса; феномены, *обозначающие* некоторую интенсивность, силу, приводящую ситуацию в движение; *раскрывающие* процессуальность, изменение; и *указывающие* на объект, процесс, на которые направлена, к которым приложима мотивация. Ментальные репрезентации мотивации в научном и обыденном сознании, в первую очередь, различаются специфичным форматом входа. Ученые определяют мотивацию с опорой на идею целостности и динамики, студенты – на идею энергии и влияния. Для ученых важна сущность познаваемого объекта, в то время как для студентов важен объект познания как таковой в его феноменологических проявлениях, важна связь с влиянием-воздействием (наблюдаемая, очевидная). Формат хранения (раскрывающий существенные признаки) обладает сходным набором категорий.

Примечания

1. Дружинин В. Н., Ушаков Д. В. Когнитивная психология / под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. М.: ПЕР СЭ, 2002; Левченко Е. В. Психологическое познание: актуальные проблемы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (27 ноября 2008 г.) / под ред. Е. В. Левченко, А. Ю. Бергфельд; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008; Подпругина В. В. Ментальные репрезентации базовых эмоций: дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.
2. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002; Ментальная репрезентация: динамика и структура. М.: ИП РАН, 1998.
3. Картов А. В. Метасистемный подход как методологический принцип психологии // Вестник Ярославского государственного университета. 2006. № 1. С. 7.
4. Сергиенко Е. А. Современное состояние исследований когнитивных процессов // Психологический журнал. 2002. № 2. С. 19–35.
5. Холодная М. А. Указ. соч.
6. Картов А. В. Указ. соч.
7. Цит. по: Ребеко Т. А. Ментальная репрезентация как формат хранения информации // Ментальная репрезентация динамика и структура. М.: ИП РАН, 1998. С. 25–54.
8. Цит. по: Ришар Ж. Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений / сокр. пер. с фр. Т. А. Ребеко. М.: Ин-т психологии РАН, 1998.

9. Леонтьев А. Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261.
10. Там же. С. 254.
11. Обухов А. С. Исторически обусловленные модификации образа мира // Развитие личности. 2002. № 4. С. 51–68.
12. Смирнов С. Д. Образ мира // Краткий психологический словарь / ред.-сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 1998. С. 227.
13. Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Современный когнитивный подход к категории «образ мира» // Вопросы философии. 2002. № 8.
14. Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / под ред. И. Б. Ханиной. М.: Наука: Смысл, 1999.
15. Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1981. № 3. С. 15–29.
16. Петухов В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1984. № 21. С. 15.
17. Холодная М. А. Указ. соч. С. 106.
18. Там же. С. 107.
19. Там же. С. 96–97.
20. Там же. С. 112.
21. Наследов А. Д. SPSS: Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. СПб.: Питер, 2005.

УДК 37.016:51

Е. С. Канин

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ УЧАЩИХСЯ И ИХ РАЗВИТИЕ

В статье рассматриваются математические способности как индивидуально-психологические особенности деятельности человека в изучении и творческом развитии математики. Автор выделяет виды, структуру и специфичность математических способностей, предлагает советы по развитию математических способностей у учащихся.

The article deals with the mathematical abilities being individually psychological peculiarities of human activities in hu process of studying and creative development of matematice. The author pays attention to aspets (= forms), structure and specific features of mathematical abilities and gives recommendations how to develop mathematical abilities in studets.

Ключевые слова: математические способности, память, восприятие, обобщение, аргументация, дизъюнкция, классификация, стиль мышления, В. А. Крутецкий, А. Я. Хинчин, Е. С. Канин.

Keywords: mathematical abilities, memory, perception, summarizing, argument, disjunction, thinking style, V. A. Krutetsky, F. Ja. Hinchin, E. S. Kanin.

© Канин Е. С., 2013

Широкое распространение компьютеров и компьютерной техники, их внедрение практически во все виды человеческой деятельности породило потребности общества в большом числе специалистов – математиков, вообще математически грамотных людей. В связи с этим вновь возникает вопрос о более глубоком и широком изучении математики в средней школе, о математических способностях учащихся и студентов. Многие в этом направлении удалось сделать в 80-х гг. прошлого века, в частности, во многих городах были созданы физико-математические школы и лицеи, математические классы в некоторых школах и гимназиях, разработаны учебники по математике для таких школ и классов. Тем не менее проблема выявления и развития математических способностей учащихся до сих пор не решена.

Что собой представляют математические способности человека? Какова их структура? Что значит «развивать математические способности», что именно и как развивать? Частичный ответ на эти вопросы и предлагает автор этой статьи.

1. Некоторые общие положения

В психологии различаются задатки, способности, одарённость. Каждому из этих понятий психологи дают чёткие определения (см. [1]):

Задатки – врождённые, генетически детерминированные особенности центральной нервной системы или отдельных анализаторов, являющиеся предпосылками развития способностей [2].

Способности – индивидуально-психологические особенности, определяющие успешность выполнения деятельности или ряда деятельностей, несводимых к знаниям, умениям и навыкам [3].

Математические способности – индивидуально-психологические особенности деятельности человека в изучении и творческом развитии математики.

Одарённость – системное развивающееся в течение жизни качество психики, определяющее возможности достижения человеком исключительно высоких результатов в одном или нескольких видах деятельности по сравнению с другими людьми [4].

Таким образом, способности и одарённость не даются с рождения, а развиваются в течение жизни. Задатки же являются врождёнными. Поэтому в процессе обучения школьников следует развивать задатки учащихся, доводя их до способностей, способности же формируются в деятельности.

2. Математические способности и их виды

В специальной литературе существуют различные подходы, если можно так выразиться, к классификации математических способностей.

В. А. Крутецкий [5] разделяет математические способности на два вида: способности к изучению школьного курса математики и способности к научному математическому творчеству. Он пишет: «...каждый нормальный человек обладает задатками в той мере, в какой это необходимо для развития способностей в усвоении школьного курса математики. Но далеко не всякий обладает задатками для развития высшего уровня математических способностей, связанного с *научным* творчеством, открытием *нового*» [6]. Б. В. Гнеденко, соглашаясь с выделением первого вида математических способностей, подразделяет творческие математические способности на два, можно сказать, подвида: способности к теоретическому поиску и способности к овладению математическим аппаратом и его применению в практической деятельности [7].

Следовательно, необходимо у *всех* учащихся развивать способности к усвоению школьного курса математики и старательно выявлять учащихся с задатками для развития высокого уровня математических способностей.

3. Структура математических способностей

Математические способности – сложное структурное психическое образование, представляющее собой качественно своеобразное целое. В понятие «математические способности» входят:

1) *Способность получать математическую информацию.* Более подробно:

способность воспринимать формализованные математические объекты, а именно, математические понятия, их отношения, формулировки аксиом, доказательства математических теорем, содержание математических задач и тому подобное. Экспериментально установлено, что при решении математических задач ученики различно воспринимают уже «условие» задачи. Более способные правильно воспринимают отдельные элементы задачи, их комплексы, роль каждого элемента в комплексе. Средние учащиеся воспринимают отдельные элементы, с трудом – их комплексы. Слабые же – только числовой материал задачи.

2) *Способность быть внимательным,* а при решении задач и восприятии доказательств – способность к *сосредоточенному* вниманию. Для восприятия же сложных задач часто нельзя обойтись без *концентрированного* внимания.

Пример тому – решение следующей задачи.

Из города M по грунтовой дороге в город N , находящийся на расстоянии 105 км от M , с постоянной скоростью v км/ч вышел автобус. Через 30 мин вслед за ним со скоростью 40 км/ч выехал автомобиль, который, догнав в пути ав-

тобус, поворачивает обратно и движется с прежней скоростью. Укажите все те значения v , при которых автомобиль возвращается в M позже, чем автобус приходит в N .

Решение. Одна переменная v км/ч введена в условии задачи, в качестве второй удобно выбрать время движения автобуса t (ч) до тех пор, когда его догонит автомобиль.

Тогда автомобиль догонит автобус через $(t - 0,5)$ (ч), на расстоянии $40(t - 0,5)$ (км) от M .

Время дальнейшего движения автобуса до N есть $\frac{105 - vt}{v}$ (ч) и по условию $\frac{105 - vt}{v} < t - 0,5$.

Получается система уравнения и неравенства

$$\begin{cases} 40(t - 0,5) = vt \\ \frac{105 - vt}{v} < t - 0,5, \text{ где } 0 < v < 40 - \text{область зада-} \\ \text{ния } v. \end{cases}$$

Нужно найти все значения v , при которых автомобиль прибудет в M позже, чем автобус в N , а в составленной системе значения v ограничены лишь с одной стороны (имеется одно неравенство, содержащее v). Следует обратиться к условию задачи, *внимательно* проверить, все ли ее данные переведены на язык алгебры. *Внимательный* анализ позволяет установить, что слова «догнав в пути автобус» можно записать в виде неравенства $t < \frac{105}{v}$. Получается требуемая для решения задачи система уравнения и неравенств

$$\begin{cases} 0 < v < 40 \\ 40(t - 0,5) = vt \\ \frac{105 - vt}{v} < t - 0,5 \\ t < \frac{105}{v} \end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases} 0 < v < 40 \\ t = \frac{20}{40 - v} \\ \frac{105}{v} < \frac{40}{40 - v} - 0,5 \\ \frac{20}{40 - v} < \frac{105}{v} \end{cases},$$

решение которой сводится к решению системы двух неравенств

$$\begin{cases} \frac{105}{v} < \frac{40}{40 - v} - 0,5 \\ \frac{20}{40 - v} < \frac{105}{v} \end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases} v^2 + 250v - 8400 > 0 \\ 125v < 105 \cdot 40 \end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases} (v + 280)(v - 30) > 0 \\ 5v < 168 \end{cases}.$$

Итак, $30 < v < 33,6$.

3) Математические способности требуют и развитой *математической памяти*. Такая память, как и *внимание*, является структурной составляющей математических способностей. Математическая память является *обобщенной* памятью на математические отношения, схемы рассуждений и доказательств, методы решения задач и подхо-

ды к ним. Способные ученики запоминают, в основном, *обобщенные и свёрнутые структуры*. Такое запоминание экономично, позволяет не загружать мозг запоминанием мелочей и быстро извлекать из памяти необходимые сведения. В некоторых случаях нет необходимости запоминать все конечные результаты, иногда проще запомнить ход рассуждений. Так, при изучении тригонометрических функций и их преобразований формулы для функций двойного и половинного аргумента проще выводятся, чем заучиваются. А вот формулы для суммы и разности синусов и косинусов, пожалуй, лучше заучить.

4) В структуру математических способностей входит *способность к воображению*.

Напомню, что *воображение* – психическая деятельность, состоящая в создании представлений и мысленных ситуаций, никогда в целом не воспринимавшихся человеком в действительности [8]. Главная функция воображения состоит в идеальном представлении результата деятельности до того, как он будет достигнут реально, в предвосхищении того, что ещё не существует. Примером могут служить пространственное воображение, представление графика суперпозиции функций (хотя бы и несложного, например, функции $y = |\sin x|$) до того, как эта функция исследована и график её построен. Творческое воображение состоит в самостоятельном создании новых образов, воплощаемых в оригинальные продукты научной, технической, художественной деятельности.

5) Воспринятая и хранящаяся в памяти математическая информация, необходимая для математической деятельности, подвергается при этой деятельности определённой переработке. Именно поэтому в структуру математических способностей входит *способность к переработке математической информации*. Эта способность сама по себе является достаточно сложным психическим образованием и содержит в своей структуре ряд других способностей:

а) *способность к логическому мышлению* в сфере количественных отношений, пространственных форм, математических понятий, суждений и умозаключений. При мышлении необходимо соблюдать закон тождества (объект мышления должен быть постоянным), закон непротиворечивости, закон исключения третьего и закон достаточного основания. *Способность к логическому мышлению* заключается в правильном применении приёмов мышления, таких как сравнение, анализ и синтез, абстрагирование, обобщение, конкретизация, специализация;

б) *способность к быстрому и широкому обобщению* математических понятий и отношений. Для развития такой способности желательно проводить обобщения как при изучении теории, так и при решении математических задач;

в) способность к свёртыванию процесса математических рассуждений и системы соответствующих операций и умственных действий. Эта способность формируется уже на достаточно ранних этапах изучения математики. Так, если при изучении действий с положительными и отрицательными числами первоначально все операции выполняются с подробными записями, то после выполнения нескольких упражнений часть записей пропускается, процесс рассуждения свёртывается. Пример: первоначальная запись решения при обучении делению отрицательных чисел следующая:

$$-3 \frac{1}{2} : (-5 \frac{1}{4}) = \frac{7}{2} : \frac{21}{4} = \frac{7}{2} \cdot \frac{4}{21} = \frac{7 \cdot 4}{2 \cdot 21} = \frac{2}{3}.$$

После двух-трёх упражнений пропускается запись от первого до второго знака равенства, а затем пропускается запись от предпоследнего до последнего знака равенства или предшествующая ей. Процесс мышления свёртывается и выглядит

кратко: $-3 \frac{1}{2} : (-5 \frac{1}{4}) = \frac{7}{2} \cdot \frac{4}{21} = \frac{2}{3}$ или, иной вариант:

$$-3 \frac{1}{2} : (-5 \frac{1}{4}) = \frac{7 \cdot 4}{2 \cdot 21} = \frac{2}{3}.$$

Такое свертывание процесса рассуждений порождает способность *мыслить свёрнутыми структурами*;

г) способность к быстрой и свободной *перестройке направленности мыслительного процесса*, переключению с прямого на обратный ход мысли, то есть к *обратимости мыслительного процесса* и вообще к изменению направления хода мысли. Как обобщение сказанного, переработка математической информации требует *гибкости мыслительных процессов* и развивает такую гибкость. В математической деятельности существенно стремление к ясности мысли, экономичности и рациональности рассуждений, решений, доказательств. Более подробно см. в [9].

б) Существенна и такая способность, как *математическая направленность ума*, о которой говорит А. Я. Хинчин в статье [10]. Она включает в себя следующие компоненты:

а) *потребность в полноценной аргументации*. В математике нет «частично доказанных» предложений: предложение (теорема) или доказано, или не доказано. Задача или решена, или не решена. Любое доказательство в математике должно быть полностью аргументировано. В ряде других наук возможны различные мнения по тому или иному предложению, в пользу каждого из мнений могут приводиться различные доводы. В математике не может быть такого положения, истина либо доказана, либо она не истина.

Исключение составляют лишь аксиомы, принимаемые без доказательства исходные предло-

жения, система которых должна быть непротиворечивой, полной и независимой, что и гарантирует истинность каждой аксиомы системы;

б) *потребность в полноте дизъюнкции*, в рассмотрении *всех возможных* вариантов рассматриваемой ситуации. Полнота дизъюнкции необходима как при доказательстве математических предложений, так и при решении различных задач. Пример: Решите неравенство $|x^2 - 3x + 2| \leq 2x - x^2$.

Решение. Проанализируем заданное неравенство. Поскольку в неравенстве имеется квадратный двучлен под знаком модуля, то заданное неравенство представляется в виде совокупности двух систем неравенств (здесь надо учитывать определение модуля). Таким образом рассматривается совокупность двух вариантов ситуации:

$$|x^2 - 3x + 2| \leq 2x - x^2 \Leftrightarrow \begin{cases} x^2 - 3x + 2 < 0 \\ 3x - x^2 - 2 \leq 2x - x^2 \end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases} x^2 - 3x + 2 \geq 0 \\ x^2 - 3x + 2 \leq 2x - x^2 \end{cases};$$

$$\Leftrightarrow \begin{cases} (x-1)(x-2) < 0 \\ x-2 \leq 0 \end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases} 1 < x < 2 \\ x \leq 2 \end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases} (x-1)(x-2) \geq 0 \\ (x-0,5)(x-2) \leq 0 \end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases} x \leq 1 \\ x \geq 2 \end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases} 1 < x < 2 \\ 0,5 \leq x \leq 1 \Leftrightarrow [0,5 : 2] \\ x = 2 \end{cases}$$

в) *потребность в полноте и выдержанности классификации*. Полнота классификации формально аналогична уже рассмотренной полноте дизъюнкции, но отличается от неё по содержанию. Полнота дизъюнкции – обязательное рассмотрение всех возможных вариантов, которые могут возникнуть в той или иной ситуации. Полнота же классификации – полный перебор всех разновидностей некоторого понятия. Так, рациональные числа можно разделить на положительные рациональные, отрицательные рациональные и число 0. Пропустите число 0 – и классификация будет неполной.

Выдержанность классификации заключается в обязательном требовании классифицировать объекты по единому признаку. Так, функции, имеющие симметричную относительно начала координат область определения, можно подразделить на четыре класса: чётные, нечётные, не являющиеся ни чётными, ни нечётными, являющиеся и чётными, и нечётными. Иногда классификацию можно представить в виде схемы (см. рисунок).

В этой схеме содержатся четыре классификации: параллелепипедов, прямых параллелепипедов, прямоугольных параллелепипедов, правильных параллелепипедов. Иногда такие схемы называют «родословными» понятия.

7) Математическая направленность ума способствует формированию особого *стиля мышления* [11], который характеризуется, во-первых, следованием определённой *формально-логической схеме рассуждения*. Эта схема строго требует правильности течения мысли, полноты дизъюнкции, верных обобщений и так далее. Во-вторых, для математического стиля мышления характерен *лаконизм*, стремление находить самый короткий логический путь к цели. В-третьих, *чёткое расчленение хода рассуждений, мышления*. Это наблюдается и в расстановке заголовков и подзаголовков в математической научной публикации, и в расчленении доказательств теорем на отдельные части, и в решении математических задач. В-четвёртых, *точность символики*. Несоблюдение установленной символики, применение различных символов для обозначения одного и того же математического объекта, отношения всегда приводит к путанице, к потере смысла математических записей, в частности, при решении задач. Надо оговориться, что выбор символики – право автора. У различных авторов математических книг иногда встречаются различные обозначения одних и тех же объектов, но у каждого автора выбранная символика выдерживается до конца. Особенно наблюдается такое различие у вновь появляющихся разделов математической науки. Например, такое явление наблюдалось в работах по математической логике в период её становления. Но со временем устанавливается единая символика во всех разделах новой науки.

Надо отметить, что в структуре математических способностей не являются обязательными, хотя и могут оказаться полезными, следующие способности человека, которые нейтральны по отношению к математическим способностям:

а) быстрота мыслительных процессов, то есть характеристика времени протекания мыслительных процессов. Немало таких профессиональных математиков, которые осмысливают математические объекты и их отношения не очень быстро, но зато глубоко и капитально;

б) вычислительные способности. Мне неоднократно приходилось видеть в цирке артистов, которые публично правильно и быстро выполняли умножение и деление многозначных чисел, извлекали квадратные и даже кубические корни из многозначных чисел, но они не были математиками;

в) хорошая память на числа и формулы ещё не означает, что её обладатель имеет и хорошие математические способности;

г) способность наглядно представлять абстрактные математические понятия и отношения также не свидетельствует о математических способностях;

д) способность к пространственным представлениям далеко не всегда присуща математикам-исследователям. Я знал математиков-профессоров, которых затрудняли в стереометрических задачах дополнительные построения, но которые легко решали такие задачи аналитически.

4. Специфичность математических способностей

Можно быть способным и даже одарённым математиком и лишённым способностей в других областях науки, искусства и культуры? Математические способности специфичны в силу следующих положений:

1) Сама область деятельности математиков весьма специфична: это количественные отношения и пространственные формы действительного мира.

2) Общий интеллект ещё не свидетельствует о математических способностях, так же как и математические способности не могут означать развитый общий интеллект: общий интеллект более связан со стереотипным мышлением, а высокое творческое мышление, в том числе и математическое, отклоняется в сторону оригинальности.

3) Кстати, эта тенденция проявляется и при обучении в школе: кому-то легче даются обобщения в литературе, кому-то – в математике.

Сказанное не означает, что человек, наделённый математическими способностями, обязатель-

Классификация параллелепипедов:

но обделён другими способностями. Имелось и имеется немало одарённых математиков, обладающих и другими способностями. Так, С. В. Ковалевская была не только выдающимся математиком, но и писательницей. Известный математик В. Я. Буняковский был поэтом, английский математик Ч. Л. Доджсон, много сделавший для развития математической логики, – талантливый детским писателем, пользовавшимся псевдонимом Льюис Керрол (автор книги «Алиса в стране чудес») [12]. С другой стороны, известные русские писатели А. С. Грибоедов и А. В. Сухово-Кобылин получили математическое образование в Московском Университете. Серьёзно интересовались математикой Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, известны математические работы К. Маркса.

5. Как развивать математические способности

Развитие математических способностей учащихся должно протекать в двух направлениях. Прежде всего, у всех учащихся надо развивать способность к изучению математики. Этой деятельностью исподволь надо заниматься на каждом уроке. С другой стороны, необходимо выявлять учеников, особенно интересующихся математикой. Часто такие ученики сами заявляют о себе.

Вспоминается такой эпизод из собственной практики. В кемеровской школе № 4 имени Сапрычева я работал учителем математики в двух параллельных классах. Однажды на перемене подошёл ко мне ученик Д. из 7-го класса с раскрытой книгой и спросил: что означает символ, употребляемый в книге. Это был знак определённого интеграла, а книга оказалась переводом одной из работ Эйнштейна по теории относительности. Мальчик взял эту книгу на полке у своего отца. Пришлось, но уже не на перемене, очень кратко объяснить, что это такое, конечно, без всякой математической строгости. Так иногда и выявляются интересующиеся математикой и способные к творчеству ученики.

Многолетний преподавательский опыт автора, в котором немалое место занимает и работа по выявлению и развитию математических способностей учащихся (организация и проведение факультативных занятий по математике в школах № 14 и 16 г. Кирова, проведение занятий математических кружков в школах № 4 и 62 г. Кемерово, многочисленные лекции для учащихся и студентов в Кировском и Кемеровском педагогических институтах, многолетнее преподавание в школе юных математиков при КГПИ имени В. И. Ленина, индивидуальные занятия с учениками, организация и проведение математических олимпиад школьников в городах Кемерово и Кирове, наконец, 51 год преподавания математики и методики её преподавания в педагогических ин-

ститутах, руководство аспирантами, разработка и многолетнее чтение авторских курсов «Учебные математические задачи» и «Изучение начал математического анализа в школе») позволяют мне высказать некоторые советы по выявлению и развитию математических способностей учащихся.

Развитию способностей учащихся к изучению математики необходимо уделять время на уроках математики. Речь идёт о том, что сам ход урока, его содержание и методика проведения должны развивать стремление школьников к пониманию изучаемого в курсе математики, к правильному восприятию содержания этого курса. А для этого учителю математики следует не только излагать теоретический материал и добиваться его усвоения, но и проводить необходимые обобщения, учить мыслить не числами, а величинами, особенно при решении математических задач. Весьма полезно приучать обучаемых к анализу содержания задач, выявляя соотношения между величинами, данными в условии задачи, а также неявно содержащиеся в тексте задачи отношения этих величин и так далее. Важно также обучать свёртыванию процесса рассуждения, рекомендуя постепенно сокращать записи, особенно при вычислениях и тождественных преобразованиях.

Выявлению учеников, обладающих математическими способностями, служат математические соревнования (олимпиады, турниры, математические «бои» и другие). Но не все ученики, участвующие в таких соревнованиях, проявляют склонности, которые могут быть развиты в математические способности. Для участников математических соревнований можно проводить внеклассные занятия по математике, содержание которых определяется, прежде всего, интересами учителя, руководителя такого кружка. С особо же выделяющимися учениками желательно проводить индивидуальные занятия, но это дело уже математика-специалиста, исследователя. Кстати, очень полезны небольшие доклады и сообщения учащихся по отдельным вопросам математики и её истории. Такие доклады могут состояться как на уроках, так и на внеклассных занятиях.

Развитию врождённых задатков в математические способности существенно помогает самостоятельное изучение литературы для учащихся по математике. Это, прежде всего, решение занимательных, в том числе и достаточно сложных, математических задач. Можно рекомендовать ученикам (да и учителям математики) многочисленные издания занимательных книг Я. Перельмана («Живая математика», «Занимательная геометрия», «Занимательная алгебра»), вышедших в свет ещё с начала XX в. и до конца его. Книги Б. А. Кордемского «Математическая сме-

калка» (М.: Гос. изд-во техн.-теор. литературы, 1957, 576 с., неоднократно издававшаяся и впоследствии), Е. И. Игнатъева «В царстве смекалки» (М.: Наука, 1982, 3-е изд. 208 с.), а также «Математическая шкатулка» [13] окажут помощь учителю и ученикам в развитии математических способностей учащихся.

Что касается математически одарённых учеников, то отсылаем читателя к статье Г. В. Бабикова [14]. Систематические занятия способных к математическому творчеству учащихся с математиком-исследователем помогают не только развитию математических способностей учеников, но и выбору направления для самостоятельных занятий математикой. Непосредственное общение с творцами математики само по себе служит развитию математических способностей учащихся школ и студентов вузов и их воспитанию.

Примечания

1. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб.: «Питер», 1999.
2. Там же. С. 348.
3. Там же. С. 354.
4. Там же. С. 353.
5. Крутецкий В. А. Психология математических способностей школьников. М.: Просвещение, 1968.
6. Там же. С. 76–77.
7. Там же. С. 34.
8. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1983. С. 91.
9. Крутецкий В. А. Указ. соч.
10. Хинчин А. Я. О воспитательном эффекте уроков математики // Повышение эффективности обучения математике в школе / сост. Г. Д. Глейзер. М.: Просвещение, 1989.
11. Там же.
12. Мышляев В. К. На подступах к математике. Йошкар-Ола, 1971.
13. Нагибин Ф. Ф., Канин Е. С. Математическая шкатулка. М.: Просвещение, 1984, 1988; Дрофа, 2006.
14. Бабиков Г. В. О некоторых вопросах формирования математических способностей на индивидуальных внеклассных занятиях // Совершенствование подготовки студентов к внеклассной работе по учебным предметам в школе. Киров, 1989. С. 49–54.

УДК 37.015.3:159.922.76-056.34

Т. Н. Матанцева

ОПТИМИЗАЦИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПОДРОСТКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья содержит анализ основных проблем и потенциальных возможностей подростков с задержанным психическим развитием в плане личностного регулирования. Представлены рекомендации, направленные на оптимизацию развития личностной саморегуляции в образовательном процессе.

The article contains an analysis of the main problems and the potential of adolescents with the detainee's mental development in terms of personal management. Provides recommendations aimed at optimizing personal development of self-control in the educational process.

Ключевые слова: личностные функции, личностная саморегуляция, образовательное пространство, личностно-ориентированное обучение, задержка психического развития, коррекция, оптимизация, дизонтогенез, принцип замещающего онтогенеза.

Keywords: personal functions, personal self-control, educational space, personality-oriented training, delay of mental development, correction, optimization, disontogenes, the principle of replacement of ontogenesis.

Личностная саморегуляция представляет сложную интегративную функцию, которая проявляется в активно-действенном отношении личности к себе и другим, в её нравственных, социальных установках и отражает параметры социального поведения и межличностных отношений, обеспечивающих преобразование деятельности и общения.

Анализ современного состояния теории личностной саморегуляции и степени её теоретической и практической разработанности в психологии свидетельствует о том, что значительная часть проблем в силу целого ряда объективных причин не получила ещё достаточно глубокого осмысления. К их числу можно отнести задачи разработки прикладного материала для исследования и развития личностного регулирования у детей и подростков с отклонениями в развитии.

Проведённый нами обзор современных представлений о саморегуляции показал, что феномен личностной саморегуляции следует рассматривать как интегративный процесс, тесно связанный с внутренней, целенаправленной активностью человека, ценностно-смысловой сферой и рефлексией. Саморегуляция обеспечивается участием разных механизмов, явлений и уровней психики, являющихся средствами её реализации, и

имеет проекции в различные виды активности человека, реализуя своё функциональное предназначение [1].

В свою очередь, эмпирические данные возрастной психологии доказывают, что сензитивным периодом для развития личностной саморегуляции является подростковый возраст, так как в этом возрасте идет формирование и совершенствование личностных образований, включенных в структуру регуляции: ценностно-смысловой сферы, рефлексии и активности.

Собранный и систематизированный нами обширный массив экспериментальных данных, направленный на изучение личностной саморегуляции у подростков с задержкой психического развития, позволил выявить общеподростковые и специфические особенности саморегуляции подростков с ЗПР, а именно: личностное саморегулирование доступно подросткам ЗПР, но личностные структуры, участвующие в саморегуляции у подростков с ЗПР по сравнению с нормой, развиты на более низком уровне, их системное взаимодействие ослаблено, что приводит к более низкому развитию всей системы личностной саморегуляции, которая задержана в своём развитии [2]. Нарушения развития психической сферы при ЗПР приводят к специфическому формированию личностной саморегуляции, что проявляется во внутренней пассивности и закрытости подростков, задержанном развитии рефлексии и нравственных представлений, недоразвитии ценностных ориентаций и, как следствие, незрелости системы и механизмов регуляции.

Высказанные соображения служат для нас отправной точкой для рассмотрения проблем развития личностной саморегуляции в процессе образования.

Конкретным источником развития личностных функций участвующих в регуляции, могут выступать различные сферы жизнедеятельности подростка. М. В. Кларин справедливо утверждает, что личностные функции могут развиваться:

- в сфере интеллектуально-познавательного поиска, если таковой превращается в поиск знания, наделенного личностным смыслом;
- в процессе коммуникативно-диалогической деятельности, если таковая ведет к выработке и апробации собственной жизненной позиции;
- в сфере эмоционально-личностных проявлений при поиске личностных смыслов, выработке и переживании ценностных аспектов различных действий и отношений [3].

Источником развития личностной саморегуляции может выступать образовательное пространство, так как современное образование невозможно без обращения к личности.

В парадигме современного образования XXI в. всё большую роль играет личностно-ориентиро-

ванное образование, оно рассматривает механизмы личностного регулирования и развития – рефлексивность, смыслотворчество, избирательность, ответственность, автономность и др. – как самоцель образования, достижению которой, в конечном счете, подчинены его содержательные и процессуальные компоненты. Эффективность усвоения при этом собственно предметного содержания возрастает благодаря тому, что это содержание обретает качественно новый личностный смысл, выступает как содержание и среда становления личностного опыта ученика.

Подростки с ЗПР, несомненно, имеют потенциальные возможности к развитию саморегуляции в виде сохранных структурных компонентов. Мы определили области наибольшего влияния дизонтогенеза на становление личностной саморегуляции, они достаточно далеко отстоят от первичного дефекта и являются социальными по своему происхождению. Можно считать, что совершенствование становления личностной саморегуляции у подростков с ЗПР может быть осуществлено за счет организации целенаправленного коррекционного учебно-воспитательного процесса. Выявленные нами особенности личностной саморегуляции могут послужить основой для организации соответствующей образовательной среды.

Безусловным является и то, что процесс развития личностной саморегуляции подростков с ЗПР отличается неблагополучием, о чем убедительно свидетельствуют структурный кризис саморегуляции в 13–14 лет и специфика формирующихся регуляторных компонентов, общая суть которых состоит в задержанном развитии. Это неблагополучие в разном возрасте выражается по-разному и оказывает различное влияние на целостное личностное развитие подростка. Мы уверены, что наибольший урон саморегуляции подростков с ЗПР наносит структурный кризис, приводящий к рассогласованности регуляторных компонентов в 13–14 лет. Как функция личности саморегуляция ретардирует, приостанавливается её развитие. На фоне этого процесса отмечают высокую склонность подростков с ЗПР к различным формам девиантного поведения.

Вместе с тем, учитывая достаточный уровень сформированности структурных компонентов личностной саморегуляции у подростков с ЗПР, можно утверждать, что при соответствующих образовательных условиях профилактической и пропедевтической деятельности кризиса можно было бы избежать или ослабить его влияние.

Таким образом, влияние дизонтогенеза не является тотальным, гораздо больший негативный эффект оказывает влияние социальной среды: сами условия обучения в классах КРО массовой школы. К подобному выводу приходит и И. А. Ко-

нева: «Подростки остро ощущают свою дефективность на фоне благополучно развивающихся сверстников. Не секрет, что не только сверстники, но и педагоги нередко не скрывают своего особого взгляда на ненормальность развития детей с ЗПР и делают это не очень деликатно. Такое поведение, несомненно, связано, с одной стороны, с низким уровнем культурного развития общества, его гуманности, а с другой стороны – свидетельствует о низкой психологической компетентности педагогических кадров. И та, и другая проблемы являются глобальными и не могут быть разрешены сразу» [4].

В итоге подростки с ЗПР оказываются:

- лично и социально инфантильными;
- воспринимают себя в негативном свете или при срабатывании защитных механизмов прибегают к гиперкомпенсаторным реакциям;
- у них формируются неоправданно позитивные представления о сверстниках, что мешает налаживанию полноценного общения;
- проявляется дисгармония в формирующемся личностном самоопределении;
- проявляются установки на пассивность и девиантные формы поведения.

Образовательные учреждения применительно к подросткам с ЗПР видят своей целью в первую очередь обучение общеобразовательным предметам, работа по развитию личности не является значимой целью в большинстве школ. Все же к концу подросткового возраста у части подростков с ЗПР спонтанно возникают новообразования, связанные со становлением регулирующей роли Я. Но без специально организованной образовательной среды необходимые регуляторные механизмы, целостность и взаимосвязанность структуры личностной саморегуляции сформироваться не смогут в силу недостаточности не только регуляторной, но и когнитивной сферы. Поэтому разработка рекомендаций по оптимизации процесса становления личностной саморегуляции подростков с ЗПР приобретает большое значение.

Рекомендации по формированию личностной саморегуляции у подростков с ЗПР в условиях общеобразовательного учреждения

1. ЗПР затрагивает всю психическую сферу ребёнка и, по существу, является системным дефектом. Поэтому процесс формирования личностной саморегуляции должен выстраиваться с позиций системного подхода. С дошкольного возраста необходимо формировать полноценный базис для становления личностных структур, участвующих в регуляции. Для этого необходимо обеспечивать специальные психолого-педагогические условия для их формирования в дошкольном и младшем школьном возрасте:

– в дошкольном возрасте развитие познавательной активности, формирование всех видов детской деятельности; повышение самостоятельности и автономности ребёнка, развитие личной позиции; привитие нравственных ориентиров в деятельности и поведении; воспитание положительных личностных качеств;

– в младшем школьном возрасте формирование общей способности к учению, самоконтроль в учебной деятельности; умение анализировать свою активность; закреплять осознание социальной роли школьника;

– формирование предпосылок к становлению личностной саморегуляции должно осуществляться параллельно с развитием когнитивных способностей детей с ЗПР, так как они напрямую связаны с уровнем интеллектуального развития.

Эффективность реализации данных условий будет зависеть от аналитико-диагностической и контрольно-оценочной составляющей педагогического процесса и пронизывать все направления педагогической деятельности.

2. Развитие личностной саморегуляции детей и подростков с ЗПР должно строиться по принципу «замещающего онтогенеза», суть которого в доформировании каждой психической функции, участвующей в регуляции с учётом их взаимодействия и взаимовлияния, прежде всего рефлексии и всех видов активности.

Данные задачи эффективно решать как на каждом образовательном занятии, так и на специальных и индивидуальных занятиях. Кроме того, коррекционно-развивающие задачи, направленные на развитие личностной саморегуляции, могут планироваться и осуществляться в свободной или специально спроектированной деятельности, а также в режимных моментах.

3. Формирование личностной саморегуляции подростков должно идти поэтапно с учетом возрастных возможностей и зоны ближайшего развития:

– На этапе младшего подросткового возраста уделять внимание развитию показателей внутренней активности, так как они составляют регуляторный механизм поведения подростков в 11–12 лет. Когнитивный компонент активности личности следует направлять на создание позитивного образа индивидуальных качеств, способностей, внешности и социальной значимости подростка. Эмоциональный компонент – на формирование самоуважения. Оценочно-волевой – на повышение самооценки, авторитетности и саморукводства. Мотивационный компонент направлять на осознанный выбор линии поведения и ответственности за него. Поведенческий компонент определяется внешней стороной активности.

Процесс формирования активности подростков с ЗПР неоднороден на разных возрастных

этапах, но основной путь развития – это участие в общественно полезной деятельности с последующей рефлексией, анализом себя, умений, способностей, а также регулярные и систематические, индивидуальные и групповые занятия-тренинги с психологом «Познай себя», направленные не только на преодоление закрытости, но и на позитивное самовосприятие:

– в 13–14 лет на основе предпосылок к абстрактно-логическому мышлению следует уделять внимание развитию рефлексивных способностей подростков, а также критичности к себе и окружающим. Уроки нравственности для подростков с ЗПР позволят активизировать развитие нравственных представлений, нравственного самосознания и поведения и послужат базой для профилактики девиантного поведения;

– на каждом возрастном этапе основой регуляции являются ценностные ориентации [5]. Включение подростка в социальные процессы во многом определяется информационным полем, в котором он находится, поэтому успех формирования ценностных ориентаций зависит от того, в какой степени формируемые ценности утвердились в системе отношений конкретного образовательного учреждения, присутствуют ли они реально в поведении педагогов, в характере осуществляемой деятельности. Образовательная среда должна соответствовать декларируемому и реально действующим ценностям. От этого зависит эффективность воспитательного процесса в школе. При этом необходимо учитывать факторы социального окружения подростка, семью и личные усилия подростка.

В развитии ценностных ориентаций необходимо обращать внимание на формирование базовых, смыслообразующих ценностей подросткового возраста:

– внутренним стимулом для подростков с ЗПР является ценность познания. Познавать – значит обретать собственный внутренний опыт. Необходимо, чтобы у подростков была возможность успешно действовать в образовательной среде, что создаст в познавательном процессе устойчивый положительный эмоциональный фон, укрепит внутреннюю мотивацию обучения и желание образовывать себя. Важно, чтобы создавались педагогические условия, при которых подросток чувствует себя первооткрывателем знания, обнаруживает новое в знакомой информации, вовлекается в эксперимент, эмоционально переживает процесс познания: радость, удивление, интерес. Подросток должен быть субъектом познавательного поиска.

Формируя ценность познания, следует учитывать психологические особенности подростков с ЗПР, прежде всего избирательное отношение к познавательной деятельности и зависимость от

эмоционального аспекта процесса познания. Поэтому учёба должна эмоционально приниматься подростком, вызывать интерес и положительные эмоции, а конкретные знания – быть осмысленными и востребованными деятельностью. В учебной деятельности следует поощрять инициативу и самостоятельность;

– особое внимание необходимо уделять становлению ценности Я. Развитие ценностного отношения к себе ориентирует на самоактуализацию, активизацию возможностей организма, самостоятельность и личностный рост. Я-ценность обретается посредством формирования позитивного отношения к себе, целостного восприятия себя как индивидуальности, положительной Я-концепции. В образовательном учреждении должны быть созданы условия для познания учащимися собственного Я, своих индивидуальных характеристик; развития потребности в признании; возникновения интереса к своей жизни и стремления преобразовывать себя, выражать себя; развития потребности воплотить в жизнь свой личностный потенциал.

Ценность Я эффективно развивать через включение подростков с ЗПР в спортивно-соревновательную, творческую, интеллектуальную деятельность в соответствии с индивидуальными способностями в форме коллективных общешкольных мероприятий, классных вечеров, клубной деятельности;

– у подростков с ЗПР выражена ценность Другого, которая важна для принятия окружающих, но в условиях задержанного развития она является несовершенным механизмом саморегуляции, мешая развитию регулирующих возможностей Я. Поэтому в ценности другого надо развивать критичность и одновременно следует создавать условия для осознания значимости другого человека, принятия его индивидуальности и осознания причастности к поступкам окружающих для взаимопонимания в межличностном взаимодействии. Действенным фактором совершенствования ценности другого является «Школа общения», проводимая психологом в форме социально-психологического тренинга;

– общественно полезная деятельность является значимой для подростков с ЗПР. Стимулирование социальной активности возможно через различные формы социально значимой деятельности и целенаправленное участие подростков в доступном преобразовании окружающего мира;

– наиболее проблемной у подростков с ЗПР является ценность ответственности. Её можно развивать через включение подростка в сложную систему разнообразных отношений, коллективной зависимости в какой-либо совместной деятельности. Условием воспитания ответственных форм поведения, по Л. И. Божович, является

продуманная организация поведения подростков, обеспечение тех мотивов, при которых ответственное поведение становится фактом, поскольку ответственность важна не только перед другими, но и перед собой [6]. Необходимо обучать подростков способам организации поведения. Целенаправленное формирование ответственного поведения предполагает профилактику и преодоление социального инфантилизма, выработку ряда важных способностей: принимать решения и оценивать их последствия, критически мыслить, самовыражаться приемлемыми способами, осознанно делать выбор и взвешивать свои возможности. Ответственность – это главная составляющая социальной зрелости, необходимо поощрять самостоятельность и поддерживать инициативу. Педагогические усилия должны быть направлены на переориентацию подростков с экстернального на интернальный контроль через развитие рефлексивных способностей;

– в старшем подростковом возрасте работу по развитию структур, участвующих в саморегуляции, следует продолжить, но на более сложном уровне жизненного самоопределения, целеполагания, проектирования будущего и формирования осознанных мировоззренческих установок.

4. Составной частью формирования личностной саморегуляции подростков с ЗПР должна стать профилактика вредных привычек и зависимостей: курения, токсикомании, нецензурной лексики, грубости, пивного алкоголизма. Они ослабляют личность подростка, приводя к становлению неадаптивных регуляторных механизмов и, как следствие, к девиантному поведению. В настоящее время разработано много профилактических программ, направленных на предотвращение отклоняющегося поведения у детей и подростков с отклонениями в развитии. Можно порекомендовать программы, разработанные Б. М. Бадмаевым, Е. Ю. Мамоновой, так как они учитывают специфику саморегуляции у подростков, склонных к правонарушениям.

5. В процессе реализации конкретных направлений работы по формированию личностной саморегуляции необходимо учитывать особенности детей и подростков с ЗПР. На коррекционный процесс влияют следующие особенности:

– нарушения когнитивного развития затрудняют правильное самостоятельное общение ребёнка во всех его проявлениях;

– снижение способности к конкретизации обобщений, приводящее к несогласованности слова и конкретной деятельности;

– нарушения в эмоциональной сфере, снижающие самостоятельность, желание быть лучше, способствуют образованию и закреплению отрицательных привычек;

– учащиеся радостно реагируют на заслуженное поощрение;

– важно учитывать возрастные особенности детей с нарушениями интеллекта, знать структуру дефекта, различать проявления, связанные с первичным нарушением и вторичными отклонениями;

– необходимо учитывать типологические и индивидуальные проявления, осуществлять индивидуальный и дифференцированный подход;

– личностная незрелость может приводить к неадекватному восприятию средств и форм воздействия, к недостаточной мотивации самоизменения.

Таким образом, формирование личностной саморегуляции у подростков с ЗПР представляет собой длительный процесс комплексного целенаправленного воздействия на личностные структуры, участвующие в регуляции. Значительная роль в данном процессе отводится построенной соответствующим образом учебно-воспитательной системе образовательного учреждения. Построение подобной системы можно рассматривать как актуальное перспективное направление, продолжающее данную исследовательскую тематику.

Примечания

1. Матанцева Т. Н., Смирнова С. И. Психология саморегуляции и самооценки подростков с задержкой психического развития. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. С. 163.

2. Матанцева Т. Н. Возрастные и специфические особенности личностной саморегуляции подростков с задержкой психического развития // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 1(1). С. 162–166.

3. Лукьянова М. И. Психолого-педагогические показатели деятельности школы: Критерии и диагностика. М., 2004. С. 208.

4. Конева И. А. Особенности образа Я младших подростков с задержкой психического развития: дис. ... канд. психол. наук. Н. Новгород, 2002. С. 145.

5. Матанцева Т. Н. Особенности ценностных ориентаций подростков с задержкой психического развития // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 2(3). С. 168–172.

6. Божович Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. С. 464.

УДК 159.922.73

Т. Н. Князева, Е. В. Сидорина

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫХ ПОНЯТИЙ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С НОРМАЛЬНЫМ И ЗАДЕРЖАННЫМ ПСИХИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

В статье представлены результаты изучения особенностей становления у младших школьников морально-нравственных понятий. Представлены новые данные о специфике усвоения вербально-образных характеристик моральных понятий у детей с задержкой психического развития в сравнении со сверстниками, развивающимися в норме.

The results of studying the characteristics of formation in primary school children of moral concepts. We present new data on the specific absorption characteristics of verbal and figurative moral concepts in children with mental retardation in comparison with their peers, developing normally.

Ключевые слова: морально-нравственные понятия, понятийное мышление, младший школьный возраст, смысловое соотнесение, дети с задержкой психического развития.

Keywords: moral concepts, conceptual thinking, the younger school age, semantic correlation, children with mental retardation.

Изменения ряда показателей психовозрастного развития современных детей, связанные с макросоциальными изменениями последних 20–25 лет, естественным образом отражаются на процессах самосознания личности.

Переориентация ряда жизненных ценностей, диктуемая этими условиями, создает новые социальные установки и требования к личности. Как следствие – меняются (дополняются, уточняются, сдвигаются) и характеристики личностно-интеллектуального развития. При сохранении общих закономерностей, механизмов сознания и мышления современные дети по многим психологическим и психосоциальным характеристикам своего развития отличаются от своих сверстников двадцатого века [1].

Осмысление ребенком новых, диктуемых новыми реалиями жизни, моральных норм, социальных ценностей, несомненно, связано с развитием его так называемого «морального интеллекта». Этот термин относительно новый для психологических исследований (по сравнению, например, с понятиями «социальный интеллект», «эмоциональный интеллект»). Однако его содержательный смысл еще в 1932 г. увидел Ж. Пиаже, опубликовавший свою работу, посвященную проблеме взаимосвязи интеллекту-

ального развития и уровня зрелости моральных суждений [2].

Как известно, Пиаже на основе полученных им экспериментальных данных констатировал определенную зависимость между стадией развития детского интеллекта и уровнем его моральных суждений [3]. Позднее эту работу по изучению морального мышления продолжил Л. Колберг, акцентируя свое внимание, прежде всего, на стадиях развития морального мышления, связанного с развитием самосознания личности [4].

Надо признать, что, несмотря на многочисленные поиски исследователей в определении характеристик и механизмов развития «морального интеллекта», этот феномен остается во многом не познанным именно в силу своей многогранности: на стыке двух сложнейших психических структур – морального самосознания и мышления. Из этого следует, что изучение специфики самого морального интеллекта связано с анализом и взаимоучетом механизмов развития, как сферы самосознания личности, так и сферы мышления.

Несомненно, важнейшая составляющая в этой проблеме – генезис самого феномена, процесс его становления в детском возрасте. Но если многочисленные исследования в этой области были обращены, прежде всего, в сторону изучения различных аспектов становления нравственного самосознания детей и формирования в этом контексте моральных представлений, суждений, действий (Л. Н. Ангилогова, Л. И. Божович, Т. А. Маркова, Г. И. Морева, А. И. Титаренко, Е. В. Субботский, С. Г. Якобсон, П. М. Якобсон и др.), то гораздо менее представлено проблемное поле, связанное с анализом закономерностей формирования морально-нравственных понятий у современных детей в аспекте их когнитивного развития.

Между тем именно осмысление (понимание) морально-нравственной категории есть первая ступень ее освоения ребенком. Именно здесь зависимость от возможностей интеллекта играет особую роль. В связи с этим дети, имеющие отставание в развитии интеллекта, требуют особого изучения и внимания, поскольку они не должны попасть в группу риска как субъекты, не владеющие смыслом морально-нравственных понятий и потому не руководствующиеся ими. Это не столько психологическая, сколько психосоциальная проблема настоящего и будущего.

Дети с задержкой психического развития (ЗПР) как категория детского дизонтогенеза характеризуются такими признаками полиморфной клинико-психологической симптоматики, как незрелость (в соответствии с возрастными возможностями) относительно сложных форм поведения и деятельности, расстройства различных

аспектов эмоционально-волевой сферы, нарушение работоспособности, общая пониженная обучаемость. Их когнитивное развитие имеет сложный и неоднозначный характер [5].

Однако на ранних этапах онтогенеза и при специальном обучении пластичность психики этих детей позволяет существенно корректировать их развитие. Как показывают исследования, особенно эффективен в этом плане дошкольный и младший школьный возраст [6].

С точки зрения развития интеллекта именно младший школьный возраст наиболее сензитивен для формирования ключевых характеристик понятийного логического мышления [7]. Это возраст активного осмысления моральных категорий, норм и правил [8]. Поэтому изучение процесса становления и развития морально-нравственных понятий в условиях новых социально-экономических и образовательных реалий у современных младших школьников поможет лучше понять как особенности развития их мыслительной сферы, так и процесс становления нравственного самосознания.

В своем исследовании мы обратились к изучению развития морально-нравственных понятий, сравнивая особенности их становления у младших школьников с ЗПР с аналогичными проявлениями их сверстников, развивающихся в норме.

На этапе пилотажного исследования были выявлены восемь морально-нравственных понятий (МНП), смысл которых передают литературные произведения, входящие в программу общеобразовательной начальной школы: 4 положительных – *добро, дружелюбие, совесть, справедливость* и 4 отрицательных – *зло, хитрость, зависть, жадность*.

Для диагностики был использован метод стандартизированной беседы, позволяющий определить у школьников возможность соотнесения и понимания (объяснения своего выбора) морально-нравственных качеств с литературным (сказочным) или реальным представителем (носителем этого качества).

В исследовании принимали участие ученики 2–4-х классов общеобразовательных школ г. Н. Новгорода (всего 160 человек), из них 80 детей с диагнозом «задержка психического развития» (ЗПР) или «минимальная мозговая дисфункция» (ММД) и 80 детей с нормальным психическим развитием (без клинического диагноза).

В первой серии эксперимента детям называлось морально-нравственное понятие, для которого они должны были назвать наиболее характерного представителя, обладающего этим качеством (литературного персонажа или реального человека), и обосновать свой выбор. Критериями для анализа послужили адекватность соотнесения морально-нравственного понятия с образом

литературного героя (или реального прототипа) как носителя этого качества и обоснованность такого соотнесения.

Полученные результаты позволяют увидеть ряд особенностей в освоении предложенных понятий детьми с ЗПР и НПР.

Учащиеся младших классов с ЗПР при адекватном соотнесении морального качества и его носителя чаще используют примеры из сказок и мультфильмов, в отличие от своих сверстников с НПР, которые в равной степени приводят примеры как из литературных произведений, так и из реальной жизни. Такая особенность чаще отмечается при соотнесении таких понятий, как *добро, дружелюбие, хитрость*. При определении понятий *добро* и *дружелюбие* учащиеся младших классов с ЗПР и НПР называли следующих литературных и сказочных героев: «Доктор Айболит – вылечил больных зверей», «Чебурашка – дружелюбный, потому что хочет дружить со всеми», «Добрый Емеля, потому что отпустил щуку». Младшие школьники с НПР, наряду со сказочными персонажами, называли реальных людей, обладающих данной характеристикой: «Добрая мама – она меня любит и жалеет, помогает во всем», «Дружелюбная моя лучшая подруга – всегда выручает в трудную минуту, не делает плохих поступков».

При адекватном соотнесении понятия *хитрость* младшие школьники с ЗПР и НПР пользовались примерами как из реальной жизни, так и из сказок, мультфильмов и литературных произведений. Среди сказочных представителей дети обеих категорий, как правило, использовали образ лисы из разных сказок: «Лиса перехитрила колобка», «Лиса Алиса перехитрила Буратино».

Все указанные моральные качества являются понятными, часто используемыми при анализе художественных произведений и значимыми в социальной жизни младшего школьника, в его отношениях со сверстниками и взрослыми, поэтому их соотнесение с героем-носителем не вызвало у детей обеих групп серьезных затруднений.

Наибольшие затруднения при поиске литературного героя-носителя у детей с ЗПР вызвали понятия *совесть* и *справедливость*. Соотнести данные понятия детям оказалось достаточно сложно: зачастую учащиеся путали эти понятия, называя примеры, свойственные противоположному моральному качеству (бессовестный, несправедливый), некоторые испытывали трудности при трактовке понятий: «Совестливый – это советник, потому что он дает хорошие советы», «Справедливая курочка Ряба – она снесла новое яйцо». Такое парадоксальное перевертывание смысла понятий в стремлении каким-то образом их объяс-

нить характерно для 81% младших школьников с ЗПР. При определении тех же понятий младшие школьники с НПР лишь в 32% случаев не смогли правильно соотнести качество и того, кто им обладает (например: «Лиса Алиса советуется с котом Базилио»).

При обосновании соотнесения морально-нравственного качества с героем-носителем младшие школьники с ЗПР объясняют свой выбор, пользуясь описанием конкретных действий или ситуаций, демонстрирующих проявление этого морального качества. Чаще всего (40% ответов) такие примеры дети приводили для обоснования понятий *добро*, *дружелюбие*, *хитрость*, *жадность*, *зло*. Лишь несколько испытуемых с ЗПР смогли обосновать выбор героя-носителя морально-нравственного качества не через конкретную ситуацию или действие, а через обобщенный смысл этих понятий. Среди младших школьников с НПР 31% испытуемых проявили способность к обобщению при объяснении понятий *добро*, *дружелюбие*, *хитрость*, *жадность*, *зло*, 56% учащихся объясняют эти же понятия, используя описание конкретного действия или ситуации.

Сложнее всего детям с ЗПР давалось обоснование понятий *совесть* и *справедливость*. Для младших школьников с ЗПР данные понятия не имеют четкого смыслового (содержательного) наполнения, они сложны для понимания, у детей мало примеров-образов, характеризующих проявление данных понятий. (83,3% совсем не смогли обосновывать свой выбор). Среди учащихся с НПР смогли обосновать выбор героя-представителя для каждого из этих качеств 40% учащихся (6% использовали обобщенные характеристики морально-нравственного качества, 34% – пользовались описанием конкретных действий или ситуаций). Дети приводили такие примеры: «Справедливый судья – он проверяет, кто прав, кто не прав и судит того, кто не прав или виноват», «Совестливый тот, кто стыдится плохих поступков».

Нельзя не отметить факт явного преобладания знаний и опыта детей с ЗПР и НПР при определении отрицательных морально-нравственных понятий. Более полное обоснование учащиеся обеих категорий дают таким понятиям, как *зло*, *жадность* и *хитрость*. При этом 40% испытуемых с ЗПР при характеристике данных понятий используют в качестве примеров конкретные ситуации не только из сказок и мультфильмов, но и из реальной жизни (например: «Хитрый волк – спел тоненьким голосом и обманул семеро козлят», «Юра К. злой, он дружить не хочет, а драться лезет»).

Сверстники с НПР имеют более высокий процент обоснования по данным понятиям (*зло* – 65,4%, *жадность* – 51%, *хитрость* – 72,6%): «Хитрая Лиса во всех сказках, потому что всех всегда обманывает, придумывает хитрые планы», «Жадный – миллионер, потому что он никому так просто ничего не дает».

Проведенное исследование позволило установить не только специфические особенности усвоения морально-нравственных понятий у младших школьников с ЗПР (трудности понимания обобщенного смысла этих понятий, отсутствие в актуальном опыте у большинства из них смыслового представления о понятиях *совесть*, *справедливость*), но и выявить общевозрастные характеристики усвоения предложенных понятий детьми с задержкой и нормой развития. Одним из важных аспектов в этом плане является то, что младшие школьники более свободно владеют как смыслом, так и опытом, связанным с отрицательными морально-нравственными понятиями (*зло*, *жадность*, *хитрость*). Дальнейшие наши исследования, надеемся, позволят понять, какую роль в этом играют художественные произведения, средства массовой информации и социальный опыт самого ребенка.

Примечания

1. *Фельдштейн А. И.* Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития // Проблемы современного образования. 2010. № 2.
2. *Piaget J.* Moral judgement of the child. L., 1977.
3. *Lickona T.* Research on Piaget's theory of moral development // Moral development and behavior. L., 1976. P. 219–240.
4. *Kohlberg L.* Moral stages moralism: The cognitive developmental approach // Moral development and behavior: Theory, research and social issues. N. Y., 1976. P. 31–53.
5. Дети с задержкой психического развития / под ред. Т. А. Власовой, В. И. Лубовского, Н. А. Цыпиной. М., 1984.
6. *Ульянова У. В.* Шестилетние дети с задержкой психического развития. М., 1990; *Князева Т. Н.* Психологическая готовность к обучению в основной школе детей с задержкой психического развития: теория и практика исследования. Н. Новгород, 2004.
7. *Выготский Л. С.* Мышление и речь // Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. С. 235–269; *Эльконин Д. Б.* К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 39–51; *Зак А. З.* Развитие теоретического мышления у младших школьников. М.: Наука, 1984.
8. *Телегин М. В.* Использование диагностических оценочных методик для изучения уровня морального развития детей младшего школьного возраста. URL: <http://www.mtelegin.ru/projects/moral>

ПЕРСОНАЛИИ

ВАСИЛИЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ ЧЕРМНЫХ – 50 ЛЕТ

Доктор физико-математических наук, профессор кафедры алгебры и дискретной математики В. В. Чермных отмечает своё пятидесятилетие.

Василий Владимирович Чермных родился 19 сентября 1963 г. в Кирове в семье инженеров. В 1970 г. пошел в первый класс восьмилетней кировской школы № 47, в 1975 г. был переведен в среднюю школу № 30 г. Кирова, которую закончил в 1980 г. В 1981–1983 гг. – служба в рядах Советской армии.

В 1984 г. поступил на математический факультет КГПИ, который закончил в 1989 г. с квалификацией «Учитель математики и физики». За годы учебы в КГПИ Василий Владимирович проявил себя как отличный студент и подающий большие надежды математик. Он трижды выигрывал Уральские студенческие олимпиады по математике в Свердловске в 1987–1989 гг., в 1988 г. занял 5-е место на Республиканской математической олимпиаде (подвело наличие заданий по информатике и методике).

В 1989 г. В. В. Чермных был принят стажером-преподавателем на кафедру алгебры МГПИ имени В. И. Ленина (зав. кафедрой профессор А. А. Фомин), а в 1990 г. поступил в аспирантуру по той же кафедре. Его научные руководители – профессор мехмата МГУ Александр Васильевич Михалев и профессор Евгений Михайлович Вечтомов. Аспирантуру закончил в 1993 г., диссертацию «Пучковые представления полуколец» защитил 14 марта 1994 г. в МПГУ.

В 2002–2004 гг. – докторантура по кафедре алгебры МПГУ, защита в Институте математики и механики УрО РАН 28 июня 2007 г. диссертации «Функциональные представления полуколец и полумодулей» (утверждена 14 марта 2008 г.).

В. В. Чермных – ведущий математик региона, прекрасный преподаватель, которого приглашают с курсами лекций в вузы Архангельской области и республики Коми. Работает в ВятГГУ с 1994 г.: ассистент, старший преподаватель (1994), доцент (1997), профессор (2008) кафедры алгебры и дискретной математики. Преподает дисциплины: алгебра и теория чисел, числовые системы, дискретная математика, линейная алгебра и аналитическая геометрия, читает спецкурсы «Полукольца», «Основы современ-

ной алгебры», алгебраические курсы для магистрантов и аспирантов.

Сфера научных интересов В. В. Чермных – теория функциональных (пучковых) представлений алгебраических систем, теория полуколец. Член научной школы «Функциональная алгебра и теория полуколец», соруководитель регионального научного алгебраического семинара. Построил и развил теорию пучковых представлений полуколец и полумодулей. Вместе со своим научным наставником Е. М. Вечтомовым ввел в математический оборот несколько новых полукольцевых понятий. Наиболее важные результаты Василия Владимировича (помимо конкретных пучковых представлений) связаны с вопросами полноты функциональных представлений полуколец. Получены пучковые варианты теорем Гельфанда – Колмогорова и Стоуна – Вейерштрасса. Ценным результатом является определение и описание класса гельфандовых полуколец (решение проблемы Михалева).

Автор около 50 научных и методических работ по математике, в том числе учебного пособия «Полукольца» (Киров, 1997), монографий «Функциональные представления полуколец» (Киров, 2010) и «Элементы теории полуколец»

(Киров, 2012, в соавторстве), серии статей в центральных математических журналах России. Руководитель аспирантов и магистрантов, под руководством В. В. Чермных защищены две магистерские диссертации, более 30 дипломных работ и целый ряд курсовых работ по математике.

В. В. Чермных – член редколлегии регионального межвузовского сборника «Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона», участник исследовательской работы по тематическому плану ВятГГУ «Полукольца и пучки» (2008–2012). Член-корреспондент РАЕН с 2008 г., член докторского диссертационного совета по методикам, член совета фа-

культета информатики, математики и физики. Награждён Почетной грамотой Минобрнауки РФ (2008).

Василий Владимирович любит природу, увлекается футболом, пользуется заслуженным авторитетом в коллективе. У него много друзей, которым он всегда готов прийти на помощь.

Редколлегия журнала «Вестник ВятГГУ» и коллектив факультета информатики, математики и физики сердечно поздравляют Василия Владимировича с прекрасным юбилеем и желают ему новых научных достижений, отличных учеников, семейного благополучия и крепкого здоровья!

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЯЗЫК, ЛИЧНОСТЬ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

5 апреля 2013 г. на факультете лингвистики ВятГГУ прошла IV Всероссийская молодежная научно-практическая конференция «Язык, личность, деятельность: взгляд молодых исследователей».

Конференция проводилась кафедрой английского и немецкого языков и методики обучения иностранным языкам при содействии Ассоциации выпускников ВятГГУ в целях обмена опытом исследовательской работы по проблемам современного языкового образования и повышения мотивации молодых исследователей к проведению теоретических и эмпирических исследований в области лингвистики и лингводидактики.

В состав организационного комитета конференции вошли преподаватели кафедры английского и немецкого языков и МОИЯ ВятГГУ во главе с председателем оргкомитета – президентом Ассоциации учителей английского языка Кировской области, доктором педагогических наук Светланой Станиславовной Куклиной и заместителем председателя оргкомитета конференции – председателем Ассоциации выпускников факультета лингвистики ВятГГУ Светланой Михайловной Бушмелевой.

В мероприятии приняли участие молодые ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Нижнего Новгорода, Ижевска, Вологды, Магнитогорска, Иркутска, а также их коллеги из Соединенных Штатов Америки. Всего 77 участников, из них более 60 – очных.

В ходе работы конференции молодые исследователи обменялись опытом и представили результаты своих научных исследований, посвящённых актуальным проблемам лингвистики и лингводидактики.

Конференцию открыла С. С. Куклина. С приветственным словом к участникам конференции обратились проректор по НИР Вятского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор Ю. А. Балыбердин, декан факультета лингвистики Вятского государственного гуманитарного университета, кандидат филологических наук В. А. Банин, председатель Ассоциации выпускников факультета лингвистики ВятГГУ С. М. Бушмелева. Была зачитана приветственная телеграмма С. А. Туллока, магистранта Гарвардского университета (США) и преподавате-

ля кафедры английского и немецкого языков и методики обучения иностранным языкам ВятГГУ (по программе международных академических обменов Fulbright, 2011–2012 гг.).

В ходе пленарного заседания выступили молодые ученые из России и США: Шон Стефаник, студент Нормандейл комьюнити колледж (Normandale Community College), Блумингтон, Миннесота, США, с докладом на тему «Значение иностранных языков в жизни современной молодежи»; Анна Сергеевна Ларина, Институт прикладной лингвистики ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургской государственной политехнической университет», Санкт-Петербург, с докладом на тему «К вопросу о приемах развития переводческих компетенций у студентов-магистрантов»; Ирина Сергеевна Черемисинова, ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», г. Киров, с докладом на тему «Роль отбора и организации текстового материала при формировании иноязычной социокультурной компетенции у студентов II курса языкового вуза»; Римма Анатольевна Черемисинова, ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», г. Киров, с докладом на тему «Результаты разведывательного эксперимента по формированию письменной дискурсивной компетенции у студентов III курса языкового вуза»; Ксения Игоревна Кропачева, ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова», г. Нижний Новгород, с докладом на тему: «Аксиологический аспект английских фразеологических единиц с именами собственными»; Александра Владимировна Кунгурцева, ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», г. Киров, с докладом на тему «Особенности детской речи в английском языке»

Прошла презентация международных программ стажировок и академических обменов Fulbright, представленная стипендиатом программы 2012 г., доцентом кафедры английского и немецкого языков и методики обучения иностранным языкам Ольгой Евгеньевной Загряевой.

Программа конференции включала представление стендовых докладов и работу по секциям:

«Реализация принципов личностно ориентированного обучения в образовательном процессе» (руководители: д-р пед. наук, доц. Светлана

Станиславовна Куклина, ст. преп. Лилия Фадневна Дунышева);

«Современные подходы и инновационные тенденции в языковом образовании» (руководители: канд. пед. наук, доц. Валентина Семёновна Гуляева, ст. преп. Любовь Дмитриевна Соловьёва);

«Актуальные вопросы современной методики преподавания иностранного языка» (руководитель: канд. пед. наук, доц. Татьяна Анатольевна Лопарева);

«Психолого-педагогические основы формирования иноязычной коммуникативной компетенции» (руководители: канд. пед. наук, доц. Майя Николаевна Татарина, асс. Раиса Васильевна Сурина);

«Средства реализации социокультурного и рефлексивного подходов к формированию иноязычной коммуникативной компетенции» (руководитель: канд. пед. наук, доц. Елена Евгеньевна Макарова);

«Актуальные проблемы изучения текстов различных типов» (руководители: канд. филол. наук, доц. Марина Геннадьевна Швецова, Светлана Михайловна Бушмелева);

«Структурно-семантические и функциональные аспекты языка» (руководитель: канд. филол. наук, доц. Галина Германовна Буторина);

«Семантические аспекты языка» (руководитель: канд. филол. наук, доц. Вера Александровна Ситникова);

«Проблемы перевода» (руководитель: канд. филол. наук, доц. Нина Васильевна Шамова);

«Семиотические и стилистические аспекты языка» (руководители: канд. филол. наук, доц. Ольга Евгеньевна Загриева, ст. преп. Ольга Викторовна Чупракова).

Всего на конференции было представлено более 60 докладов о результатах научных исследований. Наибольший интерес вызвали доклады «Денормализация национального языка под влиянием мультикультурализма (на материале немецкого языка)» А. В. Соколовской, ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет», Санкт-Петербург; «Учебная деятельность студентов медицинского вуза по освоению языковой компетенции» Н. В. Огородниковой, ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», г. Киров; «Коммуникативный подход и когнитивные стили учащихся как основа индивидуализированного обучения иностранному языку» М. А. Колеватовой, ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», г. Киров; «Управление учебными взаимодействиями младших школьников на уроках иностранного языка» А. А. Куд-

ряшовой, ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», г. Киров; «Анализ опыта обучения письменному поэтическому творчеству на занятиях по иностранным языкам в вузе» Е. Н. Шустовой, ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», г. Киров; «Учебно-предметные действия обучающихся при овладении коммуникативно-поисковым аудированием на иностранном языке» Е. Н. Владимировой, ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», г. Киров; «Сходства и различия американской и британской пунктуации на примере двух циклов произведений Роулинг и Кинга» Э. И. Шагиахметовой, ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», г. Киров; «Языковая игра в кинематографе и проблемы её перевода» П. А. Михайлова, ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», г. Киров; «Парцелляция как один из важных элементов экспрессивного синтаксиса в немецком художественном произведении» О. А. Шавриной, ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», г. Киров; «Анафора как средство выразительности во французском политическом дискурсе» Д. А. Тарасова, ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», г. Киров; «Классификация каламбуров и проблемы их перевода» М. В. Бажан, ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», г. Киров; «Особенности перевода диалогов в кинофильмах» И. И. Загарских, ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», г. Киров.

Конференция завершилась круглым столом, на котором были подведены итоги мероприятия и награждены дипломами авторы лучших докладов. На заключительном заседании также подведены итоги научно-исследовательской работы студентов факультета лингвистики за год: отмечены участники и победители международных, общероссийских, региональных, общеуниверситетских мероприятий.

По материалам конференции подготовлен сборник материалов «Язык, личность, деятельность: взгляд молодых исследователей». Результаты мероприятия отражены на сайтах Вятского государственного гуманитарного университета и Ассоциации учителей английского языка Кировской области.

*С. А. Бояринцева,
координатор проекта,
доцент по кафедре английского и немецкого
языков и методики обучения
иностранному языку ВятГГУ*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАРАМЗИНА Ольга Николаевна – соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: olga-baramsina@yandex.ru

БАРАНОВ Евгений Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН. 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16.

E-mail: eubaranov@yandex.ru

БАРАНЦЕВА Дарья Александровна – аспирант кафедры культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: barantseva.dare@yandex.ru

ВИНОКУРОВА Надежда Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре социальной работы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: sozrabota@vshu.kirov.ru

ВОЛКОВ Тимофей Александрович – аспирант кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. 01601, Украина, г. Киев, ул. Владимирская, д. 60.

E-mail: timofey_volkov1987@mail.ru

ВТЮРИНА Татьяна Анатольевна – ассистент кафедры практической психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: vttanja@gmail.com

ГАШЕВА Наталия Николаевна – доктор культурологии, доцент, профессор по кафедре культурологии Пермского государственного института искусства и культуры. 614000, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», д. 18.

E-mail: gasheva2010@yandex.ru

ДВОЙНИШНИКОВА Юлия Михайловна – соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: Jdvoinishnikova@gmail.com

ЕГОШИНА Юлия Анатольевна – соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: invicta.russia@gmail.com

ИВОНИНА Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры предпринимательского права Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 30.

E-mail: ivonini@rambler.ru

КАЛИНИН Сергей Иванович – доктор педагогических наук, доцент по кафедре математического анализа и методики обучения математике ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: Kalinin_gu@mail.ru

КАНИН Евгений Степанович – кандидат педагогических наук, профессор.

E-mail: mr.kanin@yandex.ru

КНЯЗЕВА Татьяна Николаевна – доктор психологических наук, профессор по кафедре общей психологии Нижегородского государственного педагогического университета. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.

E-mail: tnknyazeva@mail.ru

КОРШУНКОВ Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: vla_kor@mail.ru

КРАШЕНИННИКОВА Юлия Андреевна – кандидат филологических наук, зав. сектором фольклора Института языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН. 167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26.

E-mail: krashennnikova@rambler.ru

КРУТЬКО Сергей Александрович – аспирант кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. 01601, Украина, г. Киев, ул. Владимирская, д. 60.

E-mail: sergey1krutko@gmail.com

КУСТОВА Елена Витальевна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

ЛОБАНОВ Сергей Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и общественных наук Пермского государственного института искусства и культуры. 614000, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», д. 18.

E-mail: sdl-grey54@yandex.ru

МАТАНЦЕВА Татьяна Николаевна – кандидат психологических наук, доцент по кафедре общей и специальной психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: tatiana.matantsewa@yandex.ru

МИХАЛЕВ Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, и. о. ученого секретаря Института истории и археологии УрО РАН. 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16.

E-mail: n.mikhalev@mail.ru

МОСКВИН Артём Сергеевич – аспирант кафедры культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: art.moskvin@gmail.com

НИЗОВЦЕВА Светлана Григорьевна – младший научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН. 167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26.

E-mail: svetlananiz@mail.ru

ОРДИНА Ольга Николаевна – кандидат юридических наук, доцент по кафедре административного права Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 30.

E-mail: ordinolga@yandex.ru

ОСТАНИНА Ольга Александровна – доктор философских наук, профессор по кафедре философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: philosophy.vshu.kirov.ru

ПОЗДЕЕВ Вячеслав Алексеевич – доктор филологических наук, профессор по кафедре русской и зарубежной литературы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: slava@pozd.kirov.ru

ПЬЯНКОВ Степан Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН. 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16.

E-mail: kliostefan@mail.ru

РОЗУВАН Алексей Михайлович – декан юридического факультета ВятГГУ, заслуженный юрист РФ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: rozuvan@vshu.kirov.ru

РЫЧКОВА Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: olga.rychkova@mail.ru

СИДОРINA Елена Валерьевна – ассистент кафедры общей психологии Нижегородского государственного педагогического университета. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.
E-mail: negina.ev@mail.ru

СМЕТАНИНА Зоя Викторовна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре русского языка ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: zoyasmetanina@gmail.com

СМИРНОВ Михаил Александрович – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: VKKOP@yandex.ru

СОКОЛОВА Анна Николаевна – старший преподаватель кафедры математического анализа и методики обучения математике ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: junell@inbox.ru

СТЕРЛЕДЕВ Роман Константинович – доктор философских наук, доцент по кафедре философии и биоэтики Пермской государственной медицинской академии им. ак. Е. А. Вагнера. 614000, г. Пермь, ул. Петропавловская, д. 26.
E-mail: cenzia@rambler.ru

СТЕРЛЕДЕВА Тамара Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент по кафедре философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета. 614990, Пермский край, г. Пермь – ГСП, Комсомольский проспект, д. 29.
E-mail: cenzia@rambler.ru

СУЧКОВ Андрей Викторович – старший следователь следственного отделения Кировского ЛО МВД России на транспорте, майор юстиции, соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 610002, г. Киров, ул. Горького, д. 67.
E-mail: ansuchkov@rambler.ru

ШАКИН Сергей Александрович – аспирант кафедры философии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

ШАХМАТСКАЯ Полина Александровна – библиотекарь 2-го разряда Национальной библиотеки Республики Коми. 167000, г. Сыктывкар, ул. Советская, д. 13.
E-mail: ms.polina1989@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BARAMZINA Olga Nikolaevna – Postgraduate student of the Department of state law disciplines in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: olga-baramsina@yandex.ru

BARANOV Eugene Yurjevich – Candidate of History, Department of Economic History of the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 620990, Moscow, 16 Sofia Kovalevskaya str.

E-mail: eubaranov@yandex.ru

BARANTSEVA Daria Aleksandrovna – Postgraduate student of the Department of Cultural and advertising in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: barantseva.dare@yandex.ru

VINOKUROVA Nadejda Vasilyevna – Candidate of pedagogical sciences, associate professor in the department of social work in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: sozrabota@vshu.kirov.ru

VOLKOV Timofey Aleksandrovych – the graduate student of the department of modern and contemporary history of foreign countries of the Taras Shevchenko national university of Kyiv. 01601, Ukraine, Kyiv, 60 Vladimirska str.

E-mail: timofey_volkov1987@mail.ru

VTYURINA Tatiana Anatolyevna – assistant in the department of practical psychology in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: vttanja@gmail.com

GASHEVA Natalia Nikolaevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Cultural of the Perm State Institute of Art and Culture. 614000, Perm, 18 Gazety “Zvezda” str.

E-mail: gasheva2010@yandex.ru

DVOINISHNIKOVA Yuliya Mikhailovna – Postgraduate student of the Department of state law disciplines in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: Jdvoinishnikova@gmail.com

EGOSHINA Yuliya Anatolyevna – Postgraduate student of the Department of state law disciplines in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: invicta.russia@gmail.com

IVONINA Elena Viktorovna – Senior teacher of the Chair of Business Law of Volgo-Vyatsky Institute (Branch) of Moscow State University of Law named after O.E.Kutafin. 610000, Kirov, 30 Moscow str.

E-mail: ivonini@rambler.ru

KALININ Sergey Ivanovich – Doctor of pedagogical sciences, associate professor in the department of mathematical analysis and methods of teaching mathematics in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: Kalinin_gu@mail.ru

KANIN Eugene Stepanovich – Candidate of pedagogical sciences, professor.

E-mail: mr.kanin@yandex.ru

KNYAZEVA Tatiana Nikolaevna – Doctor of Psychology, professor in the department of general psychology of Nizhny Novgorod State Pedagogical University. 603950, Nizhny Novgorod, 1 Ulyanov str.

E-mail: tnknyazeva@mail.ru

KORSHUNKOV Vladimir Anatolyevich – candidate of history, associate professor of the department of general history in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: vla_kor@mail.ru

KRASHENINNIKOVA Yuliya Andreevna – Candidate of Philological Sciences, Head of Folklore Sector in Institute of Language, Literature and History, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 167000, Syktyvkar, 26 Communisticheskaya str.

E-mail: krasheninnikova@rambler.ru

KRUTKO Sergey Alexandrovych – the graduate student of the department of modern and contemporary history of foreign countries of the Taras Shevchenko national university of Kyiv. 01601, Ukraine, Kyiv, 60 Vladimirskaya str.

E-mail: sergey1krutko@gmail.com

KUSTOVA Elena Vilaljevna – candidate of history, associate professor of the department of native history in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

LOBANOV Sergey Dmitrievich – doctor of philosophy, professor, head of department of philosophy and social sciences of the Perm state institute of art and culture. 614000, Perm, 18 Gazety “Zvezda” str.

E-mail: sdl-grey54@yandex.ru

MATANTSEVA Tatiana Nikolaevna – candidate of psychology, assistant professor in the department of general and special psychology in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: tatiana.matantseva@yandex.ru

MIKHALEV Nikolay Anatolievich – Candidate of History, acting academic secretary of the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 620990, Moscow, 16 Sofia Kovalevskaya str.

E-mail: n.mikhalev@mail.ru

MOSKVIN Artem Sergeevich – Postgraduate student of the Department of Cultural and advertising in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: art.moskvin@gmail.com

NIZOVTCEVA Svetlana Grigoryevna – associate researcher of Folklore Sector in Institute of Language, Literature and History, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 167000, Syktyvkar, 26 Communisticheskaya str.

E-mail: svetlananiz@mail.ru

ORDINA Olga Nikolaevna – Candidate of Law, associate professor in the department of administrative law of Volgo-Vyatsky Institute (Branch) of Moscow State University of Law named after O. E. Kutafin. 610000, Kirov, 30 Moscow str.

E-mail: ordinolga@yandex.ru

OSTANINA Olga Alexandrovna – doctor of philosophy, professor in the Department of Philosophy and Sociology VyatGGU 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: philosophy.vshu.kirov.ru

POZDEEV Vyacheslav Alekseevich – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: slava@pozd.kirov.ru

PIJANKOV Stephan Alexandrovich – candidate of history, department of economic history of the Institute of history and archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 620990, Moscow, 16 Sofia Kovalevskaya str.

E-mail: kliostefan@mail.ru

ROZUVAN Aleksey Mikhaylovich – dean of the faculty of law in VSHU, Honored lawyer of RF. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: rozuvan@vshu.kirov.ru

RYCHKOVA Olga Vladimirovna – candidate of history, associate professor of the department of general history in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: olga.rychkova@mail.ru

SIDORINA Elena Valeryevna – assistant in the department of general psychology of Nizhny Novgorod State Pedagogical University. 603950, Nizhny Novgorod, 1 Ulyanov str.
E-mail: negina.ev@mail.ru

SMETANINA Zoya Viktorovna – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of Russian language in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: zoyasmetanina@gmail.com

SMIRNOV Mikhail Alexandrovich – Postgraduate student of the Department of Native History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: VKKOP@yandex.ru

SOKOLOVA Anna Nikolaevna – Senior teacher in the department of mathematical analysis and methods of teaching mathematics in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: junell@inbox.ru

STERLEDEV Roman Konstantinovich – doctor of philosophy, professor in the department of philosophy and bioethics Perm state medical academy. 614000, Perm, 26 Petropavlovskaya str.
E-mail: cenzia@rambler.ru

STERLEDEVA Tamara Dmitrievna – Candidate of Philosophy, Associate professor in the department of philosophy and law of the Perm national research polytechnic university. 614990, Perm, 29 Komsomol av.
E-mail: cenzia@rambler.ru

SUCHKOV Andrey Viktorovich – senior investigating officer, major of justice. 610002, Kirov, 67 Gorkogo str.
E-mail: ansuchkov@rambler.ru

SHAKIN Sergey Alexandrovich – postgraduate student of the department of philosophy and sociology in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

SHAKHMATSKAYA Polina Alexandrovna – Librarian 2 nd category of the National Library of the Republic of Komi. 167000, 13 Syktyvkar, Sovetskaya str.
E-mail: ms.polina1989@mail.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 2(1)

Подписано в печать 24.05.2013 г.
Формат 60×84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Мysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,0. Тираж 1000. Заказ № 233.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674